

Е В Г Е Н И Й Ж А Р И Н О В

НАЦИЯ И СТАЛЬ

И С Т О Р И Я С Е М Ь И К Р У П П О В

Г И Т Р

Е В Г Е Н И Й Ж А Р И Н О В

НАЦИЯ И СТАЛЬ

И С Т О Р И Я С Е М Ь И К Р У П П О В

**МОСКВА
Г И Т Р
2 0 0 1**

ББК 63.3(2)

Ж 34

*· Печатается по решению Ученого совета
Гуманитарного института телевидения и радиовещания
им. М. А. Литовчина (ГИТРа)*

*Ответственный редактор — доктор филологических наук,
профессор В. А. Луков*

Жаринов Е. В.

Ж 34 **Нация и сталь (История семьи Круппов):** Монография;
Учебное пособие по курсу «Культурология» / Отв. редактор
В. А. Луков. — М.: Гуманитарный институт телевидения и
радиовещания им. М. А. Литовчина (ГИТР), 2001. — 415 с.; илл.
ISBN 5–94237–003–6

В книге доктора филологических наук, профессора Е. В. Жаринова собраны и проанализированы материалы, позволяющие нарисовать коллективный портрет Круппов, сыгравших исключительную роль в развитии сталелитейной промышленности Германии и одновременно в развязывании нескольких войн. Мастерски обрисованы характеры представителей разных поколений знаменитой немецкой династии «стальных королей», исследуется менталитет немецкой нации. Нация и сталь — лейтмотив книги, позволяющий связать ее разнообразный, нередко сенсационный материал в единое целое. Книга может использоваться как учебное пособие по курсу «Культурология».

ББК 63.3(2)

ISBN 5–94237–003–6

© ГИТР, 2001.

© Е. В. Жаринов, 2001.

*Эта книга посвящается
Олегу Александровичу
БЕЛЯКОВУ,
без чьего участия она бы
просто не увидела свет*

О, Германия, бледная мать!
Сидишь среди народов
Вся вываленная в дерьме,
Среди изгаженных
Самая грязная.

Б. Брехт. Германия

Нацизм — это период, когда дух магии
овладел рычагами материального прогресса...
Историк рассудителен, а история — нет.

Pauwels et Bergier.

Le matin des magiciens

И если рождаются такие чудовища, надо
полагать, что это творения природы, хотя
внешне они не отличаются от человека.

Paracelsus. De Homunculis

И еще раз скажу вам: не ждите слишком
много от конца света.

Stanislaw J. Lec. Aforyzmy

В 1914 году был убит эрцгерцог Австрийский Франц Фердинанд. Вслед за ним в могилу сошла и вся старая Европа. Громкие старомодные титулы, безграничная империя, любимая супруга эрцгерцога, бесчисленные песчинки человеческих жизней — все было унесено в бездну безудержным потоком надвигающегося безумия.

Был Франц Фердинанд жесток, упрям как мул и не без легкого налета чванливой глупости потомственного аристократа. Именно убийцам эрцгерцог обязан своим бессмертием. Безумным и бессмысленным поступком своим террористам удалось снять с петель врата ада, и старый добрый мир в лице пухлого и тупого австрийского аристократа очутился лицом к лицу с самой всеильной Смертью. Франц Фердинанд оказался первым в очереди, первым в огромной веренице человеческих душ, которых уже давно ждали адские топки и престол небесный. Лишь это обстоятельство и позволило имени эрцгерцога навечно зацепиться за скрижали истории и не кануть в бездну забвения.

И все же, каждые похороны имеют свои неповторимые особенности. В конечном счете, смерть способна возвеличить даже дурака, тем более эрцгерцога, чья кончина явилась лишь прологом гибели целого мира.

Когда речь зашла о наследстве, то никто не знал, как следует поступить с охотничьим домиком Франца Фердинанда, расположенном недалеко от Верфена. В течение четырех столетий этот охотничий домик, а на самом деле огромная вилла, был родовым гнездом для всех архиепископов Зальцбурга, при дворе одного из которых в качестве капельмейстера служил отец Моцарта. Однако постепенно власть в Зальцбурге стала светской, и легкий перестук священничес-

ких четок сменился ясным и бодрым лязганьем замков охотничьих ружей. Франц Фердинанд помимо прочих слабостей страдал почти маниакальной страстью к охоте. Бродя с ружьем по окрестным лесам, он собрал, может быть, самый большой охотничий трофей во всей Европе. Почти со всех стен восьмидесяти залов и комнат виллы глядели на посетителей застывшим взором стеклянных глаз мертвые головы оленей, волков, медведей, а также чучела зайцев, белок, сов, куропаток. Эрцгерцог словно заранее устилал путь всеильной Смерти трупами невинного зверья.

После кончины Франца Фердинанда сентиментальные жители Вены от всей души желали, чтобы новый владелец Блюмбаха смог бы по достоинству оценить уникальную коллекцию. Судьба сама разрешила все тяжелые сомнения сентиментальных венцев. Густав Крупп фон Болен унд Гальбах фон Эссен, что из соседней Германии, как никто другой подходил на роль нового хозяина опустевшей виллы. Уж в чем в чем, а в оружии Круппы толк знали, равно как и в Смерти.

К этому времени Густав Крупп был всемирно известен как пушечный король. Семья искала себе новую загородную резиденцию подальше от пропахших гарью и дымом долин родного Рура. Круппам вилла понравилась. Из окон были видны вершина Альп, где, по преданию, в одной из пещер покоился прах великого императора Фридриха Барбароссы. Народная молва утверждала, что император лишь спит, и стоит стае черных воронов закружиться с громким граем над его могилой, как повелитель выйдет из склепа, готовый вновь защитить свой милый сердцу Фатерлянд.

Когда Густав Крупп покупал Блюмбах, то он и представить себе не мог, что вкладывает деньги с собственную гробницу. Но именно это и произошло ровно через тридцать один год. Теперь по прошествии трех десятилетий глава рода лежал без движения, парализованный, не подавая никаких признаков жизни, и точно так же посреди всей Европы в конце второй мировой войны лежала в грязи и нечистотах разлагающаяся, как труп, Германия.

Со всех стен в комнате Густава смотрели на беспомощного старика чучела животных. Страшный круг событий теперь замыкался, и петля времени, как змея, душила Густава Круппа тяжелыми воспоминаниями.

Кроме чучел, в комнате парализованного старика никого больше не было. Во всяком случае так могло показаться при беглом взгляде на все происходящее. Однако внимательный взор обязательно остановился бы на еще двух бледных человеческих фигурах, затерявшихся в полумраке. Одна из этих бледных фигур явно при-

надлежала престарелой женщине, а другая — молодому мужчине. Это были мать и сын. Из семи детей старика (пяти сыновей и двух дочерей) лишь тридцатидвухлетний Бертольд смог оказаться в данный прискорбный час у постели отца. Еще за двенадцать лет до описываемых событий Густав Крупп решил, что император Барбаросса все-таки воскрес под именем Адольфа Гитлера, и это решение оказалось катастрофическим как для самой семьи, так и для всей Германии. Фюрер в своей книге «Mein Kampf» всю юность страны сравнивал с крупповской сталью, и за это приходилось платить собственными детьми. Бертольд уцелел лишь потому, что, получив образование в Оксфорде, он считался выдающимся ученым, которого вермахт специально направил в Мюнхен заниматься созданием пенициллина, столь незаменимого на войне.

Другой человеческой фигурой в этой мрачной комнате была самая знаменитая женщина Третьего Рейха. Ее звали Берта Крупп. Когда Берта была совсем молодой, Кайзер Вильгельм II считался чуть ли не членом семьи Круппов. В поместье Хёгель, что в Эссене, ему были отведены особые покои. Кайзер присутствовал и на бракосочетании Берты, и на крестинах, милостиво возложив на себя обязанность быть крестным отцом старшего сына этой преданной, несгибаемой и вечно прямой, как свеча, женщины, которая по праву могла бы считаться супругой тевтонского рыцаря прошлых эпох. Но была эта женщина известна не только в Германии. Во Франции, Англии, а затем и в России простые солдаты надолго запомнили нежное женское имя супруги Густава, когда их окопы накрывали тяжелые снаряды огромной мортиры, выплавленной на заводах Круппа. Большая Берта, или просто Толстуха — так называли грозное орудие солдаты. На тот свет оно унесло немало жизней тех, кого считали *la chair à canon* (пушечным мясом).

Во время второй мировой войны имя Берты было присвоено и одному заводу в Силезии, занимавшуюся сборкой знаменитых автоматов системы Шмайсер. На Бертаверке работали в основном заключенные из Освенцема. Впрочем, и сам завод располагался на территории знаменитого лагеря смерти. Как утверждал один из свидетелей на Нюрнбергском процессе, из «окон завода были отчетливо видны печи крематория и газовые камеры». Черный дым уносил с собой тысячи и тысячи жизней тех, кто не способен был собирать лучшие в мире немецкие автоматы.

Мерное перестукивание святых четок в имении епископов Зальцбурга к середине XIX века сменилось не только пальбой охотничьих ружей, но и взрывами снарядов Большой Берты, а так-

же оглушительным шумом бушующего пламени топок крематория под неумный аккомпанемент лязганья затворов немецких автоматов. Недаром немцы считаются создателями классической музыки. Такому крещендо мог позавидовать и сам Вагнер: для мира эта музыка Круппа звучала куда выразительнее и зловеще, чем даже знаменитый «Граурный марш» из «Гибели богов».

Круппы всегда любили Смерть, и Смерть любила Круппов. Она щедро награждала их род за самозабвенную преданность и верную службу. И хотя в истории этой семьи было немало взлетов и падений, Смерть всегда помогала им вновь сделать деньги и своей костлявой рукой подсаживала очередного представителя славного рода в седло своего бледного тощего скакуна из Апокалипсиса художника Дюрера.

Именно в эпоху Дюрера и появился в Германии первый представитель рода Круппов. Его звали Арнд, и про его предков не было известно ровным счетом ничего. Многие биографы пытались вывести саму фамилию Круппов от некоего датчанина Кроппен, или Кроп, который жил в низовьях Рейна. Первые упоминания этого имени относятся к 1485, 1522 и 1566 годам. Но эти связи весьма сомнительны, и мы не можем с уверенностью сказать, что некий датчанин Кроппен, или Кроп является истинным отцом Арндта, патриарха династии.

Предание утверждает, что первый из Круппов в один прекрасный день вышел из леса где-то в окрестностях города Эссена как раз в тот момент, когда повсюду властвовала Чума, или Черная Смерть, от которой никому не было спасения. Эссен в ту эпоху был типичным средневековым городом, в котором ценился даже самый маленький клочок земли. Жизнь протекала в основном на центральной площади, где до сих пор можно видеть здание старой ратуши и готического собора, построенного еще в XII веке. В эпоху, когда здесь впервые появился Арнд Крупп, все выглядело иначе. Дома, словно пьяные, облокачивались друг на друга, а пространство немощеной площади занимали торговые ряды. Несмотря на высокие стены, по городу ночамичастенько разгуливали голодные волки, которые заживали сюда из соседнего леса. Ночь, вообще, считалась в ту эпоху временем царства всесильного страха. Городской герольд перед закатом солнца обязательно возвещал о наступившем комендантском часе, и с этой поры лишь отчаянный человек или самоубийца отваживался оставить свой теплый домашний очаг и выйти на улицу. Ни один горожанин ни за что на свете не осмелился бы открыть ставни

или, чего доброго, дверь, даже если с улицы доносился душераздирающий вопль. Добропорядочные бюргеры предпочитали сидеть у очага, с облегчением вздыхая каждый раз, когда доносился с улицы звук колотушки сторожа и его протяжное: «Молись за усопших!»

Но воры и волки были еще не самым страшным злом средневекового Эссена. Город можно было смело сравнить с огромной свалкой. Жители и представить себе не могли, что нечистоты нельзя выплескивать прямо из окон на головы прохожих, а в Страстную Пятницу добропорядочные бюргеры частенько устраивали погромы, и тело какого-нибудь еврейского менялы еще долго могло гнить в углу городской стены, пока его не съедали волки. Ужасный, удушливый запах распространялся повсюду, и лишь очень богатые семьи пытались бороться с этими зловониями с помощью разбросанных по дому лепестков роз и лаванды.

Чума много раз посещала Эссен за историю существования этого города, и у горожан выработались определенные привычки и правила поведения. Если больной обнаруживался в одном из домов, то это жилище наглухо заколачивали, представляя его обитателям право гнить заживо. Некоторые, обнаружив признаки бубонной чумы у себя под мышками, начинали в отчаянии вести себя как настоящие маргиналы, насилюя женщин и совершая бессмысленные убийства. А по ночам лишь скрипели телеги, груженные трупами, да пьяные добровольцы сваливали в одну кучу обнаженные тела покойников.

Но в тот злополучный год смерть разыгралась не на шутку и косила уже всех без разбору. Началось повальное бегство жителей из города. Никто уже не надеялся отсидеться за дверями своих жилищ. Как утверждают хроники, «улицы напоминали кладбища, на которых тела забыли предать земле, и не с кого уже было спросить за эту оплошность». Казалось, что конец света должен был наступить с минуты на минуту. День за днем по улицам Эссена брели в никуда толпы оцепеневших от страха людей. Горожане покидали свои дома, закрывали лавки и уходили в поля, монастыри — молиться о спасении души. Но и монастырские стены не могли укрыть от всеильной чумы. Хроники утверждают, что в одном из монастырей, расположенных по соседству с Эссенем, монаху пришлось за короткий срок предать земле настоятеля и всю братию, причем были дни, когда могилу приходилось рыть сразу для троих. Наконец, монах остался совсем один. Его сопровождал лишь верный пес, с которым несчастный и покинул опустевшую обитель,

рассчитывая, что конец света настигнет его прямо на дороге. Заранее рыть для себя могилу он не захотел. Так они и бродили, собака и человек, неприкаянные и ненужные ни миру живых, ни миру мертвых. Из «бродячих» был и «патриарх» рода Круппов таинственный Арндт. Он вышел из леса и появился у врат зачумленного города как раз в тот момент, когда во Франкфурте-на-Майне вышли из печати первые народные сказания о знаменитом докторе Фаусте, продавшем свою душу дьяволу. В этом сказании говорится, что Фауст был крестьянский сын, очень способный, попавший в дом состоятельного родственника, а затем посланный в университет. Получив степень магистра, он оказался в дурном обществе, увлекся магией и, наконец, вызвал дьявола, с которым заключил договор; дьявол обязался служить молодому человеку 24 года.

Как бы там ни было, а первый из рода Круппов словно не боялся смерти, словно был заговорен от нее, словно имел очень влиятельного покровителя. Когда все в страхе бежали из города, лишь Арндт Крупп бродил по улицам степенно и неторопливо, скупал за бесценок дома, амбары и утварь: кому нужна была эта рухлядь, если скоро весь мир должен был кануть в небытие. Арндт словно знал что делает, казалось, карман пришельца прожигал странный договор, гарантировавший ему как минимум еще 24 года жизни, даже несмотря на конец света.

Но вот минул канун нового века, а конец света так и не наступил. Потихоньку жители стали возвращаться в город. Они шли к Арндту, чтобы выкупить свои родовые гнезда. Отложенный конец света поднял цену ровно в три раза. Сделка со смертью принесла Арндту столько денег, что их хватило еще пяти поколениям семейства Круппов.

Как и какие разговоры и, главное, с кем вел Арндт в опустевшем городе — нам неизвестно, но конец света пришлось отодвинуть на неопределенный срок: договор есть договор. Нужно сказать, что тайна всегда окутывала историю этого рода плотной завесой. Круппы любили создавать иллюзии, любили обманывать ожидания публики. Нечто подобное произошло и в 1945 году, когда Густав, парализованный, лежал в своем доме и ждал, когда к нему явятся союзники, чтобы вести на суд. Для непрошенных гостей у Густава, главного из Круппов, был заготовлен сюрприз...

Теперь, в 1945 году, казалось, что почти безграничная власть Круппов подошла к концу. В течение четырех сотен лет своего существования династия сумела пережить приступы безумия, скандал и обвинения в сексуальных извращениях, унижение военной оккупа-

ции и даже банкротство, но ничто не могло сравниться с теми новыми бедами, которые стужались над головой семьи в связи с гибелью Третьего Рейха. Вагнеровские сумерки нависли над всей Германией. Пророчество Генриха Гейне, казалось, сбывалось прямо на глазах: цивилизация стояла на краю гибели, и все дрались против всех. Еще в то время, когда Берта была совсем юной и когда ничего не предвещало беды, мать будущей хозяйки дома Круппов Маргарита фон Энде Крупп сказала как-то: «Знаешь, иногда я испытываю страх, когда вижу, как много принадлежит нашей семье и как обласканы мы милостью кайзера... Этого всего слишком, слишком много, дорогая... В своих кошмарах я вижу, как в один прекрасный день все, чем мы владеем, превращается в прах...» Но даже Маргарет не могла себе представить всю меру потери и унижения, которые предстояло пережить ее родственникам. Из столицы по радио Геббельс неустанно повторял: «Берлин останется немецким! Вена вновь будет принадлежать Германии!» Но с каждым часом становилось ясно, что Австрия навсегда сбросила с себя униформу солдата вермахта. Шесть месяцев прошло с тех пор, как генерал Гёдель сделал запись в дневнике: 28 сентября — «Черный день». Сейчас, в апреле, все дни казались черными, как ночь. Эссен пал. Сестра Берты, которая всегда считала Гитлера парвеню, выскочкой, была схвачена гестапо по обвинению в участии в заговоре против фюрера. Деверь Берты оказался в концентрационном лагере по той же причине. Сын деверя остался лежать в снегах России, племянник гнил на дне Атлантики: по иронии судьбы он находился на британском судне, собираясь благополучно доплыть до Канады в качестве военнопленного, когда корабль торпедировала немецкая подводная лодка, собранная на заводах Круппа. А три сына несгибаемой Берты, храбрые офицеры рейха, без следа сгинули на полях сражений. Клаус, служивший в Люфтваффе, погиб еще в 1940 году, Геральд был захвачен в плен в Бухаресте русскими, а Экберт, младший, совсем недавно погиб в Италии. И теперь в Блюнбахе Берте приходилось играть роль простой сиделки, убирая за парализованным мужем грязные простыни и ночную утку.

«О, Ach, mein Gott! — еле слышно произнес парализованный старик. — Берта! Берта!» Мать и сын вышли из темноты и приблизились к больному. Где-то в доме с грохотом захлопнулась массивная дверь, что вызвало приступ гнева хозяина дома: «Donnerwetter!» Этот разбитый параличом старик, который нарек своим именем тяжелое орудие, громившее укрепления русских в Севастополе, терпеть не мог шума и беспорядка.

По иронии судьбы именно паралич стал пиком всей жизни Густава, пытавшегося регламентировать свое поведение и поведение всех членов семьи. Он словно стремился заковать себя в непроницаемую броню порядка, и вот теперь Бог и Природа действительно сковали все движения старика лучше всякого искусственного панциря или правил.

Всю свою жизнь Густав был не чем иным, как пародией на негибавшего прусского офицера. Так, чтобы закалить себя и не чувствовать холода, он всегда поддерживал низкую температуру в своем офисе в поместье Хёгель. Зимой она не превышала 10°C. Берта занималась делами благотворительности в этом же кабинете и обычно разбирала бумаги вместе с мужем. На ней всегда была надета теплая шуба. Обеды в Хёгеле были строго регламентированы. Густав был уверен, что есть надо мало и очень быстро. Некоторые гости, незнакомые с подобными правилами, вспоминали, что стоило им попытаться занять хозяина дома разговором, как тут же лакеи уносили их тарелку. «У Круппов нельзя было зевать, — заметил как-то один из посетителей, — а иначе вы рисковали вместо мяса прикусить собственный язык». Густав сам достиг заметного совершенства по части быстрой еды. Он считал застольные разговоры напрасной тратой времени.

Можно сказать, что безукоризненный порядок был единственной религией старшего Круппа. Одним из его странных пристрастий было параноидальное желание внимательно изучать расписания поездов. Причем в этих расписаниях он вычитывал в основном типографские ошибки и опечатки. Когда удача улыбалась Круппу и опечатка была найдена, то всемогущий магнат незамедлительно набирал номер телефона и разносил начальника железной дороги за допущенную оплошность. Покидая дом, Густав каждое утро требовал, чтобы мотор в автомобиле уже работал на холостом ходу. Собираясь он молниеносно, дабы не расходовать понапрасну бензин.

Все знали, что в 10 вечера в своем поместье Хёгель Густав всегда отправляется к себе в спальню. Лакей уже в 9.45 обычно склонялся над ухом гостя и шепотом предупреждал его, что пора оставить хозяина в покое.

В своих отношениях с внешним миром Густав поражал своей лояльностью по отношению к любой власти в стране. Почитание начальства для Густава, как и для любого истинного немца, считалось чуть ли не священной обязанностью. Круппу даже не важно было, кто стоял у руля Власти. Когда кайзер отправился в изгнание в 1918 году, то Густав остался ему предан и каждый год на день рож-

дения посылал в Дрон поздравительные письма, уверяя бывшего правителя в своей преданности и любви. Говорят, что стоило кому-то непочтительно высказаться в адрес президента Веймарской республики, столь презируемой в народе, Густав тут же вставал и покидал комнату в знак протеста. Власть, даже слабая и плохая, была для него воплощением святости. С приходом Гитлера Густав сразу же стал самым преданным его сторонником и даже был удостоен клички «обернацист». Крупп был готов принять вместе со своей слепой верой в фашизм даже самые ужасные последствия, которые неизбежно должны были обрушиться на голову преданного промышленника. Так, когда самолет Клауса, сына Густава и Берты, был сбит, то один из друзей семьи предложил совершить обмен военнопленными. Однако непреклонный «обернацист» коротко ответил: «Мой сын почтет за честь умереть, сражаясь за фюрера!»

Союзники знали, что Густав фанатично предан Гитлеру, что он с гордостью носит партийный золотой значок. И пока этот разбитый параличом старик стонал и ругался в темной комнате в своем поместье Блюнбах, агенты разведок стран-победительниц безуспешно искали его по всей освобожденной Европе как одного из самых страшных военных преступников. Имя Густава Круппа стояло рядом с именами Геринга и Риббентропа в списке разыскиваемых наци. Главе дома грозил арест. Однако с подобными неприятностями Густав уже сталкивался. Нечто подобное с ним уже произошло после первой мировой войны, когда имя Густава шло сразу же за именем кайзера Вельгельма. Их обвиняли в развязывании мировой бойни. И когда в 1923 году Франция оккупировала Рур, могущественного Круппа впервые в жизни отправили за решетку. Но сейчас союзники были настроены куда решительнее. Теперь они собирались вздернуть немощного старика на виселице, которую уже сколачивали для публичной казни в Нюрнберге. Полное досье на все преступления Густава находилось в спецслужбах каждой союзной армии с грифом «совершенно секретно». И каждый из союзников хотел первым схватить паралитика.

Однако во всем этом деле было немало темных и неясных мест. И прежде всего эти неясности начинали давать знать о себе, как только речь заходила о личности самого Густава Круппа. Во-первых, как бы человек ни старался следовать даже самым строгим правилам, он все равно остается человеком, то есть явлением исключительным и непредсказуемым. И, во-вторых, сколь долго ни играй в своей жизни чужую роль, а побыть хоть на мгновение самим собой рано или поздно, а захочется.

Так, в семейном кругу железного Густава звали просто — «Бычок» или «Сахарочек». На самом деле, когда приходилось снимать с себя ненавистную маску, глава дома оказывался застенчивым человеком, страдающим от огромного количества всевозможных комплексов, причиной одного из которых многие считали маленький рост короля пушек (Густав на целую голову уступал своей рослой супруге). В юности он хотел стать дипломатом и поэтому стремился приобрести внешний лоск и хорошие манеры.

В течение сорока лет этот человек старался добросовестно играть роль негибкого главы прославленной династии. Густав выдавал себя за полновластного хозяина фирмы, и мир верил ему. Но на самом деле в фирме, в огромной крупповской империи лично Густаву не принадлежало ни одной акции. Этот человек всю свою жизнь участвовал в грандиозном маскараде, добровольно надев на себя маску хозяина, хотя даже к фамилии Круппов не имел по своему происхождению никакого отношения. Это имя он получил по милостивому разрешению кайзера лишь когда ему исполнилось тридцать шесть лет. Однако в апреле 1945 года союзникам было не до этих семейных тонкостей. Именно в Густаве они видели воплощение чуть ли не вселенского зла и причину всех людских бедствий. Из США к этому времени в Нюрнберг уже прибыл целый корпус первоклассных юристов. Машина правосудия начинала набирать обороты, и остановить ее уже не представлялось возможным. Американские войска добрались наконец до Блюмбаха и Густав, этот актер, сумевший обмануть весь мир, под усиленным конвоем был перевезен в небольшую гостиницу, находящуюся неподалеку от знаменитого охотничьего домика Франца Фердинанда.

Берта и здесь продолжала прислуживать своему больному мужу, хотя из них двоих она, стремящаяся всегда уйти в тень, была настоящим, а не фиктивным представителем семейства Крупп. В ее жилах, а не в жилах Густава текла кровь Арндта — знаменитого торговца эпохи Великой чумы.

Юристы продолжали изучать дело, и им понадобилось немало времени прежде чем они поняли, что арестовали не того человека. В гостинице под усиленной охраной находился не настоящий преступник, а разбитый параличом актер, который, на свою беду, слишком увлекся игрой и спутал реальность с вымыслом.

Тем временем настоящий Крупп, истинный владелец могущественной империи и нацистский преступник, продолжал разгуливать на свободе.

Чем глубже пытаешься погрузиться в семейные тайны Круппов, тем мутнее и непроницаемое становится вода.

Круппом по крови, то есть настоящим, а не поддельным представителем рода, могла считаться только Берта. Это она унаследовала от своего отца огромную промышленную империю, когда ей едва исполнилось шестнадцать. Но в пределах Фатерлянда было немислимым передать подобную власть в руки женщины. По этой причине Берте следовало срочно найти подходящего жениха. Таким женихом и стал Густав фон Болен унд Гальбах. Многие обстоятельства указывают на то, что сам кайзер Вильгельм принял активное участие в устройстве этого брака. Рука юной Берты Крупп была бесценным сокровищем и предметом исканий многих молодых людей из знатных военных семей, которые довольно часто стали появляться с визитами в поместье Хёгель. Но кандидатура Густава фон Болена унд Гальбаха оказалась предпочтительнее всех, и с легкой руки кайзера Вильгельма молодому человеку после женитьбы следовало именовать себя: Густав Крупп фон Болен унд Гальбах. В народном же сознании длинное имя не прижилось и было сокращено до привычного и всем понятного имени Крупп. Так Густав и стал тем, чем он стал.

Однако кайзер подобной фамильярности никак не мог себе позволить и всегда называл супруга Берты исключительно как «мой милый фон Болен», словно давая понять Густаву, что для знаменитого рода он так и остался чем-то вроде приемного жениха.

Но кто же тогда был настоящим владельцем огромной империи, кто действительно мог считать себя Круппом и кто мог

возложить на свои плечи всю тяжесть ответственности за совершенные злодеяния?

В течение почти всей войны, когда тяжелые орудия на расстоянии свыше 134 миль сравнивали с землей английские города, находясь при этом на другом берегу Атлантики — заметим, что самим англичанам казалось, будто не орудийные снаряды сыплются на их головы, а бомбардировщики Люфтваффе, летящие на недосягаемой для радаров высоте, утюжат их города: такими тяжелыми и разрушительными были эти «подарки» семьи Крупп — так вот, в течение всего этого ужасного времени, когда заключенные Аушвица, а также бесчисленные рабы еще 138 лагерей смерти работали на процветание империи Круппа, когда сам Роберт Ротшильд, отказавшись подписать бумаги, передающие его французские заводы в распоряжение немецкой монополии, был тут же отправлен вместе с другими евреями в газовую камеру, в течение всей этой эпохи у руля власти стоял не Густав, а его старший сын по имени Альфред Феликс Олвин Крупп фон Болен унд Гальбах.

В соответствии с указом кайзера Вильгельма, изданного в 1906 году по случаю бракосочетания Густава и Берты, в будущих поколениях только старший представитель семьи по мужской линии мог именоваться: Крупп фон Болен унд Гальбах. Клаус, Бертольд, Геральд и Экберт, а также их сестры носили лишь имя своего отца: фон Болен унд Гальбах. Но даже Альфред не сразу получил право именовать себя Круппом. Это магическое имя было подобно короне, которой венчались на высшую власть, да оно само по себе было воплощением почти неограниченной власти. Если имя и есть миф, то для немцев Круппы были не менее значимы, чем для англичан король Артур или волшебник Мерлин. Такое сравнение представляется вполне правомочным, если учесть тот факт, что Круппы наиболее ярко проявили себя именно в эпоху фашизма, когда мистицизм и оккультизм стали воплощением политики целого государства и поисками Святого Грааля накануне второй мировой войны занимался сам фюрер.

Итак, нам известно, что Альфред не носил имени Крупп вплоть до 31 марта 1942 года, когда ему и суждено было встать во главе огромной фирмы, то есть сделаться Директором Директоров. Энергия и мощь Альфреда казались неисчерпаемыми, чем он очень напоминал своего прославленного деда, стараниями которого Круппы и получили негласный титул «Пушечные короли». По иронии судьбы, этот титул был закреплен за именем семьи в

1863 году благодаря небывалому заказу, который удалось заключить отцу Берты и деду Альфреда на сумму в миллион талеров. В роли же заказчика выступила Российская империя, когда во главе государства находился Александр II.

Военный заказ на такую астрономическую сумму всеми был воспринят как настоящая сенсация. О нем тут же прознали парижские газетчики и первые пустили в мир довольно необычное в то время словосочетание «Le Roi des Canons», которое тут же было подхвачено лондонскими изданиями, что еще прочнее закрепило новый титул, сделав его почти официальным. Это уже в XX веке будет привычно говорить «Король рок-н-ролла», «Король сцены», а в середине девятнадцатого, когда были живы еще все монархи мира, вряд ли считалось уместным такое тиражирование признака высшей власти. Но для Круппа было сделано исключение, тем более что он даже при самом пристальном рассмотрении и при самом фантастическом допущении, столь характерном для нашего пост-модерна, стремящегося смешать все явления в одну кучу, не имел ничего общего ни с Элвисом Пресли, ни с любым другим веселым и безобидным «королем» XX века. Круппы создавали Смерть, и она была вполне реальной, а следовательно, требовала и заслуживала уважения даже у самых высоких титулованных особ на пушках Людовика XIV было же выгравировано: «Последний довод королей». Этим доводом и снабжал почти все монаршьи дворы Европы отец Берты и дед Альфреда. Власть всегда любила Смерть и всегда благосклонно относилась к тем, кто ей помогал осуществить свою беззаветную любовь к разрушению.

Ирония заключалась в том, что если дед благодаря России вознесся на вершину власти, то внук благодаря той же России потерял почти все, словно повторив либретто колоссальной оперы Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга». Круг событий самым фантастическим образом замкнулся на этой огромной заснеженной стране, и знаменитый род, как и вся Германия, словно завершили очень важный и большой этап своей непростой и мистической истории.

Здесь требуется дать кое-какие пояснения. Известно, что до наполеоновских вторжений в Германии существовала целая россыпь неравноценных государств с разнородными традициями; в какой-то мере их объединяла мифическая духовная власть. По мнению исследователей, единое немецкое национальное сознание, «существенно не менявшееся в течение тысячелетий», жило ностальгией по всемирной миссии или верой в свое великое пред-

назначение. Такая атмосфера сделала Германию «самым излюбленным среди западных стран местом для всевозможных тайных обществ, цель которых была — усугубить внешнюю и внутреннюю дезорганизацию путем внедрения мощной оккультной власти.

Особенно ярко, по мнению тех же исследователей, эта тенденция проявилась на востоке, то есть на территории современной Пруссии. На побережье Балтийского моря и на окраине польско-русских лесов со времен раннего средневековья жили феодалы — бедные, героические, властные и независимые. Они возделывали скудную землю, но уже тогда баронам не давала покоя идея о «лебенсрауме» (жизненном пространстве). Территория славянских племен, территория будущей России и была той желанной целью, о достижении которой мечтали многие потомки древнегерманских воинов и тевтонских рыцарей. Это был вызов всеильной Судьбе, который по-настоящему суждено было бросить лишь в эпоху фашизма, поэтому Россия и сыграла столь судьбоносную роль как в истории самой Германии, так и в истории династии Круппов.

С положением незаконного наследника, лишённого магического имени Крупп, Альфред не мог мириться до бесконечности. Его энергия, его мощь казались неисчерпаемыми. Для всей корпорации Круппов он добился особых привилегий. Документы дают понять, что на заводах семьи трудились не только немцы, но и 68896 иностранных рабочих, 23076 военнопленных, 4978 узников концлагерей (в основном евреи). Получалось так, что Альфред был истинным и безграничным правителем Рура и в его руках оказалась жизнь 97952 рабов. Чего не хватало Альфреду, так это короны, которую он собирался получить любой ценой. Это желание подогревалось еще и тем, что в глазах нацистской элиты Альфред уже считался некоронованным королем знаменитой династии.

Парализованный Густав уже не мог удержать в своих дряхлеющих руках столь огромной власти. Настало время, когда ему следовало поделиться своим фамильным титулом «Крупп», впрочем, не зафиксированным ни в одной геральдической книге, со старшим сыном. По древней традиции один мужчина должен был управлять делами семьи. Но обстоятельства требовали отхода от устоявшихся правил. И в 1941 году Густав и Берта согласились, что все, что касается тяжелой индустрии, отныне перейдет в руки Альфреда при условии, что он немедленно разведется со своей юной женой. Этот брак относился к разряду нежелательных. Ради власти и короны Альфред пошел и на это. Власть и только власть была его истинной

страстью, его самой пылкой и искренней любовью. Поэтому 10 августа 1942 года Альфред, высокий, красивый, средних лет мужчина, который внешне очень походил на свою мать, решил на свой страх и риск появиться в подземном бункере в Восточной Пруссии, в котором располагалась ставка Гитлера. Этот визит был предпринят лишь для того, чтобы при поддержке самого авторитетного в государстве человека официально уладить вопросы династической преемственности. Еще с юности Альфред был искренне предан фюреру. Крупп был абсолютно уверен, что в ставке ему окажут теплый прием, тем более что перед 10 августа 1942 года ему удалось заранее списаться с Мартином Борманом и Гансом Лемерсом, нацистским оракулом. Следует сказать, что в Третьем Рейхе не делалось ничего без ведома астрологов и других специалистов в области оккультизма. В наше время появилось немало книг, в которых говорится о власти магических культов в нацистской Германии. Это во многом объяснялось личностью самого Гитлера. Судя по всему, еще задолго до прихода к власти он был расположен ко всякого рода мистицизму. Об этом говорит хотя бы следующий факт из биографии. В далеком 1912 году некий венский студент Вальтер Йоханнес Штайн разыскал в оккультной книжной лавке старого квартала Вены экземпляр знаменитого рыцарского романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», где речь шла о поисках Святого Грааля. Эта книга содержала в себе многочисленные пометки и комментарии к тексту, интерпретирующие эпическую поэму как испытание посвященных, открывающее им путь к достижению трансцендентных вершин сознания. Интерпретация сопровождалась множеством примеров из восточных религий, алхимических трактатов, из астрологии и мистицизма. Штайн также отметил, что через весь комментарий проходит тема расовой ненависти и пангерманского фанатизма. Имя, написанное на внутренней стороне книжной обложки, указывало на то, что ее прежним владельцем был Адольф Гитлер. Любопытство Штайна было сильно возбуждено, и он вернулся в лавку для того, чтобы расспросить ее хозяина о человеке по имени Гитлер. Эрнст Прецше сообщил Штайну, что Гитлер прилежно занимается изучением оккультных наук, и дал ему его адрес. В «Mein Kampf» сам Гитлер об этом периоде своей жизни напишет: «Я читал тогда бесконечно много и читал основательно. Все свободное время, которое оставалось у меня от работы, целиком уходило на эти занятия. В течение нескольких лет я создал себе известный запас знаний, которыми и питаюсь поныне.

Более того. В это время я составил себе известное представление о мире и выработал себе мировоззрение, которое образовало гранитный фундамент для моей теперешней борьбы. К тем взглядам, которые я выработал себе тогда, мне пришлось впоследствии прибавить только немного, изменить же ничего не пришлось».

Штайн разыскал Гитлера. В ходе их частных встреч в конце 1912-го и начале 1913 года Штайн понял, что Гитлер верит в то, что Священное Копье, которым предположительно протыкали тело распятого Христа, наделяет его обладателя неограниченной властью, способной и к хорошему и к дурному. Его предшественниками владельцами были Константин Великий, Карл Смелый, Генрих Птицелов, Оттон Великий, император Гогенштауфен. Как собственность габсбургской династии Копье хранится в Хофбурге, в Вене. Гитлер заявил, что он также стремится к обладанию Копьем для того, чтобы осуществить свои мечты на мировое господство. Поведал будущий фюрер своему собеседнику и то, что для ускорения своего оккультного развития он начал употреблять галлюциногенные пейоты. Но всего через семь лет за образование Гитлера возьмутся настоящие профессионалы из так называемого тайного общества Туле.

Осенним днем 1923 года в Мюнхене умер довольно странный человек — поэт, драматург, журналист, представитель богемы, называвший себя Дитрихом Эккардом. С легкими, обоженными ипритом, он, прежде чем началась агония, произнес очень личную молитву перед черным метеоритом, о котором он говорил: «Это мой камень Кааба» и который он завещал профессору Оберту, одному из создателей астронавтики. Он послал длинную рукопись своему другу Гаусгоферу. Его дела были в порядке. Он умер, но общество Туле будет продолжать жить, с тем чтобы вскоре изменить мир и жизнь на Земле.

В 1920 году Дитрих Эккард и другие члены общества Туле, в частности архитектор Альфред Розенберг, познакомились с Гитлером. Они назначили ему первую встречу в доме Вагнера, в Байрейте. В течение трех лет они непрерывно окружали маленького капрала рейхсвера, руководили его мыслями и поступками. Конрад Гейден пишет: «Эккард взялся за духовное формирование Адольфа Гитлера. Он учил его также писать и говорить. Его образование шло в двух планах: «тайная» доктрина и доктрина пропагандистская. Он рассказал о некоторых своих беседах с Гитлером в этом плане, которые нашли свое воплощение в любопытной брошюрке под заглавием «Большевизм от Моисея до Ленина». В июле 1923

года именно Эккард станет одним из семи членов-учредителей национал-социалистической партии. Осенью, умирая, он сказал: «Следуйте за Гитлером. Он будет танцевать, но музыку написал я. Мы дали ему средства сообщения с Ними... Не жалейте меня: я окажу на историю большее влияние, чем любой другой немец...»

Легенда Туле восходит к происхождению германизма. Речь идет об исчезнувшем острове где-то на Крайнем Севере. Как и Атлантида, Туле был магическим центром погибшей цивилизации. Для Эккарда и его друзей все тайны Туле не были утрачены. Существа, промежуточные между человеком и разумными существами, располагают для посвященных запасом сил извне, откуда они могут черпать, дабы вернуть Германии главенство над миром, дабы сделать Германию нацией — провозвестницей Грядущего сверхчеловечества, мутацией человеческой породы.

Настанет день, когда легионы обрушатся, чтобы уничтожить все, препятствующее духовной судьбе Земли, и их поведут негибаемые люди, питаемые источниками энергии Великих Древних. Здесь словно переплелись мистические учения XX века с концепцией Судьбы древнегерманских племен, которая наиболее ярко характеризует существенные особенности национального менталитета немцев, сохранившиеся на протяжении многих и многих веков.

Рудольф Гесс был ассистентом Гаусгофера, когда тот преподавал в Мюнхенском университете. И Гесс, и Гаусгофер были членами общества Туле и продолжали дело умершего Эккарда. Именно Гесс установил контакт между Гаусгофером и Гитлером. Уже в наши дни в редкие минуты просветления, возникавшие во время его необъяснимой болезни, заключенный Гесс, последний, выживший из группы Туле, заявил официально, что Гаусгофер был магом, тайным учителем Гитлера после Эккарда.

Гитлер родился в Браунау на Инне 20 апреля 1889 года в 17 часов 30 минут, в доме 219 в зальцбургском Форштадте. Это пограничный австро-баварский город, место встречи двух великих германских государств. Но именно под Зальцбургом, то есть где-то по соседству, осядет в самом начале XX века знаменитый род пушечных королей Круппов. В истории поистине «бывают странные сближения». Позднее Браунау стал для фюрера символическим городом. С ним связано странное предание: он питомник медиумов. Это родной город Вилли и Руди Шнейдеров, чьи психические опыты стали сенсацией. У Гитлера была та же кормилица, что и у

Вилли Шнейдера. Жан де Панж писал в 1940 году: «Браунау — центр медиумов. Одна из самых известных — мадемуазель Стокгам, которая в 1920 году вышла замуж в Вене за принца Иоахима Прусского. Именно в Браунау мюнхенский спирит барон Шренк Нотцинг находит своих медиумов, одним из которых был как раз кузен Гитлера».

Окультизм учит, что, войдя в контакт со скрытыми силами посредством договора, члены группы могут вызывать эти силы только через посредство мага, который не может действовать без медиума. Все в истории немецкого фашизма происходило так, как если бы Гитлер был медиумом, а Гаусгофер — магом.

Раушнинг описывал Гитлера следующим образом: «Глядя на него, приходится думать о медиумах. Большую часть времени это обычные, незначительные существа. Вдруг на них как с неба падает сила, поднимающая их над обычными мерками. Эта сила — внешняя по отношению к их действительной личности. Он — как гость с других планет. Медиум — одержимый. Исчерпав этот порыв, он вновь впадает в ничтожность. Так, несомненно, некие силы пронизывают Гитлера. Силы почти демонические, для которых персонаж по имени Гитлер — только мимолетная одежда. Это соединение банального и исключительного — невыносимая двойственность, ощущаемая немедленно при контакте с ним. Это существо могло бы быть придумано Достоевским. Таково впечатление, производимое в странном лице соединением болезненной рассеянности и беспокойной силы... Один человек из его окружения сказал мне, что Гитлер просыпается ночами, издавая жуткие крики. Сидя на кровати, он зовет на помощь. Его можно принять за парализованного. Его так трясет от страха, что дрожит кровать. Он что-то кричит и дышит так тяжело, что чуть не задыхается. Тот же человек рассказал мне об одном из припадков с такими деталями, что я бы не поверил, если бы не был уверен в источнике.

Гитлер стоял в своей комнате, пошатываясь и оглядываясь с испуганным видом.

— Это он! Это он! Он явился сюда! — стонал фюрер. Его губы были мертвенно-бледными. Обильно выступил пот. Вдруг он произнес цифры, не имеющие никакого смысла, затем слова, обрывки фраз. Это было ужасно.

Гитлер употреблял странно подобранные термины, совершенно удивительные. Затем он снова замолчал, но губы его двигались. Гитлера растерли, дали ему напиток. Затем он внезапно встрепенулся:

— Там! Там! В углу... Он здесь!

Фюрер бился и рычал. Его принялись успокаивать, говоря, что ничего страшного не происходит, и он понемногу успокоился».

В своей книге «Неизвестный Гитлер» Жан Югли писал: «...Надо признать, что создателя Третьего Рейха окружал иррациональный климат, частично поддержанный его отношениями с некоторыми нацистскими эзотериками».

Штрассер отмечал, что «тот, кто слушает Гитлера, вдруг видит появление вождя человеческой славы... Словно свет появляется в темном окне. Господин с комичной кисточкой усов превращается в архангела... Потом архангел улетает, и остается только Гитлер, который садится, обливаясь потом, со стеклянными глазами».

Буше в свою очередь сделал следующее наблюдение: «Я заглянул в его глаза, глаза стали медиумическими. Порой он выглядел так, будто что-то вселялось в оратора извне. Он излучал флюид... Потом он вновь становился маленьким, посредственным, даже вульгарным. Он казался усталым, как бы с исчерпанными до конца аккумуляторами».

Карл Гаусгофер, маг Третьего Рейха, для которого Гитлер был лишь медиумом, родился в 1869 году. Он неоднократно бывал в Индии и на Дальнем Востоке, был послан в Японию и изучал японский язык. Он считал, что колыбель германского народа находится в Центральной Азии и что неизменные качества, величие, благородство мира были обеспечены индогерманской расой. В Японии Гаусгофер получил посвящение в одном из самых значительных тайных буддистских обществ и обязался в случае провала его «миссии» совершить ритуальное самоубийство. Кажется, именно Гаусгофер избрал эмблемой свастику.

В Европе, как и в Азии, свастика всегда считалась мистическим знаком. В ней видели символ Солнца, источник жизни и плодородия, или грома — демонстрации божественного гнева, который она в состоянии заклинать. В отличие от креста, треугольника, круга или полумесяца свастика — не простейший знак, который мог быть сколько угодно раз выдуман в любую эпоху истории человечества и в любой точке земного шара, символизируя каждый раз что-нибудь другое. Это первый знак, начертанный с точным измерением. Изучение его миграции ставит задачу, связанную с первыми веками, с общим происхождением различных религий, с доисторическими отношениями между Европой, Азией и Америкой. Самый первый след свастики был обнаружен в Трансильвании и восходит

к концу эпохи неолита. Ее находят на сотнях веретен XIV века до нашей эры и в Китае, и на раскопках Трои. Она появляется в Индии в четвертом веке до нашей эры и снова в Китае в пятом веке нашей эры. Веком позже мы видим ее в Японии, в момент введения буддизма, сделавшего ее своей эмблемой. Это арийский символ. Гвидо Лист при расшифровке рунической эпопеи «Эдда» в 1908 году описал свастику в своих популярных работах как символ чистой крови, дополненный знаком эзотерического знания. При русском дворе крест с загнутыми концами был введен императрицей Александрой Федоровной, немкой по происхождению. Было ли это сделано под влиянием теософов? Здесь мог сыграть решающую роль и медиум Бадмаев, странный персонаж при русском царском дворе. Скорее всего, свастика попала в царский дом благодаря Бадмаеву, который в свое время был ламой на Тибете, затем перешел в православие. Известно, что Бадмаев часто встречался с Гаусгофером, когда тот посещал Тибет.

Тридцать или сорок веков назад, как утверждали оккультные лидеры фашизма, в Гоби существовала великая цивилизация. Вследствие катастрофы это место превратилось в пустыню, и спасшиеся эмигрировали — кто на северную окраину Европы, кто к Кавказу. Бог Тор из северных легенд был одним из героев этой миграции.

«Посвященные» из группы Туле были убеждены, что эти эмигранты из Гоби составляли основную расу человечества, были родоначальниками арийцев. Гаусгофер проповедовал необходимость «возвращения к истокам», то есть необходимость завоевать всю Восточную Европу, Туркестан, Памир, Гоби и Тибет. Эти страны представляли в его глазах «Сердце земли», он учил, что тот, кто контролирует этот район, контролирует весь мир.

Альфред Крупп должен был появиться в ставке Гитлера как раз в тот момент, когда войска Рейха успели с помощью его оружия завоевать почти всю Восточную Европу, то есть смогли осуществить часть грандиозного плана Гаусгофера по захвату «Сердца земли», когда немцы развивали успешное наступление на Кавказе.

Сейчас много говорят о близости сталинизма и гитлеризма, о том, что именно Сталин помог прийти Гитлеру к власти, о близости двух диктаторов. На самом деле это так и не так одновременно. Перед нами две противоположно ориентированные оккультные государственные системы. Пентаграмма все-таки не походила на свастику, и, стало быть, конфликт был неизбежен. И тут место еще одной удивительной истории.

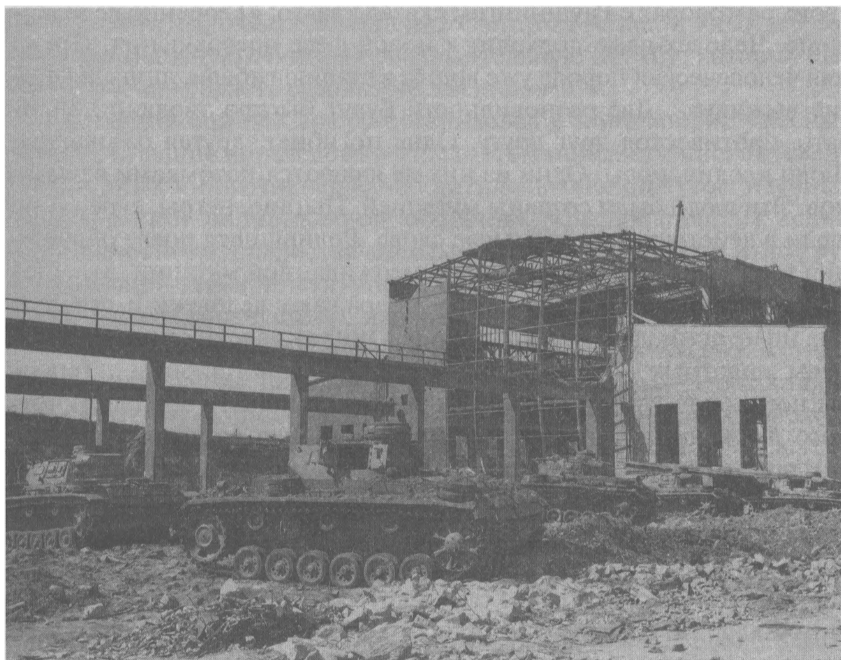
Во время расстрела большевиками царской семьи в доме Ипатьева царица перед казнью нарисовала крест с загнутыми концами, сопроводив его надписью. Эта надпись была сфотографирована, потом ее поспешили стереть. У Кутепова был этот снимок. Он также заполучил со склада икону, найденную на теле царицы, и внутри нее нашли другую надпись, намекающую на тайное общество Зеленого Дракона. По словам агента-осведомителя, вскоре таинственным образом отравленного, Кутепов был похищен и убит на трехмачтовой яхте барона Отто Ботена, позднее тоже убитого. Агент писал: «Большой белый корабль назывался «Ашгерд». Он был окрещен названием царства короля Туле в исландских легендах.

Как считал Требич Линкольн, общество Зеленых, родственное обществу Туле, происходило из Тибета. Не имела ли война с советской Россией и еще один, тайный смысл, суть которого заключалась в мести одного оккультного общества другому за совершенное некогда ритуальное убийство русско-немецкой императрицы и всей ее семьи, близкой тайному обществу Туле, деятельность которого определяла собой все сферы политической жизни Третьего Рейха? Пожалуй, на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Ясно может быть лишь одно: если Альфред Крупп был вхож в святая святых Третьего Рейха, то он не мог быть не посвящен и в его оккультные тайны. Взять хотя бы тот факт, что на своих предприятиях немецкий промышленник охотно использовал труд узников Аушвица, в основном евреев по национальности. Пройдет около полугода после знаменитой встречи Гитлера и Альфреда Круппа — и фюрер в одной из своих речей в марте 1943 года скажет: «Мир узнает, что скоро воскреснет древняя Бургундия... Она будет включать в себя романскую Швейцарию, Пикардию, Шампань, Франш-Конте, Эйно и Люксембург. Национал-социалистическая партия не будет иметь там никакой власти. Только СС будет управлять, и весь мир будет одновременно поражен и восхищен этим государством, где окажутся примененными концепции СС... Какой вид будет иметь грядущий социальный порядок? Друзья мои. Я вам скажу это: будет класс господ, и будет толпа различных членов партии, классифицированных иерархически, и будет огромная безымянная масса, коллектив служащих, навеки низших, а еще ниже их — класс побежденных иностранцев, о котором я не могу говорить... Но эти планы не должны быть известны простым членам партии....

В соответствии с этой доктриной, мир — это материя, которую нужно преобразовать, чтобы из нее выделилась энергия, способ-

ная привлечь Внешние Силы, Высших Неизвестных, Властелинов Космоса. Деятельность Черного Ордена, то есть СС, не отвечала никакой политической или военной необходимости, она отвечала лишь необходимости магической. Концентрационные лагеря, узники которых и работали в основном на заводах Круппа, должны были осуществлять первоначальную магию. Эти лагеря с их газовыми камерами и топками должны были представлять собой символический акт, макет будущего. Все народы будут оторваны от своих корней, превращены в огромное кочующее население, в сырье, над которым будет позволено командовать. Тогда и должен подняться из небытия цвет человечества — человек, находящийся в контакте с богами. В соответствии с этой концепцией все вещи, все существа, включая человека, это лишь различные формы всемирного живого, умножающиеся с течением лет. Мы сами не живем по-настоящему, пока не осознаем Бытие, которое нас окружает, объединяет и использует для подготовки других форм. Акт творения не завершен, Космический Дух еще не отдыхает, будем же внимательны к его приказам, передаваемым богами нам, жестоким магам, поварам, месящим кровоточащее и слепое человеческое тесто! Печи Аушвица — это сам по себе магический ритуал, в котором и принял активное участие Альфред Крупп.

После знаменитой встречи, состоявшейся в ставке фюрера, Гитлер сделал следующее заявление: «Фирма «Фридрих Крупп», семейное предприятие в течение 132 лет, заслуживает высочайшего признания за ее несравненные дела в укреплении величия Германского оружия. Воля моя такова: оставить это предприятие в руках одной семьи и впредь». Заявление за подписью Гитлера стало своеобразным декретом. Уникальным законом, названным «Законом Круппа». Отныне Альфред был единственным наследником. Вслед за декретом почти в это же время Гитлер самолично переименовал Альфреда фон Болена унд Гальбаха в Круппа. И это Альфреду, а не Густаву предстояло вынести весь Нюрнбергский процесс и выслушать приговор, в котором он обвинялся как участник развязывания второй мировой войны. Обвинили Альфреда и в преступлениях против человечества. И здесь требуются некоторые пояснения в том, как понимал Гитлер расизм и задачи национал-социализма, чтобы понять, почему представитель семьи Крупп, в жилах которого текла кровь немецких аристократов, смог с таким равнодушием способствовать уничтожению евреев и других, по мнению фашистов, представителей неполноценных рас. Гитлер в

ФОТОБАНК

Танки Круппа

своих разговорах с Раушнингем сказал как-то: «Творение не завершено. Человек явно подходит к новой фазе превращения. Прежняя человеческая порода уже вошла в стадию гибели, лишь немногие выживут... Две разновидности будут быстро эволюционировать, противостоя друг другу. Одна погибнет, другая разовьется. Люди неодинаковы. Одни из них не являются потомками великанов. Эти люди были созданы мутацией. Цыгане, негры, евреи — не люди в действительном смысле слова. Родившиеся после обрушения третичной Луны в результате неожиданной мутации, эти «новые» создания (особенно евреи) подражают человеку и ревнуют его, но не принадлежат к его породе. Они так далеки от нас, как породы животных — от подлинной человеческой природы... Теперь вы понимаете глубокий смысл нашего национал-социалистического движения? Тот, кто понимает национал-социализм только как политическое движение, не очень-то много знает...» Из этих высказываний Гитлера становится ясно, что расовая доктрина составляла часть нацистского эзотеризма. Был расизм пропагандистский, он описан историками, и суд, выражая народное сознание, справедливо осудил его. Но был и другой расизм, более глубокий. Он остался не понятным историками и народами, и между этими расистами, с одной стороны, и их жертвами и судьями — с другой, не могло быть общего языка. Именно поэтому некоторые заседания суда в Нюрнберге были лишены смысла. Судьи не могли вести никакого диалога с главными виновниками, которые к тому же по большей части исчезли, оставив на скамье подсудимых лишь исполнителей. Во многом по этой причине полковник СС Вольфрам Сиверс, ограничившийся чисто рациональной защитой, прежде чем войти в камеру для повешения, попросил дать ему в последний раз отправить свой культ и произнести таинственные молитвы. Потом он бесстрастно подставил свою шею палачу.

Сиверс был главным управляющим Аненербе и как управляющий был осужден на смерть в Нюрнберге. Общество исследований будущих путей, проторенных предками, Аненербе, было основано частным образом духовным учителем Сиверса Фредериком Хильшером, который был в тесных отношениях с Гаусгофером.

Известно, что Германия израсходовала на исследования Аненербе больше, чем Америка на производство первой атомной бомбы. Эти исследования охватывали огромную область, от научной деятельности до изучения практики оккультизма, от вивисекции заключенных до шпионажа за тайными обществами. Там велись

переговоры со Скорцени об организации экспедиции, целью которой должно было быть похищение Святого Грааля, и Гиммлер создал специальную секцию, осведомительную службу, которой была поручена «область сверхъестественного».

Во время войны Сиверс организовал в концлагерях ужасные опыты, ставшие впоследствии предметом описания многочисленных черных книг. Аненербе «обогастилось» «Институтом научных исследований национальной обороны», «располагавшим всеми возможностями, предоставленными Дахау». Профессор Хирт, руководивший этими институтами, составил себе коллекцию типично израильских скелетов. Сиверс передал армии вторжения в Россию заказ на коллекцию черепов европейских комиссаров. Когда в Нюрнберге зашла речь об этих преступлениях, Сиверс остался чужд всякому нормальному человеческому чувству, чужд всякой жалости. Он был вне этого. Он слушал другие голоса.

Хильшер, несомненно, играл важную роль в выработке тайной доктрины. Вне этой доктрины позиция Сиверса, как и позиция других ответственных лиц, остается непонятной. Выражения «моральная чудовищность», «жестокость ума», «безумие» не объясняют ничего.

Хильшер, которого никто не потревожил, пришел свидетельствовать в пользу Сиверса на Нюрнбергском процессе. Он говорил перед судьями о политических диверсиях и высказывал умышленно абсурдные соображения о расах и племенах предков. Хильшер просил позволения проводить Сиверса на виселицу, и вместе с ним осужденный произносил своеобразные молитвы, принадлежащие к культу, о котором он никогда не говорил во время допросов.

На Нюрнбергском процессе Карл Гаусгофер был допрошен как свидетель по просьбе защитников Рудольфа Гесса. Судьи, представлявшие страны-победительницы, с удивительным единодушием ограничились постановкой малозначимых вопросов, как бы опасаясь касаться основной проблемы.

14 марта 1946 года Карл Гаусгофер, один из оккультных лидеров германского фашизма, убил свою жену Марту и покончил с собой в соответствии с японской традицией. Никакого памятника, никакого креста нет на его могиле и по сей день.

И Сиверс, и Хильшер, и Гаусгофер, и Гитлер, и Гиммлер, и многие, многие другие хотели изменить жизнь и перемешать ее со смертью. Они подготавливали приход Высшего Неизвестного. У них было магическое понимание мира и человека. Они пожертво-

вали этому пониманию всю молодость своей страны и принесли в жертву богам океан человеческой крови. «Они сделали все, чтобы согласоваться с Волей Властителей, — писали французские исследователи Луи Повель и Жак Бержье. — Они ненавидели современную западную цивилизацию, будь она буржуазной или рабочей. Они должны были победить, потому что были носителями огня, который их враги, будь они капиталистами или марксистами, уже давно угасили в себе. И вот они оказались побежденными, раздавленными, судимыми, униженными — и кем? — обычными людьми, жевателями резинки или пьющими водку, людьми с узкими верованиями, людьми поверхностного мира, положительными, рациональными. На Востоке эти механизированные тяжеловесы, на Западе эти пуритане с мягкими костями построили превосходящее число танков, самолетов, пушек. И они обладали атомной бомбой, они, не знающие, что такое великая открытая энергия! И теперь, как улитки после ливня, выползшие из железного дождя, очкастые судьи, профессора гуманитарного права прибыли в Нюрнберг давать уроки примитивной морали Властителям, монахам-воинам, подписавшим договор с Высшими Силами, Приносящими Жертвы, тем, кто читал в черных зеркалах, им, союзникам Шамбалы, наследникам Грааля! И они посылали их на виселицу, называя их преступниками и безумцами».

«В конечном счете, — говорил Раушнинг, — каждый немец стоит одной ногой в Атлантиде, где он ищет лучшую родину и лучшее наследие».

Это же самое в полной мере можно было бы сказать и о Круппах. То, что Альфред оказался на скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе, говорит лишь о том, что он разделял взгляды фашизма и, скорее всего, был знаком с его тайными оккультными представлениями.

Доказательства против Круппа были столь очевидными, что союзники сошлись в едином мнении провести кардинальную чистку на освобожденной территории, дабы уничтожить все следы, все здания и заводы, которые некогда принадлежали преступной корпорации. Коммунистический Советский Союз и капиталистический Запад, Сталин, Черчилль и Эйзенхауэр были единодушны в этом стремлении. Семья Круппов, казалось, на короткое мгновение вновь объединила столь различных лидеров в их праведном стремлении уничтожить даже слабое напоминание о Вселенском Зле, превышающем и издержки сталинского социализма, и невз-

годы великой депрессии, и противоречия между выскочками янки и консервативно-благородными англичанами.

Пометки мелом, как знак прокаженного, стали расцветать, словно белые хризантемы, на воротах фабрик, на дверях офисов и на прочей собственности семьи Круппов. Союзники делили между собой оборудование и вывозили его в разные части света.

Примечательным представляется тот факт, что Альфред по приговору должен был отбывать наказание как раз в крепости Лансбург, где за два десятилетия до этого Гитлер писал «Mein Kampf» и представленный Гессом генерал Карл Гаусгофер ежедневно посещал фюрера, проводя с ним долгие часы в беседах по оккультизму. Крупп словно повторял тернистый путь своего кумира. Правда, теперь ему пришлось сменить свой безупречный костюм на робу арестанта. Воспитанный править и быть королем, искренне разделявший взгляды фашизма, бесподобный Альфред теперь был обречен гнить в застенках, приговоренный и обесчещенный. Бесчестье было, пожалуй, самым невыносимым наказанием для Круппа. Гордость для Круппов — это как родимое пятно, как общий родовой признак, объединяющий всех этих людей в единое целое. Бремя гордыни и чести иногда казалось невыносимым, но Круппы считали, что они рождены для того, чтобы нести это бремя до скончания веков.

Сидя в одиночной камере, Альфред Крупп постоянно прокручивал в памяти одну и ту же сцену. Ему все время представлялось, как за несколько дней до ареста, когда союзники вместо него схватили парализованного отца, зябким апрельским утром 1945 года ему пришлось еще раз посетить Эссен, родовое гнездо Круппов. Именно здесь билось сердце гигантской империи. Здесь хранилось золото мифического народа нибелунгов.

Дело в том, что почти в самом центре Европы находятся огромные залежи угольных пород, напоминающие сверкающий черный пояс, готовый в любую минуту вспыхнуть ярким пламенем. Эта бесценная жила, без которой невозможна была бы индустриальная революция XIX века, берет свое начало в Уэльсе и заканчивается в Польше. Однако не на всей указанной территории угольный пояс дает знать о себе одинаково интенсивно. Так, угольные швы на территории Франции и Бельгии очень обильны и отличаются высоким качеством. Нечто подобное можно наблюдать и между Саксонией и польской Силезией, где гигантская жила завершает свой бег. А дальше — пролегли лишь огромные пространства красивых,

но абсолютно стерильных земель. И если бы так было повсюду, то ни о какой промышленной революции говорить не приходилось бы. Однако и в этой царской тиаре находились свои особые излучины, где уголь отличался таким исключительным качеством, что лишь из этой породы можно было создать великолепную сталь, которая со временем стала ассоциироваться с именем Круппа.

Эти обогащенные изгибы огромной угольной короны, спрятанной в земной коре, по воле Судьбы оказались расположенными в основном на территории Германии и как раз в том месте, где Рейн спускается с массивных и мрачных холмов и затем несет свои воды к равнинам Голландии.

5 марта 1943 года Эссен был стерт с лица земли: главной целью союзников были заводы Круппа, на которых производилось оружие для армии вермахта. После 5 марта 1943 года и до самого окончания войны на маленький городок было сброшено более 36 тонн бомб. Авианалеты не прекращались ни днем, ни ночью.

Апрельским утром 1945 года Альфред ехал в открытом лимузине марки «Хорьх» по опустевшим улицам, и все, что он видел тогда, вновь и вновь всплывало в его памяти, пока он сидел в одиночной камере. За время поездки Альфред не проронил ни слова, и только побелевшие костяшки пальцев, сжимавшие никелированную ручку двери, выдавали его состояние.

Вокруг царил хаос. Там, где раньше кипела работа, теперь торчали жалкие обломки кирпичных стен. В проемах виднелись скелеты станков, останки безотказных некогда механизмов. Не уцелел ни один дом, ни один склад, шахта или завод. От главного офиса остался лишь этаж. Круппу видно было, как уцелевшие станки упаковывались для отправки в страны-победительницы. Проезжая мимо, Альфред вспоминал: на этих станках вытачивались детали для знаменитых «Тигров» — самых лучших германских танков, здесь собирались подлодки «U-2», а вот та засыпанная шахта приносила ему сумму, эквивалентную полутора миллионам фунтов стерлингов годового дохода. Альфред попросил шофера остановиться лишь однажды: на главной площади, где, забросанная кирпичной крошкой, лежала статуя его прадеда, великого короля пушек, в честь которого Альфреда и называли Альфредом. Многотонное изваяние, отлитое из лучшей крупповской стали, совсем не пострадало. Непреклонный взгляд Альфреда-старшего был устремлен в небо, и Крупп долго стоял, вглядываясь в его суровое лицо. Прадеда вполне можно было отнести к одному из тех прокоп-

ченных баронов Рура из германских сказаний, который, спустившись в ад, почувствовал, что замерзает, и пожалел, что забыл захватить с собой шубу. Огонь вечной топки, кажется, и сейчас отражался в застывшем взоре поверженного на землю железного исполина. Казалось, что статуя Альфреда-старшего сама не захотела возвышаться над землей и тем самым отрываться от родственной стихии. Эта статуя так плотно прижалась к земле, что могло создаться впечатление, будто ей необходимо как можно быстрее уйти в самую глубину, где и находилась истинная корона власти, изгиб угольной жилы, обогащенной коксом, столь необходимым для выплавки стали. Небо словно пугало прадеда. Ведь оттуда летели на дороге Эссен бомбы. А там, под землей, было намного привычней... там и скрывалась истинная Власть. Она пряталась в крошечной тьме, в удушающей жаре угольных шахт и влекла к себе всех Круппов, как живых, так и мертвых.

Впрочем, обогащенная коксом сталь Рура стала известна миру лишь в течение последнего столетия. Жители же Армении, например, обогащенное железо начали выплавлять еще три тысячи лет тому назад. В Европе впервые о стали заговорили лишь в конце Средневековья. Индустриализация пришла на земли Германии достаточно поздно, но когда это все-таки состоялось, то первое знакомство с выплавленной сталью оказалось подобным мощному удару, и нечто древнее, темное всколыхнулось в душе каждого немца. И это была Судьба, Судьба не только знаменитой эссенской семьи, но и всей Германии, которая еще в начале XIX века была тихой раздробленной страной, населенной милым, чудаковатым, сентиментальным и трудолюбивым народом. Многие из этих людей отправлялись в соседние страны в поисках лучшей доли и становились гувернерами у богатых русских помещиков или исполнительными чиновниками в заснеженном Петербурге или в хлебосольной Москве. Кто не помнит чудаковатого и доброго Карла Ивановича из трилогии Л.Толстого? Кажется, доброта у этого человека имела биологическое происхождение. Даже мух Карл Иванович убивал с какой-то деликатностью и словно извиняясь перед этими надоедливыми насекомыми за свою вынужденную жестокость: спокойный сон русских барчуков был намного дороже старому доброму немцу, чем веселое, но назойливое жужжание. Правда, в поэме Н.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» исполнительный немец-приказчик 'поплатился-таки за свою расторопность, и мужики заживо закопали этого чиновника за то, что по-

смел обманом заставить крестьян самих прорубить в лесу дорогу к своей забытой царем и Богом деревне.

А знаменитый Штольц?! Как он спорит, как изо всех сил пытается в том далеком девятнадцатом веке расшевелить русского увальня Обломова, этот символ беспробудно спящей России! В Штольце много положительного, по-немецки правильного, даже доброго, но слишком уж заботится он о хлебе насущном, о презренной пользе. За это и не любит герой другого русского писателя, Ф. Достоевского, Алексей Иванович из повести «Игрок» всех немцев, предпочитая дебоширить по-русски, а не откладывать на «черный» день по-немецки. Но, как это ни странно, парадигма *Gemütlichkeit*, так сказать, обобщенный портрет выглядел следующим образом: типичный немец, как правило, был грубовато-добродушным знатоком тяжелой мясной пищи и пива, большим любителем после утомительного сытного обеда прилечь на спину и вволю порыгать, расстегнув все, что можно было расстегнуть. Вот он лежит и посмеивается, блаженно показывая миру свое огромное пустое лицо, испещренное мелкими морщинками, поблескивая при этом неизменными очками, застрявшими где-то на самом кончике огромного носа, из-за которых посматривают на вас ироничные, но добрые голубые глаза.

Но какими бы ни были немцы в то далекое время: добрыми, деловыми, исполнительными и бережливыми, они ни у одного народа мира в ту эпоху не вызвали священного чувства страха, того самого страха, о котором и писал в свое время римский историк Тацит, когда речь заходила о германских племенах. Немцы в начале XIX века были раздроблены и патриархальны. Но к середине того же XIX века ситуация полностью поменялась, и немалую роль в этом сыграло то, что они все-таки научились выплавлять тигельную сталь.

Оставшиеся леса Рура, пожалуй, хоть в какой-то мере помогут нам прояснить кое-что. Даже сейчас глухие, порой непроходимые леса являются своеобразной визитной карточкой Германии, а на заре европейской цивилизации вся эта земля представляла собой одни сплошные джунгли. Кто-то из великих сказал, что немцы — это люди леса. И в этой фразе есть немало справедливого и верного. Для римлян, например, непроходимый лес, населенный враждебными германскими племенами, был воплощением неподдельного ужаса и страха. На восток от Рейна он простирался все дальше и дальше, покрывая своим зеленым ковром огромные прост-

ранства. Темный непроходимый лес, где было огромное количество древних сгнивших деревьев, уходивших со временем все глубже и глубже в твердь земной коры и там под давлением других пород в течение веков превращавшихся в каменный уголь. Так вот, этот лес вселял ужас в душу каждого, кто пытался проникнуть в его владения. Это и был первобытный ландшафт будущей немецкой души...

Известно, что Юлий Цезарь сам расспрашивал нескольких германцев, попавших в плен, которым удалось совершить длительное путешествие по непроходимым лесным чащам. По их словам, в течение двух месяцев они не видели даже отблеска солнечного света, лишь слабый призрачный сумрак царствовал там, где им пришлось с великим трудом прокладывать себе дорогу.

Тацит также был поражен размерами этой страны, ее непроходимыми лесами и топиями, ее злыми зимами и густыми туманами. «Хотя страна кое-где, — писал великий историк, — и различается с виду, все же в целом она ужасает и отвращает своими лесами и топиями».

Рейн был форпостом для непобедимого Юлия Цезаря. Земля, что простиралась дальше этой границы, считалась не принадлежащей Римской империи. На территории Галлии были даже проложены дороги, по которым вполне могли маршировать легионы, завоеывая земли, которые в дальнейшем стали территорией, принадлежащей современной Франции, унаследовавшей представления о римском праве и законности. Но на Восток от Галлии среди непроходимых чащ никакой закон уже не действовал, как не проникал сюда и солнечный свет. Здесь-то и формировалось национальное сознание, а точнее коллективное бессознательное будущих немцев. Итак, именно бескрайний девственный лес оказал фатальное влияние на формирование сознания нации.

Еще во II веке нашей эры Тацит предупреждал галлов: «...Для вашей, а не для нашей пользы мы стоим на границах Рейна и охраняем вас от воинственных германских племен, которые так часто пытались проникнуть в ваши земли и так и не оставили надежду сменить свое одинокое заточение среди мрачных лесов и болот на Галлию». Историк откровенно высказывал удивление по поводу того, как, вообще, можно было жить там, где обитали лишь дикие звери. «Да и кто, не говоря уж об опасности плавания, — писал Тацит, — по грозному и неизвестному морю, покинув Азию, или Африку, или Италию, стал бы устремляться в Германию с ее непри-

ютной землей и суровым небом, безрадостную для обитания и для взора, кроме тех, кому она родина?»

Образ мира, выработанный мыслью народов Северной Европы, во многом зависел от образа их жизни. Скотоводы, охотники, рыбаки и мореходы, в меньшей мере земледельцы, они жили в окружении суровой и слабо освоенной ими природы, которую их богатая фантазия легко населяла враждебными силами. Центр их жизни — обособленный сельский двор. Соответственно и все мироздание моделировалось ими в виде системы усадеб. Подобно тому как вокруг их усадеб простирались неводеланные пустоши, так и весь мир мыслился ими состоящим из резко противопоставленных друг другу сфер: «срединная усадьба» (Мидгард), т. е. мир человеческий, окружена миром чудовищ, великанов, постоянно угрожающих миру людей; этот дикий мир хаоса именовали Утгардом (буквально: «то, что находится за оградой, вне пределов усадьбы»). Над Мидгардом высится Асгард — творение богов — асов. Асгард соединен с Мидгардом мостом, образованным радугой. В море плавает мировой змей, тело его опоясывает весь Мидгард.

Самым важным достоинством для древнего германца была борьба за славу. Самой важной и могущественной силой в мире он считал Судьбу. Причем Судьба понималась не как всеобщий рок, а как индивидуальная доля отдельного человека, его везение, счастье; у одних удачи больше, у других меньше. Могучий король, славный предводитель — наиболее «богатый» счастьем человек. Воплощением этого счастья являлись золото или воинская добыча, трофеи. Нашейные кольца, браслеты, витое или пластинчатое золото постоянно фигурируют в эпосе. Устойчивое обозначение короля — «ломающий гривны» (дарили подчас не целое кольцо, то было значительное богатство, а части его). Дружинники с нетерпением ждали подарков вождя, видя в них убедительные знаки своей доблести и заслуг. «Богатый» на счастье вождь делился своей удачей с храбрыми воинами. Таким образом, Вождь и Судьба в сознании древнего германца являли собой нечто единое.

Жажда славы, добычи и княжеских наград — вот высшие ценности для германского героя. «Каждого смертного ждет кончина! — // пусть же, кто может, вживе заслужит // вечную славу! Ибо для воина // лучшая плата — память достойная!» В таких выражениях нашла свое воплощение жизненная программа древнего германца. Борьба за славу и драгоценности, верность вождю, кровавая месть как императив поведения, зависимость человека от царящей в ми-

ре Судьбы и мужественная встреча с нею, а затем неизбежная трагическая гибель — вот определяющие параметры жизни тех, кто населял когда-то бескрайние лесные просторы Германии.

Герой перед лицом Судьбы — центральная тема героических песен древних германцев. Обычно герой заранее осведомлен о своей участи. Какова должна быть позиция человека, знающего наперед о грозящих ему бедах и конечной гибели? Вот проблема, на которую древний германец предлагал однозначный и мужественный ответ. Знание Судьбы не повергало героя в фатальную апатию и не побуждало его пытаться уклониться от грозящей ему гибели; напротив, будучи уверен в том, что выпавшее ему в удел неотвратимо, он смело бросал вызов Судьбе, смело принимал ее, заботясь только о посмертной славе. Добровольная «воля к смерти» делала сознание древних германцев эсхатологическим, т. е. таким, которое с героическим воодушевлением принимало неизбежную кончину. Даже своих богов эти племена лишали привычного бессмертия. Вместе с людьми они должны были погибнуть в последней схватке с Мировым Волком, Великанами, чудовищами и прочей нечистью, населяющей подземный мир (Хель) и бескрайние леса.

Понятен тот душевный трепет и ужас, который вселяли в душу римского историка Тацита эти дикие племена. Он видел, как вместо светлой и радостной картины мира, созданной эллинистической мифологией, героические песни древних германцев о богах и героях рисовали полную трагизма эпопею, где властвовали Судьба и смерть.

Мир, по древнегерманским сказаниям, возникает из взаимодействия огня с холодом и погибает от пожара и наводнения, стужи и жары. В соответствии с взглядами фашистских идеологов, лед и пламень, отталкивание и притягивание вечно борются во Вселенной. Эта борьба определяет жизнь, смерть и вечное возрождение Космоса. В то время как фюрер уделял исключительное внимание материальному снабжению своих войск, он дал солдатам в русской кампании только жалкое дополнение к одежде — шарф и пару перчаток. «Холод, — сказал Гитлер, — это мое дело. Атакуйте!» Он свято верил в мистику и в то, что ему как вождю подвластен лед, этот первоэлемент вселенной в соответствии с верованиями древних германцев.

А в декабре 1941 года термометр внезапно опустился ниже сорока. Предсказания оказались ложными, пророчества не осуществились, стихии восстали, звезды в своем движении перестали ра-

ботать на фюрера. Лед торжествовал над огнем. Автоматическое оружие отказывало, когда смазка замерзала, синтетическое горючее разлагалось в баках под действием холода на два бесполезных элемента. Самое легкое ранение приговаривало к смерти. Так весь боевой бронированный корпус, победивший Польшу за восемнадцать дней, а Францию — за месяц, армия Гудериана, Рейнгарда и Геппнера, колоссальный легион завоевателей, который Гитлер назвал своими бессмертными, иссеченный ветром, обожженный льдом, погибал в снежной пустыне, чтобы доказать, что мистика действительно, чем земная реальность. Коллективное бессознательное немцев середины XX столетия словно, сделав виток, вновь вернулось к доисторическим временам.

Добровольная «воля к смерти» также ярко проявилась в эпоху гитлеризма. «Гитлер и Геббельс, — писал Тревор Ронер, — призвали германский народ разрушить свои города и заводы, взорвать свои плотины и мосты, принести в жертву тысячи жизней, и все это во имя легенды под названием «сумерки богов». «Потери никогда не кажутся достаточно большими», — заявляет Гитлер накануне гибели Третьего Рейха. По его мнению, не враги Германии побеждают, а всемирные силы пускаются в ход, чтобы утопить землю и наказать человечество, потому что человечество позволило льду победить огонь. Как древнегерманский язычник, Гитлер приносит и жертву воде: он приказывает затопить берлинское метро, где 200 000 человек, спасавшихся в подземельях от бомбежек, погибают. Это акт подражательной магии. Подобный поступок должен был вызвать апокалиптические события на земле и в небе.

Агония Третьего Рейха словно восстанавливала в деталях гибель древнегерманских богов, описанных в сказаниях. В одном из них говорится о том, что солнце «чернеет», звезды падают с неба, происходит землетрясение, вода заливают землю. После природных катаклизмов на свободу должны были выбраться чудовища, до этого надежно заточенные в царстве мертвых Хель. Прежде всего, это мировой Волк Фенрир и мировой змей Ермунганд. Из Хель приплывает и корабль мертвецов Нагльфарр. Начинается битва, в конце которой бог Сурт сжигает своим пылающим мечом весь мир.

Если подняться над Руром на вертолете, то может сложиться впечатление, будто плывешь сквозь густой туман. Вот он тот священный пламень, о котором говорили и древние сказания и идеологи фашизма. Даже в солнечный день на большой высоте видимость, как правило, не превышает одной мили. Столбы фабричного дыма

начинают подниматься вертикально вверх уже в районе Кёльна и достигают трехкилометровой высоты. Этот непроницаемый смок валит из целого леса промышленных труб. Он даже различается по цвету: черный, красный, коричневый, белый и оранжевый.

Внизу вы можете видеть лишь унылый промышленный пейзаж. Под вами наковальня Третьего Рейха или, точнее, то, что когда-то было наковальной. Вот оно — реальное воплощение пробудившегося коллективного бессознательного, которое долгое время дремало в раздробленной феодальной Германии пока не наступила наконец эпоха индустриальной революции. Внизу по бесконечным железнодорожным развязкам взад и вперед снуют неутомимые локомотивы. Именно этот индустриальный пейзаж больше всего любили снимать военные операторы союзных армий, стремясь показать поверженную промышленную мощь некогда великой Германии.

Действительно, на территории Европы с трудом можно отыскать место более благоприятное для развития торговли, в дальнейшем и промышленности. Природа щедро наградила Рур своими дарами. Даже сейчас с высоты птичьего полета можно отчетливо рассмотреть контуры средневековых торговых путей, некогда связывающих этот уголок Германии со всей Западной Европой. Однако немецкие города уже давно изменили свой первоначальный вид, и трубы фабрик и заводов затмили собой очертания старинных соборов. И хотя Рур уже не производит оружия, как это было всего лет пятьдесят пять тому назад, память многих поколений людей с внутренним содроганием будет рисовать в своем сознании картины убийственной силы недавнего воинственного прошлого.

Здесь, в этом пейзаже, по-прежнему чувствуется некая скрытая угроза. И подолгу глядя на все из кабины зависшего, как стрекоза, вертолета невольно начинаешь угадывать в промышленных силуэтах странную фигуру гигантского Мирового Волка Фенрира, словно показавшего на какое-то мгновение свой зловещий облик. Так, город Хамм представляется с высоты птичьего полета как глаз животного, Реклинггаузен видится торчащим ухом, Дортмунд — пастью, Бохум — шеей, Вупперталь и Золинген напоминают передние лапы зверя, Мюльгейм и Дюссельдорф — это задняя часть волка, Рейнгаузен — огромный хвост, Гельзенкирхен, Боттроп и Дуизбург — выгнутая, ошетилившаяся спина. А Эссен, родина Круппов, — не что иное, как сердце мифического чудовища, привольно разлегшегося на всей территории Рура.

Итак, чем глубже пытаешься погрузиться в семейные тайны Круппов, тем мутнее и непроницаемое становится вода.

Когда на территорию древней Германии пришло христианство и с языческими богами должно было быть покончено раз и навсегда, то из всех вариантов в этих землях была выбрана арианская ересь, в соответствии с которой Бог-Сын (Христос) не был равен Богу-Отцу, а лишь подобен ему: «Он, следовательно, не есть истинно Бог, а отличен по существу от Бога-Отца; Он есть тварь».

Такое очеловечивание Христа, такое удаление его от божественной сущности приводило, в конечном счете, к тому, что германские племена воспринимали Спасителя, как в свое время воспринимали племенного Вождя, князя, которому благоволил Великая Судьба.

В конце восьмого столетия в Руре появилась группа монахов и основала Верденское аббатство, чьи развалины видны и поныне. Пятьдесят лет спустя христиане стали бродить и проповедовать в долине Эссен и там также основали свой монастырь. Первый епископ пришел сюда лишь в IX веке, в 852 году, и к нему начали относиться так же, как некогда относились к вождю племени. Народ внял проповедям явившегося из леса человека, назвавшего себя епископом, и начал поклоняться ему как живому Богу.

Постепенно сложилась легенда о некоем белокуром великане, вышедшем из леса и призывавшем разрушить капища языческих идолов. Примечательным в легенде было то, что этого легендарного епископа звали Альфред...

Позднее, в эпоху Возрождения, немцы вновь заявили о себе как о народе, который больше верит в Судьбу, чем в Бога. Идея

протестантизма Мартина Лютера как раз заключалась в том, что он отрицал чистилище, то есть не признавал возможность раскаяния и искупления грехов. Судьба, в соответствии с этой доктриной, с самого рождения человека уже предопределяла ему либо жизнь праведника, либо жизнь грешника, и от греха и зла не могла спасти даже невинная пора детства. О том, благоволит тебе Бог или нет, можно было узнать лишь через то, насколько часто в жизни улыбается тебе удача. Бог, по этой доктрине, говорил с человеком только через его достаток: материальное благополучие и есть благословение Божье. Вновь, как и в доисторические времена, золото, достаток и земное благополучие стали верными признаками избранности. Мартин Лютер сознательно отказался от вселенского авторитета Папы Римского. Теперь каждая община могла сама выбрать себе духовного лидера, как некогда предки этой общины выбирали себе племенного вождя, умеющего не только предвидеть удары изменчивой Судьбы, но и смело бросать ей вызов.

Ардн Крупп, как уже об этом говорилось выше, патриарх рода, появился в этих местах как раз в эпоху Протестантизма. Скупая дома в зачумленном городе, он словно наперед знал, что ему не суждено было погибнуть, и без страха шел навстречу смерти, как и подобало герою древних германских сказаний. А удача и золото, которые посыпались как из рога изобилия на голову первого из рода Круппов, лишь подтверждали его исключительность и избранность. Время показало, что Судьба лишь испытывала своих любимцев Круппов, но никогда не покидала их, и народ Германии со временем стал смотреть на представителей этого рода с обожанием и надеждой, с какими их предки смотрели на своих вождей, «богатых» на счастье и готовых щедро делиться этим счастьем с другими.

Семнадцатый век, в самый канун которого и появился в городе Эссене Арнд Крупп, для всей Германии был ничем иным, как концом света. С 1618 по 1648 годы, во время так называемой Тридцатилетней войны, Дания, Швеция, Испания, Франция и Богемия превратили эту землю в кровавое месиво. По некоторым данным две трети населения было безжалостно истреблено. Бродя по дорогам, оставшиеся в живых занимались каннибализмом: матери иногда пожирали собственных младенцев, а трупы на виселицах чаще всего не доставались голодному воронью, становясь пищей все тех же бродяг. «Ты посмотри, как люди-тени, // Распухшим, изможденным ртом // Шепча молитвы в испугенье, // Лежат в пыли перед крестом», — писал очевидец этих событий Андреас Грифиус, —

Эссен, расположенный между Хельвегом и Вестфаленом, оказался в самом центре событий. Вот как описал это страшное время немецкий поэт Христиан Гофмансвальдау:

Что значит жизнь в ее фальшивом блеске?
Что значит мир и вся его краса?
Коротким представляется отрезком
Мне бытия земного полоса.
Жизнь – это вспышка молнии во мраке,
Жизнь – это луг, поросший лебедой,
Жизнь – скопище больных в чумном бараке,
Тюрьма, куда мы заперты бедой.
Все это лживой роскошью прикрыто,
Величьем разукрашено пустым.
На скорбных трупах созревает жито,
Вот почва, на которой мы стоим.

Ардн Крупп умер в 1624 году, когда ужас тридцатилетней войны только начинался. До этого он успел похоронить своего сына Георга. Архив города Эссена сохранил запись, где говорится, что Георг Крупп вместе со своей юной супругой умер во время очередной эпидемии чумы. «Ты жив. Я мертв. Но ты и я – // Почти одно и то же. // Я – твой двойник. Я – тень твоя. // Во всем с тобой мы схожи. // Мне гнить в могильной глубине, // Но ты себя узри во мне», – писал поэт. И, казалось, вся Германия той поры видела себя в этом зеркале всепоглощающей Смерти.

И тогда Круппы, чтобы выжить, начали торговать смертью.

В живых оставались еще один сын Антон и дочери Катарина и Маргарита. Известно, что Катарина вышла замуж за Александра Хайсена, который в дальнейшем также стал промышленным бароном Германии, и прожила 88 лет. Антон Крупп отличался буйным нравом, поколачивал своих сограждан прямо на улице и явно не укладывался в рамки привычных представлений о добропорядочном бюргере. Он-то первым во всей истории рода и начнет торговать оружием.

В 1612 году Антон женился на Гертруде Кройзен. Отец невесты был известным оружейником. Хроники утверждают, что Антон Крупп унаследовал дело своего тестя и во время Тридцатилетней войны продавал по несколько тысяч стволов в год воюющим сторонам, иногда снабжая своими мушкетами прямых врагов.

В 1641 году в городских архивах Эссена появляется запись, где об Антоне Круппе сказано как о высокопочитаемом и уважаемом гражданине. Судя по всему, продажа оружия оказалась прибыльным делом, и род смог выжить даже в эпоху Апокалипсиса.

Но вот наступил долгожданный мир, и Круппы вновь превратились в обычных мирных торговцев, каковыми они и оставались в течение последующих 200 лет. Оружие еще раз станет их семейным бизнесом, когда начнутся наполеоновские войны. Создается впечатление, будто Круппы словно сами осознавали свое истинное призвание, и когда история требовала этого, они отвечали на ее вызов, воплощая в своей деятельности добровольную «волю к смерти» древних германцев.

В течение «мирных» 200 лет Круппы вложили деньги в маленькую фабрику скобяных изделий, купили две угольные шахты и земли. Идеологом семьи к этому времени, ее истинным руководителем стала женщина. Следует сказать, что в истории рода именно женщины не раз играли важную роль, не раз спасали мужчин от разорения и гибели.

Так, к 1749 году династия, казалось, умирала. Тогдашний глава рода, Арнольд Крупп, оставил после себя двух сыновей, один из которых, Генрих Вильгельм, чтобы расплатиться с долгами, вынужден был продать все свое состояние. Он умер бездетным, и род должен был продолжить его брат Фридрих Йодокус. Йодокусу принадлежала к этому времени лишь бакалейная лавка, с помощью которой он едва сводил концы с концами. Банкротства удалось избежать, но у бакалейщика, как и у его брата, не было детей. Первая жена Йодокуса оказалась бездетной. Овдовев, последний из Круппов в возрасте 45 лет решил жениться на 19-летней Елене Амалии Ашерфельд, которая и спасла весь род от вымирания. Она родила своему супругу сына Питера Фридриха Вильгельма. Йодокус прожил со своей молодой супругой всего шесть лет и покинул этот мир, а безвольный Питер всю жизнь провел в тени своей энергичной матушки, так ничего и не свершив. Это Елена Амалия, в девичестве Ашерфельд, сумела заработать на бакалейной лавке столько денег, что ей удалось купить и фабрику, и шахты, и прикупить немного земли.

Несмотря на отсутствие портретов Елены Амалии Крупп и на то, что в нашем распоряжении очень мало данных, по которым мы могли бы представить, каким человеком была эта женщина, создается впечатление, что она была всецело погружена в свою работу и не имела времени вести приятную и свободную жизнь. Оставшись вдовой, она унаследовала от своего супруга семь различных объектов недвижимости, среди которых был жилой и торговый дом на площади Флаксмарт. Этот дом станет позднее местом рождения Фридриха и Альфреда Круппов. Ей также достался и земельный участок

у дороги на Везель — Эссен, приобретенный еще отцом Фридриха Йодокуса и разделенный им между обоими сыновьями. На этом участке и появится позднее сталелитейная фабрика, с появления которой начнет свое существование огромная империя Круппа.

После же смерти Елены Амалии список объектов недвижимости, которыми она владела, содержал уже не 7, а 31 наименование. Торговля под руководством Елены Амалии приняла большие масштабы, к товарам, которыми торговал ее супруг, прибавились сукно, лен и фарфор. Торговые отношения связывали ее со многими странами, прежде всего с Голландией, а закупленные ею в других регионах бакалейные товары продавались за пределами Эссена.

Вскоре после расширения фирмы «Вдова Крупп» Елена Амалия, находясь, очевидно, под впечатлением успехов табачной промышленности, занимавшейся в Германии переработкой голландского импорта, начинает строить мельницу для обработки нюхательного табака. Одновременно она покупает в 1783 году на Флак-смаркт второй дом, предназначенный для ее сына, в котором она в течение многих лет будет заниматься производством нюхательного табака. Но наиболее выгодным оказалось изготовление суконных и льняных материалов и окраска тканей, производимая на дому.

Можно ли рассматривать приобретение этой женщиной акций горнорудного производства под тем углом зрения, что она постоянно проявляла свое стремление расширить торговлю путем выпуска собственной продукции? Пожалуй, что да. Вдова Крупп была не единственной женщиной в Эссене, имевшей пакет акций горной промышленности, но другие женщины получили их по наследству, или акционеры горнопромышленного общества записывали определенное количество акций на имена своих незамужних дочерей. Фирма «Вдова Крупп» приобрела их иначе. У 74-летней Елены Амалии уже был в собственности штеркградский металлургический завод «Гуте Хоффнунг», когда она в 1806 году приобрела на аукционе сначала три шахты около Вердена, а затем еще четыре в том же самом районе и таким образом вошла в число концессионеров.

Можно сказать, что начало развития металлургической промышленности на Нижнем Рейне, и особенно там, где раньше находился монастырь Эссен, есть не что иное, как история возникновения металлургического завода «Гуте Хоффнунг», приобретенного стараниями Елены Амалии Крупп.

История приобретения этого завода выглядела следующим образом. Сын Елены Амалии безвольный Питер Фридрих Вильгельм

считался совладельцем с неким Пфандхефером. Когда в 1789 году Питер Фридрих Вильгельм после четырехлетнего пребывания на правах пайщика вышел из руководства, Пфандхефер остался ему должен наличными 11839 рурских талеров, полученных им в виде аванса. В 1796 году долг вырос до 18 000 талеров, через четыре года увеличился еще до 21 983 талеров. Сумма долга постоянно возрастала, и Пфандхефер, не имея возможности справиться с этой ситуацией, просто сбежал. Когда завод продавался с аукциона, неутомимая Елена Амалия приобрела его.

Наконец настало время внука Елены Амалии, Фридриха, имя которого и по сей день стоит в названии фирмы и который благодаря своему энтузиазму и беззаветной любви к Наполеону чуть было не привел весь род к полному разорению. Пожалуй, первый и последний авантюрист в семье Круппов, Фридрих, слепо полагался на удачу и беззаветно верил в Судьбу. Об этом человеке справедливо говорили, что в юности ему не хватало твердой отцовской руки. Безвольный родитель Фридриха Питер Фридрих Вильгельм умер в 1795 году. Молодому Круппу, наследнику всего дела, прочили коммерческую карьеру. Он изучал коммерцию в доме своей бабки, расположенном на Флаксмаркт в Эссене. Закончив обучение, Фридрих пришел на завод в Штеркраде и начал работать.

Уже в годы его юности, когда Фридрих жил в Штеркраде, в характере этого человека обнаружились черты постоянного беспокойства, заставлявшие его все время совершать поездки то в Эссен, то обратно в Штеркрад. Он все время стремился куда-то, нигде не находил себе покоя и не имел, казалось, перед собой твердой цели. В то же время Фридрих Крупп был человеком доверчивым, откровенным, хлебосольным, жил, как говорится, с открытой душой. Конечно, это не могло нравиться его сдержанной и рациональной бабушке, Елене Амалии. Она никак не могла понять, что происходит с ее наследником. А дело объяснялось на удивление просто: внук и бабушка принадлежали к совершенно разным эпохам. Фридриху Круппу выпала судьба жить в то беспокойное время, когда заниматься коммерцией и думать о презренной пользе было равносильно самоубийству.

Наступила эра романтизма. Какие безумные и дерзкие мечты возникали на этой почве — мечты о мировом единстве и о магической власти человеческой личности над всем миром! «Только та религия истинна, — писал философ Шеллинг, — которая открывается нам в камне и в сплетении мхов, в цветах и металлах, и во всех вещах, в

воздухе и в свете, на всех высотах и во всех глубинах». Рассмотрение всей природы как единого организма, всех физических явлений как «категорий природы» на ее пути к самопостижению было ведущей тенденцией эпохи немецкого романтизма, к которой и принадлежал молодой Фридрих Крупп. И при всем при том 20-летний владелец завода в Штеркраде находился в комическом положении: он полностью зависел от доброй воли своей строптивой бабушки.

Фигура Наполеона для всей эпохи романтизма играла огромную роль. Во многом загадочная личность этого человека буквально сводила с ума многих молодых людей того времени. Если вспомнить роман Л. Толстого «Война и мир», то Наполеоном почти в одно и то же время были увлечены и увальень Пьер Безухов, и аристократ князь Андрей. Дань этому повальному увлечению отдали и Пушкин, и Лермонтов, и Байрон, и Бетховен, и многие другие великие люди эпохи. Романтизм перестает быть только литературным фактом. Он становится прежде всего новой формой чувствования, новым способом переживания жизни. Человек, для которого весь мир, вся природа божественны, для которого божественное является вместе с тем высшей целью, будет смотреть и действовать, желать и жить уже по-новому. И фигура Наполеона в этом романтическом мировоззрении эпохи заняла самое почетное место. Император воплощал собой образ того, как скрытые, внутренние духовные возможности личности способны подчинить себе весь мир, способны переделать этот мир по своему субъективному желанию.

В одном популярном издании изложили следующую версию жизни Фридриха Круппа. Скажем откровенно, в этой версии даже не было сделано попытки проанализировать исторический контекст эпохи. Крупп был представлен не иначе, как пошлым искателем кладов и сокровищ, желавшим обогатиться любой ценой. Вот эта версия: «Фридрих истратил кучу денег на поиски кладов и не терял надежды стать самым богатым человеком в Германии. Вскоре он пришел к выводу, что ему лишь следует разгадать секрет, как можно выплавить закаленную сталь. В то время секретом производства владела только Англия и хранила его так же, как китайцы — секрет изготовления фарфора. Наполеон обещал любому, кто выведает тайну ненавистных англичан, большую сумму золотом и свое вечное покровительство. Фридрих обратился к помощи секретных агентов, но их усилия оказались напрасными. Однако неожиданно в поле зрения Фридриха попали два беглых британских офицера. Они сами появились в доме Круппа и заявили, что

готовы выдать секрет. На следующий же день Фридрих объявил, что открывает первый завод по производству легированной стали. В пригороде Эссена закипела работа. В новое дело Фридрих вложил почти все, что имел, и залез в огромные долги — он не сомневался в успехе. Но радость длилась недолго: Крупп был дилетантом, а офицеры — профессиональными мошенниками. Формула, за которую им заплатили солидную сумму, оказалась списанной из школьного учебника химии.

Удар был сильным: ведь Фридрих доверял этим «уважаемым» людям и даже попросил их стать крестными отцами своего первенца. Фридрих впал в тяжелую депрессию: он запретил домашним произносить слово «сталь» и коротал время в тавернах. Чтобы расплатиться с долгами, неудавшийся стальной магнат продал все, вплоть до семейного особняка, и вскоре умер от сердечного приступа». В этом отрывке не только немало неточностей, например, офицеры были не англичанами, а прусскими немцами, и никаких агентов Крупп никогда не нанимал, но автор данной статьи даже не удосужился разобраться в причинах столь странного поведения.

Такая одержимость в поисках технологии литой стали объяснялась прежде всего особенностями менталитета человека, живущего в эпоху романтизма и наполеоновских войн. Когда кумир Фридриха Круппа император Франции Наполеон Бонапарт объявил континентальную блокаду Англии, то он и предвидеть не мог, что в ответ на этот политический шаг на континенте развернется лихорадочная изобретательская деятельность, направленная на создание равноценной замены английским товарам, не имеющим доступа в Европу. Каждый из молодых людей, склонный к изобретательству, словно хотел одержать победу над своим собственным Тулоном и тем самым обратить на себя благосклонный взгляд великого человека. Как князь Андрей со знаменем в руках ринулся в атаку при Аустерлице, так и изобретатели бросились к своим тиглям и ретортам. Гаркорт, соотечественнику Круппа, было всего 18 лет, когда он занялся получением сахара из обыкновенной сахарной свеклы. Действиями юного алхимика тут же заинтересовался Наполеон, назначивший Гаркортю премию.

Для Гаркорта, не обладавшего ни богатством, ни состоянием, эта премия в 4000 франков могла представлять определенный финансовый интерес. Положение богатого Круппа было другим. Императорская премия сама по себе его не привлекала. Важно было высочайшее внимание великого человека. Наверное, с этой целью еще до того, как он приступил к поискам секрета литейной стали,

Фридрих Крупп занялся тем, что начал поставлять штыки армии своего кумира и, таким образом, стал вторым представителем рода, который занялся продажей оружия.

В 1769 году Джеймс Уатт получил в Англии патент на изобретенную им паровую машину. В начале XVIII века Англия находилась впереди других стран в области изобретений: здесь впервые появились прядильная машина, механический ткацкий станок, именно в Англии впервые начали использовать кокс для производства железа, а для его обработки были созданы совершенно новые способы. Для Наполеона Англия была самым злейшим врагом в мире. Даже свою войну с Россией он начал лишь для того, чтобы сухопутным путем добраться до индийских колоний Великобритании. Поэтому изобретательский бум в Европе не мог не нравиться Наполеону. Возможные результаты этих изобретений смогли бы помочь императору одержать над ненавистной Британией если не военную победу, то победу моральную, а в дальнейшем и экономическую.

В 1810 году умерла бабушка Фридриха, и он получил наконец долгожданную свободу. Наследниками состояния вдовы Крупп в 120 000 талеров были Фридрих, его сестра Хелена, помолвленная с лейтенантом прусской армии, и его брат Вильгельм. Петронелла Крупп, мать Фридриха, имела свое собственное состояние и не входила в число наследников.

Первым местом, где Фридрих начал проводить свои опыты, была маленькая комната, напоминающая фотолабораторию. Она находилась в пристройке, похожей на сарай. Когда в этот сарай поместили необходимую для опытов печь, то в комнате стало необычайно тесно. Но именно в этой конуре Фридрих Крупп колдовал над литой сталью, собираясь разгадать одну из тайн столетия. Скорее всего, к поискам секрета литой стали он относился как к страсти, равносильной увлечению романтической поэзией. Днем Фридрих занимался торговлей и лишь по вечерам предавался любимому делу, просиживая в своем сарае до поздней ночи, а иногда и до утра. В какой-то момент ему стало казаться, что секрет вот-вот откроется. Все чаще и чаще он начал уходить из конторы, не обращая внимания на выгодные торговые сделки, все чаще и чаще он проводил даже дневные часы рядом с плавильной печью в своем маленьком сарае. Он действительно начал напоминать средневекового алхимика. У родных и близких возникло предчувствие неминуемой беды...

По общему признанию современников, Фридрих Крупп был страстным поклонником Гете и Шиллера, немецких и английских романтиков. Поиски секрета литой стали для него превращались в

своеобразный поиск философского камня средневековых алхимиков. Но алхимия не была чужда и всей столь любимой Фридрихом немецкой литературе конца XVIII и первой половины XIX в.

Между Круппом, Гете и алхимией, бесспорно, существовала глубокая связь. Известно, что создатель «Фауста» профессионально интересовался минералогией и историей металлов.

В промежутках между поисками Фридрих частенько заглядывал в книги своего любимого Гете, так же, как и он, увлекавшегося минералогией. И в этих книгах он мог прочесть следующее: «Природа неизменно права, только человеку присущи ошибки и заблуждения. Нищего духом она чурается, покоряясь и открывая свои тайны лишь одаренному, честному и чистому.

С помощью рассудка до нее не доберешься, человек должен стать обладателем высшего разума, чтобы коснуться одежд богини, которая является ему в прафеноменах физических и нравственных, таится за ними и их создает.

Но божество дает знать о себе лишь в живом, в том, что находится в становлении и постоянно меняется, а не в сложившемся и застывшем...» И Фридрих упорно продолжал свои поиски, несмотря на неудачи, к удивлению и раздражению своих родных.

На 1811 год пришелся самый пик колониальной блокады, которая все больше воспринималась как нарушение кровообращения в экономике Европы и которая буквально парализовала торговлю и промышленность. Нужно было обладать оптимизмом Фридриха Круппа, к тому же его неисчерпаемым жизнелюбием, чтобы в самый разгар экономического кризиса открыть в Эссене сталелитейную фабрику. В одиночку он вряд ли отважился бы на это, но судьба свела его с двумя братьями, которые согласились участвовать в строительстве фабрики и на первый взгляд подходили Круппу. Оба брата, предложившие себя в качестве пайщиков, были прусскими офицерами и носили фамилию Кехель. Они уверили доверчивого Фридриха, что им известна тайна изготовления литой стали. При этом братья тщательно скрывали, что в прошлом они уже пытались участвовать в подобном предприятии, инициаторами которого были братья Иоган Петер и Иоган Абрахам Поенсен из Айфеля. Тогда братья Кехель тоже строили большие планы, успели возвести сталеплавильные печи и после дорогостоящих опытов, продолжавшихся 18 месяцев, отказались от этого. Когда выяснилась их полная неспособность добиться поставленной цели, братья Поенсен приложили большие усилия, чтобы ликвидировать договор, заключенный ранее на 24 года.

Действительно, все свои знания мошенники черпали из популярного тогда учебника химии, в котором содержалось описание метода француза Клуэ для изготовления литой стали. Клуэ заимствовал этот метод у часовщика по имени Бенжамин Хантсмен из Шеффилда. В 1740 году этому умельцу действительно удалось получить литую сталь. Метод, описанный в учебнике, был основан на довольно сложных химических процессах. В описаниях встречались туманные упоминания о какой-то квинтэссенции — «жидкости, в которой заключена тайна», и все это напоминало старинные алхимические рецепты.

Первые опыты братьев Кехель, которым помогали двое рабочих, были проведены в арендованном Крупном доме по адресу Эссен II, Веберштрассе. Веря в возможность своих пайщиков, Крупп сразу же после этого начинает строительство большого фабричного здания на территории крестьянского хозяйства Альенэссен.

Фридрих Крупп, одержимый строительством, чувствовал себя счастливым в эти моменты. Строительство фабрики он воспринимал с энтузиазмом. В большом количестве были закуплены все необходимые сырьевые материалы, в том числе — каменный и древесный уголь, чугун.

Увлеченный фантастическими перспективами, Крупп считал, что полученной им сталью и предметами, которые он сможет изготовить из нее, удастся беспрепятственно снабдить «Францию, Голландию, Швейцарию, всю Германию и остальную часть Европы. Гамбург, вся Голландия и вся Франция будут главными потребителями этих товаров».

По данным науки, минералогия в XVIII веке была приоритетом немецких ученых. Так, в 1753 году на европейские языки был переведен капитальный труд Вальпериуса «Минералогия, или Фундаментальное описание основных минеральных субстанций». В это же время был широко известен и труд некоего Потта «Литогеогнозис, или Фундаментальное исследование химического состава камней и земной коры».

Тайна рождения большинства металлов скрыта от нас. Эту тайну хранят миллионы лет, прошедшие с момента их образования в недосыгаемых глубинах Земли. Там и сейчас происходят загадочные процессы рождения минералов и превращения их друг в друга.

Минералы земной коры тысячами незримых связей взаимодействуют, казалось бы, с совершенно чуждым им миром живой природы. Они участвуют практически во всех природных процес-

сах, в том числе и в круговороте в природе таких важнейших для жизни элементов, как, например, кислород, углерод, сера, фосфор. Есть гипотеза, что некоторые минералы послужили «верстаком», на котором были «сконструированы» сложные органические молекулы, давшие начало жизни на Земле.

Минералы — это породы земной коры, поднявшиеся из пекла. В глубинах Земли существуют области, где вещество находится в жидком, расплавленном состоянии, называемом магмой.

Вероятно, первое знакомство человека с самородным железом было связано с находками железных метеоритов, которые исчисляются сотнями, причем вес некоторых, как, например, упавшего в отрогах Сихотэ-Алиня в 1947 году, составляет десятки тонн. Как сейчас установлено, в них присутствуют два минерала, в состав которых входят, камасит и тэнит.

Изделия из метеоритного железа известны с глубокой древности. Например, индийский владыка XVII века до н.э. Джахангир имел саблю, кинжал и наконечник копья из метеоритного железа. Говорят, что это железо не окисляется и поэтому сохраняет свой первозданный блеск в течение очень долгого времени. Подобные факты во многом и вдохновляли фашистских оккультистов на то, чтобы создать теорию великанов, потомками которых являются арийцы, некогда захватившие Индию. Самородное железо (феррит) встречается и в земных породах магматического происхождения, но его заметные скопления очень редки, обычно оно образует мельчайшие вкрапления в вулканических породах — базальтах.

Как освоение других металлов, освоение человеком железа могло идти (и шло) двумя путями: использование природного металлического железа и химическое превращение железной руды.

Самородное железо ковко и тягуче, так что в принципе оно могло бы быть использовано человеком, если бы не исключительно редкие находки его масс, доступных механическому ручному переделу. Значительно более доступно природное металлическое железо неземного происхождения — метеоритное железо, которое действительно использовалось на заре «железного века».

Второй путь — путь химического превращения железной руды — требовал освоения достаточно высоких температур. Вообще говоря, для восстановления железа из его окислов окисью углерода, что и происходит в обычном металлургическом процессе, достаточно температура лишь несколько выше 700°C — такую температуру дает даже лагерный костер. Однако железо, получающееся таким обра-

зом, представляет собой спеченную массу, состоящую из металла, его карбидов, окислов и силикатов; при ковке оно рассыпается.

Для получения железа путем прямого восстановления его окислов сыродутным методом необходима была температура выше 1400°C.

Температура выше 1400°C (до 1540°C) требуется и для производства стекла. Поэтому почти одновременно открытие в культурных центрах Древнего Востока производства железа посредством сыродутного способа (в Малой Азии) и производства стекла (в Месопотамии и Египте) явилось следствием температурного потенциала, достигнутого цивилизацией. Известно, что фашистские оккультисты в своей доктрине огня в его вечном противопоставлении льду видели антитезу жизни и смерти, где жизнью, естественно, являлся огонь. Как и представлялось, корпус Гудериана был разбит под Москвой благодаря усилиям генерала Мороза. Гитлеру казалось, что он как медиум напрямую связан с Высшими Силами и с вечным пламенем, этим источником жизни, поэтому и отвечал на все просьбы Гудериана о возможном отступлении: «Холод — это мое дело. Атакуйте!»

Нужно сказать, что открытие огня тем более удивительно, что в биосфере проявление огня и света до человека было относительно редким явлением и проявлялось, главным образом, когда занимало большое пространство, в формах холодного света, каким являлись свечение неба, полярные сияния, тихие электрические разряды, звезды и планеты, светящиеся облака.

По-видимому, *Homo sapiens* или его ближайшие предки сформировались незадолго до наступления ледникового периода или в один из теплых его промежутков. Человек пережил тяжести холода этого времени. Это было возможно благодаря тому, что в палеолите было сделано великое открытие — овладение огнем.

Это открытие было сделано в одном-двух, может быть, немногих еще местах и медленно распространялось среди населения Земли. «По-видимому, — писал в свое время В. И. Вернадский, — мы имеем здесь общий процесс великих открытий, в которых играет роль не массовая деятельность человечества, сглаживающая и улучшающая частности, но проявление отдельной человеческой индивидуальности». Фашисты же приписали это открытие людям-великанам, населявшим некогда землю и имевшим неземное происхождение. От них и произошли арии.

Открытие огня явилось первым случаем, когда живой организм овладел и сделался хозяином одной из сил природы.

Несомненно, это открытие лежит в основе всего будущего роста человечества и того температурного потенциала, который оказался столь необходимым для добычи железа, а затем и стали.

Огонь как один из первоэлементов бытия всегда воспринимался по-особому во всех мировых религиях.

Две стихии — земля и огонь — стоят особняком в учениях ранних греческих философов. И это не случайно, — ведь они представляют собой крайние противоположности. Ярko выраженный, нестерпимо горячий, безмерно подвижный, ни с чем не уживающийся огонь полярно противостоит погруженной в свои темные недра, холодной, как ночь, неколебимой в своей основательности и всепоглощающей Земле.

По мнению Платона и Парменида, огонь есть полное раскрытие энергии начала. Огонь — энергетически деятельное начало всего. Огонь есть отрицание любой прочной на вид вещи, ее внутреннее саморазоблачение, поскольку в стихии огня ни одна вещь не остается собой. Именно огонь есть то, благодаря чему все — химично, т. е. способно превращаться в иное. Огонь — основа основ самой алхимии.

Помимо этого огонь — стихия дьявола, а преисподняя — родина Мефистофеля. Огонь и есть та сила, «что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Запах серы должен был сопровождать появление Мефистофеля в трагедии Гете, но из минералогии нам известно, что сульфидами называются соединения химических элементов (в основном металлов) с серой. Вместе с магматическими расплавами поднялись вверх из преисподней земной коры гигантские скопления сульфидов железа, меди и никеля. И район Рура был и остается по сей день тем местом, где этот союз поверхности земли с преисподней состоялся давным-давно.

В начале XIX века Руру было еще очень далеко до своего промышленного величия, но к этому времени уже были сделаны немалые открытия. Люди поняли значение добываемой ими железной руды. Разбиваясь на маленькие группки, жители окрестных земель разбрелись по лесам с одной лишь целью — открыть богатые месторождения железной руды. Но в добытой руде был огромный процент примеси серы и фосфора, и добытчики пытались избавиться от них прямо на месте, в лесу, используя спиленные деревья в качестве древесного угля. Первым плавильщиком было хорошо известно, что древесный уголь в соединении с железной рудой при дости-

жении высокой температуры способствует избавлению от оксидов. Необходимый температурный режим достигался различными способами. В самом начале старатели-плавильщики просто раскладывали огромные костры на вершине холмов в надежде, что сильный ветер раздует пламя. Затем решили, что эффективнее будет разводить костры на берегах самого Рура. Но достигнутая таким образом температура не намного превышала 700°C, и железо, добытое таким образом, могло лишь обслуживать нужды местных фермеров.

Вплоть до 1823 года земля Рура продолжала сохранять свой средневековый уклад жизни, поэтому ничего удивительного не было в том, что Фридриха Круппа, воспитанного на литературе немецкого романтизма и продолжавшего жить средневековой атмосферой, нисколько не смутили алхимические опыты братьев Кехель. В эту пору алхимиками были все в Германии. Даже ироничный Гофман в своей сказке «Золотой горшок» писал о Великом Саламандре и о некоем Фосфоре. Может быть, он имел в виду тот самый оксид, от которого следовало избавиться плавильщикам Рура при добыче высококачественной стали, чего и пытался добиться в своих напрасных поисках пытливый Фридрих Крупп?

Так, первые тиглы, необходимые для получения литой стали, были куплены в готовом виде. Но вскоре Крупп приобрел сырье, из которого делали тигель. Это были графит и глина. Затем он начал сам изготавливать необходимые приспособления. Фридрих бродил по окрестным землям в поисках нужной глины. Он выбирал наиболее подходящую и проводил с ней эксперименты. Наверное, эти поиски и легли в основу мифа о кладоискательстве Круппа. Свою окончательную форму тигель приобретал на гончарном круге, затем его просушивали в сушильной камере, обжигали и закалывали в специальной печи.

Финансовое положение Фридриха Круппа становилось все хуже и хуже. В течение трех лет, когда он занимался производством стали, его вложения превысили 30 000 талеров; почти половина этой суммы была потрачена на строительство, выручка же составила 1422 талера. Испытывая недостаток наличных денег, Фридрих хотел прибегнуть к помощи родственников, но они нашли необходимым связать свою помощь с условием отставки братьев фон Кехель. «Хотя эти условия и причиняют мне страдания, — писал Фридрих Крупп 6 ноября 1814 года своему бухгалтеру, — но я твердо убежден, что упомянутые господа фон Кехель никогда не смогут реализовать взятые ими на себя обязательства. Это и вынуждает

меня объявить им о моем желании, чтобы они прекратили дальнейшие попытки в получении литой стали и как можно скорее нашли себе другое местопребывание».

После некоторого сопротивления в ноябре 1814 года братья фон Кехель навсегда уехали из Эссена.

Но 1814 год был ознаменован также и падением Наполеона. Политический мир, наступивший после череды нескончаемых войн, оживил повсюду надежду на подъем торговли и ремесел. Наполеон ушел в небытие. Фридрих изо всех сил пытался помочь своему кумиру и даже организовал городское ополчение, желая оказать сопротивление союзным войскам. Но ополчение при приближении войск распустилось само собой, оставив своего командира одного без армии. Однако поиски секрета литейной стали превратились у Фридриха в самую настоящую манию. Он ни за что не собирался отказываться от достижения этой цели. Как истинный романтик, Фридрих верил в чудо, верил в то, что природа — это единый организм, способный мыслить и чувствовать, как об этом писал его современник философ Шеллинг.

В 1816 году печальный опыт совместной работы с братьями фон Кехель был уже в прошлом, когда Фридриху порекомендовали в качестве пайщика нового специалиста в области производства литой стали. Этого человека звали так же, как и знаменитого немецкого просветителя — Фридрих Николаи. Николаи говорил о себе, что служил раньше в гусарской армии, имел чин ротмистра и находится теперь в отставке. Кроме того, у него был патент на производство литой стали, выданный ему прусским правительством.

После разрыва с братьями Кехель Крупп не прекратил опытов и даже добился некоторых успехов. С точки зрения технической стороны дела Крупп был на правильном пути, хотя и далеко от поставленной цели. Ему казалось, что окончательный результат таинственным образом ускользает у него из рук, что не хватает совсем чуть-чуть — и литейная сталь будет, наконец, выплавлена в его собственном тигле. По мнению Фридриха, таинственный секрет обязательно должен был существовать. Этому требовала сама парадигма мышления человека, верившего в романтические принципы. Если природа — действительно живой организм, то, как у всякой жизни, у нее есть своя тайна. И если швейцарский ученый Франкенштейн сумел разгадать тайну жизни и смерти и создал своего монстра, то нечто подобное следует совершить и ему, Фридриху Круппу. Новый партнер Николаи всячески уверял в этом

Круппа и вселял в него напрасные надежды. Но, в отличие от братьев Кехель, этот человек не был мошенником. Николаи можно было считать так называемым последовательным эмпириком, продолжавшим искренне верить в чудодейственное алхимическое средство. Неудачи в производстве постепенно начали вызывать у него недоверие к Круппу, которого он подозревал в желании узнать сокровенную Тайну, дабы в дальнейшем одному пользоваться ее плодами. На самом же деле все обстояло куда проще.

В 1740 году часовой мастер из города Шеффилда по имени Бенжамин Хантсмен смог избавиться от присутствия воздуха, выплавляя металл в маленьком герметичном глиняном куполе. Этот купол он и назвал плавильным тиглем, в честь чего сталь, полученную таким образом, стали называть тигельной сталью. Хантсмен не знал никакого таинственного секрета, потому что его просто не было. Он пришел к своему открытию эмпирическим путем и случайно наткнулся на технологию, которая была известна человечеству еще в глубокой древности. Именно так выплавляли сталь в Индии для знаменитых дамасских мечей. Этот процесс был описан еще Аристотелем в 384 году до н. э. В дальнейшем секреты производства были утеряны, и лишь в 1740 году на них случайно наткнулись в Англии. Хантсмен и его потомки хранили секреты технологии весьма тщательно, и европейцы, нуждавшиеся в крепких часовых пружинах и в других деталях, должны были экспортировать дорогостоящий материал из Шеффилда.

Но суть дела заключалась в том, что как такового секрета и не существовало. Разгадка оказалась очень простой. Все дело заключалось в том, чтобы создать целую батарею герметичных куполов, или плавильных тиглей, причем расположить их следовало таким образом, чтобы расплавленная струя одновременно заполняла центральную изложницу, или плавильную форму. Иными словами, весь секрет заключался в четкой организации самого процесса и в скрупулезном соблюдении правил, учитывающих даже мельчайшие детали, способные повлиять на конечный результат. Если заниматься производством литой стали в больших объемах, то нужно знать сотни разных тайн; их нельзя увидеть или перенять — для того чтобы они могли оказаться полезными и эффективными, нужна была очень длительная и дорогостоящая практика.

Вскоре Крупп понял, что Николаи не только не помогает ему, но даже мешает. Заключенными между пайщиками договор предусматривал, что разногласия, возникающие между двумя сторо-

нами, подписавшими нужные бумаги, должны решаться в суде, назначенном Высшим вестфальским горным ведомством. По ходатайству обеих сторон в мае 1816 года состоялось заседание комиссии, проверившей условия договора и его выполнение. Решение этой комиссии должно было ответить на вопрос о дальнейшем участии Николаи в делах фабрики. По решению комиссии произведенная Николаи литая сталь была признана непригодной, а он сам — некомпетентным в этой области.

С сентября 1816 года Крупп стал единственным владельцем фабрики в Валькмюле. После проведения необходимых работ по расчистке и ревизии оставшихся сырьевых ресурсов 30 октября 1816 года произошло первое производство литейной стали. По своему качеству она уступала английской.

После разрыва с Николаи Крупп стал заниматься изготовлением необходимых рабочих инструментов: чеканов, сверл, токарных резцов. Все это он продавал фабричным рабочим, мастерам-ремесленникам и перекупщикам товара. Областью сбыта стала территория от Эссена до Нюрнберга и Гейльбронна.

В 1817 году Фридрих занялся новой для него отраслью — производством валков для монетных дворов. В 1818 году Крупп попытался сделать такие валки для производства монет, которые бы производили закалку, отточку и шлифовку монет — операции, ранее вообще не выполнявшиеся из-за отсутствия необходимых приспособлений. Однако из 14 валков, которые Крупп поставил дюссельдорфскому чеканному двору в 1819 году, 9 были возвращены как непригодные к употреблению.

В последние годы Фридрих очень страдал от недуга, выразившегося в недостаточной способности сконцентрировать внимание на окружающих предметах, но он не собирался сдаваться, пытаясь продать свои валки монетным дворам не только Германии, но и Европы. Иногда слабеющему Круппу приходили мысли даже о строительстве сталелитейной фабрики в России. Но неудачи продолжали преследовать Фридриха.

Так, в 1824 году его прекрасный особняк «Ам Флакмаркт» стал собственностью тестя, старого скряги Вильгельма, который даже собирался упечь своего зятя в долговую тюрьму. С этого времени убежищем Фридриха Круппа и его семьи стал небольшой домик, который он назвал «постоянным домом». Он находился рядом с плавильной мастерской. Сюда и переселился Крупп со своей женой и четырьмя детьми. Сначала это жилище предназначалось

для служащего фабрики. Здесь было мало места даже для одного холостяка. Дом был наполовину бревенчатым. Окна украшали зеленые ставни с характерными прорезями в виде сердечек. В будущем, когда Круппы взойдут на вершину славы и земного могущества, это жилище будет мифологизировано и получит статус «родового гнезда» знаменитой династии. Со временем сюда потянутся толпы поклонников со всех концов Германии. В 1944 году во время бомбежки от дома Фридриха Круппа не останется и следа, но в мирное время его вновь отстроят и даже украсят той мебелью и утварью, которая когда-то принадлежала семье Фридриха.

Но это все будет потом, а когда в апреле 1824 года Круппы вынуждены были переселиться из огромного дома, в котором жили в течение последних двухсот тридцати семи лет, в маленькое, убогое жилище, то оно не казалось тогда столь уж очаровательным.

Прихожая была слишком тесной, и три комнаты на первом этаже, которые разделили между собой Фридрих и его супруга Тереза, оказались так же малы и неудобны. Завтракать, обедать и ужинать приходилось прямо на кухне, располагаясь вокруг железной плиты, которая являлась единственным источником тепла для всех живущих в этом доме.

Рядом с плитой в современном доме-музее до сих пор стоят тяжелые черные башмаки на деревянной подошве ручной работы. Фридрих непременно надевал их на кожаную обувь вместо галош, появившихся гораздо позднее, когда ему следовало отправляться на работу.

По другую сторону плиты находилась лестница, ведущая на чердак, где прямо на полу под низкими сводами до сих пор лежат четыре соломенных тюфяка, принадлежащих, соответственно, Иде (14 лет), Альфреду (12 лет), Герману (10 лет) и Фрицу (4 года).

Находясь на грани банкротства, Фридрих препоручил все свои дела герру Гревелю, своему бухгалтеру. Ходили слухи, что этому самому Гревелю частенько приходилось искать своего хозяина где-нибудь в таверне, чтобы тот поставил подпись под очередным неоплаченным счетом.

Мать Фридриха вынуждена была взять на себя руководство кассовыми делами. Она была испугана постоянными процессами, которые возбуждались вокруг имени ее сына, и всерьез опасалась, что может оказаться без средств к существованию, хотя в ее руках находилась еще значительная часть фамильного состояния. Отношения между матерью и больным, неуравновешенным сыном ста-

ли напряженными. Фридрих не понимал значения материнской опеки, она его явно раздражала. В 1821 году Петронелла Крупп погасила долговые обязательства сына на сумму 15 000 талеров и 20 000 прямо или косвенно вложила в фабрику. Оставшуюся часть состояния она решила закрепить за собой и, действуя со спокойной решительностью, лишила сына права наследства.

Петронелла взяла к себе в дом и дочь Фридриха, Иду. Свою внучку бабушка обучала ведению хозяйства и двум языкам: родному немецкому и французскому. На больного сына уже не приходилось надеяться. Приходилось срочно спасать детей, по одному выхватывая их с этого тонущего семейного корабля. Казалось, что несчастливая судьба Фридриха может оказать пагубное влияние и на его детей.

К этому времени фабрика давно бездействовала. Фридрих сложил с себя все обязанности, которые в течение многих веков выполняли его предки в городском управлении Эссена. Дело дошло даже до того, что Фридриха Круппа вычеркнули из списка лиц, подлежащих обложению налогами. Это было равносильно тому, что его вычеркнули из списка живых.

С осени 1824 года Фридрих Крупп оказался прикованным к своей постели. Известно, что в течение последних двух лет своей жизни он лежал в комнате, находящейся рядом с кухней, тупо уставившись в потолок. Его тяжелые башмаки на деревянной подошве уже успели покрыться толстым слоем пыли, на водяном мельничном колесе птицы успели свить себе гнезда, глиняные тигли дали трещину, а рабочие разбежались. На всем лежала печать уныния, и «мерзость запустения» властвовала на некогда процветающей фабрике.

Смерть физическая не заставила себя долго ждать: Фридрих тихо скончался в своем «постоянном доме» 8 октября 1826 года. Все проигравший в своей попытке найти секрет литой стали, он тихо уткнулся в наволочку, набитую соломой, и скончался. Ему исполнилось всего тридцать девять лет. Врач сказал Терезе, что ее супруг стал жертвой «грудной водянки».

Три дня спустя вдова обняла всех родственников, заполнивших убогую гостиную. Невзрачный гроб снесли на семейное кладбище, что располагалось невдалеке от бывшего фамильного дома. Присутствующие не могли не осознавать, что вместе с останками романтика Фридриха они хоронят и всю династию Круппов, и все необузданные мечты покойного.

Однако жизнь брала свое. Французы активно начали скупать русский уголь, и река была переполнена груженными баржами. А всего за несколько недель до похорон несчастного Фридриха первый поезд спугнул в этих местах покой девственных лесов своим гудком, увозя за собой платформы, груженные все тем же углем.

Технический аспект производства литой стали был очень трудным; не менее трудным было и его финансирование. Необходимость решить наряду с технической задачей и финансовую проблему и привела Круппа к разорению. Нужно к тому же добавить, что этот человек по своему сознанию полностью принадлежал тому веку, в котором ему суждено было жить, в душе он до конца дней своих оставался романтиком, верившим во всевозможные магические тайны. Методы, которыми он пользовался, не могли приблизить его к намеченной цели, но как истинный романтик Фридрих Крупп обладал даром предвидения, что позволило ему сориентировать семейный бизнес с бакалейной торговли на производство собственной стали. И это была Судьба, и Судьба не только семьи Круппов, но и всей дальнейшей Германии. Фридрих Крупп сделал в этом направлении первый шаг. Его сын, Альфред, с успехом продолжил дело отца, и постепенно Германию вновь стал побаиваться весь окружающий мир. Можно сказать, что сталь и стала тем детонатором, с помощью которого в сознании некогда добропорядочного немца взорвалось его древнее тевтонское «я», его мрачное коллективное бессознательное, унаследованное еще от готов и вестготов, разрушивших некогда могущественную Римскую империю. Немецкое коллективное бессознательное увидело в литейной стали не просто металл, добытый в результате кропотливого процесса плавки, а нечто большее. Может быть, в этом завораживающем блеске немецкой души виделся вызов, вызов всемогущей судьбе. Ведь не случайно Бисмарк, своего национального героя, который и объединил Германию, немцы назвали Железным Канцлером. Значит, для этого народа Слава, Власть, Железо и Сталь представляются чем-то единым.

Но будущему королю пушек, деятельность которого во многом и подготовила по крайней мере две мировые войны, в самом начале своей карьеры пришлось очень не сладко. Альфред начал свое восхождение, находясь на грани полного разорения.

Пожалуй, обретшему покой духу Фридриха было приятно поведение его старшего сына на своих похоронах. Нервный, болезненно застенчивый, сжигаемый внутренними противоречиями подросток четырнадцати лет от роду с нетерпением ждал конца па-

нихиды. Казалось, смерть для него не поставила точки, казалось, что вопреки всему она ничего не определила и не закрыла. Если Мефистофель хотел всеми силами остановить Жизнь, то тем самым он лишь помогал Богу, через необходимое сопротивление увеличивая космическую мощь Создателя и человека.

Не дожидаясь конца панихиды, Альфред, улучив подходящий момент, тайком сбежал на фабрику, чтобы стать у колдовского тигля, чтобы согнать птиц с иссохшего колеса водяной мельницы и вновь раздуть в топке жаркий пламень, в котором он первым делом сжег книги отца. В этом аутодафе горели мысли романтиков, горела эпоха.

Прямо скажем, король был весьма странным. Если Альфреда Круппа, старшего сына и наследника Фридриха, и нельзя было назвать сумасшедшим в полном смысле этого слова, то под характеристику чудаковатого или с легким приветом он вполне подходил. Это его знаменитая конная статуя в поверженном Эссене лежала на земле и после смерти продолжала вселять в правнука надежду на будущее. Высокий, худой, с вытянутым лицом и с длинными кривыми ногами, похожими на лапки паука, он производил на окружающих довольно странное впечатление какой-то скрытой, уродливой силы. Он был упорным до самозабвения и в то же время слабым и подверженным неврозам. При всей знаменитой твердости характера, о которой ходили легенды, Альфред, подобно безвольному отцу, любил прятаться от невзгод за наглухо закрытой дверью своей комнаты, где он мог провести целые недели, а иногда и месяцы, ни с кем не общаясь, лежа в постели и тупо глядя в потолок. На протяжении всей жизни этот человек поражал окружающих своими причудами и многочисленными фобиями, которые в дальнейшем стали предметом сплетен во многих столицах Европы. Крупп вырос среди пламени, всю жизнь он был связан со сталелитейным производством и при этом больше всего на свете боялся именно огня. Вид бушующей огненной стихии вселял в него панический ужас. Только благодаря своей железной воле Альфред каждый раз брал себя в руки и приходил утром на фабрику.

Запахи также не давали покоя королю пушек. Он разделял их на добрые и злые. Зло, как и добро, имело свой специфический аромат, следовало лишь только хорошенько принюхаться. Так, запах конского

навоза необычайно возбуждал Круппа. Он считал его особенным и подолгу мог стоять рядом со свежавываленной кучей, испытывая при этом блаженство. Запах конского навоза обладал для Круппа мощной творческой энергией. Именно в такие минуты ему в голову приходили самые неожиданные и яркие идеи. И, напротив, запах собственного дыхания был просто омерзителен и ядовит. Эта фобия так завладела сознанием Круппа, что он, дабы избежать скорой смерти, заставлял себя постоянно двигаться и проводить как можно больше часов на свежем воздухе. Но это хорошо было днем, а ночью дело обстояло куда хуже. Сон, по мнению Альфреда, даже самый короткий, грозил стать вечным. Такое положение вещей привело к тому, что у Круппа с годами развилась хроническая бессонница. Любого другого человека подобный недуг давно бы сломил физически и морально, лишив необходимой преуспевающему промышленнику энергии, но в случае с Альфредом дело обстояло совсем иначе. Бессонные ночи лишь возбуждали короля пушек еще больше, вселяя в него уверенность в абсолютном собственном превосходстве над всеми остальными представителями рода человеческого, которые так бездарно тратят половину отпущенного им Богом и судьбой времени, уткнувшись носом в подушку.

Альфред обладал таким комплексом отклонений, он был такого сорта невротиком, что все его фобии и неврозы, все его бесчисленные причуды и мелкие помешательства не столько уничтожали его личность, сколько дополняли и поддерживали друг друга. Эта зыбкая на первый взгляд почва, этот невротический хаос в случае с Альфредом непостижимым образом создавал довольно твердый личностный костяк.

Ночами Альфред Крупп любил писать всевозможные инструкции и меморандумы, касающиеся его бизнеса. Эту страсть вполне можно было бы назвать графоманией. Общий объем так называемого письменного наследия Альфреда Круппа насчитывает более 30 000 архивных единиц.

В качестве эксперимента Крупп приучал себя писать в полной тьме, порой забираясь с головой под одеяло. Покрываясь потом, вслепую, он упорно выводил одну строчку за другой. Судя по всему, это была тренировка, преследующая сразу две цели: научиться писать, не видя листа бумаги, и одновременно с этим выработать силу воли, преодолевая отвращение от запаха собственного ядовитого дыхания. Но чаще всего Крупп занимался своими ночными литературными бдениями на свежем воздухе.

С восходом солнца, когда рабочие вылезали из своих теплых постелей и шли на завод, они частенько могли видеть своего хозяина, который, скрючившись, сидел в неестественной позе на одной из лавок, продолжая вслепую лихорадочно делать какие-то бессмысленные записи. Вид этого зрелища поражал неискушенных рабочих. Перед ними было реальное воплощение Недреманного Ока Хозяина. Дисциплина на заводах Круппа всегда была образцовой. Рабочих буквально очаровывала эта неиссякаемая энергия Альфреда, которую они воспринимали не иначе, как чудо. Но настоящим чудом было то, что на протяжении пятидесяти лет их неутомимый хозяин так и не был ни разу госпитализирован, так и не погостил в течение хотя бы короткого периода времени в какой-нибудь дорогостоящей психиатрической клинике.

Впрочем, таланты Альфреда развивались достаточно медленно, в унисон неторопливой поступи германского промышленного прогресса. Однако, несмотря на все свои видимые и скрытые странности, Альфред Крупп еще подростком сумел проявить свои незаурядные способности. Так, 26 ноября 1825 года, когда ему исполнилось 13 лет, учитель из города Эссена послал Фридриху Круппу табель с отметками за четверть, добавив к нему собственный комментарий, написанный красными чернилами: «Я горжусь им и выражаю свое уважение относительно того, что касается успехов вашего сына в математике. Альфреду следует продолжить свое образование в том же духе, к нашему общему удовлетворению (Befriedigung finden)».

Но продолжить свою учебу Альфред так и не смог. Еще до конца следующей четверти он навсегда покинул школу. Домашние неприятности прервали систематическое образование. «Наковальня стала моим письменным столом», — скажет впоследствии этот странный и необычный человек.

Нужно сказать, что вступление в самостоятельную жизнь Альфреда Круппа было похоже на мелодраму. Во всяком случае, здесь присутствовали все необходимые составляющие этого жанра: безутешная вдова, беспомощные дети и утраченное состояние некогда благополучной семьи. По прошествии ста лет этот эпизод истории и биографы изрядно покроют позолотой и приукрасят. Юный Альфред предстанет перед восторженными немцами в облике легендарного Зигфрида, бросившего вызов самому дракону, охраняющему золото Нибелунгов. Несколько поколений немецких школьников будет воспитано на светлом образе подростка Круппа,

который своим невероятно упорным трудом, своим непомерным усердием смог добиться успеха и стать одним из самых уважаемых представителей целой нации. Но если заглянуть за эту официальную вывеску, то картина предстанет в совершенно ином свете.

Так, будущий могущественный магнат свое детство и особенно отрочество и раннюю юность будет вспоминать как «время нищеты и скорби». По его собственным словам, «дневные заботы были посвящены тому, как прокормить семью, а ночные — раскрытию секретов производства». Он жил «на хлебе и картошке, лишь изредка позволяя себе мясо». Вспоминая об этом мрачном периоде, Альфред очень часто будет упоминать о «чувстве растущего страха перед тотальным разорением» о непрекращающемся страдании, о тяжелой работе, которая должна была «хоть на короткий период отсрочить гибель семьи». Будущий магнат будет вспоминать также и свои бесконечные бессонные ночи, когда, лежа на чердаке и уставившись в потолок, Альфред не раз ошутит, как на него обрушивается откуда-то сверху гигантский груз нечеловеческой усталости. Крупну приходилось делать все самому. На своей разоренной фабрике он был и кассиром, и ночным сторожем, и сталеваром, и инженером.

По письмам Альфреда 30-х, 40-х и 50-х годов девятнадцатого столетия может сложиться впечатление, будто жизнь этого человека в указанный период больше походит на метания затравленного зверя.

В отличие от отца Альфред решил дойти до конца и в совершенстве овладеть всеми премудростями плавки. По его признанию, он обязан был не просто понять, а ощутить всем существом своим процесс, должен был почувствовать саму природу стали. Версия Альфреда знаменитой шеффилдской стали напоминала приготовление искомого металла в небольшом шестифунтовом графитовом горшочке. Одно неловкое движение — и... все приходится начинать сначала. Чтобы достичь нужного результата, самому Альфреду следовало полностью изменить свою человеческую природу. Сталь, ее особая магия неизбежно проникала в душу того, кто с ней соприкасался. Альфред прекрасно мог видеть это на несчастном примере отца, когда процветающий торговец бакалейными товарами вдруг неожиданно занялся какими-то странными опытами в крошечном сарае рядом с домом. Но Альфреда этот печальный пример ничему не научил и ни от чего не предостерег. Наоборот, он пустил сталь в свою душу полностью и пре-

дался ей настолько, что она не только стала частью его характера, но и на каком-то этапе начала восприниматься Круппом как вполне реальное существо. Со временем Альфред так сросся с собственным производством, что был уверен: фабрика стала частью его самого. Все чаще и чаще в своих письмах он будет оговариваться и писать «моя фабрика», «мой магазин», «мой молот», иногда прибегая к более нежным выражениям: «мое дитя» и даже «моя невеста».

Производство стали за этот период развивается и набирает обороты, но сам Альфред постоянно оказывается в очередном тупике, его надежды одна за другой превращаются в ложные мечты. Идиосинкразия молодого Круппа, от которой он страдал с самого детства, как и производство стали, также набирает силу. Он страдает почти физически от различных запахов. Его мучают бесчисленные фобии. Огонь все больше и больше внушает панический страх. Все труднее и труднее становится молодому промышленнику преодолевать себя и вновь вставить у тигля, чтобы получить долгожданную сталь. Однако жестокая экономия позволила содержать семерых рабочих. Альфред даже набрался наглости и разослал партнерам отца письма одного и того же содержания: «Неудачи остались в прошлом, мать продолжит семейный бизнес с моей помощью. Надеюсь, Вас заинтересует сталь, которую мы предлагаем, — она самого высокого качества. У фирмы есть столько заказов, что мы не успеваем их выполнять». Последнее являлось чистейшим вымыслом, но упрекнуть одинокого подростка, из последних сил сражающегося с собственной судьбой, было некому. Игры, книги — все было заброшено. Альфреда не волновало ничего, кроме заказов. Отец был мечтателем, он пописывал даже стихи в подражание Гете и Шиллеру, сын же не любил стихов, и тому были весьма существенные причины.

Так, Фридрих Крупп лишь к концу своей жизни после знаменитой битвы при Ватерлоо стал гражданином Пруссии. Альфред же прожил под прусским владычеством всю свою сознательную жизнь, и поэтому жесткая дисциплина и практицизм стали для него частью характера. Еще со времен прусского короля Фридриха Великого эта страна именно железную дисциплину поставила во главу угла своей государственности, заставив всех своих граждан жить по формуле: «не армия в государстве, а государство в армии».

Пруссия и сталь были просто необходимы друг другу. Эти два начала не могли существовать порознь. И именно железная прус-

ская дисциплина, которую он вобрал в себя с самого детства, позволила юному Альфреду Круппу совершить то, что так и не удалось совершить его отцу, боготворившему Наполеона, заклятого врага немецкой династии Гогенцоллернов. Но эти отношения будущего пушечного короля и правительства складывались весьма сложно.

Не раз шестнадцатилетний Альфред Крупп обращался за финансовой помощью к правительству Пруссии, неизменно получая отказ. Молодой предприниматель был взбешен. В это время он писал, что протестует против «устойчивого предубеждения властей относительно того, будто английская сталь не знает себе равных».

Альфред предупреждал прусское правительство и пророчествовал, что, как только его государство «обратит внимание на рост отечественных мануфактур, на рост производства собственной стали, то в недалеком будущем это все может оказаться весьма полезным». Но прусское правительство думало иначе. И когда мать Альфреда, Тереза, по настоянию сына обратилась к королю с просьбой о кредите в размере 15 000 талеров на срок в 12 лет, Берлин вновь оказался безучастным к просьбе вдовы.

Как мы видим, государственная власть, в отличие от эпохи Фридриха Круппа, не собиралась никого поощрять, как это делал в свое время Наполеон. Наоборот, Пруссия заняла весьма жесткую позицию по отношению к собственным предпринимателям. Эта жесткая позиция была одним из проявлений той железной армейской дисциплины, которая насаждалась в этой стране на всех уровнях социальной системы. Это была знаменитая политика кнута и пряника. Альфреду казалось, что ему достается только кнут. Но именно жесткие условия выживания должны были выявить в нарождающейся прусской промышленности самых стойких, самых сильных бойцов. Сталь не могла стать достоянием слабых личностей, она могла подчиниться лишь тому, кто по своему характеру в чем-то должен был ей соответствовать.

В ту далекую эпоху Альфред в свои шестнадцать лет и предположить не мог, что у его правительства имеется далеко идущая стратегия, направленная не только на развитие промышленности, но и на дальнейшее неизбежное объединение всей Германии. Так, не давая кредитов промышленникам, Пруссия пришла к утверждению Немецкого таможенного союза, устранявшего многолетние препятствия, которые стояли на пути торговых отношений внутри самой страны. Эта мера способствовала подъему экономики и давала шанс молодому Круппу. Денег как таковых не ссужали, но со-

здавали при этом благоприятные условия для конкурентной борьбы, в которой мог выжить только сильнейший.

У тех же Круппов в качестве конкурента на протяжении многих лет был металлургический завод «Гуте Хоффнунг», который на определенном этапе, сумев воспользоваться неудачами отца Альфреда, достиг высоких показателей и, соответственно, получил высокие прибыли. И прусское правительство милостиво каждому предоставляло шанс выжить в этой жестокой гладиаторской схватке. Для того чтобы глубже понять, что же представляла собой прусская монархия, которая смогла выковать не одно поколение немцев, наделенных общими национальными чертами, обратимся к истории.

Известно, что между двумя выдающимися монархами этой страны, между отцом Фридрихом I и его сыном, Фридрихом Вильгельмом, прозванным в дальнейшем Великим, существовала непреодолимая пропасть. Эти отношения между отцом и сыном для нас в данном случае представляются весьма показательными. В соответствии с самой идеей монархии король или царь является отцом для своих подданных. Взаимоотношения подданного и верховного властителя — это в какой-то мере взаимоотношения между отцом и сыном. Жесткий, но мудрый монарх-отец наказывает своего подданного-сына для его же блага. Посмотрим, как же могли складываться весьма непростые отношения между королем и наследником престола, между отцом и сыном в широком понимании этого слова. Подобные отношения в какой-то мере можно рассматривать как своеобразную модель поведения всего прусского правительства по отношению к своим подданным.

Так, по свидетельству очевидцев, жизнь прусской королевской семьи лет за 80 до начала активной деятельности Альфреда Круппа как промышленника проходила в ненависти, страхе, притворстве и лжи. Причем историки отмечают, что для Гогенцоллернов вообще был свойствен непримиримый конфликт поколений, который чаще всего жестоко подавлялся тем, в чьих руках была сосредоточена высшая власть. Обладавший Властью, а следовательно, отмеченный Судьбой, словно не собирался добровольно передавать ее даже своему законному наследнику. Архетип поведения, характерный для древних германцев, будто сумел сохраниться в веках и стал одной из черт национального характера.

Отношения между королем-отцом и будущим Фридрихом Великим ухудшились настолько, что отец даже обдумывал возможность лишить своего наследника права на престол.

Тогда, воспользовавшись путешествием, которое они совершали вместе с отцом по различным германским «столицам», сын Фридрих договорился с лейтенантом Катте, с которым имел дружеские отношения, об организации побега из Пруссии. Однако заговор раскрыли. Фридрих был взят под стражу. Отец настоял на смертном приговоре, и лейтенант Катте был осужден на смерть. По приказу короля два капитана подвели наследного принца к окну, чтобы он мог видеть казнь друга собственными глазами. Как утверждают некоторые историки, именно благодаря такому жестокому воспитанию из мятежного наследника престола, начитавшегося в избытке французских просветителей, получился в будущем властитель, правление которого привело к милитаризации всей общественной жизни в Пруссии.

С этого момента офицеры нередко пополняли ряды высших государственных служащих, переноса военный образ мышления и действий в сферу гражданской администрации.

Во времена Альфреда Круппа прусская монархия почти не изменилась. Общественная система воспитывала молодого предпринимателя приблизительно так же, как в свое время король Фридрих Вильгельм I воспитывал своего непокорного сына.

Если имя есть миф, то немецкий миф нового времени выразился в названии фирмы «Фридрих Крупп», в котором слились воедино и легендарные прусские короли и короли пушек и стали. Жесточайшая система выживания, в которой пришлось бороться с всемогущей судьбой молодому промышленнику, впитала в себя бессмертный дух прусских правителей восемнадцатого столетия. А бороться за выживание Альфреду приходилось чуть ли не ежедневно, ни на минуту не теряя бдительности.

Так, начиная с ноября 1829 и до февраля 1830 года, когда из-за холодной погоды остановилась работа кузницы, единственного источника дохода, он оборудует на верхнем этаже дома в Валькмюле токарную и шлифовальную мастерские. Несмотря на всю простоту этого замысла, у Круппа появляется возможность перейти от изготовления полуфабриката к готовой продукции. В августе 1830 года ему удается изготовить для частной фирмы первую пару полностью отшлифованных и закаленных валков. В 1831 году он продает первые литые валки монетным дворам городов Готта и Эйзенах. Цена, 100 талеров за пару, была достаточно высокой, поэтому можно было начинать переход от ручного производства к механическому. В шестидесятые годы двадцатого столетия биограф семьи

Круппов, Уильям Манчестер, решил сам проверить качество одного из произведенных в ту эпоху валков и нашел эту деталь в прекрасном состоянии. Причем сточен был упомянутый валок за всю свою долгую жизнь лишь на четверть.

Однако ни на сталелитейной фабрике в Эссене, ни в Валькмюле начинания Альфреда с механическими мастерскими не будут успешными. Тогда он вновь потребует кредита у правительства и вновь получит отказ. Надеяться приходилось только на себя.

Приобретение паровой машины стало просто необходимо. Но кто в этом районе Рура производил паровые молоты? Этим занималась враждебная фирма «Гуте Хоффнунг». Следовало ради интересов дела идти на поклон к своим заклятым врагам. Прусская система была в действии. Альфреду предстояло до дна испить из чаши унижения и страдания, как некогда Фридриху Великому пришлось стать свидетелем казни единственного и самого преданного ему друга.

Но к этому времени Альфред уже хорошо усвоил жесткие правила игры, повсеместно принятые в его родном государстве: чтобы управлять — научись подчиняться. Прежде чем стать твердой, сталь течет по желобу в виде податливой раскаленной массы, но в конце процесса она становится крепче гранита.

Однако даже на покупку паровой машины в фирме «Гуте Хоффнунг» у Альфреда не оказалось достаточно денег. И ему дважды вновь пришлось обратиться за помощью к правительству, чтобы еще раз пережить отказ и в 1835, и в 1837 году. Альфреду на этот раз объяснили, что казначейство не собирается рисковать и предоставлять денежную сумму человеку, отец которого уничтожил собственную репутацию надежного промышленника и партнера. Над головой молодого Круппа словно высветилась страшная печать неудачника, причем неудачника во втором поколении. Похоже было, что судьба окончательно отвернулась от этой семьи.

Но Альфред не собирался сдаваться. Несмотря на невзгоды, он продолжал активно искать своих будущих заказчиков: где пешком, а где и на извозчике Альфред обошел и объездил все окрестности Эссена. Затем его путешествия становились все дольше и дольше. Круппу все дальше приходилось уезжать в поисках заказов от родимых земель. Каждую забракованную деталь Альфред воспринимал как выпад лично против него. Его токарные резцы, стамески, напильники, инструменты для обработки кожи и валки для монетных дворов раз от разу становились все лучше и лучше, привлекая покупателей своей надежностью.

Конечно, среди рабочих Круппа были очень опытные специалисты, работавшие на фабрике еще при Фридрихе. По своей квалификации они намного превосходили Альфреда и не нуждались в его советах. Но производству нужен был талантливый менеджер, и молодой Крупп успешно справлялся с этой задачей. Его можно было видеть и у плавильной печи, и в кузнице, и у тигельного пресса, и на дорогах страны. Несмотря на юный возраст, Альфред уже обладал жизненным опытом зрелого человека. Он хорошо понимал, сколько сил нужно было потратить, чтобы организовать производство, точно рассчитать и максимально использовать все ресурсы.

К тому времени, когда умер Фридрих Крупп, на фабрике оставалось всего двое рабочих, которым к тому же нечем было платить. В течение следующих трех лет число возросло до 8 человек, а в 1831 году — до 9. Производство литой стали в период до 1830 года колебалось между 6000 и 9500 фунтами, в 1830 году оно снова упало до 8000 фунтов. Все усилия, словно волны, разбивались о непреодолимое препятствие.

И вот наступил канун Рождества 1836 года. Именно в это время кузен Альфреда фон Мюллер согласился разделить судьбу беспросветного неудачника, согласился довериться тому, на ком лежала печать семейного проклятия. Заслуга фон Мюллера заключалась лишь в том, что он решил подтвердить подпись Альфреда и дал под эту подпись свои собственные гарантии.

Внешне могло показаться, что речь здесь идет лишь об имуществе, но в действительности все обстояло куда сложнее. Дело в том, что и мать Альфреда, Тереза, и бабка, Петронелла, имели свою собственность, вполне достаточную для подобного поручительства. Но они были прямые родственники неудачника Фридриха Круппа, и прусское правительство упорно отказывало им в кредите, словно действуя не по законам здравого смысла, а по суеверному предубеждению. Поэтому стоило лишь кому-то другому поручиться за подпись Альфреда, и кредит тут же был предоставлен. Суеверный страх народного коллективного бессознательного перед капризами судьбы был преодолен. Нашелся кузен фон Мюллер, тоже родственник, но не по прямой линии, который добровольно решил разделить проклятие рода Круппов, за что и был произведен в ранг компаньона будущей знаменитой на весь мир фирмы «Фридрих Крупп».

Весной паровой молот мощностью в 20 лошадиных сил был наконец установлен. Но этот агрегат лишь с трудом можно было на-

звать машиной. Согласно замечаниям, которые остались в записях дотошного Альфреда, клапаны давали течь, плохо работал регулятор тяги, а поршень требовал постоянной смены набивки, поэтому трубы заполнялись в недостаточном количестве и родной брат Герман обязан был организовать целую бригаду рабочих, чтобы самим заполнять до отказа баки. Но как бы там ни было, а этот допотопный агрегат все-таки работал, и вскоре дым из первой промышленной печи начал виться над городом Эссенем.

После того как была установлена паровая машина и молот весом в 450 фунтов начал работать, Крупп перемещает токарную и шлифовальные мастерские из Валькмюле в Альтен-Эссен, в здание новой фабрики. Впрочем, кузница в Валькмюле в необходимых случаях тоже работала, выполняя нужные заказы. Крупп не собирался ничего терять. Так продолжалось вплоть до 1839 года, когда Альфреду пришлось продать этот участок, место, с которого начались несчастья отца.

Затраты на паровую машину и другое оборудование требовали постоянного усовершенствования и вложения новых средств. Предпринятое Круппом расширение фабрики могло бы окупиться только в случае поступления большого числа новых заказов. Родной брат Альфреда, Герман Крупп, которому было тогда чуть больше 20 лет, прекрасно справлялся со своими обязанностями бухгалтера. Альфред же в это время находился в постоянных разъездах по делам фирмы. Оба брата великолепно дополняли друг друга. Прошло еще какое-то время, и Альфреду удалось открыть для своего производства доступ на швейцарский и южнофранцузский рынок. Герману же удалось привлечь к участию в работе своей фирмы Морица Тиса, племянника известного металлургического магната и профессора Фрейнберга Вильгельма Лампадиуса — ученого, который выделил металлургию в самостоятельную научную дисциплину. До этого Тис ездил выполнять поручения фирмы И.Г. Брауна. С 1 августа 1836 года Тис поступает на службу к Альфреду. В первой своей поездке в качестве посредника новой фирмы Тис сумел установить контакты с французскими фирмами в Париже и Лионе. Затем он отправился в Вену, где заключил договор с монетным двором Австрии о поставке валков. В 1838 году Тис отправился в Россию с аккредитивом на 2000 рублей, выданным банком Герштатт.

То, о чем мечтал Фридрих Крупп, — поставка литейной стали его фирмы в большинство стран Европы — стало медленно, но верно осуществляться. В 1836 и 1837 годах были сделаны первые по-

ставки за океан — в Бразилию, а также в Восточную Индию. В год, когда представитель фирмы Круппа ездил в Россию, сталелитейное производство достигло наивысшей точки и выразалось в сумме 90 000 фунтов.

Как только появились первые признаки долгожданного успеха, облик Альфреда стал меняться. В каком-то смысле он прекрасно угадал огромное значение того, что впоследствии будет названо рекламой. Так, в своем письме к прусскому консулу в Христиании, который ничего еще не знал ни о каком Круппе, Альфред хвастливо писал: «Хорошо известно, что мое производство литой стали, основанное еще двадцать лет назад, сейчас достигло таких высот, каких еще никто не достигал на всем континенте».

Известно, что ложь и бахвальство, повторенные бесчисленное количество раз, огромными массами людей начинают восприниматься как правда. Эта технология, используемая в дальнейшем идеологами Третьего Рейха, не была чужда и Альфреду. Благодаря подобным хвастливым письмам было подготовлено общественное мнение. Вскоре всем стало казаться, что Крупп и есть единственный настоящий производитель литой стали в Германии. Нужно сказать, что в 1962 году официальная история британского оружия установила, что пионером в области литейной стали в Германии был не Крупп, а Якоб Майер. Но про последнего стараниями Альфреда со временем все забыли. Постепенно напористого промышленника из Эссена начали воспринимать не в истинном его виде с костистым некрасивым вытянутым лицом и на длинных паучьих ножках, которого много лет преследовали неудачи, а как человека необычайно сильного, способного взять саму судьбу за горло. С ним охотно начали заключать один выгодный контракт за другим.

В реальности же Альфреда продолжали мучить различные фобии. Он являл собой образ двуликого Януса. На поверхности было то, что Крупп хотел выставить напоказ людям, стремясь угадать желания клиентов. Именно с сильным, а главное, удачливым партнером все хотели иметь дело. Слабый хлюпик, обуреваемый бесконечными сомнениями, никому был не нужен. Постепенно Альфред понял, что для поддержания этого воинственного образа не грех прибегнуть и к тому, чтобы приписать себе чужие заслуги или изобретения. В этом смысле он напоминал персонаж сказки Э.Т.А. Гофмана крошку Цахеса. Некая фея из жалости к уродцу вплела в его прядь всклокоченных волос три золотых волоска, обладавших волшебным свойством. Эти необыкновенные волоски заставляли всех окружа-

ющих с восторгом и искренним восхищением относиться к крошке Цахесу, в своей слепоте щедро наделяя его чужими талантами. Не-что подобное не раз происходило и в жизни Альфреда Круппа. Так, он постарался, чтобы имя его конкурента Якоба Майера было навсегда забыто и стерто в анналах истории отечественной сталелитейной промышленности.

В течение многих поколений ложки и вилки делали по заранее изготовленным формам. Полученные болванки обрабатывали затем вручную. Это был долгий и кропотливый процесс. Брат Альфреда, Герман, однажды внимательно изучил испорченный валок. Залив образовавшиеся трещины раскаленным металлом, он обнаружил, что каждая из таких трещин является прекрасной формой для отливки ложек и вилок. Отсюда Герман сделал блестящее заключение: изготовление столовой утвари можно поставить на поток. Так был изобретен ложечный валок. В этой ситуации Альфред поступил весьма просто. Он пришел, увидел и взял, объявив это изобретение своим собственным, а затем начал усиленно трудиться над созданием машины, способной изготавливать ежедневно 150 дюжин ложек и вилок. Герман беспрекословно подчинился завораживающей воле старшего брата.

Именно в это время, по мнению современников, у Альфреда Круппа начала развиваться повышенная подозрительность. Неожиданно он потребовал от своих рабочих, чтобы те принесли ему клятву верности на всю их жизнь. Затем он заменил двери, ведущие в кабинет и на саму фабрику. Они оказались столь массивными, что готовы были выдержать даже мощный взрыв динамита.

Альфред Крупп в силу исключительных особенностей своей личности был своеобразным предтечей будущего германского тоталитаризма. Для своих рабочих в 1838 году он ввел правило, по которому каждый Kurrpianer, который дал клятву верности, но при этом влез в долги, должен быть немедленно уволен. Если же человек опаздывал на пять минут, то из его жалования вычиталась сумма, равная часу работы. И с каждым годом эти правила становились строже. Во время своих бесконечных бессонных ночей, сидя в полной тьме, Альфред любил царапать на бумаге тексты новых правил, которые призваны были еще сильнее привязать рабочих к своему хозяину.

Наконец настало время большого европейского турне по Франции и Англии. Альфред отправился в Париж через Голландию, а в октябре 1838 года он ступил на английскую землю. В это

время ему исполнилось 26 лет, и хотя школьное образование Круппа завершилось в подростковом возрасте, ему удалось самостоятельно изучить языки, и теперь он бегло, правда с ошибками, говорил и писал по-английски и по-французски.

Заранее, в течение года, Альфред планировал свое большое европейское турне. Причины, побудившие его отправиться в столь далекое путешествие, касались, с одной стороны, поисков рынка сбыта для своих стальных валков, а с другой — его мучило простое и вполне понятное любопытство. Тис, который до Альфреда уже успел познакомиться с известными столицами Европы, рассказывал Круппу истории, казавшиеся фантастическими человеку, никогда не покидавшему патриархальной Германии. В них речь шла о гигантских городах, буквально укутанных дымом огромных заводских труб. В такое трудно было поверить.

Вместо себя Альфред оставил двух своих братьев: Германа и Фрица. Сестра Ида должна была помочь матери по хозяйству. Турне привлекало Альфреда еще и потому, что он хотел сам увидеть выплавку знаменитой шэффилдской стали, тайна которой довела отца до могилы.

В это время Британия по-прежнему сохраняла за собой позиции промышленного лидера, и это лидерство ощущалось даже в Руре, где английские инженеры, лучше всех знающие, как по-новому можно использовать кокс, учили немецких шахтеров тому, что рыть шахты следует на триста ярдов глубже, чем это было принято прежде. Англичанам удалось монополизировать шведскую руду, считающуюся самой пригодной для выплавки высококачественной стали. Они по-прежнему продолжали снабжать весь континент лучшими инструментами. Приблизительно к этому времени и относится действие знаменитого рассказа Лескова «Левша», в котором тульский мастер подковал аглицкую блоху. Своя «блоха», свой «зуб» на знавшихся англичан был и у Альфреда Круппа. Очевидно, что Шеффилд продолжал хранить некоторые важные секреты по производству высокопрочной стали, и если единственным способом открыть эти тайны было путешествие в логово врага, то тогда: nach Sheffield.

Но вначале: nach Париж. В этом городе Альфреду нужно было заключить как можно больше контрактов на поставку валков для монетных дворов. Знаменитые бульвары, арки, соборы, шарм и очарование лучшей европейской столицы совершенно не коснулись души Альфреда. Не то чтобы ему все это не понравилось — нет. Просто блеск Парижа находился за границами интересов

Круппа. Путешествие нисколько не обогатило Альфреда духовно. Этот человек, кажется, и не способен был к подобного сорта обогащениям. Письма из Парижа, адресованные братьям, представляют собой сухие отчеты о деловых встречах и больше ничего.

«С помощью Божьей, — писал Альфред из Франции, — я вновь завтра отправлюсь на работу и посмотрю, что еще можно будет предпринять в этой стране. Здесь огромное количество мануфактур и фабрик, которые следует посетить на предмет продажи наших валков». В другом письме он сообщает, что просидел за столом с семи вечера и до половины третьего ночи, скрупулезно составляя список клиентов с адресами и цифрами возможных контрактов». В следующем письме мы узнаем о явном успехе Альфреда на французском рынке: он получил подтверждение на покупку валков на сумму 3000 франков и, по его словам, заказы еще на несколько тысяч франков просто ждут его подписи.

«Если бы мне не необходимо было двигаться дальше в Англию, — писал Альфред, — я бы мог увеличить сумму контрактов раза в четыре».

О самом Париже Крупп сделал весьма примечательную с точки зрения раскрытия его характера запись: «Париж — это место, где умелый торговец всегда может найти чем заняться». И занимался Крупп явно не женщинами, что само по себе может показаться довольно странным, когда речь заходит о столице мира и об одиноком холостяке, вырвавшемся из своей маленькой провинциальной Пруссии на европейский простор.

Его современник Виктор Гюго, например, так описывал одну из парижанок той эпохи, которую вполне мог бы повстречать Альфред, если бы он был открыт миру: «...Фантина была воплощенная радость. Ее густые белокурые волосы, то и дело рассыпавшиеся и расплетавшиеся, вечно нуждались в шпильках и приводили на память образ Галатеи, бегущей под ивами. Ее розовые губы что-то восторженно лепетали. Весь ее наряд производил впечатление чего-то певучего и сияющего. На ней было барежевое платье розовато-лилового цвета, маленькие темно-красные башмачки-котурны, с лентами, перекрещивающимися на тонких белых ажурных чулках, и тот самый муслиновый спенсер, который придумали марсельцы и название которого — «канзу» — означало пятнадцатое августа, то есть хорошую погоду, зной, полдень».

Крупп посетил Париж в августе, но в его письмах нет ни строчки о замечательной природе Франции.

А восторженный Гюго тем временем не унимался: «Казалось, всю природу отпустили на каникулы и она ликует. Цветники Сен-Клу благоухали, дыхание Сены едва заметно шевелило листву деревьев, ветви покачивались от легкого ветерка, пчелы безжалостно грабили кусты жасмина, целая ватага бабочек налетела на тысячелистник, клевер и дикий овес; заповедным парком французского короля завладела шумная толпа беспутных бродяг — то были птицы».

Альфреду Круппу было не до птиц. Ему каждый день приходилось совершать по двадцать, а иногда и по тридцать деловых визитов.

Наивный Гюго при этом писал: «Патриций и уличный точильщик, герцог, возведенный в достоинство пэра, и приказный, «придворные и горожане», как говорилось встарь, — все они подвластны этой фее. Все смеются, все ищут друг друга, воздух пронизан сиянием апофеоза, — вот как преображает любовь! Жалкий писец нотариуса становится полубогом».

Крупп же никаким полубогом не становился и старался не терять времени даром. «Я делаю необходимые заметки непрерывно, весь день. Нельзя пропустить ни одной цифры, — писал он домой. — Иногда останавливаюсь прямо на улице на 10 минут и пишу что-то».

«А легкие вскрики, преследование друг друга в зеленой траве, — никак не мог успокоиться легкомысленный французский писатель, — девическая талия, которую обнимают на бегу, словечки, звучащие, как музыка, обожание, предательское звучание одного какого-нибудь слога, вишни, вырванные губами из губ, — все это искрится, проносясь мимо, в каком-то божественном ликовании. Красавицы сладостно и щедро расточают себя...»

С первой фотографии Альфреда, которую сделали в конце соловых годов XX века, может быть, в том же Париже, на нас пристально смотрит лицо изможденного человека, который, кажется, с большим трудом смог удержаться на плаву. Ему в это время исполнилось всего тридцать семь лет, но человеку на фотографии можно смело дать и все пятьдесят. Волосы изрядно поредели, на лбу появились три глубокие морщины, глаза сузились, смотрят на мир подозрительно и со злобой. Альфред разуверился в удаче и в том, что у мира есть по отношению к нему хоть какие-то благие намерения. Нечеловеческое напряжение, которое не ослабевало в течение многих лет, не могло не сказаться на психике, и без того балансирующей на грани безумия. У Круппа в Париже возникает стойкое желание покончить с собой. Но все обошлось, и приступ

истерии отвел Альфреда от последней черты. Портье парижской гостиницы вызвал во время врача. Неизвестный человек, мало похожий на парижских гризеток, и стал для Круппа той феей, которая спасла ему жизнь. О своем нервном срыве Альфред упомянет между прочим в одном из своих писем, адресованных братьям: «...пять дней я вынужден был провести в постели (5 Tage lang bin Ich nicht aus dem Bett gewesen); у меня были сильнейшие боли во всех членах, что и приковало мое брэнное тело к ложу. Кровь шла носом, голова раскалывалась на части и никакого аппетита — короче говоря, проявились все неприятности, которые угодно было изобрести самому дьяволу».

Судя по письмам, лишь ностальгия по дому в такие минуты была спасительной ариадниной нитью, которая и не позволила Альфреду решиться на самоубийство. «Попросите сестру мою, Иду, — пишет в отчаянии Крупп, — потому что никто, кроме нее, не делает этого лучше, попросите ее описать в следующем письме мой дорогой и милый сердцу Эссен. Пусть она расскажет мне о наших родственниках и друзьях и пусть ничего не упустит в своем рассказе. Я испытываю в этом большую нужду» и вдруг — неожиданный эмоциональный всплеск посреди спокойного повествования: «Если бы невеста ждала меня (Wenn mich zu Hause eine Braut erwartete), то и тогда я не был бы в большей спешке!»

Но письма Альфреда — это не только отчеты о сделках и выражение ностальгии по родине. В этих письмах нашли свое воплощение и обычные фобии Круппа. То вдруг ему привидится, что брат Герман выбрал бракованную сталь для производства валков, то ему покажется, что необходимо срочно заменить клапаны в паровом молоте, то вдруг он увидит во сне, как неожиданно треснул один из плавильных тиглей.

Альфред постоянно спрашивает в своих письмах, надежен ли ночной сторож и можно ли ему доверять в полной мере. «Думаю, — писал он, — что для этой работы необходимо найти еще одного человека, чтобы этот второй страж беспрестанно следил за первым. А за вторым должен приглядывать и третий, которого также, но только в тайне ото всех, следует взять на работу». И вдруг в конце этого параноидального рассуждения мы встречаем полный отчаяния вывод, похожий на библейское изречение: «Но кто в силах помешать уснуть всем трем в одночасье?!»

И тут вновь дает знать о себе еще одна фобия — панический страх перед огнем, перед бушующим пламенем. Больше всего

Крупп боится ночи, когда на фабрике не останется ни души, а сторожа уснут по какой-либо причине. И тогда может начаться пожар...

«Вы сами знаете, — пишет почти в панике Крупп, — как быстро распространяется огонь, и вы знаете, что пламень может уничтожить на своем пути все, буквально все, слышите!»

Альфред даже предлагал братьям выгнать рабочих, которые будут замечены в курении. Все средства были хороши для того, чтобы не допустить пожара.

Но успокоенный обстоятельным и обширным письмом Густава, в котором подробно рассказывалось о делах на фабрике, Альфред набрался сил и решил продолжить свое путешествие. Впереди его ждала Англия.

И здесь Крупп смог отличиться. Из Франции Виктора Гюго он попал в Англию молодого Чарлза Диккенса. Однако письма Альфреда с берегов Туманного Альбиона ни в коей мере не напоминают знаменитых записок мистера Пиквика, хотя их автор также отличается природной чудаковатостью. Письма эссенского путешественника по своей стилистике больше близки чаплиновским комедиям, чем выдержанному повествованию добропорядочного англичанина викторианской эпохи.

«И тут мои штаны на глазах у всех лопнули по шву», — замечает Крупп в одном из своих посланий. Или: «Сегодня какой-то незнакомец угодил мне кремовым тортом прямо в лицо». Но, пожалуй, большее ощущение клоунады создается из-за того, как Крупп описывает свои шпионские приключения в Англии. Его главная цель — выяснить все относительно секрета шеффилдской стали. Ради разгадки этой тайны отец Альфреда, Фридрих Крупп, пожертвовал своим здоровьем и жизнью. Если учесть особенности психики эссенского путешественника, то вполне можно было предположить, что поиски тайны, да и сама шпионская атмосфера должны были создать благоприятные условия для развития еще одной мании.

Так, перед отъездом из Пруссии Альфред специально настоял на том, чтобы его заграничный паспорт был выписан на имя «А. Круп» с одним «п» на конце и без расшифровки имени. По его мнению, это больше походило на английское имя. В свой багаж путешественник положил пару острых шпор. Он был уверен, что верховая езда является обязательным атрибутом любого джентльмена. Если вдруг кому-то вздумается обыскать его багаж, то шпоры все скажут сами за себя.

ФОТОБАНК

Альфред Крупп I

Изо всех сил Альфред старался сохранить свое инкогнито. Он писал из Парижа зашифрованные письма, когда речь заходила о поездке в Англию. Эти письма Альфред отправлял на имя своего компаньона Золинга. Заговорщики в тайне должны были встретиться уже в Ливерпуле и оттуда продолжить свое путешествие вплоть до самого Шеффилда.

Вот как описывает Альфред свою первую шпионскую вылазку, которую он предпринял совместно с Золингом: «Только вчера нам пришла мысль совершить прогулку приблизительно в пяти милях от того места, где мы остановились. И тогда я смог увидеть без чего-либо предварительного уведомления новую фабрику по выпуску стальных валков для медных пластин, которая к моменту нашего приезда проработала совсем недолго и вполне могла считаться новой.

Я был одет соответствующим образом. На мне были высокие сапоги со шпорами, и владелец фабрики, завидев нас, мог быть сбит с толку нашим безупречным видом. Он бы так и остался в недоумении, решая для себя вопрос, почему столь блестящие джентльмены прогуливаются недалеко от его владений».

Но к чему привели все эти шпионские приготовления? Был ли визит Альфреда Круппа по-настоящему успешным? Удалось ли ему разузнать хоть какие-то секреты выплавки знаменитой шеффилдской стали? Пожалуй, на эти вопросы можно дать лишь отрицательный ответ. Поведение Альфреда в Англии напоминало фарс, или водевиль короля вальсов Иоганна Штрауса из Вены. Все, что смог узнать Крупп, так это то, что хорошая сталь получалась из высококачественного железа и благодаря безупречному соблюдению всего сложного технологического процесса. Альфред лишь с горечью признал, что рудники Рура не могли предоставить ему необходимого сырья. Обогащенная руда находилась лишь в Швеции, где уже давно хозяйничали англичане.

Нужно сказать, что в конце 30-х годов девятнадцатого столетия знаменитый секрет Хантсмана уже успел стать всеобщим достоянием. Англичанам уже давно нечего было скрывать. Времена Наполеона и экономической блокады ушли в вечность. Складывалась довольно парадоксальная ситуация: если бы два визитера из Германии, старавшиеся всеми правдами и неправдами сохранить свое инкогнито, напрямую обратились бы к авторитетным людям, то им, безусловно, предоставили бы больше информации, чем та, которую удалось заполучить Круппу и Золингу благодаря своему шутовскому маскарладу.

Так и видятся эти две странные фигуры провинциальных немцев, которые на практике решили разыграть один из сюжетов английского писателя все той же викторианской эпохи, сэра Артура Конан Дойля, о неутомимом сыщике Шерлоке Холмсе и его верном докторе Ватсоне. Еще не было написано ни строчки, еще не родился даже замысел, а прототипы уже бродили по доброй старой Англии, может быть, вызванные из неких черных непроницаемых глубин воспаленным сознанием Эдгара Алана По в далекой Америке. Здесь поневоле задумаешься над тем, что же все-таки управляет миром: идея или материя.

Крупп провел в Англии около пяти месяцев. Ему так и не удалось добыть никакой другой информации помимо той, которую он мог заполучить даже не выезжая из родного Эссена. Однако в целом Англия произвела на Альфреда неизгладимое впечатление. По его словам, уезжая в Британию, он заранее ненавидел всех ее обитателей. Это продолжалось до тех пор, пока Альфред сам не оказался в этой стране и «не нашел здесь добрых, искренних мужчин и женщин». Здесь следует сказать, что для всех Круппов впоследствии, даже в эпоху фашизма, будет характерна абсолютно искренняя англоманья. Феномен, который можно, пожалуй, объяснить лишь с позиций фрейдизма: что-то вроде идентификации себя с агрессором. Англия с ее секретом чуть не разорила весь род, но она же, Англия, являясь самым серьезным соперником и великой индустриальной державой, была идеалом, к которому следовало стремиться, и, как строгий отец по отношению ко всему роду немецких промышленников, заставляла неустанно трудиться, заставляла, несмотря ни на что, крепко держаться в седле.

13 марта 1839 года Крупп окончательно решает в знак своей любви к Британии изменить свое имя на английский манер. При крещении его звали не Альфредом, а Альфридом. Отныне и имя свяжет его с пока еще недостижимым идеалом.

После своей поездки по Англии Крупп вновь окажется в Париже. Однажды утром, продолжая писать бесконечные инструкции своему брату Герману, Альфред неожиданно будет отвлечен от своих занятий резкими криками и выстрелами, доносящимися с улицы. Выглянув в окно, провинциальный немецкий промышленник увидит нечто неопишное: за одну ночь на улицах выросли баррикады. Повозки и фаэтоны оказались перевернутыми вверх колесами — везде сустились вооруженные люди. Альфред быстро сбежал вниз, чтобы собственными глазами увидеть проис-

ходящее. На другой день он отправит домой письмо следующего содержания: «Бунт еще не подавлен в полной мере, но сегодня, думаю, все будет кончено. Если это поможет бизнесу... то черт с ними, пусть бьют друг друга по голове хоть каждый день». Так Крупп стал нечаянным свидетелем свержения июльской монархии. Подобно герою романа «Воспитание чувств» Г. Флобера, Альфред достаточно равнодушно отнесется к происходящему. Может быть, любопытному немцу, как и Фредерику Моро, удалось увидеть и запомнить патруль у городской заставы, ружья в козлах на площади, падающих под выстрелами людей, какого-нибудь «чернобородого пролетария» на королевском троне. Но все это пронеслось мимо души Альфреда, нисколько не задев ее: «...черт с ними, пусть бьют друг друга по голове хоть каждый день». «Анемия души», о которой и писал великий французский писатель, в этом свидетельстве очевидца дала знать о себе в полной мере. Ушла эпоха героических свершений, пришло время трудолюбивого западного буржуа, произошел коренной перелом во всей духовной жизни Запада. «Мадам Бовари — это я», — скажет о себе с грустной иронией сам Флобер. Пошлость, тотальная пошлость станет воплощением нового времени. Нет величия в событиях революции, происходящих на глазах и выдуманного героя Фредерика, и невыдуманного будущего короля пушек Альфреда Круппа, и пошлость как в фокусе сконцентрирована в «революционной картине» другого героя романа Флобера, художника Пеллерена: «Республика, или Прогресс, или Цивилизация под видом Иисуса Христа, управляющего паровозом, который мчится по девственному лесу». В этой картине самое главное — паровоз, несущийся по девственному лесу. Девственный лес Рура уже давно начал редеть в результате постройки новых металлургических заводов, а гудки первого локомотива уже прозвучали в этих местах в день смерти романтика Фридриха Круппа.

Альфреду было все равно, что происходит вокруг, но он предощущал, что его время скоро настанет. В письме к брату Крупп проговаривается: «Вожди наций обязаны делать лишь то, к чему принуждает их долг, в противном случае их надо послать к дьяволу. И тогда все будет в порядке».

О каком долге идет речь в этом высказывании? Может быть, будущий магнат имел в виду власть олигархов, власть больших денег? И тогда правительство — это лишь марионетки в руках тех, кто заказывает музыку.

Но самому Альфреду было еще очень далеко до того, чтобы относиться к властям предрезающим как к простым марионеткам. Блестящие торговые сделки, которые удалось заключить Круппу во Франции, неожиданно превратились в ничто в результате целой серии внезапных и таинственных смертей его клиентов. Так, в течение нескольких лет почти все французские заказчики оказались на кладбище. Это кажется странным, необъяснимым и даже мистическим. Сам Альфред недоумевал по этому поводу и высказывал предположение о некоей «великой чуме», которая обрушилась на Париж и унесла в могилу исключительно людей, причастных к ювелирному или кузнечному делу. Казалось, что Судьба решила вновь испытать Круппов на прочность. Вновь Крупп стал напоминать бедного Иова из соответствующей книги Библии. В отчаянии Альфред заперся на многие недели на чердаке своего дома и, по свидетельству его матери Терезы, лишь иногда подходил к окну и пристально смотрел на небо, словно пытаясь увидеть там хоть какой-то проблеск надежды.

И вновь Круппу помогла его несгибаемая воля, которая, может быть, была обратной стороной его подверженной психозам неустойчивой психики. «Странная история доктора Джакеля и мистера Хайда», которая говорит о непознаваемой двойственной природе человека, пожалуй, наиболее точно подходит к описанию характера Альфреда Круппа, слабого и сильного одновременно. Но как бы там ни было, а этот невротик решил еще раз бросить вызов Судьбе и выйти из смертельной схватки победителем.

На смену внезапно умершим клиентам надо было найти новых. Следовало еще раз обречь себя на бесконечные странствия.

Альфред обращается в правительство с просьбой о предоставлении ему рекомендательных писем для официального представительства от имени фирмы «Фридрих Крупп» в Австрии, Италии, России и «других странах Европы». Известно, что вскоре Альфреда видели в Варшаве и Праге, затем он вновь появился в Париже и Брюсселе, его видели даже в компании Ротшильда: молодой промышленник всеми правдами и неправдами пытался стать поставщиком валков для французского монетного двора. Даже американский континент не казался столь уж далеким Альфреду в его желании как можно быстрее завоевать новых клиентов по всему миру.

В течение нескольких последующих лет Альфреда уже нельзя было встретить на его собственной сталелитейной фабрике. Он трясся в железнодорожных вагонах, по бездорожью в телегах и да-

же верхом. Ему приходилось останавливаться в самых дешевых гостиницах, поводить ночи в неотопливаемых номерах, везде предлагая свои дешевые ложки и вилки, на которых с помощью желобкового валка можно было выгравировать любую надпись, любую амальгаму и придать этим предметам любую форму.

Жизнь Альфреда, которая всегда проходила под знаком одиночества, сейчас приобрела все черты одиночества собачьего. Его друг Золинг, с которым они совершили свою шпионскую вылазку в Англию, писал Альфреду в этот период его бесконечных странствий: «Сейчас Вы напоминаете мне Вечного Жида, проклятого за свои прегрешения на вечные странствия. Всегда в дороге, всегда в пути, постоянно переезжая с места на место. Как вы можете так жить?»

Такое ненормальное существование не могло не сказаться на усилении всевозможных фобий, которыми и без того страдал Альфред. Самый большой и неуправляемый страх, паническая боязнь открытого пламени, всецело завладел душой Круппа. В своих письмах он писал, что рабочим следует запретить курить трубки, что нельзя зажигать спички на территории фабрики. Табак должен быть вообще искоренен среди тех, кто давал клятву верности и продолжает работать на своего хозяина. На эту фобию тут же накладывалась другая: Альфред был уверен, что за ним кто-то постоянно следит, поэтому его инструкции относительно вреда курения с немецкого языка сбивались на французский, и тогда в письмах, адресованных Герману, появлялись следующие фразы: «*Marquez dans la list des ouvriers aux qui fument*».

Он экономил каждый пфенниг, и страх разорения был еще одной непреодолимой фобией Круппа. Этот страх, пожалуй, был хуже всех других, потому что за ним скрывалась тень несчастного отца.

Брат Герман также не терял времени даром и вслед за Альфредом отправился на поиски клиентов. Так, ему удалось в Санкт-Петербурге заключить сделку с неким С. Техельштейном, который купил желобные валки для производства вилок и ложек. В Берлине герр Волдолд заказал еще одну партию тех же самых валков. Упорное нежелание приобретать продукцию фирмы «Фридрих Крупп» сохраняла лишь Вена. Из чего Альфред сделал вывод, что «австрийцы так любят поесть, что им вместо ложек необходимы половники».

Впрочем, ненавидеть австрийцев у Альфреда было достаточно причин. Именно в Вене ему пришлось пережить такие потрясения, связанные с его основным делом, что Крупп в результате всех переживаний сделался абсолютно седым. Как это ни странно, но

Альфред до тридцати с лишним лет продолжал сохранять наивную и опасную для торговца веру в добропорядочность партнера. Взятка и подкуп официальных лиц, например, были вполне обычным делом в деловом мире даже в начале девятнадцатого века. Но Альфред никак не мог с этим смириться и, например, своих русских партнеров, которые были особенно падки на всякого рода взятки, называл не иначе как «Schwindler». Но и взятки не были надежной гарантией успеха. И в этом смысле Вену нельзя даже было сравнить с коррумпированным Петербургом.

Австрия вроде бы являлась братской страной. Как гражданин Пруссии Крупп с трепетом и почтением относился к властям соседнего германского государства.

Про Меттерниха, тогдашнего фактического правителя Австрии, говорили, что он служил трем поколениям дома Габсбургов, хотя никогда не был слугой: императором Францем он руководил, за Фердинанда управлял, а Францу Иосифу давал советы.

С именем Меттерниха связано установление системы Священного Союза. После всех потрясений и потерь, связанных с периодом наполеоновских войн, Священный Союз призван был защитить статус-кво, способствовать сохранению равновесия сил на континенте и с этой целью обеспечивать сотрудничество государств в подавлении революционных движений.

В соответствии с этим грандиозным планом до конца правления Франца I в Австрийской империи внешне царил покойствие. Дунайская монархия стала в 1815 году одной из ведущих великих держав Европы. Австрия играла главную роль в созданном на развалинах Священной Римской империи Германском союзе, где ее главным конкурентом выступала все более укреплявшая свои позиции Пруссия.

Император Франц I вел тихую, размеренную жизнь в кругу своей семьи. Правда, его вряд ли можно было назвать счастливым отцом семейства. Он был женат четыре раза. Первые его жены рано умерли. Детей Франц имел от второй жены — Марии Терезии, дочери Фердинанда Неаполитанского и тетки императора Марии Каролины, т. е. они были дважды кузенами (по отцу и по матери). Это близкое родство не лучшим образом сказалось на детях императорской четы.

Так, большим ударом для Франца, панически боявшегося наследственных болезней, стала умственная неполноценность его первого сына, наследника престола Фердинанда (1793—1875). Он

страдал эпилепсией, и очень скоро выяснилось, что Фердинанд никогда не сможет полноценно управлять страной. Но ни император Франц, ни его советник Меттерних ни за что не хотели отступить от духа легитимности и до конца придерживались права первородства, хотя был в семье и младший вполне нормальный сын — эрцгерцог Франц Карл (1802—1878). Желая возвести на престол слабоумного правителя, Меттерних в этой ситуации, несомненно, преследовал и свои собственные цели. Он заставил императора Франца подписать рекомендации наследнику управлять согласно советам Меттерниха.

Таким образом, во главе огромной империи, игравшей важную политическую роль в жизни Европы, встал совершенно недееспособный монарх, подставная фигура, решения за которого принимались другими людьми. У Фердинанда были периоды просветления, когда он казался вполне нормальным человеком. Император интересовался различными вещами: старинными монетами, акварелью, ботаникой, техникой, позднее его главным увлечением стали железные дороги. Однако все это могло продолжаться до тех пор, пока правитель не погружался в глубокую депрессию.

Важнейшие роли в управлении империей в этот период играли члены высшего государственного органа — государственной конференции, так называемый триумвират: дядя императора эрцгерцог Людвиг, Меттерних и граф Франц Антон Коловрат. Причем последний постоянно находился в оппозиции к Меттерниху и пытался блокировать все его предложения. Часто это приводило к невозможности принятия решений. Существующие политические структуры тормозили дальнейшее развитие государства. Правительство опасалось общественных и политических последствий экономического подъема.

В этой ситуации попытки Альфреда Круппа косвенно с помощью своих предложений поставлять валки и другие товары на австрийский промышленный рынок не могли получить одобрение в высших кругах власти в Вене. Помимо этого в тех же кругах существовали по крайней мере две противоборствующие партии, каждая из которых стремилась заблокировать действия своей соперницы. Создавалось впечатление, будто эпилепсией был поражен мозг не только самого государя, но и вся страна находилась под влиянием общей депрессии.

«Австрийцы, — писал как-то Наполеон, — это нация, которая всегда опаздывает». В случае с Альфредом Круппом можно было

лишь добавить, что с платежами по долгам австрийские партнеры не только опаздывали, но и старались вовсе забыть о каких бы то ни было деньгах. Эти хронические неплатежи по векселям со стороны австрийского правительства, по сути дела, поставили фирму «Фридрих Крупп» еще раз на грань полного разорения.

Осенью 1840 года Альфред подписал контракт с венским монетным двором о поставке валков. Официальные лица хотели немедленной доставки необходимого оборудования и твердых гарантий. В контракте Альфред вынужден был сделать следующую приписку: «В случае, если валки или другие части механизма, поставленные нашей фирмой, сломаются в течение ближайших двух лет, обязуюсь заменить их новыми без дополнительной платы».

Такой контракт был полностью одобрен австрийским правительством, и с этого момента начались трудности. В течение нескольких лет, несмотря на титанические усилия, Альфред так и не мог добиться от властей законной оплаты своей работы. Все чиновники были с Круппом необычайно вежливы, но стоило ему упомянуть о деньгах, как их лица сразу вытягивались и в ответ звучало какое-то невнятное бормотание. Продолжая настаивать на своем, Альфред обычно получал вместо ожидаемых денег лишь разъяснения, в которых говорилось о якобы низком качестве его валков. Крупп готов был их тут же заменить на новые, но в этом, оказывается, не было никакой нужды. «Нет, нет, — вежливо говорили ему, — беспокоиться не о чем. Поломки не такие уж значительные». И Круппу предлагали зайти за деньгами в другое время. Он приходил вновь и вновь и все время получал отказ, который с каждым разом приводил его во все большую ярость.

В конце концов через полтора года Альфред оказался почти без наличного капитала. Все деньги существовали лишь на бумаге, да в форме пустых обязательств венских чиновников. Австрийский монетный двор не собирался возвращать промышленнику ни дорогостоящих валков, ни денег. В отчаянии Альфред написал прошение на имя барона Кибека фон Кубау, австрийского министра горного дела и монетной чеканки, где, в частности, говорилось: «Будучи вынужденным остаться в Вене до благополучного разрешения моего дела, я уже потерял 20 000 флоринов в результате вынужденного простоя и потратил за все это время на свое собственное содержание сумму, равную 7000 флоринам... Из-за всех этих убытков и из-за хронических неплатежей со стороны ваших чиновников я, Ваша Светлость, в данный момент оказался на грани полного разорения».

Но и на это прошение не последовало никакого ответа. Прошло еще несколько недель, и Крупп решил обратиться вновь к министру. Но вскоре ему суждено было узнать, что в Вене времен правления Меттерниха обращаться к властям с подобными прошениями было абсолютно бесполезно. Бюрократическая машина, пораженная идиотией дряхлеющей власти, просто не способна была обращать внимание на подобные мелочи. Власть в Австрии жила по своим, только ей самой понятным законам и не собиралась прерывать свой царственный полубезумный сон, отвлекаясь на писк какого-то комара или раздавленного ею человека.

Альфред же в отчаянии пытался вернуть хотя бы половину причитавшейся ему суммы. Австрийский министр смилостивился наконец и принял у себя Круппа, пообещав, что оговоренная сумма через некоторое время будет все-таки выплачена.

Альфред смог теперь вернуться в Рур и, вооружившись красными чернилами, подсчитал убытки. Пятнадцать лет занятий сталелитейным делом свели в могилу отца. Ровно столько же посвятил фабрике и Альфред и мало в чем сумел продвинуться. Угроза разорения, как голодный волк зимой, все время поджидала Круппа за воротами его дома. В отчаянии Альфред вновь обратился за ссудой в Берлин и вновь получил отказ. Известно, что в этот момент Крупп всерьез обдумывал возможность эмиграции в Россию. По этому поводу он писал: «Прусское правительство ничего не сделало для меня, поэтому я не мог бы считать себя неблагодарным, если бы решился покинуть свою родину и переехать в другую страну. Кто знает, может быть, другое правительство более благосклонно отнесется к развитию собственной промышленности в доступных для него формах».

Трудно даже представить, какой могла быть дальнейшая судьба мира, если бы Крупп действительно эмигрировал в Россию и стал бы обычным русским немцем, каковых наши бескрайние просторы переделывали настолько, что они уже никак не походили на своих тевтонских предков. Но свято место пусто не бывает. Думается, что в Германии Круппов заменил бы кто-нибудь еще, а сталь и пушки все равно выплавляли бы. Само место — Германия — обязывало. А все немецкие промышленники не могли эмигрировать в Россию. Однако короли-то, безусловно, были бы, но характер их мог стать совершенно иным. В них, может быть, не было бы и десятой доли той одержимости, балансирующей на грани безумия, которая и придала в конечном счете всей картине последующей

мировой истории особый готический оттенок. Альфред Крупп и Адольф Гитлер очень бы друг другу понравились, родился они в одно и то же время, как понравился фашистскому диктатору правнук последнего, носящего, кстати сказать, то же самое имя.

И еще одно странное историческое сближение. Австрия чуть не погубила Круппа, а почти через сто лет эта же самая Австрия даст миру некоего Шикльгрубера, больше известного в дальнейшем под именем Гитлер.

Может быть, в самый отчаянный момент своей карьеры Альфред неожиданно получил помощь от своего друга Золинга, с которым он посетил в свое время Англию. Теперь Золинг решил выступить перед Берлином в качестве гаранта. Франц фон Мюллер, который сделал это в прошлый раз, сейчас дрогнул душой и решил уже не связываться с отмеченным несчастьем Круппом. Бывший поручитель, Франц фон Мюллер, в 1844 году вышел из состава фирмы после 9 лет совместной работы, в течение которых он непрерывно рисковал своим состоянием и даже вынужден был заложить собственное родовое имение.

Злой рок был похож на заразную болезнь. Между тем приходилось затягивать пояса. Рацион питания в доме Альфреда, как и в былые времена, вновь сократился до хлеба и картошки.

Однако с 1842 года банк Герштатт предоставил Круппу еще один кредит в сумме 15 000 талеров, который этот банк оформил как ипотечную ссуду под залог металлургического завода. Поручительство Фридриха Золинга, решившего разделить хоть в какой-то мере несчастную судьбу своего друга Альфреда, и помогло вновь избежать полного краха. Благодаря добытым с помощью Золинга средствам, которые в 1846 году составляли 54 596 талеров, Альфред Крупп смог почувствовать некоторую финансовую свободу. Золинг был другом детства, но при этом по условиям договора Альфред обязан был еженедельно отчитываться перед своим фактическим спасителем за все, что было сделано, за каждый потраченный талер. Таково немецкое отношение к деньгам, к золоту, которое, в отличие от русской православной святой расхлябанности, немецкой душой воспринимается с неким мистическим трепетом. Золото еще со времен древних германцев считалось знаком милостивого расположения или проклятия судьбы. Если оно, золото, есть, значит, Бог любит тебя, если его нет — спасайся кто может.

Золинг часто высказывал свои возражения по самым разным вопросам: ему не нравились финансовые распоряжения Круппа, быс-

трое увеличение заводских площадей. Золинг считал, что склад для хранения сырьевых ресурсов выстроен слишком большим и т. д. Советы оказались полезными, и для Круппа наступил период коммерческого успеха, хотя продолжался он недолго.

По иронии судьбы именно в злополучной Австрии Круппу суждено было найти нового и надежного партнера для своего предприятия. Дело в том, что рано или поздно, а вопрос о разделе имущества между братьями и сестрой Идой должен был непременно возникнуть. Альфред ни за что не хотел делиться. Он не собирался отказываться от власти, которая так ему нравилась. Назревающий между наследниками конфликт разрешился следующим образом.

В 1843 году Альфред Крупп начал вести переговоры с венским предпринимателем Александром Шеллером по поводу основания большой, рассчитанной на экспорт фабрики, на которой изготовлялось бы большое количество столовых приборов. Между Круппом и Шеллером в 1843 году было заключено еще два договора. Согласно первому из них, Шеллер отвечал за обеспечение инвестиционного капитала и производственные фонды. Его капитал должен был приносить прибыль в размере 5%. По договору, Шеллер оставался единственным владельцем фабрики до тех пор, пока фирма Круппа не выплатит ему половину всего вложенного им капитала. Крупп и его братья отвечали за оборудование фабрики, они должны были наладить работу и лично руководить производством без всякого вмешательства до тех пор, пока производство не станет регулярным.

Согласно второму договору, Альфред брал на себя изготовление и поставку 5 машин и 33 фасонных валков для производства ложек и вилок; за это Шеллер должен был сразу перевести на счет Круппа в банк Герштатта 1000 талеров, а следующие 11000 — после поставки машин. Под этим предлогом Герман Крупп переехал в Бернфорд в качестве технического директора. При этом он не предполагал, что 23 сентября 1844 года — дата его прибытия — станет рубежом в его биографии и что с этим городом будет связана вся его дальнейшая жизнь.

Недостаточный практический опыт Германа Круппа сказался на работе фабрики, которая на первых порах приносила только убытки. Позднее он напишет в своих воспоминаниях: «Прошло семь лет, пока мы стали зарабатывать».

Фриц Крупп и сестра Ида получили наследство в виде наличного капитала и с этого момента также перестали претендовать на владение фабрикой. Если Ида провела всю жизнь в качестве обыч-

ной домохозяйки, то с братом Фрицем, обладавшим большими талантами изобретателя (например, он одним из первых открыл принцип, по которому работает пылесос и двигатель внутреннего сгорания, но не смог в середине XIX века довести идею до технического воплощения), дело обстояло не столь благополучно.

Фриц Крупп с самого начала вполне мог работать на сталелитейной фабрике под руководством своего брата Альфреда, но, скорее всего, его не устраивало то обстоятельство, что все изобретения приписывались лишь гениальности его старшего брата, фактического хозяина производства. Взяв причитающийся ему наличный капитал, Фриц ушел, чтобы пройти свой собственный путь, полный заблуждений и ошибок. Он организовал с кем-то еще одно предприятие и потерпел неудачу. В 1853 году сердобольный Золинг попытался вернуть Фрица на производство, но безрезультатно. Получая от фирмы брата пенсию, вполне, впрочем, заслуженную, Фриц закончил свою жизнь в Бонне в полном одиночестве, коллекционируя художественные ценности.

Впрочем, становление Альфреда Круппа в качестве хозяина производства осложнилось непредвиденными обстоятельствами. Судьба еще раз решила испытать своего героя. В день, когда Альфред стал полновластным хозяином фабрики, когда наконец осуществилась его заветная мечта, в злополучном Париже, где странная «эпидемия» некогда лишила Круппа всех его заказчиков, на этот раз разразилась самая настоящая революция, которая в марте этого же года бурей ворвалась в Рейнскую область. Известная фирма «Матиас Штиннес», основатель которой умер в 1845 году, прекратила платежи. Банкирская контора в Шаффхаузене в Кельне сделала то же самое. В одном из писем, написанных Идой Крупп в эти дни, говорилось: «Матиас Штиннес, владевший большинством угольных рудников, не только прекратил платежи по векселям, превышающим сумму в 700 000 талеров, но, ссылаясь на невозможность сбыта продукции, уволил много рабочих в Эссене и Мюльгейме, оставив их без куска хлеба. Рабочие начали волноваться, возникли беспорядки, дело дошло даже до вызова военных... Альфред вчера вечером собрал всех рабочих, рассказал им о тревожном времени и о том, чего он ждет от них в этой ситуации. Он просил, чтобы никто из них не принимал участие в беспорядках, если они дойдут до Эссена. Он сказал, что хотел бы, чтобы рабочие не поддерживали смутьянов и даже, наоборот, старались убедить тех, что все должно закончиться без происшествий, по-

сколько это будет лучший выход для всех. Я думаю, что рабочие хорошо восприняли его слова».

В эти беспокойные дни люди на фабриках начали разбирать оборудование; так было, например, на ремшейдерском чугунолитейном заводе Прусской торговой фирмы, который был полностью разрушен рабочими.

От Круппа ушло всего 2 человека и еще двое были уволены; остальные 70 человек остались и продолжили работать. Они даже получали жалование, хотя финансовое положение завода было очень тяжелым. Повторялась ситуация, когда у Альфреда еще в самом начале его карьеры предпринимателя не оставалось в кассе денег для выплаты жалования. Тогда Крупп решился на беспрецедентную меру и отдал в монетный двор в Дюссельдорфе свое фамильное серебро, чтобы переплавить его в монеты. На переплавку отпавались и знаменитые шпоры эпохи поездки в Англию.

Альфред не считал себя спасителем отечества или города Эссена. К нему больше бы подошли слова, которые он сам когда-то произнес при приеме на работу одного из своих родственников: «У нас нет времени для чтения книг, для политики и тому подобного...»

Крупп считал себя лишь ответственным за порядок в собственном доме, каковым и была его фабрика, а рабочие воспринимались Альфредом уже как члены семьи. В этом смысле Крупп сознательно или бессознательно подражал своему королю Фридриху Вильгельму IV, время правления которого как раз и пришлось на период с 1840 по 1886 год. Когда в Берлине произошло восстание, явившееся началом революции 1848 года в Пруссии, в ночь с 18 на 19 марта король Фридрих Вильгельм IV подписал обращение «К моим дорогим берлинцам», в котором возлагал ответственность за репрессии против восставших на «шайку злодеев, по большей части иностранцев», подталкивающих население к бунту. «Ради всего святого» король Пруссии просил берлинцев разобрать баррикады и разойтись по домам, обещая немедленно убрать все войска с улиц и площадей.

Приблизительно так же действовал и Альфред Крупп. И как устояла знаменитая сталелитейная фабрика, так в революционной буре смогла устоять лишь Пруссия, и «германские князья готовы были явиться в Берлин и искать там защиты» на условиях, которые можно было использовать в интересах объединения Германии.

Об этом «лично обаятельном короле» сам Бисмарк писал, что у него немецкое, или «тевтонское», национальное чувство было

«сердечнее и живее, чем у его отца, но его проявление тормозилось из-за пристрастия короля к средневековым формам».

Действительно, этот «романтик на троне», как его называл младогегельянец Давид Штраус, придерживался прямо-таки средневековых взглядов на священную неприкосновенность христианско-феодальной монархии. Именно он придумал новый «романтизированный» военный головной убор — остроконечную каску, ставшую символом прусского милитаризма.

«Я помню, что получил свою корону от всевышнего Господа, и перед ним я ответствен за каждый день и каждый час своего правления, — сказал Фридрих Вильгельм IV в своей речи 10 сентября 1840 года — кто требует от меня гарантий на будущее время, тому я адресую эти слова... Эта гарантия прочнее, чем все присяги, чем все обещания, закрепленные на пергаменте... Кто хочет довольствоваться простым, отеческим *древнегерманским* и христианским правлением, тот пусть с доверием взирает на меня». Следует сказать, что Фридрих Вильгельм IV своей высокопарной риторикой оживил в стране националистические настроения и романтический культ *германской старины*, и Крупп прекрасно уловил это новое веяние времени. Альфред вел себя в сложной ситуации как патриархальный князь, а не как современный хозяин производства. Он делился своей участью, своим фамильным серебром, своим трофеем с теми, кто работал на него, кто доверил ему свою жизнь. В том, что Крупп решился отправить в топку свое фамильное серебро, дабы расплатиться с рабочими, историки увидели жест, во многом напоминающий поступок древнегерманского князя. Это были те самые идеалы, воплощенные в конкретных действиях промышленника из города Эссена, к которым призывала вся официальная политика тогдашней Пруссии. Национальное чувство немцев пробуждалось от вековой спячки, и мир еще не подозревал о тех последствиях, которое это патриотическое чувство могло повлечь за собой.

Три брата Крупп: Герман, Фриц и Альфред — отличались большими способностями в области изобретательства. Подлинной страстью старшего из братьев было оружие. Он начал с того, что решил отлить из тигельной стали стволы для ружей прусской армии. Его отец, Фридрих, как известно, поставлял наполеоновской армии штыки, и сын, похоже, пошел по его стопам. Альфред стал третьим представителем рода, который начал заниматься торговлей и производством оружия. И все это было не случайно. Пруссия, гражданином которой являлся Крупп из города Эссена, никогда не отличалась миролюбием. Еще Фридрих Великий в своем трактате «Антимакиавелли» изложил следующие взгляды на так называемую узаконенную агрессию. В этой книге король говорил о различных видах войн, всецело оправдывая при этом развязывание превентивных нападений. Фридрих считал, что если монарх видит приближение военной угрозы, то, если он достаточно умен, обязательно «решится предпринять наступательную войну», а не будет дожидаться «того безнадежного времени, когда объявление войны может отсрочить лишь на несколько мгновений его рабство и гибель».

Все, с кем Фридрих Великий воевал, узнавали «философа на троне» совсем с другой стороны. Он вынашивал планы захватов в Польше, аннексии Богемии, а Курляндию рассчитывал превратить в зависимое от Пруссии княжество со своим братом Генрихом на престоле.

Взойдя на трон в 1861 году, новый король Пруссии Вильгельм I, которому в дальнейшем суждено было стать германским императором, стал сразу же добиваться реорганизации прусской армии.

В годы правления Вильгельма I войны Пруссии с Данией (1864), с Австрией (1866) и Францией (1870—1871) привели к объединению Германии «сверху» «железом и кровью».

18 января 1871 года. В Зеркальном зале Версальского дворца состоялась официальная церемония провозглашения Германской империи. Для проведения церемонии день 18 января был выбран не случайно. Ровно 170 лет назад бранденбургский курфюрст Фридрих III овладел прусской короной. Так демонстрировалось господство Пруссии во вновь созданной Германской империи.

Так как Вильгельм в основном послушно следовал проводимой Бисмарком политике, последний в своих воспоминаниях не жалел красок для описания достоинств монарха. Бисмарк называл Вильгельма I «бесстрашным офицером на троне», которого «испугать... было невозможно». «Он был джентльменом на троне, человеком благородным в лучшем смысле этого слова... Он соблюдал верность и честь по отношению не только к монархам, но и к своим слугам до камердинера включительно».

Железная дисциплина и патриархальное единение подчиненного и вождя — вот те черты, которые и определяли во многом способ мышления тех, кто жил в ту эпоху в Германии. Складывается впечатление, что Альфред Крупп изо всех сил старался быть полезным своей стране. Его страсть к оружию была востребована самой воинственной эпохой и самим государством.

Так, 22 апреля 1844 года Альфред получил первый официальный заказ на производство орудия. К сожалению, Крупп замешкался с выполнением этого заказа, и лишь три года спустя, в сентябре 1847 года, в Берлине в арсенале Шпандау он смог предложить пушку, вылитую из стали. Так Пруссия получила первое орудие Круппа. Однако военные испытания могли начаться лишь после подавления восстания в июне 1843 года. Через три месяца известия о результатах испытаний наконец-то достигли Эссена. Альфред прочитал официальную бумагу и был буквально ошеломлен. В документе снисходительно сообщалось, что пушка, выплавленная из тигельной стали, хорошо показала себя на стрельбах, но при этом делалось абсурдное предположение о возможном взрыве орудия, если его зарядить большим, чем положено по инструкции, количеством пороха.

Дело в том, что военная мысль и пушечное производство в сороковые годы девятнадцатого века находились во власти устаревших представлений, и никто их в ближайшее время не собирался пересматривать. Еще с эпохи битвы при Ватерлоо считалось, что английская артиллерия лорда Виллингтона лишь потому смогла победить в

дуэли с артиллерией Наполеона, что пушки англичан были вылиты из бронзы. Косность представлений и консерватизм — вот те черты, которые характерны для любой армии мира. Они-то и тормозили триумфальное шествие индустриальной революции общества в области военных вооружений, и Круппу с его тигельной сталью пришлось не один год обивать пороги министерств и ведомств, пока в высших кругах к нему не стали относиться с большим вниманием и уважением.

В официальном отказе было написано следующее: «Мы не в силах рекомендовать вам продолжить ваши дальнейшие разработки в производстве орудийных стволов из стали, поскольку этот материал не только ненадежен в боевых условиях, но и достаточно дорогостоящ».

Следует отметить, что Альфред Крупп был далеко не одинок в своих мытарствах. Так, Самюэль Морзе, изобретатель знаменитого телеграфа, имеющего такое огромное военно-стратегическое значение, потратил восемь лет на всевозможные убеждения, пока не появились первые телеграфные столбы.

Высший офицерский корпус различных стран мира, воспитанный на военной доктрине восемнадцатого века, не в состоянии был разглядеть новых многообещающих перспектив в предложениях молодых гениев, которые касались проблемы более эффективного истребления рода человеческого. По этой причине косные мозги вояк никак не могли взять в толк, что влечет за собой изобретение англичанина Генри Шрапнеля или фантастический проект немецкого графа Фердинанда фон Цеппелина.

Плохо ли это было или хорошо? Скорее хорошо, чем плохо. Если бы военная наука и до сих пор сохранила неповоротливость мышления старого офицерского корпуса, продолжающего и в середине девятнадцатого века жить феодальными представлениями о войне и воинской чести, то, может быть, и мировым войнам, которые поставили убийство на механизированную промышленную основу, просто не было бы возможности развернуться в полную мощь. Но прогресс на то и прогресс, что он является обратной стороной регресса. Фаустианский принцип, воспетый Гете, давал в полной мере знать о себе, и германской монархии оставалось совсем короткий отрезок времени пребывать в блаженном неведении относительно того, что крупповская пушечная сталь сможет выдержать любой заряд и сможет посылать любые снаряды на немыслимое расстояние, превращая в прах все живое.

Альфред Крупп в это время жил как в лихорадочном бреду, может быть, в полной мере осознавая свое предназначение. Несмотря на отказ, он продолжал работать над созданием новых образцов пушек. В его время артиллерия отличалась особым консерватизмом, ставившим преграды любым попыткам хоть что-то изменить в этой области. Так, орудийный порох середины XIX века по своему составу мало чем отличался от того самого пороха, который давно-давно изобрели китайцы и который они с таким успехом использовали против монголов еще в 1232 году.

Не было осуществлено и серьезных изменений во внешнем виде орудий с того самого момента, когда первые пушки появились на мировой исторической сцене в конце 1400-х годов. Пушка образца 1840 года так или иначе продолжала напоминать допотопные орудия пятнадцатого века, когда ремесленникам эпохи Возрождения впервые пришла мысль использовать форму, предназначенную для отливки церковных колоколов, в военных целях. Это был первый ствол орудия, способного разбрасывать на большие расстояния тяжелые камни. Лишь в 1515 году умельцы из Нюрнберга догадались использовать колесный замок. Несколько лет спустя французы предложили вместо тяжелых камней метать во врага круглые ядра.

Как известно, Наполеон Бонапарт считался превосходным артиллеристом. По признанию лорда Виллингтона, французский император мог использовать артиллерию целой армии с такой же легкостью, как джентльмен пистолет во время дуэли. Пушки были настоящей страстью корсиканского выскочки. По его меткому выражению: «Огонь – это все» («Le feu est tout»), Наполеону удалось использовать некогда неповоротливую артиллерию в тактических целях. Обычно он сосредотачивал массу орудий в каком-то одном месте и на коротком расстоянии сжигал огнем все живое. Но даже его гению было не по силам что-либо кардинально изменить в средневековой технологии, хотя хорошо известно, как император любил поощрять изобретателей.

Адский огонь, изрыгаемый жерлами орудий, завораживал многие величайшие умы своими не раскрытыми еще до конца возможностями в деле массового истребления рода человеческого. Так, за три с лишним столетия до появления пушечного короля Альфреда Круппа великий Леонардо да Винчи уже мечтал о создании полевых орудий, которые можно было бы заряжать с казенной части ствола. Но самым главным препятствием на пути усовершенствования артиллерии была отсталая металлургия. К моменту, когда

Альфред Крупп впервые создал орудие из стали, военная промышленность была абсолютно невежественной в области различных химических процессов, которые сопутствовали любому изготовлению орудия. Смелые попытки в области усовершенствования артиллерии казались безрезультатными, хотя находились смельчаки, которые продолжали без устали искушать судьбу и провоцировать смерть. Каждый раз после очередной неудачи им приходилось возвращаться к своим чертежным доскам, и кровь капала пятнами на их белоснежный ватман.

Дело в том, что ни один известный металл не был способен выдержать большое количество порохового заряда. Стоило заложить чуть больше взрывчатого вещества, и орудие тут же разрывало на куски. Пушки из чугуна были впервые использованы Густавом Адольфом во время Тридцатилетней войны, когда первый из Круппов и попытался разжиться на продаже мушкетных стволов. Но чугун оказался необычайно ломким и опасным в употреблении из-за высокого содержания углерода в своем составе.

Во время осады Севастополя, которая произошла ровно через семь лет после того, как официальные власти Пруссии отказали Круппу в использовании стальных орудий, рев чугунных мортир отозвался погребальным звоном во многих семьях английских артиллеристов. Когда русское общество узнало, что автор чудной повести «Детство» Лев Толстой является командиром одной из артиллерийских батарей, задействованных все в том же Севастополе, то Тургеневу и Чернышевскому было о чем волноваться: brave офицер мог погибнуть не только от вражеского ядра или пули, но и от собственного орудия. Чугунные монстры имели обыкновение взрываться сами собой, словно в армии крысиного короля из сказки Гофмана «Щелкунчик».

На смену опасному для жизни, ненадежному чугуну рано или поздно должна была прийти ковкая сталь. Но и в этом материале таилась скрытая опасность. Ковкая сталь была уж слишком мягким материалом, и экспериментальные орудия взрывались почти с такой же легкостью, с какой это делали их чугунные предшественники.

И вновь инженерам приходилось возвращаться к чертежным доскам, и вновь капли крови, как начинающийся летний дождик, без устали падали на белый ватман.

Но именно за сталью было будущее, однако первые неудачи усиливали лишь позиции консерваторов. Использование бронзы казалось наиболее приемлемым. А если учесть тот факт, что Анг-

лия в середине девятнадцатого века по-прежнему считалась наиболее развитой в промышленном отношении державой, то памятная победа бронзовой артиллерии лорда Виллингтона над Наполеоном считалась наиболее веским доказательством в пользу испытанной в боях бронзы.

Но Альфред Крупп не собирался сдаваться. Он чувствовал, что ему удалось наткнуться на нечто очень важное и перспективное. Крупп захотел переубедить самих англичан. С этой целью Альфред решил принять активное участие во Всемирной лондонской оружейной выставке, которая состоялась в 1851 году в Хрустальном дворце под покровительством принца Альберта. Эта выставка стала своеобразным символом экономики завтрашнего дня.

Следует сказать, что в Лондоне первоначально даже и не предполагалось отводить место для экспозиции из Пруссии. В 1851 году эта страна считалась лишь одним из многочисленных германских государственных образований в середине Европы. Крупп настаивал на том, чтобы место было все-таки предоставлено для его сталелитейной фирмы. Он сильно хотел этого лишь потому, что был абсолютно уверен — успех в Лондоне, признание его заслуг в самом центре промышленной революции неизбежно принесет и признание у себя на родине, ибо «нет пророка в своем отечестве».

В качестве своеобразного соревнования промышленникам Европы было предложено задание выплавить самый большой по размеру и весу блок ковкой стали. И каждый в целях саморекламы начал хвалиться, что именно ему удастся произвести на свет так называемый «слиток-монстр». На всемирной выставке в Лондоне, по замыслу организаторов этого соревнования, и должен был определиться истинный победитель.

Альфред понимал, что Судьба, может быть, предоставляет ему шанс, который бывает лишь один раз в жизни. По мнению Круппа, немца, воспитанного в условиях прусской монархии с ее палочной дисциплиной и ориентацией на «древнегерманские ценности», «слиток-монстр» могла произвести на свет лишь хорошо обученная и покорная воле хозяина большая армия квалифицированных рабочих, готовых на все ради славы своего лидера. Ведь не случайно в голодный год их хозяин разделил с ними общую участь, не случайно ради великой цели в течение всей своей сознательной жизни он отказывался от самого необходимого, тем самым завоевывая какую-то феноменальную преданность среди своих подчиненных. А к нужному моменту армия в распоряжении Круппа уже была достаточно внушительная и насчитывала без малого 250 че-

людей. Здесь нужно забежать вперед и сказать, что после успеха в 1851 году в знаменитом Хрустальном дворце крупновская армия, которая, по военным меркам, к моменту соревнования равнялась лишь неполному батальону, благодаря достигнутым результатам подскочит до размера в 1000 человек.

Крупп лично участвовал в выплавке своего «слитка-монстра». То и дело выкрикивая команды и проводя день и ночь на фабрике, он не отставал от своих рабочих. Ценой невероятных усилий ему удалось добиться необычайно высокого температурного режима. Остается лишь догадываться, с помощью какого напряжения всех внутренних сил Альфреду приходилось подавлять в себе природный страх перед открытым пламенем. По свидетельству современников, девяносто восемь тиглей должны были работать одновременно без малейшего перебоя. И Круппу удалось добиться почти невозможного: из его топки вышел настоящий «Монстр» весом 4300 фунтов. Это был огромный стальной слиток, чудо тогдашней технологии.

Альфред уже предвкушал победу и позволил себе не характерную для его сдержанной манеры запись: «Мы заставим англичан смотреть на нас с восхищением». Крупп предупреждал также своего помощника до поры до времени держать язык за зубами. Оказавшись в Лондоне раньше того, как там должен был появиться его «слиток-монстр», Альфред осуществлял что-то вроде рекогносцировки вражеской территории. В одном из своих писем в Германию он писал: «Британские газеты заранее трубят о своей победе и утверждают, что оглушительный триумф ждет сталелитейщиков из Шеффилда, чей «Монстр» весит 2 400 фунтов. Какая наивность...»

В Лондоне Альфред был уже в начале апреля. Одно из семейных преданий гласит, будто Крупп, находясь на выставке, подошел к английскому слитку, уже выставленному на всеобщее обозрение в Хрустальном дворце, и лезвием перочинного ножа, сделанным из собственной тигельной стали, провел по поверхности шеффилдского «Монстра». «Большой, но плохой», — якобы только и смог произнести будущий пушечный король.

Но как бы там ни было, а шеффилдский слиток уже находился на выставке в то время, как Круппу оставалось лишь с нетерпением ждать прибытия в Англию своего чуда. Лондонцы, может быть, и готовы были открыть рот от удивления, но удивляться пока нечему было. Альфреду пока приходилось лишь довольствоваться малой экспозицией, которую он сумел привести с собой из Эссена. Это были все те же валки для монетных дворов, амортизационные пружины для пассажирских железнодорожных вагонов. В каталоге

выставки Альфред сделал весьма примечательную запись: «изделия из кованой стали с низким содержанием углерода, отличающиеся также чистотой состава и твердостью». Но на устроителей выставки эта реклама, по всей видимости, не произвела должного впечатления. В общем списке экспозиция Круппа шла лишь под 649 номером со следующей пометкой: «промышленник и инвестор из Эссена, что близ Дюссельдорфа». Как известно, город Эссен в то время даже не был указан на картах, которыми пользовались в середине девятнадцатого века по всей Англии. Можно сказать, что для чванливых англичан Альфред прибыл из какого-то Богом забытого медвежьего угла.

Расхаживая по Хрустальному дворцу и ожидая прибытия своего «Монстра», Альфред каждый вечер отбивал на родину одну телеграмму за другой, и все они были похожи на сигнал S.O.S. Он торопил своих распорядителей, чтобы те как можно скорее отправили в Англию «оставшуюся часть экспозиции».

«Слиток-монстр» появился на выставке в самый последний момент, накануне закрытия и, действительно, произвел самый настоящий фурор. Все сталелитейщики с восхищением шли смотреть на неожиданно появившееся перед ними чудо. Круппу тут же присудили золотую медаль и начали называть его гением сталелитейной промышленности. Чем больше экспертов исследовало слиток, чем больше они получали подтверждение в том, что это первокласснейшая сталь, тем волна охватившего всех восхищения продолжала набирать силу.

Однако для широкой лондонской публики не это поистине необычное достижение было по-настоящему интересно. Толпу зевак привлекло рекламное шоу, которое устроил в последний момент Крупп рядом со своей экспозицией. В ожидании «Монстра» у Альфреда созрело решение выставить образцы вооружения, изготовленные из отшлифованной до блеска стали. Гвоздем выставки стала как раз та самая пушка, которую отвергло прусское правительство. Это оказалось шестифунтовое орудие, сверкающее как зеркало. Вокруг пушки картинно разложили рыцарские латы, а над головой раскинулся шатер, напоминающий палатку крестоносца эпохи тевтонского ордена со щитом наверху. Прусский королевский флаг был закреплен еще выше. Он как бы осенял собой все это романтическое сооружение в духе художников-прерафаэлитов.

Необычная композиция не могла не произвести впечатления на дам викторианской эпохи, которые жили в основном во власти своих романтических грез. Отполированная до зеркального блеска

сталь, конечно, не могла появиться в эпоху Людовика Святого, но в этом-то как раз и заключался основной смысл задуманного рекламного представления. Дамы воспринимали оружие как необходимый романтический атрибут. В зеркальной стальной поверхности они могли видеть отражение своих лиц, что делало их причастными к представлению. Доспехи буквально завораживали, сводили с ума женскую половину публики. Они видели в этих железках не реальное средневековье, а воплощение своего воображаемого мира.

Перед самым закрытием Хрустальный дворец решила посетить королева Виктория. Больше всего на нее произвел впечатление не стальной крупновский «Монстр», а все те же рыцарские доспехи. Королева оказалась самой главной мечтательницей своего государства. Есть в ее исповедях признания, свидетельствующие о конфликтах между осознанием лежащего на ней долга и естественными потребностями быть самой собой. Ненавистно было для нее утреннее вставание, умывание. Мало интересовали туалеты. Она жаловалась, что тесные платья мешают ей дышать. В то же время ее беспокоила излишняя полнота, и она не раз давала себе зарок отказаться от любимых блюд, но все благие намерения оказывались тщетными. Влюбившись в Альберта Саксен-Кобург-Готского, Виктория по собственной инициативе предложила ему свою руку. После свадьбы в кабинете королевы был поставлен второй письменный стол — для любимого мужа. Виктория писала в дневнике: «Я читаю и подписываю бумаги, а Альберт их промокает...»

О том, что она станет правительницей Англии, Виктория узнала, когда ей исполнилось двенадцать лет, и воскликнула: «Я буду хорошей!» Самой очевидной заслугой ее явилось очищение короны от комьев грязи, налипших за предыдущие полтора столетия от монархов и их семейств, не отказывавших себе ни в чем ради удовольствий, в том числе и сомнительных. Если бы дело продолжалось так дальше, институт британской монархии, может быть, не устоял бы перед коренной радикализацией общества. Своими достижениями королева Великобритании обязана была не интеллекту, а характеру, умению справиться с тем, что мешало ей выполнять свое предназначение. Она отдавала отчет в своих возможностях и потому старалась опираться на советы тех, кому доверяла, и кто обычно оправдывал это доверие.

В это время начал складываться культ королевы Виктории. Подданные Ее Величества ожидали быстрого триумфа британского оружия в надвигающейся войне с Россией. Разве Англии не предназначено править на морях? Расширить имперские владения? Та-

ков был дух первой Всемирной выставки в Лондоне, устроенной по инициативе любимого мужа королевы, Альберта, в 1851 году.

На следующее утро после посещения выставки королевой об экспозиции никому не известного до этого момента эссенской сталелитейщика Альфреда Круппа начали писать почти все ведущие лондонские газеты. В статьях проскальзывали нотки обиды за то, что шеффилдская сталь потерпела столь сокрушительное поражение, и поэтому об экспозиции Круппа писали с оттенком легкой иронии. Например, репортер из «Обсервера» замечал, что «сталь может оказаться настолько хрупкой, что мы заранее вынуждены высказать сомнение относительно того, сможет ли выставленное на показ орудие выдержать большой заряд пороха». А репортер «Дейли ньюз» указывал на безукоризненный внешний вид пушки и выражал сомнение по поводу того, сможет ли столь блестящее и чистое приспособление быть пригодным в полевых условиях. Репортер же из «Иллюстрейтед Лондон ньюс» писал в негодовании: «Прекрасная пушка герра Круппа — это не что иное, как фокус». Альфреду так и не удалось продать свою начищенную до блеска пушку на лондонской выставке. Однако жюри смогло высоко оценить гигантский стальной слиток, и свое восхищение оно выразило в следующих выражениях: «Ни одна другая страна не смогла представить стального слитка таких размеров и такой красоты. Члены жюри не смогли вспомнить ничего подобного в своей многолетней практике».

Лондонская выставка стала для Круппа великолепной рекламой. Успех позволили Альфреду заключить с британской фирмой «Илкингтон, Мейсон и К°» договор на 8000 фунтов. Полученная от этой сделки прибыль дала возможность погасить ипотечную ссуду в банке Герштатта и временно погасить счет в банке Оппенгейма.

Отныне Альфред старался уже не пропускать ни одной подобной выставки. Так, в 1854 году на Промышленной выставке в Мюнхене Крупп представил собственное последнее изобретение. Благодаря исключительной энергии, которая в те годы еще побеждала его физические недомогания, Альфреду удалось полностью изменить производство на фабрике. Там появились первая механическая мастерская, первый прокатный цех, новый кузнечный цех, чугунно-литейный завод, пудлинговый завод, большой бандажный стан и еще одна механическая мастерская.

Однако знаменитая лондонская пушка все-таки смогла привлечь к себе внимание высокопоставленных лиц в родной Пруссии. Это орудие, к которому относились как к декоративному украшению, заняло свое постоянное место во дворце в Потсдаме.

Вскоре заводы в Эссене решил посетить тогдашний наследник престола, будущий германский император Вильгельм I, прозванный «картечным принцем». Он был настолько поражен увиденным, что наградил Альфреда орденом «Красного орла» четвертой степени (Roter-Adler-Orden), которым награждали лишь генералов. А некоторое время спустя на Всемирной парижской выставке, которые французы организовали в 1855 году в пику заносчивым англичанам, император Наполеон III, подобно своему предку, страстно любившему артиллерию, был поражен видом новой двенадцатифунтовой стальной пушки Круппа. Правитель Франции приказал взвесить орудие и искренне удивился тому, что пушка Альфреда весила на двести фунтов меньше, чем ее бронзовые аналоги того же калибра. Изобретение немецкого промышленника было предложено тут же испытать в районе Венсенского замка. После трех тысяч залпов эксперты не смогли обнаружить ни малейшего повреждения. Наполеон III пожаловал Альфреду Круппу орден кавалера Почетного Легиона.

Уверенность в том, что бронза является единственным надежным материалом для производства оружейных стволов, была настолько сильна в ту эпоху, что Альфреду, несмотря на орден Почетного Легиона, так и не удалось получить военных заказов от Франции. С завидным упорством Крупп решил разослать в качестве подарка дворам Швейцарии, Австрии и России образцы своих стальных орудий с настойчивой просьбой испытать их в деле.

Таким образом, стальная пушка Круппа оказалась и в руках искусственных русских генералов во время царствования Александра II. День за днем русские артиллеристы стреляли из этого подарка Круппа по дальним целям и после четырех тысяч выстрелов скрупулезно осмотрели ствол на предмет возможных повреждений, но, как утверждают современники, не смогли обнаружить даже царапины. «Бронза, — вынуждены были согласиться генералы, — не выдержала бы таких испытаний». Это обстоятельство произвело на русских экспертов такое сильное впечатление, что на общем собрании решено было принять самые решительные меры относительно продукции фирмы «Фридрих Крупп», и чудо-орудие отправили в Петропавловскую крепость в музей артиллерии как некий каприз, этакую техническую причуду. Ситуация с пушкой Круппа один к одному напоминала ситуацию с аглицкой блохой из сказки Лескова; иностранная затея годами пылилась среди забытых вещей покойного императора Александра Павловича, пока на нее не обратили внимание.

Пятидесятые годы девятнадцатого столетия для немолодого уже Круппа стали временем больших перемен не только в профессиональной карьере. В жизни Альфреда образовалась невосполнимая пустота с того момента, как Ида оставила его дом. Тереза прекрасно знала, как приготовить любимое блюдо для своего сына, она мыла полы, убирала за Альфредом постель и держала весь дом в идеальном порядке. У Альфреда не было времени на все эти заботы, к тому же он был воспитан в том духе, что труд мужчины и женщины должен быть разграничен. Как и большинство мужчин средних лет, для которых неизбежно наступает критический период в жизни, Крупп начал оглядываться по сторонам в поисках подходящей пары. После успеха на лондонской выставке Альфред все чаще и чаще начинает испытывать вполне понятное беспокойство. В письме к одному из своих варшавских партнеров он так описал холостяцкую жизнь: «Быть старым холостяком в Варшаве, наверное, просто ужасно; впрочем, такое состояние не доставляет радости везде, где бы вы ни находились».

Скрытое раздражение подтачивало внутренние ресурсы, отвлекало от работы, и решительный Альфред не мог слишком долго мириться с этим. Он хотел разрешить данную проблему раз и навсегда. Так, 24 апреля 1853 года Альфред уже писал из Кельна: «Спустя годы после того, как я дал себе слово непременно жениться, наконец-то мне удалось найти ту, с которой начиная с первой встречи я, надеюсь, обрету счастье, о чем, честно говоря, прежде мне даже и мечтать не приходилось. Леди, с которой я вчера был помолвлен, Берта Эйшхофф. Она живет здесь, в Кельне».

И дальше шла подпись: «Искренне Ваш и счастливый Альфред Крупп».

Чувства самой Берты для нас так и остались загадкой. Пожалуй, она была слишком обескуражена случившимся. Период ухаживания оказался необычайно коротким и в высшей степени оригинальным. Бедная девушка была буквально захвачена врасплох. Знаменитая первая встреча, после которой Альфред влюбился в свою будущую невесту, произошла в кельнском театре. Берта на глазах у всей публики прямо в партере наткнулась на необычайно худого человека.

К этому времени Альфред сумел заработать себе хроническую бессонницу, незварение желудка и все чаще и чаще впадал в депрессии. Врач, лечивший Альфреда в это время, так описывает своего пациента: «Он выделялся из толпы своим высоким ростом и чрезвычайной худобой; черты лица правильные, но рано состарившиеся. Лицо бледное и в морщинах. Ход развития повлиял на его самосознание в сторону большой уверенности в своих силах; иногда эта уверенность граничит с манией величия; он выглядит и ведет себя с достоинством князя, но наряду с этим в нем проскальзывают черты мелочного человека».

Взгляд этого необычного типа поразил Берту: незнакомец буквально не сводил с нее глаз. Одет он был в неподобающий для театра костюм для верховой езды, облепленный к тому же комьями грязи. Человек стоял, нагло подбоченившись, в проходе между рядами и всем мешал пройти: его явно интересовала только девушка, но он не собирался причинять ей вреда, скорее, наоборот.

Дело в том, что Альфред и не собирался идти в этот день в театр. Просто по дороге к своему партнеру, к которому он спешил для заключения очередной выгодной сделки, ему повстречалась девушка, сумевшая пробудить в душе невротика неизвестные ему доселе чувства. Решение было принято молниеносно, по-военному, прямо в седле. Крупп соскочил на землю и последовал за девушкой. Альфред ухаживал за своей будущей супругой в течение месяца, каждый раз повторяя вместо признания одну и ту же фразу: «Я думал, у меня кусок стали в груди, а там оказалось сердце» (...hatte Ich ein Herz). Берте оставалось лишь подчиниться столь сильному натиску, и в конце концов она произнесла в ответ: «Ja».

В Эссене помолвку восприняли как большой долгожданный праздник, и всю ночь пушки Круппа стреляли в звездное небо Рурра. Верноподданные же рабочие и служащие по всем законам феодального права славили господина песнями и гимнами и в конце устроили факельное шествие по узким городским улочкам.

Альфреду не суждено было познать настоящее семейное счастье. Его беспокойный характер оказался непригоден для тихой жизни в уютном гнездышке. И дело здесь не только в самой Берте, которую многие биографы упрекают в измене и прочее. Пожалуй, ни одна женщина не смогла бы ужиться с этим необычным человеком. Иногда в порыве откровенности Альфред признавался, что он сам себе большая обуза, сам себе в тягость. Брак, начавшийся столь необычно, оказался обреченным.

Свой скелет в шкафу был не только у Круппа. Дело в том, что и Берта, как и ее супруг, не могла похвастаться душевным здоровьем, хотя и производила впечатление вполне нормального человека. Начнем с того, что невеста не принадлежала к так называемым патрициям, т. е. не имела родственников среди знатных местных родовитых промышленников. Ее дед служил у архиепископа кондитером, а отец сделал удачную карьеру чиновника и дослужился до налогового инспектора. В 1853 году Берте исполнился двадцать один год. Она считалась красавицей с очень выразительным взглядом голубых глаз. Ее волевое лицо с крупными чертами и выступающим вперед подбородком говорило о внутренней силе. Молодая женщина резко выделялась на фоне изможденного, покрытого морщинами и рано состарившегося облика Альфреда, который к тому же был вдвое старше своей невесты. Впрочем, такие браки тогда ни у кого не вызывали осуждения.

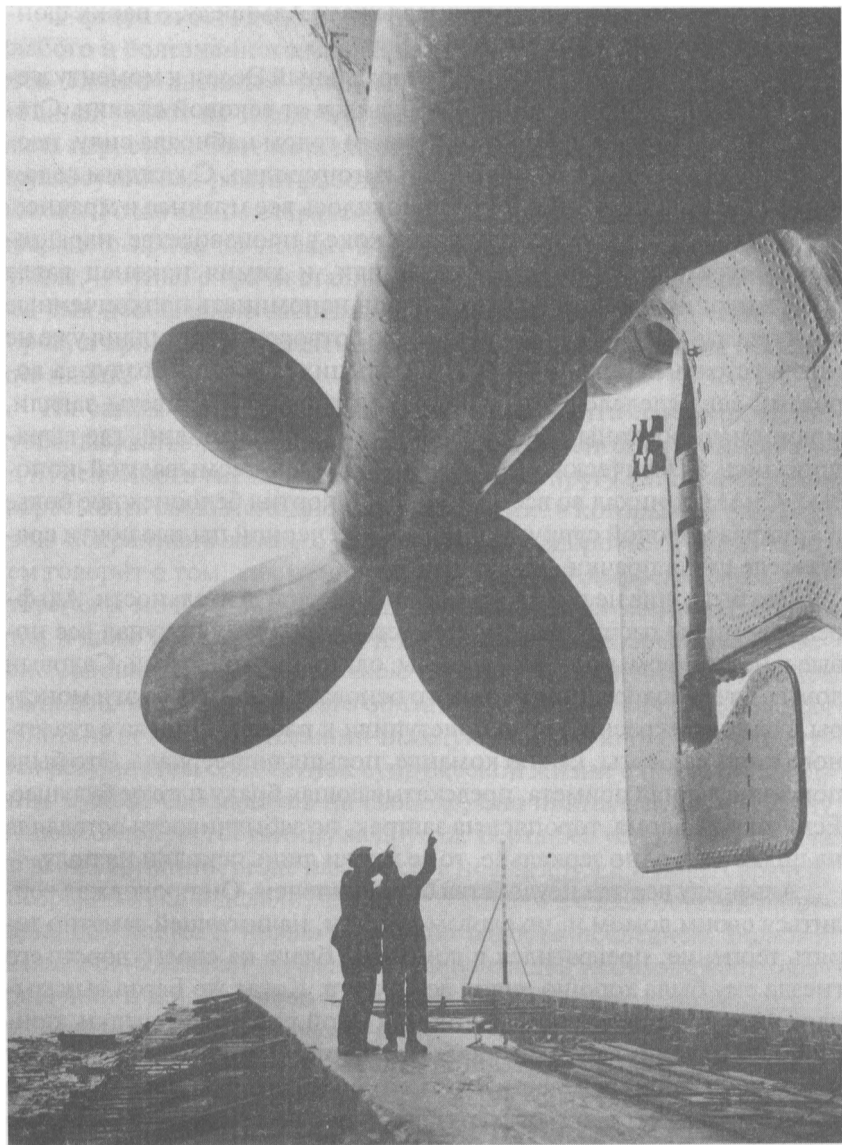
Будущий муж до последней минуты не смог заподозрить и тени подвоха. А дело заключалось в том, что ипохондрик женился на ипохондрике. И если у одного из них отклонения были написаны прямо на лице, то у другого, или у другой, они тщательно скрывались за маской здоровья, благополучия и молодости. И слабости Берты были наделены такими же противоречивыми свойствами, что и слабости Альфреда: в них, в этих слабостях, скрывалась какая-то тайная сила, способная к долгому и изнурительному для нападавшего сопротивлению. Дракула ошибся и взял в жены не покорную жертву, из которой так удобно было бы пить кровь, а существо родственное ему и наделенное теми же свойствами кровожадного вампиризма. Но будь Берта другой, то, несмотря ни на какую любовь, Альфред извел бы, иссушил свою супругу в один короткий миг, а так жена будущего пушечного короля сумела не только выжить в поистине нечеловеческих условиях быта, но и подчинить себе в какой-то мере необузданную и строптивую натуру мужа.

Чувства Берты по отношению к супругу были и остаются до сих пор для биографов большой загадкой, чего никак нельзя сказать об

Альфреде. Как знать, может быть, именно в этой скрытности и заложен залог победы над своенравным мужем? Крупп же в отличие от своей молодой избранницы любил всячески демонстрировать свою неземную любовь по отношению к ненаглядной Берте. Из всех сил Альфред старался сделать молодую жену счастливой. Убогое жилище, в котором он обитал до сих пор, оказалось явно непригодно для его нынешнего семейного состояния. Скромный домик с этого момента превратился в памятник несчастному отцу Альфреда. Хижина к тому же напоминала рабочим, что их хозяин долгое время вместе с ними делил нужду и горе в постоянной борьбе со всемогущей Судьбой, которую все-таки удалось схватить за горло. Именно с этой пропагандистской целью, по замыслу Круппа, была изготовлена специальная мемориальная доска.

19 мая 1853 года Альфред обменялся с Бертой кольцами, а затем благополучно переехал в новое жилище. Жених назвал его Gartenhause («Нашим садовым домиком»). Судя по сохранившимся фотографиям, семейное гнездышко двух невротиков являло собой некую сумасшедшую конструкцию, способную удивить даже искушенных в области всевозможных архитектурных излишеств специалистов. Выстроенный посреди производственных площадей, дом Круппов был, с одной стороны, частью завода и поэтому покрывался копотью и страдал от шума и непрекращающейся тряски, а с другой — он призван был производить впечатление оазиса, появившегося, как по волшебству, среди выжженного промышленного пейзажа, напоминающего контуры какого-то индустриального апокалипсиса. С этой целью Садовый домик, каковым его можно было назвать лишь с определенной иронией, был окружен всевозможными теплицами, где выращивались виноград, ананасы и прочие экзотические фрукты, а также менажеры для пышных павлинов. На самом же верху этой вавилонской башни располагалась стеклянная смотровая площадка, откуда хозяин мог спокойно наблюдать за тем, что творится на фабрике, не выходя из дома. Любое несанкционированное передвижение рабочих, любой их шаг оказывались в поле зрения неусыпного хозяйского ока.

Двор вокруг Садового домика стараниями Круппа был превращен в цветущий парк. Здесь были и фонтаны, и клумбы, и уютные гроты, картинно украшенные скульптурами оленей. По замыслу мужа, парк был призван отвлечь внимание супруги от забот. Каждый должен был, в соответствии с общим замыслом, существовать исключительно в своем мире и не нарушать границы другого.

ΦΟΤΟΒΛΗΚ

Стеклянное воронье гнездо принадлежало Альфреду, а парк с фонтанами и гротами — романтической Берте.

Расчет не оправдал себя. Патриархальный Эссен к моменту женитьбы Круппа окончательно пробудился от вековой спячки. Сталелитейная промышленность с каждым годом набирала силу, необратимо перекраивая облик маленького городка. С каждым годом чистое безмятежное небо Рура становилось все мрачнее и мрачнее, все большее и больше использовали кокс в производстве, наращивая выпуск высококачественной стали, и химия наконец взяла свое: живописные окрестности начали напоминать прокопченные контуры ада. И никакая искусственно сотворенная идиллия уже не могла устоять под этим натиском больших перемен. Воздух за воротами сада сделался отвратительным и тяжелым, цветы завяли, мраморные фонтаны быстро почернели, а окна теплиц, где выращивались экзотические фрукты, покрылись несмываемой копотью. Смог проникал во все комнаты. Он портил белоснежное белье и кружева молодой супруги, покрывая их черной пылью почти сразу после ухода прачки.

Это было еще не все. Обуреваемый жаждой деятельности, Альфред стремился расширить производство и поэтому покупал все новые и новые громыхающие машины, одна мощней другой. Садовый домик начал содрогаться до самого основания, когда все эти монстры в один прекрасный день приступили к работе. И тогда с туалетного столика Берты, как по команде, посыпались зеркала. Это была поистине дурная примета, предсказывающая браку плохое будущее. Если хозяйка дома, торопясь на завтрак, по забывчивости оставляла на полке хоть одно зеркальце, то ее ждали лишь осколки на полу.

Альфреду все эти неудобства были нипочем. Он продолжал гордиться своим домом и, по словам супруги, начинавшей заметно терять терпение, превратился в домоседа, благо из своего вороньего гнезда ему была хорошо видна вся округа. Когда же Берта выказывала недовольство по поводу той или иной разбитой тарелки, причиной чего были все те же паровые молоты, невозмутимый супруг лишь произносил в ответ: «Это всего лишь фарфор, дорогая. Мои клиенты заплатят с лихвой за разбитую посуду». А когда Берте хотелось отправиться в театр или на концерт, то Альфред и здесь оставался невозмутимым: «А кто будет приглядывать за моими дымящимися трубами, пока мы развлекаемся? И вообще, дорогая, лучшая музыка для меня — это утренний свисток, сзывающий моих бездельников на работу. С этими звуками не сравнится ни одна симфония».

17 февраля 1854 года Берта родила своему мужу ребенка, очень слабого и болезненного мальчика. Крупп назвал его в честь отца и себя самого двойным именем Фридрих Альфред. Затем самый мощный молот на заводе он также приказал именовать Фрицем в честь первенца. Этот металлический Фриц в связи с переходом на круглосуточный режим работы ни днем, ни ночью не давал Берте покою. То же самое старался делать и тщедушный младенец, беспрерывно крича по ночам. У молодой матери начались нервные срывы, и отныне врачи стали постоянными ее спутниками. Альфред был необычайно заботлив. Он нанял лучших берлинских докторов, а крикливого младенца на долгий период отдал на попечение нянек.

На самом деле Берте надо было лишь найти любой предлог, чтобы вырваться на свободу. Сказавшись больной, она выпорхнула из семейного гнездышка, и любящему супругу оставалось лишь забрасывать свою молодую жену письмами, в которых он выражал свою искреннюю заботу о ее драгоценном здоровье. Тон этих писем говорит о том, как менялись настроения Альфреда. Здесь чувствуется и мольба, и смиренная просьба, и настойчивое требование, и даже угроза. Но Берта и не собиралась возвращаться в Эссен. Садовый домик и рабочие с прокопченными лицами для нее стали воплощением ада и его обитателей. Покинув Эссен, молодая женщина оставила за плечами тяжелую душевную травму, явившуюся результатом совместной супружеской жизни с полусумасшедшим мужем. Оказавшись на свободе, она принялась менять одну фешенебельную гостиницу за другой. Берта без усталости разъезжала по всей Германии, везде находя себе новых друзей и новых врачей, которые только и делали, что обнаруживали в своей богатой пациентке все новые и новые недуги на радость последней. Болезни сделались надежной гарантией, исключавшей необходимость возвращения в закопченную идиллию с почерневшими фонтанами и трясущимся, как в лихорадке, домом.

Альфред изо всех сил старался оставаться частью жизни своей супруги, интересуясь проблемами некой Клары Эмиле, «дорогой милой Анны» и даже какого-то «Отто». Крупп вразумлял свою жену, давал ей советы, когда та рассказывала о каком-то «мерзком еврее», посмевавшем нагло рассматривать ее при всех. Альфред надевал на себя маску мудрого мужа и наставлял свою юную супругу, указывая на то, что пока нет закона, запрещающего разглядывать кого бы то ни было, но при этом добавлял: «Если же в подобном

случае, паче всякого чаяния, незнакомец приподнимет свою шляпу в знак приветствия, то проигнорируйте этот жест, моя дорогая, и приличия будут соблюдены».

В этом странном эпистолярном диалоге двух супругов ясно прослеживается стиль их отношений: равнодушие и холодность со стороны жены и почти параноидальная забота со стороны мужа. В своих письмах Альфред просит БERTY вернуться, говорит, что взял на фабрику на хорошее жалование двух ее кузенов, Эрнста и Ричарда, в качестве управляющих, хотя в этом и не было большой нужды, взамен чего ей, БERTE, следовало бы быть чуточку добрее к своему мужу. Чувства Круппа хотя и кажутся преувеличенными и даже гротескными, но они вполне искренни. Он все время придумывает новые нежные обращения, когда пишет своей молодой супруге, называя ее то «дорогое сердечко», то просто «дорогая БERTA», то «дорогая и лучшая из всех, кто носит имя БERTA», а иногда и «дорогая старушка моя». По отношению к своему малолетнему сыну, которого со временем жена начала таскать с собой по различным городам, оставшийся в одиночестве Альфред Крупп также не жалеет слов и пишет, сгорая от любви и нежности: «Передай жирный поцелуй моему Фрицу, жирный, как хорошо взбитые сливки».

Как-то мать сжалилась и отослала мальчика одного погостить у отца в Эссене. Альфред тут же пишет жене о своих впечатлениях: «Я нашел нашего Фрица милым как никогда, вчера он уплетал за обе щеки, словно матрос с затонувшего корабля. Наблюдая за ним, я получил несказанное удовольствие».

Короткие встречи неизбежно заканчивались расставанием, и Альфред вновь погружался в беспросветное одиночество, а его Садовый домик продолжал содрогаться от мощных ударов парового молота. Половицы скрипели под тяжелыми сапогами хозяина, но зеркала уже не разбивались, с оглушительным звоном падая на пол с туалетного столика БERTY, потому что в этом странном жилище уже давно не было ни БERTY, ни зеркал, ни других милых и нелепых вещей из женской жизни, которая явно не прижилась там, где властвовали лишь сталь и пламя. «Я умираю от одиночества, и мне очень плохо без тебя!» — рвало стальное перо Круппа первоклассную почтовую бумагу в ночи, когда он пытался писать своей «лучшей из всех БERT» еще одно безнадежное послание, вслепую выводя каждое слово: «Ich bin wirklich allein nichts wert u. mir ist schlecht zumute ohne dich».

Здесь дает знать о себе очень интересная закономерность: имя БERTA в военной промышленности Круппа станет каким-то магиче-

ским, оно соединит в себе и страсть немецких романтиков, и знаменитые страдания юного Вертера по поводу несчастной, неразделенной любви к некой Шарлотте, и феноменологию Канта с ее первопринципом в историческом самоопределении немецкого народа.

«Кто изучал историю стилей, — писал русский философ серебряного века В.Ф. Эрн, — того должно было всегда поражать глубокое и строгое соответствие между стилем данной эпохи и ее скрытой душой. Насколько мы знаем историю, везде мы констатируем неизбежную потребность человечества бессознательно, почти «вегетативно», запечатлеть свою скрытую духовную жизнь в различных материальных образованиях. Одним из чистейших образцов самого подлинного запечатления духа в материи является средневековая готика... По башенкам, статуям, химерам, сводам, колоннам и ковровым *vitraux* готических святынь мы можем... проникнуть в самые глубокие тайники средневековой религии. И вовсе не нужно, чтобы эти материальные облачения духа известной эпохи или известного народа были непременно феноменом эстетическим, или, попросту говоря, были «прекрасны». Иногда и самое крайнее, отпечатлевшееся в материи «безобразия» бывает точнейшею и нагляднейшею транскрипцией скрытых духовных реальностей...

Орудия Круппа с этой точки зрения являются безмерно характерными и показательными... Если рассматривать их «материю», то ее строение окажется беспредельно тонким, замысловатым и — если можно так выразиться — *сгущенно-интеллектуальным*».

Кто знает, какие тайны души самого Альфреда Круппа и членов его семьи, всего немецкого народа проявились именно в том, что самому разрушительному орудию, способному на многие десятки километров бросать на головы солдат многотонные бомбы, дали нежное женское имя Берта? Может быть, в разрывах снарядов крупповской одинокой душе слышались увеличенные в тысячу тысяч раз отзвуки разбитого зеркальца, упавшего с дамского столика в супружеской спальне в Садовом домике, и в этой ноте одиночества сплелись и вопли отчаяния юного Вертера, и многое, многое другое? Как знать? Как знать? Но если имя и есть миф, а миф, как утверждают современные философы, и есть действительность, то завораживающее душу бедного Альфреда Круппа божественное сочетание звуков — Берта — отразилось в дальнейшем в канонаде пушки-монстра, призванной мстить и за унижение в любви самого Круппа, и за многовековое унижение всех немцев в том числе.

Одиночество заставило Альфреда с головой уйти в работу. Постепенно фабрика заменила ему семью, и в моменты откровений он писал: «Я смотрю на своих рабочих как на собственных детей, чье воспитание — источник искренней радости хорошего родителя».

Однако незначительных заказов, поступавших из небольших немецких государств, таких как Бавария, Брауншвейг, Ганновер, и нескольких заказов, сделанных египетским правительством, было явно недостаточно, чтобы эссенская сталелитейная фабрика могла заниматься только производством пушек. Самыми невыгодными оказались небольшие заказы, полученные от прусского государства.

В письме от 19 января 1859 года Крупп в отчаянии писал своему парижскому представителю: «Хотя я и проявляю некоторый интерес к вопросу производства орудий, но я должен сказать, что меня давно увлекает идея прекращения производства оружия. Само по себе это производство не очень выгодно, особенно если заниматься им так, как это делал я. Часто произведенные мною образцы не выходили за рамки опытных экземпляров, что было и невыгодно и неинтересно для меня, так как это мешало выполнению других заказов».

Прусская армия упрямо держалась за старую технологию и сделала заказ на бронзовые орудия для восьмидесяти батарей, причем заказ был передан конкуренту, что и заставило Альфреда сделать горькое признание в том, что отныне он собирается заняться «более выгодным в финансовом отношении производством колесных бандажей локомотивов, а также винтовых валов пароходов». Отныне он решил посвятить

свою деятельность «исключительно мирным целям». Но этим благим намерениям так и не суждено было осуществиться. Судьба Круппа была предопределена свыше, и в его планы неожиданно вмешалась большая политика. Смертоносное ремесло Альфреда оказалось востребованным куда больше, чем мирное производство ободов для колес железнодорожных вагонов.

Дело в том, что в достопамятный день 24 июня 1859 года в Италии более трехсот тысяч человек столкнулись лицом к лицу в смертельной схватке. Боевая линия тянулась на пять миль, и сражение продолжалось более пятнадцати часов.

Вот каким предстает перед нами, благодаря очевидцу, самое начало грандиозной битвы при Сольферино: «Погода чудная, и ослепительное солнце Италии играет на блестящих латах драгун, улан и кирасир.

Австрийцы в полном порядке идут по ровным, свободным дорогам. В центре этой плотной движущейся массы в белых мундирах развеваются желтые с черным знамена с германским императорским орлом».

Но это лишь начало спектакля, лишь подготовка необходимой театральной декорации. А вот описание самого представления: «Австрийцы и французы топчут друг друга ногами, дерутся на окровавленных трупах, убивают врагов прикладами и распарывают саблями или штыками животы; это исключительно резня, борьба диких зверей, обезумевших от потоков крови; даже раненые отчаянно защищаются: у кого нет оружия, тот хватается за горло врага и рвет его зубами... Эскадрон кавалерии несется во весь опор: лошади давят подковами мертвых и раненых; одному оторвало челюсть, другому размозжило череп, третьему, которого можно было еще спасти, раздробило грудь. Ржание лошадей, проклятия, крики бешенства, рев и стон страданий оглашают воздух.

Тут артиллерия мчится за кавалерией, прокладывая себе дорогу по телам убитых и раненых: мозги вытекают из черепов, люди и трупы раздавлены, земля пропитывается кровью, и вся равнина усеяна клочками и членами человеческих тел.

Французские войска взбираются на возвышенности и с дикой отвагой карабкаются на холмы под градом австрийских пуль и бомб.

Позиции австрийцев очень выгодны и удобны, они укрылись в домах и церквах. Но ничего не останавливает, не ослабевает резню: дерутся везде, в общем и один на один; каждую пядь земли отбива-

ют штыками; берут деревни дом за домом; при каждой ферме — новый приступ, и все двory превратились в бойни.

Французская картечь производит страшные опустошения в австрийской армии; она усеяла мертвыми телами все склоны холмов и достигает самых отдаленных частей войска».

Давно Европа не видела ничего подобного, давно, со времен Ватерлоо, такая масса войск не сходилась в одном месте с одной лишь целью — уничтожить друг друга. Крымская война в этом смысле была лишь жалкой репетицией. Австрийская кампания императора Наполеона III словно пробудила европейские монархии от многолетней спячки, заставив всех еще раз вспомнить крылатое латинское выражение: «*Vic pacem, para bellum*» («Хочешь мира, готовь войну»). Показательно, что именно так, парабеллум (готовь войну), и назовет свой восьмизарядный пистолет немецкий конструктор Г. Люгер, который будут производить в дальнейшем на заводах Круппа, начиная с 1900 и до 1945 года, когда этот латинский лозунг приобретет особую актуальность.

Именно «французская картечь», как утверждает очевидец, и стала решающим фактором, определившим победу французской армии над австрийской. Прусскому королю было над чем задуматься, если учесть то обстоятельство, что Наполеон III еще в 1855 году на всемирной французской выставке наградил промышленника Круппа орденом Почетного Легиона за его чудесную стальную пушку.

И вот при королевском дворе у Альфреда появился надежный и могущественный союзник. В октябре 1859 года, то есть четыре месяца спустя после кровопролитной битвы при Сольферино, где немецкому оружию был нанесен серьезный ущерб, город Эссен неожиданно посетил наследный принц Вильгельм, чьим наставником считался сам Бисмарк. Принц был любезно принят в Садовом домике, и после его визита Прусское военное ведомство оформило крупный заказ, заплатив гонорар на сумму в 100 000 талеров. Заводы Альфреда заработали с удвоенной силой. Круппа наградили рыцарским крестом царственного дома Гогенцоллернов, что выдвинуло его в разряд одних из самых заметных людей в тогдашней Германии. Альфреду удалось перебороть судьбу, удалось обратить на себя внимание своего правительства, и его пушки оказались наконец востребованными. Теперь он и не собирался переводить свое производство на мирные рельсы.

В 1859 году Наполеон III в сражениях под городами Магната и Сольферино воскресил в памяти европейцев зловещий призрак

своего воинственного дяди Наполеона Бонапарта. Франция стала реальным соперником, угрожающим нарушить уже многие десятилетия существующий баланс сил в Европе.

Всем было хорошо известно, что успеха Наполеон III добился как раз тем, что в отличие от многих других монархов понимал важность экономического прогресса, который и дал знать о себе в виде победоносной канонады французских пушек. Снятие ограничений на деятельность акционерного капитала, заключение договора о свободной торговле с Англией, реконструкция Парижа, строительство Суэцкого канала, проведение в столице Франции Всемирной выставки в 1855 году, где сумел отличиться Альфред Крупп, — все это и многое другое способствовало усилению деловой активности и ускорению индустриализации, которая легла в конечном счете в основание всех военных побед французской армии, так взбудораживших мир.

Наступала новая эра. Эра, в которой короли по крови должны были быть смещены королями другого свойства, к каковым в полной мере можно было причислить и Альфреда Круппа.

Но раз так, то короля уже не могла удовлетворить скромная резиденция в виде закопченного Садового домика, свидетеля семейного краха Круппа. Следовало выстроить новый дом и даже не дом, а самый настоящий замок. Однако перед тем, как этот проект осуществился, Альфреда в его Gartenhaus посетил сам «железный канцлер» Бисмарк, и эта встреча была весьма примечательной.

Хозяин и гость мирно просидели весь день, беседуя и наслаждаясь видом гуляющих павлинов и ананасовых пальм в кадучках. Скоро собеседники поняли, к своему взаимному удовольствию, что между ними существует очень много общего. Они соглашались между собой во взглядах на религию, на весь сложившийся миропорядок. Им нравились также вековые дубы и, вообще, старые большие деревья, в которых чувствуется мощь и сила, словно в древнем ясене Иггдрасиль из германских сказаний.

Альфред был изумлен, когда выяснилось, что Бисмарк, так же, как и он, был без ума от лошадей. Хозяин из последних сил удержался, чтобы не спросить гостя о будоражащем запахе навоза. «Жеребчики так иногда выразительно скачут на лугу, что наблюдать за ними — несказанное удовольствие...» — смог лишь выдавить из себя Крупп, пытаясь вложить в сказанное сокровенный смысл. И «железный канцлер» понимающе кивнул ему в ответ.

За обедом Бисмарк слегка упомянул французскую императрицу Евгению, назвав ее сварливой бабенкой, а когда вдруг вспомнили о самом императоре Наполеоне III, то «железный канцлер» с насмешкой произнес: «Что за глупый человек» (Eigentlich ist er dumml!). Насколько французский император был действительно глуп, стало ясно лишь через несколько лет, когда два столь выдающихся человека, Бисмарк и Крупп, мирно обедавшие в тот вечер и рассуждавшие о Боге, деревьях и лошадях, оказались в одном военном лагере.

Альфред, вспомнив про свои парижские злоключения, нашел грубоватую реплику гостя уморительно смешной и одобрительно расхохотался в ответ. Понимание между этими людьми было полное. Такое согласие двух душ может лежать в основе только очень долгой и крепкой мужской дружбы, которой не страшны никакие невзгоды. Заря Альфреда медленно расцветала на историческом горизонте, а еще не написанный траурный марш из «Сумерков богов» Рихарда Вагнера лишь слегка давал знать о себе в первых, еле слышных величественных звуках, воплотившихся в тот примечательный вечер в хохоте будущего короля пушек Альфреда Круппа.

Наконец наступили шестидесятые годы девятнадцатого столетия. Для Круппа именно это десятилетие стало по-настоящему переломным в его карьере оружейника. В это время он смог перейти к массовому производству бессемеровской стали и пушек. Такое начинание требовало наличия собственного сырьевого производства.

К этому времени стало повсеместно известно изобретение англичанина Генри Бессемера, которому удалось, пропуская сильный поток воздуха через жидкий чугун, получить очень высокие температуры, при которых металл оставался расплавленным и превращался в ковкую сталь. Крупп всерьез начал опасаться, что его тигельное литье будет невыгодным, а все его производство станет неконкурентоспособным, так как бессемеровская сталь была намного дешевле и требовала для производства гораздо меньше времени.

Когда Альфред, сделав пробные отливки, убедился в прочности бессемеровской стали, он сразу же приступил к строительству собственной литейной мастерской, за которой последовало строительство второго бессемеровского завода. Только в процессе постоянного производства нового типа стали Круппу сделались ясны все ее недостатки и преимущества, которые, несмотря ни на что, не шли ни в какое сравнение с устаревшей тигельной сталью. Но и

здесь были свои особенности. Так, бессемеровская жидкая сталь, на производство которой уходило гораздо меньше времени, чем на обычную тигельную, была очень удобна для массового производства, в особенности для изготовления рельсов. В середине прошлого века такими рельсами была покрыта большая часть континентов по обе стороны Атлантики. Эти современные стальные рельсы протянулись на сотни тысяч миль в направлении побережья Тихого океана. Тигельная же сталь оставалась незаменимым материалом для колесных бандажей локомотивов, винтовых валов пароходов и пушечных стволов. Когда в 60-е годы Крупп начал использовать для изготовления пушек бессемеровский метод и поставлять новые стволы прусской армии, его мастерские чуть было не потеряли своей былой завоеванной десятилетиями славы.

Дело в том, что английская руда, хотя и не такая чистая, как шведская, не содержала в себе большого количества фосфора. Руда же из Рура была насыщена фосфором до такой степени, что в темноте от нее исходило характерное сияние, и бессемеровский передовой метод ничего не мог с этим поделать. Круппу понадобились годы, пока он не решился перейти на использование свободной от фосфора испанской руды. Бессемеровскую сталь Альфред решил использовать для создания орудия нового образца. Серьезное испытание неумолимо приближалось. Прусская армия находилась в процессе перевооружения. Крупп писал в это время: «Мы, немцы, должны напрячь свои стальные мускулы и послужить Пруссии, дабы как можно скорее добиться нужного превосходства в области вооружения». Его новые орудия, которые отныне все заряжались с казенной части, стали большими партиями поступать в армию.

Первый сигнал бедствия пришел из России, которая и сделала Альфреда королем. Во время очередных маневров там взорвалось орудие, изготовленное в Эссене по новому методу. И сразу же все самые радужные проспекты оказались под угрозой. Даже рынок по производству колесных бандажей локомотивов потерял свои былые позиции: британская фирма вернула первую партию, объяснив все низким качеством стали. Альфред сразу же снизил жалование рабочим, а кое-кого и уволил.

Перспектива потерять все была настолько реальной, что Крупп, забросив дела, впал в свою обычную депрессию и, бросившись в первый попавшийся ему вагон поезда, принялся без видимой цели разъезжать по всей Германии. Он сделал остановку лишь в Карлсрухе, маленьком городке, где сохранилась истинно тевтонская ат-

мосфера. Но родная Германия казалась слишком маленькой для возбужденного сознания Альфреда. Ему захотелось убежать и из страны. Разве он, немец, не может явиться причиной смерти своих соотечественников, своих солдат! Его, Круппа, следует немедленно изолировать, как взбесившегося маньяка, как Джека-потрошителя. Что скажет на это король? Ладно король. Что скажет Бисмарк, чье доверие он так и не смог оправдать? До Круппа стали доходить сведения, что его пушки начали взрываться одна за другой.

В качестве оправдания Альфред решил написать письмо на имя одного из министров прусского правительства, отвечающего за перевооружение армии: «Ваше превосходительство!

Испытывая восхищение и искреннюю радость по поводу неоспоримых успехов нашего доблестного оружия, чувствую себя обязанным сделать весьма горькое признание и довести до Вашего сведения те горькие новости, что передали мне совсем недавно: два четырехфунтовых орудия, заряжавшиеся с казенной части, взорвались... и такой же инцидент произошел и с шестифунтовым орудием».

В качестве оправдания Крупп называл Бессемера свиньей. Причина катастрофы, по его мнению, заключалась в том, что некоторые части орудия были изготовлены из «неподходящего материала, каковой не производился лично мной и на моих заводах».

Послание заканчивалось уверением в том, что Крупп обязуется бесплатно заменить все пушки на новые с полной гарантией качества.

Затем вконец расстроенный неудачей Альфред отправился в добровольное изгнание и пробыл целый год в Берне. Тоска по жене вновь завладела его сердцем. В своем отчаянном положении он нуждался в женском тепле и понимании. Приняв спонтанное решение, Альфред совершенно неожиданно появился в Ницце, где в это время и лечилась неизвестно от чего его обожаемая Берта. Доктор Кюнстар, который следил за драгоценным здоровьем жены Круппа, оставил нам очень интересные записи, в которых дается описание внешнего вида Альфреда в период его депрессивного состояния: «Он был неуклюж и привлекал всеобщее внимание благодаря своему необычно высокому росту и бросающейся в глаза худобе. Черты лица его, некогда правильные и даже привлекательные, преждевременно состарились и как-то высохли. Это лицо было безжизненным, необычайно бледным и испещренным морщинами. Часть поседевших волос еще была видна на висках, в то вре-

мя как большую лысину прикрывал нелепый парик. Крупп почти не улыбался. Зачастую это в высшей степени странное лицо напоминало окаменевшую маску, лишенную всяческих эмоций».

Неожиданный приезд в Ниццу в поисках понимания и сочувствия не оправдал себя. Здесь Альфреду не с кем было перебраться даже словом. Жена встретила мужа необычайно холодно. Казалось, его неожиданный приезд нарушил кое-какие планы супруги. По курорту поползли слухи, что парик Круппа оттого так плохо сидит на голове, что у незадачливого мужа активно поползли вверх рога. Судя по всему, фрау Крупп не собиралась терять зря время и ждать, когда ее молодость окончательно увянет. С фотографий, сделанных приблизительно в это время, на нас смотрит зрелая женщина тридцати лет. Во всем ее облике дает знать о себе неожиданно проснувшаяся в этой некогда скромной девушке чувственность, которая словно удивила саму Берту своим резким проявлением.

Берта окончательно отдалилась от стареющего любящего и одинокого мужа, как это сделала Эмма Бовари, которая решила жить своей независимой женской жизнью в знаменитом романе Г. Флобера, завоевавшем скандальную славу в парижских салонах приблизительно в это же самое время. Читала ли Берта Крупп этот роман или нет — неизвестно, но ее поведение мало чем отличалось от поведения знаменитой героини.

Но и сын, Фриц, был также чужд Альфреду. Мальчик оказался болезненным и замкнутым, не желавшим никого впускать в свой обособленный мир. Альфред обречен был бродить по цветущей Ницце, как по пустыне. Иногда он вступал в злобные стычки с одним из «родственников» Берты, с неким Максом Брухом.

Доктор Кюнстер так описал эти споры: «Круппа, бесспорно, можно отнести к разряду технических гениев... но если дело не касается техники, то он проявляет себя как человек весьма узкого мировоззрения. Ему не интересно ничего, кроме собственного дела. Как следствие он заключил, что родственник его жены, некто Макс Брух, который в дальнейшем стал замечательным дирижером, лишь понапрасну теряет время, занимаясь музыкой. Если бы Брух оказался технарем, то Крупп отнесся бы к нему с полной серьезностью, решив, что этот человек способен принести реальную пользу людям. Но в качестве музыканта, по мнению Круппа, родственник жены вел абсолютно бессмысленное существование».

Замечания доктора оказались очень точны. В записках Альфреда мы находим следующие суждения: «Я не собираюсь спраши-

вать у Гете или у кого-нибудь еще, что правда, а что ложь. Ответ мне известен самому, и я не уверен, что кто-то знает о жизни лучше меня».

Работа была для этого человека единственным спасением от самого себя. Но сейчас именно работа и доставляла больше всего беспокойства. Через газеты Крупп пытался восстановить репутацию фирмы, но эти попытки оказались тщетными. Пушечного короля, похоже, скинули с трона. Время от времени неожиданными наездами Альфред все-таки появлялся на фабрике в Эссене, чтобы затем вновь уехать в Ниццу. Его нынешнее поведение было похоже на то, как в отрочестве и ранней юности будущий промышленный магнат в минуты депрессии любил запирается на чердаке отцовского дома, чтобы подолгу, тупо уставившись в потолок, думать о чем-то, погружаясь в мутные глубины своего непростого, своего необычного и, по существу, очень больного «я».

После сорока лет безупречного плавания по морю жизненных невзгод, после того, как в течение всего этого долгого периода капитан ни разу не покинул свой мостик, вдруг — неожиданное и позорное бегство как проявление непростительно женской слабости.

Может быть, в глубине души Альфреда беспокоила не столько его подвергшаяся сомнению слава пушечного короля, сколько тайное желание вернуть во что бы то ни стало Берту домой, в их закопченный Садовый домик, вместо которого он подумывал возвести новый грандиозный замок?

Между тем в родном Эссене началась эпидемия холеры, которая унесла немало жизней. Но вот болезнь миновала так же неожиданно, как и началась. Постепенно стали выправляться и дела фирмы, хотя вопрос с бессемеровской сталью так и не был решен окончательно. Но, несмотря ни на что, Альфред, подобно рыцарю Тангейзеру, продолжал пребывать в состоянии некой спячки. Своим управляющим на фабрику он писал: «Состояние моего здоровья настолько критическое, что мне не только не надо возвращаться к активной деятельности, но стоит всерьез задуматься о ждущей всех нас жизни вечной».

Решение пришло совершенно неожиданно. За дело взялись братья Сименс, предприниматели, которые занимались использованием электричества в промышленных целях.

Так, Фридрих Сименс еще в 1856 году изобрел в Англии регенеративную печь и получил на нее патент. В результате поисков сбыта своего изобретения Фридрих обратился в Саксонию, по-

сколько там принцип регенеративного нагрева мог быть использован в стекловаренных печах.

Между тем Сименс в Англии стал использовать это изобретение, затем несколько усовершенствовал его и проверил на практике в сталелитейном процессе. Занимаясь вопросами, связанными с металлургией, Сименс увидел широкие возможности, которые открывались в новом способе изготовления бесшовных стальных труб, что могло стать прообразом идеального орудийного ствола.

Сименс сам предложил свое изобретение Альфреду Круппу как «нашему ведущему промышленнику», и жизнь после такого сказочного подарка приобрела новый смысл. Пушечный король покинул свое добровольное изгнание, дабы с новым приливом сил окупиться с головой в работу.

А в это время прусская армия продолжала зализывать раны, полученных в результате взрывов нескольких крупповских пушек. В среде высшего командования появилось устойчивое предубеждение против орудий из стали, да еще заряжавшихся с казенной части.

После всего случившегося Круппу следовало напрямую обратиться за помощью к Бисмарку, что он незамедлительно и сделал. Альфред обещал за свой счет поставить в прусскую армию 400 новых четырехфунтовых пушек вместо бракованных. Он прекрасно понимал, что идет на большие жертвы, что этот расточительный жест сильно ударит его по карману. Однако реабилитация доброго имени фирмы того стоила. После подобного широкого жеста скандал должен был навсегда уйти в прошлое. Король Пруссии милосливо согласился принять сей дар. Альфред держал руку на пульсе и постоянно списывался со своим инженерами, заставляя их работать как можно быстрее и качественнее.

На полигоне в Тегеле было решено устроить стрельбища и испытать новые орудия. Испытания к нескрываемому удовольствию короля, Бисмарка и Мольтке прошли на славу: ни одно орудие не подвело своего хозяина. Пушки Круппа, заряжающиеся исключительно с казенной части, были приняты на вооружение прусской армии. Альфред сумел вернуть себе былое влияние и отныне ему даже удалось назначить в Военный Департамент в качестве эксперта талантливого инженера Альберта Пейпера, который до этого прекрасно зарекомендовал себя на заводах в Эссене. Отныне преданный Альфреду человек помогал ему лоббировать любую инициативу, касающуюся новых видов вооружения.

Описываемый нами период истории можно охарактеризовать как время оголтелого милитаризма, поэтому любой промышленник, занимающийся вооружением, был обласкан сильными мира сего и осыпан наградами. Но Альфред Крупп и здесь отличался ото всех. Его успешная торговля смертью после недавнего скандала стала еще популярнее. Отныне в Петербурге Круппа величали не иначе, как «величайшим из всех, кто делает пушки». Благодаря своей безупречной работе Альфред был отмечен многими монархами мира, с которыми сам король Пруссии не всегда находился в дружеских отношениях. Так, император Японии, шведский король посылали членов своих августейших семей в закопченный Эссен. Россия, Турция, Бразилия и Бельгия награждали Альфреда. А Португалия посвятила промышленника в священный Орден Христа, наградив при этом Командорским крестом.

Между тем здоровье Альфреда становилось все хуже и хуже. Он на себе стал ощущать влияние токсинов, которыми был пропитан воздух родного Эссена. Крупп ничего не имел против шума и тряски, но воздух — совсем другое дело: он затрагивал его старинную фобию. Альфред даже собственное дыхание считал отравленным. Крупп пришел к выводу, что сельский воздух ему стал просто необходим. «Если это поможет продлить мою жизнь хотя бы на год, — писал по этому поводу Крупп, — то и год я смогу прожить с большой пользой».

С этой целью верному Пейперу было приказано подыскать подходящее место для будущего замка. Задача оказалась не из легких. Свежий воздух стал большим дефицитом в Эссене. Лучшие места можно было найти лишь на склонах реки Рур, но и эти склоны уже давно были изрыты шахтерами. Задача, данная Пейперу, казалась просто невыполнимой. Дело осложнялось еще и тем, что Альфреду не просто нужен был маленький уголок, «без угольной пыли и дыма». Этот уголок должен был быть весьма внушительных размеров, где «могли бы спокойно пастись лошади, стоять конюшни, находиться дорожки для прогулок верхом, а также здесь должен был поместиться большой парк с колодцами, фонтанами, прудами для рыбной ловли, виадук, мостики и фруктовый сад». Причем все эти уголья обязательно должны были располагаться на холме и в уединении. Альфред терпеть не мог никаких соседей, «воров всех мастей и назойливых бродяг». Власть возвышала над людьми и обязывала быть другим. Крупп словно забыл, как еще совсем недавно его самого можно было отнести к разряду назойливых бродяг, когда он колесил по всей

Германии в поисках новых заказов и новых покупателей для своих ложек и вилок. Но Власть меняет человека, меняет до неузнаваемости, заставляя строить башни и неприступные замки. Отчужденность богатых проявляется, прежде всего, в отчужденности камня, в его неприступности. Томас Манн сказал как-то: «Построивший дом — умрет». И чем величественнее хотел возвести свой замок Крупп, тем все больше и больше он отдалялся от мира живых. Альфред хвалился, что если понадобится самому возвести необходимый холм, то он готов насыпать его из чистого золота, лишь бы осуществить свою мечту и построить нечто такое, чего никогда и нигде не было. Но как ни старался Крупп быть оригинальным, ему удалось лишь повторить в своей грандиозной и амбициозной постройке знаменитый Мемориал Альберта.

Расторопный Пейпер принялся за дело. Ему удалось-таки отыскать подходящее местечко, а к концу года соорудить временное пристанище для своего необычного хозяина. Но сама постройка замка на холме продолжалась без малого долгих десять лет.

Альфреду хотелось на самом деле соорудить нечто большее, чем простое жилище, пусть и роскошное. Он хотел, во-первых, привлечь своим грандиозным проектом внимание Берты и попытаться вернуть ее. К тому же и единственный сын Франц жил «в непозволительном удалении от своего отца». Во-вторых, это грандиозное сооружение призвано было удовлетворить вкусы даже самых взыскательных знатоков, дабы в этом замке не стыдно было принять королевских особ. В-третьих, дом на холме со временем должен был стать вечным памятником своему хозяину. Создающий Смерть как никто другой знал, что жизнь мимолетна, и поэтому старался получить хоть какие-то гарантии.

Перед началом строительства Крупп заказал сделать первоначальный проект ведущим архитекторам Европы. Это был довольно своеобразный конкурс, завершившийся тем, что все проекты оказались смешанными воедино, а прихотливая фантазия хозяина проявилась почти в каждом нюансе. Только на работу с чертежами ушло долгих пять лет. Эти черновики до сих пор хранятся в семейном архиве. Они почти все перечеркнуты беспокойным красным карандашом хозяина. И почти каждое исправление говорит нам, какая очередная фобия в тот или иной момент владела душой Круппа, разрываемой на части всевозможными противоречиями.

Так, фобия огня и открытого пламени незамедлительно сказалась в том, что из проекта были удалены все деревянные конструк-

ции. Гигантское сооружение было возведено из стекла и камня. Газовое освещение по этой же причине также не допускалось. Сейчас, когда Альфред научился выводить буквы в ночи без света в газовых лампах не было никакой надобности, а короны царственных особ будут смотреться куда романтичнее в отблеске свечей.

Жилая часть замка подверглась особой критике Альфреда. Его личная спальня должна была запираться сразу тремя рядами массивных дверей. Так как хозяин ненавидел сквозняки, все окна дома должны были быть наглухо заколочены. Вентиляция же осуществлялась благодаря весьма оригинальному проекту.

Что же касается любви к запаху конского навоза, который, по мнению хозяина, так стимулирует творческую активность, то и она не осталась незамеченной в общем замысле. После долгих колебаний рабочий кабинет решено было возвести непосредственно над конюшней. С помощью все той же хитроумной вентиляции будоражащий душу аромат в нужный момент мог поступать туда, где магнат размышлял над своими грандиозными планами. По сути дела, из стекла и камня Крупп соорудил себе весьма оригинальную навозную кучу.

Вилла Хёгель, что в переводе означает «вилла на Холме», стала на долгие годы родовым гнездом для целой династии. В соответствии с замыслом Альфреда, она должна была стать воплощением какого-то устрашения, неким архитектурным кошмаром. Но в реальности этот первоначальный хозяйский замысел даже превзошел себя. Так, фасад в общем и целом должен был быть выдержан в ренессансном стиле, однако то там, то здесь этот стиль разрушался появлением каких-то нелепых фигур из известняка. Эти фигуры — точные копии дешевого декора типичных немецких железнодорожных вокзалов, а нависающая над фасадом крыша напоминает дебаркадер вокзала в Кельне. И везде видны фигуры львиц с огромными, как многотонные авиационные бомбы, женскими грудями. Скорее всего, это должны были быть сфинксы, у которых человеческие лица почему-то заменили звериным оскалом. Для герра Фрейда этот замок мог бы стать прекрасным материалом в области психоанализа.

Но внутреннее убранство Хёгеля казалось еще более нелепым и мрачным. Например, толком так никто и не смог сосчитать, сколько же здесь комнат. По одним данным, их 216, а по другим — 300. Все зависело от того, что считать комнатой, а что нет. Вообще, интерьер замка напоминает какой-то бесконечный лабиринт, состоящий из залов, потайных дверей и скрытых переходов. В Хёгеле гос-

тям было смертельно опасно выпивать за обедом лишнего. В противном случае они рисковали потеряться среди всех этих тайных и явных комнат. Говорили даже, что в этом странном архитектурном сооружении были места, куда никогда не ступала нога человека, кроме, может быть, самого хозяина и кого-то еще, пострашнее...

Строительство виллы Хёгель пришлось как раз на период франко-прусской войны и в этом смысле грандиозную постройку Круппа следует рассматривать как аллегорию всей Германии. Рейх вставал из руин под знаменем объединения, и также из небытия, камень за камнем, воздвигалось монументальное сооружение Альфреда на самой вершине холма. Но холм Величия оказался абсолютно лысым. И хотя хозяин ненавидел древесину, когда речь заходила о внутреннем убранстве комнат, лес все-таки, по его замыслу, должен был украшать склоны. Круппу скоро должно было исполниться шестьдесят, и он прекрасно понимал, что у него уже нет времени ждать, когда расцветут молодые саженцы. Решено было привести и посадить на холме готовые рощи из соседних Кетвинга и Гельсенкирхена. Делу могла помешать лишь суровая зима: корни деревьев были обнажены во время жестоких морозов. Однако весной всем стало ясно, что операция удалась. В апреле 1870 года Альфред сам положил первый камень в основание своего будущего замка.

Между тем за пределами Эссена мир жил в предвкушении войны. 19 июня принц Леопольд Гогенцоллерн при поддержке короля Пруссии Вильгельма заявил о своих претензиях на испанскую корону. Париж нашел это заявление оскорбительным для себя.

Трудно понять, чем руководствовался император Наполеон III, когда добившись явной дипломатической победы — снятие кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена, которую помимо Вильгельма поддержал еще и Бисмарк, потребовал от Пруссии дополнительных, заведомо унижительных для нее гарантий; или когда принял на веру знаменитую фальшивку Бисмарка — так называемую «эмскую депешу».

В сложившейся ситуации Бисмарк, которому война казалась необходимым условием в деле объединения Германии, увидел свой единственный шанс и решил спровоцировать две державы на войну. 13 июля вместе с Мольтке и Руном он отправил от лица Вильгельма телеграмму, в которой в резких выражениях отказывал в предоставлении французскому императору требуемых гарантий. «Эмская депеша» заканчивалась, например, следующим образом: «Его Королевское Величество отказывается отныне принимать у

себя посла Франции, и через своего адъютанта Его Королевское Величество дало знать посланнику, что отныне никакие встречи с ним невозможны».

Бисмарк специально шел на обострение. По его расчетам, начинать войну следовало немедленно, так как всего через несколько лет Франция смогла бы осуществить модернизацию армии. Сейчас же, по замыслу «железного канцлера», можно было с успехом ошипать «Галльского петуха».

«Эмская депеша», отосланная якобы от имени Вильгельма Бисмарком, достигла Парижа 14 июля, в день национального праздника взятия Бастилии. В 4:40 по полудни Луи Наполеон отдал приказ о всеобщей воинской мобилизации. Но еще оставалась слабая надежда уладить конфликт мирным путем. И тогда, чтобы никто не смог отступить, Бисмарк разослал текст «эмской депешки» по всем европейским столицам. Этот поступок был похож на то, как если бы человек сначала плюнул своему врагу в лицо, а затем рассказал бы об этом всем знакомым. Своим ловким дипломатическим ходом «железный канцлер» сделал французского императора заложником собственной чести. Отныне у него уже не оставалось выбора, и вслед за объявлением о всеобщей воинской мобилизации надо было начинать и сами военные действия. Остается лишь догадываться, почему Наполеон III с такой легкостью попался в расставленную ловушку. Может быть, дало знать о себе обострение болезни: императора мучили камни в мочевом пузыре, отчего он невыносимо страдал. К тому же этот человек был подвержен влиянию некоторых лиц из своего окружения, в том числе и императрицы Евгении, требовавшей от мужа примерно наказать Пруссию за несговорчивость. Бисмарк назвал когда-то эту женщину сварливой бабенкой, и, судя по всему, он знал, какова будет реакция на его депешу среди ближайшего окружения императора.

Париж охватила волна милитаризма. Отныне, казалось, каждый француз готов был взяться за оружие. Даже Эмиль Оливье, тогдашний лидер партии пацифистов, согласился принять войну с «легким сердцем» («d'un coeur léger»).

Скоропалительно объявленная 19 июля война выявила многочисленные изъяны империи и обернулась ее сокрушительным поражением. Однако ничего нельзя было предвидеть заранее, и люди, развязавшие эту бойню, даже предположить не могли, чем все может закончиться.

Альфред Крупп, чьи пушки сыграли решающую роль в надвигающихся событиях, совершенно безрадостно встретил объяв-

ние войны, которая и стала по-настоящему первым серьезным испытанием его детища. В этот момент, по его собственному признанию, он страдал от нестерпимой головной боли. Конечно же, Крупп не мог не осознавать, какие перспективы открывает для его производства начинающаяся кампания. Но именно в этот важный исторический момент пушечный магнат всецело был занят возведением на холме Величия своего грандиозного замка. Для этого необходимым оказался специфический строительный материал — французский известняк, который добывался лишь в Шантийи, что недалеко от Парижа. Начинаящаяся война ставила под угрозу возможность возвести замок в обозримом будущем.

Между тем в Париже нарастала милитаристская истерия. В сенате Гийо-Монпайру величественно воскликнул: «Пруссия забыла, кто ее разгромил под Йеной. Что ж, мы напомним ей об этом». Имелась в виду знаменитая победа Наполеона Бонапарта над Пруссией, когда за один день благодаря двум сражениям под Йеной и Ауэрштадтом «La Grande Armee» нанесла чванливому противнику сокрушительное поражение.

Французские клинки за это время не только не заржавели, но оказались давно уже извлеченными из ножен. Граф Адольф фон Волдси, прусский военный атташе в Париже, отправлял своему королю одну депешу за другой, в которых подробнейшим образом рассказывал о военных приготовлениях Наполеона III. В спешном порядке подтягивались войска из Алжира и Рима, офицеры отзывались из отпусков, а военные комиссии проверяли состояние железных дорог. Артиллерийские парки также готовились к предстоящим сражениям, обещающим быть кровопролитными.

В ответ король Пруссии Вильгельм призвал под свои знамена всех резервистов. За неделю до начала войны он объявил о всеобщей воинской мобилизации (die Mobilmachung). Южные немецкие государства присоединились к Пруссии. 16 июля это сделали Бавария и Баден, а 18 июля за ними последовал Вюртемберг. В течение трех недель 1 183 000 немцев надели средневековый остроконечный шлем (Pickelhauben), который ввел в армейский обиход еще брат нынешнего правителя. Свыше 400 000 солдат было сосредоточено на франко-прусской границе, а за их спинами находилось порядка 1 440 пушек Альфреда Круппа, который в это время помышлял лишь о строительстве замка.

По прошествии почти 130 лет с момента описываемых событий мы неизбежно переносим наши впечатления от начала двух миро-

вых войн, когда весь мир содрогался от ужаса перед мощью германского оружия, и на франко-прусскую кампанию. Но все дело в том, что в описываемую эпоху расклад сил был совершенно иной. Тогда взоры почти всех правителей Европы были обращены не в сторону Пруссии, а в сторону Франции. После объявления королем Вильгельмом всеобщей воинской мобилизации газета «Лондон Стандарт» писала о реальной возможности оккупации непокорной Пруссии. «Это просто невозможно, — заявлял возмущенный газетчик, — чтобы Мольтке и его генералы смогли бы вдруг перехватить инициативу». «The Pall Mall Gazette» 23 июля соглашалась с тем, что события могут развиваться только в одном направлении, «весьма неблагоприятном для Пруссии». «Таймс» утверждала, что любой джентльмен может «поставить последний шиллинг на французскую кепи против прусского остроконечного шлема».

Сам король Вильгельм был абсолютно уверен, что французы довольно скоро могут оказаться у порога его собственного дома. Немецкие крестьяне из пограничной зоны старались побыстрее собрать урожай, чтобы он не достался ненавистным лягушатникам. Вильгельм даже не сделал необходимых распоряжений своим топографам, чтобы те заранее приготовили карты Франции. Прусский генералитет был полностью согласен с общественным мнением Европы в том, что театр военных действий обязательно будет перенесен на территорию Германии. По мнению командующих, французы смогут легко продвинуться вплоть до Майнца. Мольтке был уверен, что Наполеон III бросит в атаку 150 000 человек в районе только долины Саар, чтобы любой ценой прорваться к Рейну. Перед самым началом войны этот полководец и вообразить себе не мог, что агрессором станет в конечном счете не Франция, а он.

Но время шло, а никакой сокрушительной атаки французы так и не предпринимали. Кронпринц сделал следующую запись у себя в дневнике: «За всеми нашими долгими приготовлениями и ожиданиями внезапной атаки со стороны врага мы даже и не подумали о том, что сами сможем стать агрессорами. Кто бы мог предположить такое?»

Казалось, что французские стратеги, как хорошие повара, выжидали, когда дойдут до нужной кондиции, чтобы в подходящий момент их можно было подать к столу, то есть на глазах у изумленной Европы разделать под орех. Французы, уверенные в своем полном превосходстве, не торопились. По общему мнению, эти непобедимые воины были обречены на победу. «Французский во-

енный альманах», например, описывал войска Мольтке «как прекрасный образец бумажной стратегии, которая бессильна в реальных полевых условиях». «Оборона прусских войск, — заявлялось в этом выпуске, — начнет трещать по швам уже в первой фазе наступательных действий». В войсках Наполеона III появились даже франко-немецкие словари и разговорники, чтобы солдаты не испытывали неудобств, когда они победным маршем войдут в Берлин. 28 июля сам император Франции обратился к своим войскам со следующей речью: «Какими бы дорогами нам ни предстояло идти в ближайшей войне, эти дороги уведут нас далеко от границ милой родины. Мы обречены на то, чтобы повторить славный путь наших отцов. Мы докажем им, что достойны их славы, и вся Франция будет молиться за нас, мои солдаты, а взоры всего мира будут устремлены в нашу сторону, ибо в наших руках находится сейчас судьба свободы и цивилизации».

Никто, казалось, даже не обращал внимания на то, что время шло, а войскам Наполеона III так и не удавалось создать на границе нужный для успешной атаки перевес сил. Французов по сравнению с немцами было в два раза меньше.

Потомки великого Бонапарта грезил тем, что им удастся повторить подвиги корсиканца. Пусть их в два раза меньше, но это все равно пока еще лучшая армия в мире, которая уже на протяжении тридцати лет успешно воевала в Африке, Мексике и Италии. Именно в Италии им удалось разбить австрийцев в памятной битве при Сольферино. Французы обуздали русских в крымской кампании, они одержали внушительные победы в Азии. Одетые в свои туники со светло-голубыми и желтыми полосами, в неизменные красные панталоны, с лихо заломленными кепи на голове эти воины были предметом зависти для многих властителей мира. Так, в 1856 году Турция, а в 1868 Япония выбрали французских офицеров в качестве военных советников, когда правительства этих стран решили создать у себя регулярные современные вооруженные силы.

Воинский дух солдат Луи Наполеона (*élan*) был настолько высок, что всем казалось, будто для этой армии нет ничего невозможного. Они с нетерпением ждали только знакомого воинского клича: «*En avant! A la baionette!*» (Вперед! В штыки!), чтобы под звуки «Марсельезы» двинуться на врага неудержимой лавиной. Вера французских солдат в своего императора была неколебимой, ведь он был племянником великому Бонапарту. Наполеон III, как и его дядя, учился в артиллерийской академии и даже опубликовал собствен-

ный учебник. Эдмон Лебоф, маршал Франции, еще в итальянском походе показал, что могут французские пушки. Теперь он уверял императора в том, что армия готова к войне «до последней пуговицы на гамашах каждого солдата». И никто и не помышлял высказывать даже слабое сомнение в подобном хвастливом заявлении.

В глазах императорской Франции вооруженные силы Пруссии не представляли никакой серьезной угрозы, а враг был не чем иным, как дерзким забиякой, которого следовало хорошенько проучить. И хотя немцы и утверждали, что их семидесятитрехлетний король чувствует себя намного бодрее, чем 62-летний император Франции, а маршал Лебоф не стоит и одной эполеты Мольтке, мир, конечно же, не мог относиться к подобным высказываниям всерьез.

Французы и предположить не могли, что боевой дух врага не менее высок, чем их собственный. Немцы жили в то время желанием мести за те унижения, которые они претерпели в течение многих веков своей раздробленности. Прусские рядовые в своей голубой униформе и остроконечных шлемах в ответ на «Марсельезу» распевали протестантский гимн «In allen meinen Taten», повторяя в качестве припева: «Nach Paris!» (На Париж). Они сидели вокруг своих костров, свято веря в то, что подобно рыцарям легендарного Барбароссы им предстоит совершить свой крестовый поход на новый Вавилон, называемый столицей Франции.

Немцы лучше подготовились к предстоящей схватке. Их железные дороги строились с таким расчетом, чтобы без промедления можно было бы перегруппировывать войска на границах. С этой же целью они активно начали использовать и телеграф. Война, а главное, подготовка к ней, все больше и больше начинали напоминать не романтический рыцарский турнир, а хорошо налаженную индустрию смерти, основанную на кропотливом немецком расчете.

Французы даже и представить себе не могли, насколько они не готовы к предстоящей кампании. Они продолжали жить воспоминаниями о «La Grande Armée», состоящей из гусар, драгун с их кирасами, украшенными конским волосом, и улан с длинными пиками, когда исход битвы решал боевой дух, а война походила на пышное театральное действие. В этих безумных фантазиях целой нации слышны были лишь звуки флейт, да барабанная дробь, которая явно заглушала предательский писк азбуки Морзе, исходивший от работающего ключа телеграфного аппарата. Презренные механизмы в расчет не принимались, все решал боевой дух, незримо витавший над головами сражавшихся.

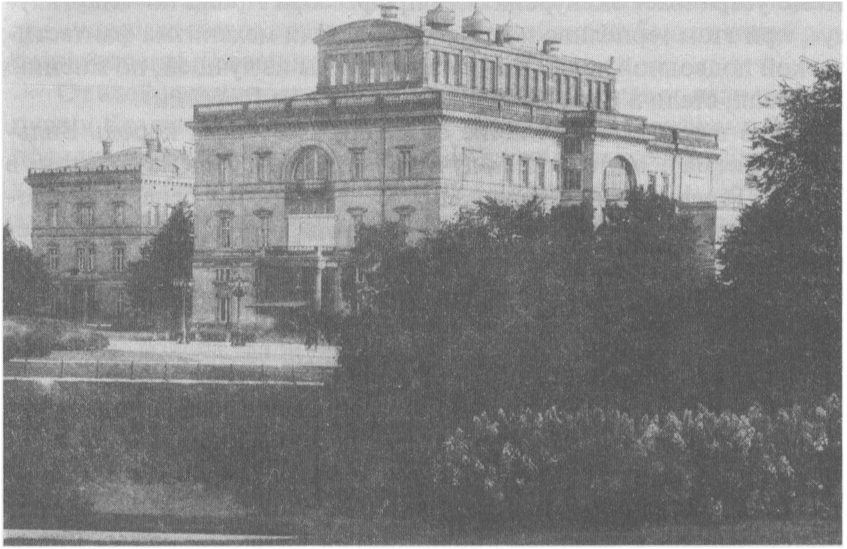
Слабость французской армии заключалась в том, что она не придавала большого значения новшествам, которые появились в связи с развитием промышленной революции. Военные стратеги Наполеона III не уловили того, как быстро все успело измениться за последние несколько лет. На смену греко-римскому богу войны пришла безличная холодная сталь.

Правда, по части полевого вооружения французы не только не отставали от пруссаков, но и превосходили их. Винтовка Шасло, снабженная к тому же обоймой, превосходила по дальности боя прусскую винтовку Дрейзе в два раза. На вооружении армии Луи Наполеона в это время уже появилась митральеза, которую можно считать прообразом будущего станкового пулемета. Это была картечица, снабженная двадцатью пятью стволами, быстро вращающимися на барабане, что обеспечивало приличную по тем временам скорострельность. Но зато артиллерия у французов была намного хуже прусской.

Армия Наполеона III насчитывала всего до 30% от оружейных стволов противника, к тому же французская артиллерия вся была из бронзы. Шнейдер, главный поставщик и производитель пушек во Франции даже не удосужился перенять нарезной ствол, введенный в армии по инициативе сэра Джозефа Уитворта. Орудия Шнейдера заряжались не с казенной, а по старинке — с передней части ствола.

Когда после франко-прусской войны в Бельгии издали «Секретные документы времен Второй Империи» («Les Papiers Secrets du Second Empire»), то обнаружили, что именно рукой маршала Лебофа, который уверял своего императора, будто его армия готова к войне «до последней пуговицы на гамашах каждого солдата», была сделана фатальная запись: «Rien à faire» (Ничего нельзя сделать). Эта запись красовалась на листах с предложениями, поступившими от Альфреда Круппа. Эссенский промышленник в то время отчаянно искал по всему миру покупателей для своей продукции. Он надеялся, что полученная им награда из рук самого императора, артиллериста по образованию, поможет сделать Францию хорошим рынком сбыта.

Нужно сказать, что Наполеон III вполне мог бы избежать катастрофы, если бы слушал советы не генералов и маршалов, а французских романистов. В марте 1868 года, как раз в тот момент, когда Лебоф собственноручно начертил фатальную фразу на предложении, поступившем из Эссена, Жюль Верн в XII главе своего романа «Двадцать тысяч лье под водой» описывает, как его капитан

ФОТОБАНК

Замок Хёгель

Немо устраивает экскурсию для профессора Арона по «Наутилусу», при этом терпеливо поясняя, что детали механизма фантастической подводной лодки были изготовлены из лучшей, по мнению писателя, стали в мире на заводах «Круппа из Пруссии».

Дело в том, что в отличие от маршала Лебофа, король Вильгельм, Бисмарк и Мольтке получили наглядный урок на полигоне в Тегеле. Теперь пушкам Круппа предстоял мировой бенефис на полях сражений. Орудия, изготовленные Альфредом, в два раза превосходили своих устаревших бронзовых собратьев. Новые пушки были лучшими и по точности стрельбы, и по скорострельности, которую обеспечивал механизм, расположенный в казенной части ствола. Это был большой сюрприз, который заранее приготовили прусские генералы для своего неосмотрительного врага.

Французам приходилось рассчитывать только на митральезы. Но немцы и здесь опередили своих противников. С помощью хорошо налаженной разведки они заранее узнали о секретном оружии и приняли все меры для его нейтрализации. Митральезы поступили в войска только накануне боевых действий. Их держали под особым секретом. Но шпионская информация, как и превосходство в вооружении, стали отличительными чертами новой военной стратегии, с правилами которой ни за что не хотели считаться в генеральном штабе Наполеона III. В войсках короля Вильгельма с помощью телеграфа был разослан приказ, в соответствии с которым артиллерийским батареям предписывалось заранее подавить указанные огневые точки врага, где и располагались знаменитые митральезы, шквальным огнем. Именно разведка помогла, в конечном счете, нейтрализовать это слабое превосходство вражеской армии и сделать секретное оружие Наполеона III, на которое возлагались слишком большие надежды, абсолютно безвредным.

Началом кровавого балета можно считать сражение в Виссембурге в Эльзасе, которое произошло 4 августа 1870 года. В этом сражении точным попаданием артиллерийского снаряда был убит высокопоставленный французский генерал. Затем 6 августа на северо-востоке Франции в Ворте представление продолжилось с еще большим успехом. Французский маршал Патрис Макмахон даже не отдал приказа рыть окопы. Он и предположить не мог, что прусские войска осмелятся его атаковать. Маршал был уверен, что враг начнет отступление, увидев столь мощного противника в лице его армии, сумевшей покрыть себя неувядаемой славой на полях не-

давних сражений. «Никогда, — писал один из адъютантов маршала, — никогда еще за всю историю войн войска не были в такой степени уверены в своей победе».

От этой уверенности не осталось и следа, когда за дело взялись пушки Круппа. Французы начали с того, что выстроились в боевом порядке и приготовились к атаке. И вдруг началась бомбардировка, которая непрерывно длилась целых восемь часов. По сути дела, это было похоже на самый настоящий расстрел. Снаряды косили людей, превращая их в груды бесформенных мертвых тел. Через восемь часов такой бомбардировки, которую никто не мог ожидать со стороны, как всем казалось, слабой Пруссии, вконец деморализованные войска ударились в бегство.

Сражение при Вёрте стало дурным предзнаменованием для всей французской армии. Целую неделю крестьяне из соседних деревень убрали со своих виноградников и из соседних лесов бесчисленные обезображенные трупы, одетые в шеголеватые красные панталоны, чей цвет приобрел мареновый оттенок от запекшейся бурой крови. Согласно официальным сводкам, стальные орудия Круппа «не оставляют никакого шанса для успешного ответного огня. Они методично уничтожают все вокруг. Снаряды буквально сыпятся на головы сражающихся, которые обречены бессмысленно гибнуть, так и не дождавшись сигнала к атаке».

Макиавелли как-то сказал, что Карл VIII во время зимней кампании 1494—1495 годов «захватил Италию с мелом в руке». Великий политик имел в виду то, что полководец сначала обводил на карте нужную ему крепость мелом, а затем в ход шла артиллерия, которая через какое-то время сравнивала город с землей. Карлу VIII удалось в течение шестнадцати месяцев захватить шестьдесят крепостей. Летом 1870 года благодаря орудиям Круппа немцы лишь за один месяц боев побили рекорд полководца эпохи Возрождения.

Накануне 6 августа вся французская армия была разбита на две большие части. Мак-Магон занял Эльзас, а император Наполеон III расположил свои войска в Лотарингии. Эти две большие армии разделял горный хребет, поэтому о возможной помощи в данной ситуации не могло быть и речи.

В то время как правое крыло терпело поражение в сражении под Вёртом, левое теряло господствующие высоты в районе Саарбрюккена. В течение каких-то суток французская мечта о славе и о повторении подвига отцов превратилась в самый настоящий кошмар.

Мак-Магон вынужден был оставить Эльзас, а Наполеон III отступил и занял считающуюся неприступной крепость в Метце.

Мольтке осуществил три успешных сражения и сумел окружить Метц. Наполеону III в последний момент удалось сбежать и счастливо достигнуть расположений Мак-Магона. Император начал уговаривать маршала предпринять контратаку и освободить окруженный форт. Последствия этого решения были неописуемыми. В четверг, первого сентября, императорское правое крыло, изрядно потрепанное в боях, столкнулось с войсками Вильгельма в семи милях от бельгийской границы в районе Седана. Это была небольшая крепость с постройками, относящимися еще к XVII веку.

Мак-Магону позиция показалась прекрасной, но генерал Огюст Дюкро, который уже успел приобрести кое-какой опыт в сражении при Вёрте, знал, чем все может закончиться: господствующие высоты были прекрасной площадкой для обстрела французских позиций. Мак-Магон и предположить не мог, какой точностью и какой дальностью боя обладают крупновские пушки, поэтому на окружающие горы он не обратил особого внимания, наоборот, именно горы, как считал маршал, мешали продвижению большого количества вражеских войск. Дюкро с этим был категорически не согласен, но изменить что-либо оказалось невозможным. Согнувшись у костра, с красно-голубым тюрбаном зуавского полка на голове, только Дюкро смог ясно и грубо сформулировать, ту горькую правду войны, с которой в недалеком будущем предстояло познакомиться всем участниками этого кровавого спектакля: «*Nous sommes dans un pot de chambre, et nous y seron emmerdés*» (Мы оказались на самом дне ночного горшка и теперь нам остается лишь ждать, когда на нас начнут срать сверху).

Позиция, выбранная Мак-Магоном, действительно была похожа на ночной горшок, а в роли дерьма должны были выступить снаряды Круппа (Kruppstahl).

Сражение началось незадолго до рассвета, несмотря на то, что Мольтке хотел подождать еще какое-то время, тем самым дав возможность соединиться двум своим корпусам и завершить окружение. Первый Баварский корпус не выдержал томительного ожидания и в 4 часа утра двинулся на врага, словно призрак, неожиданно появившись перед французскими укреплениями из предрасветного тумана. Французы запаниковали, они начали бросать баррикады, и часть войск скрылась в городских зданиях. Прошло еще какое-то время – и все укрепления были буквально сметены ураганным огнем крупновских батарей.

Как и предсказывал Дюкро, расположившись на господствующих высотах шестнадцать батарей врага за считанные часы беспрепятственно расстреляли всю Зуавскую армию, специально вызванную из Алжира для участия в этой кампании. Вскоре и сам Мак-Магон получил серьезное ранение. Его с трудом отнесли на носилках в укрытие. Маршал вынужден был передать командование и маршальский жезл прозорливому Дюкро. Новому командиру ничего не оставалось делать, как отдать приказ к отступлению. Армия еще не была полностью окружена, оставался последний шанс спастись от позора. Но Дюкро отказался подчиниться другой генерал, Эммануэль Вимпфен. Последний горячо настаивал на неожиданной контратаке, которая должна была «проучить пруссаков и сбросить их в Рейн». На истошные вопли Вимпфена о том, что «нам нужна только победа», умудренный опытом Дюкро спокойно заявил: «Нам повезет, мой генерал, если сумеем выбраться отсюда». И это не было преувеличением. Методичный огонь немецких батарей с каждым часом становился все интенсивнее. К полудню Мольтке двинул свои войска через дорогу, ведущую в Мезьер. Таким образом, он отрезал последний путь к отступлению.

По словам очевидцев, погода в тот день была прекрасной. Король Вильгельм через подзорную трубу мог спокойно наблюдать, как в ярких лучах солнца на территории в несколько миль лежат горы трупов. Работа эссенского магната была милостиво одобрена кивком монаршей головы.

Наконец и упрямый Эммануэль Вимпфен понял, что сражение безнадежно проиграно. В отчаянии он все-таки решился на прорыв, но для осуществления своей цели бедный генерал уже упустил время и поэтому не смог набрать нужного количества войск: вокруг лежали только трупы храбрых солдат в красных, как кровь, панталонах. Но, несмотря на это, в час дня Вимпфен послал в Седан вестового для того, чтобы предложить Наполеону III лично принять участие в прорыве. Однако император так и не появился перед войсками. Наполеон не был трусом, наоборот, император все время порывался вскочить в седло и рвануться вперед через заградительный огонь прусской артиллерии, предпочтя достойную смерть на поле сражения позорному плену. Но для этого вестовой явно не подходил. Вимпфен пренебрег правилами этикета и лично не предложил шпагу Наполеону III, а император в этом вопросе был очень щепетилен. Время ушло, про этикет в пылу сражения

забыли, и к двум часам дня немцы уже успели разгромить жалкие остатки французской армии. Лишенная командования императорская пехота разбежалась по окрестным лесам. Тогда Дюкро решил на отчаянный шаг, больше похожий на самоубийство. Ему пришла мысль с помощью отборной императорской кавалерии проложить небольшой коридор во вражеских позициях и избежать вместе с Наполеоном III позорного плена.

Командир кавалерии поднял над головой палаш, чтобы отдать приказ к атаке, и тут же свалился замертво. Два адъютанта оттащили его в сторону. Лицо кавалериста превратилось в кровавое месиво. Другому главному офицеру удалось отдать приказ, и императорская гвардия бросилась в атаку, которую тут же подавили ураганным огнем.

«Vengez-le!» (К мести!) — прозвучала команда, и еще одна атака захлебнулась в крови, как и первая. Затем еще и еще и еще... пока последний из всадников не свалился замертво.

Король Пруссии через подзорную трубу внимательно наблюдал за всей этой сценой, находясь на почтительном расстоянии. Восхищенный, он лишь произнес по-французски: «Ah! Les braves gens!» (Какие бесстрашные люди!).

«Никогда прежде, — писал по этому поводу историк Ховард, — артиллерия не использовалась в войне с такой поразительной эффективностью».

Король Вильгельм не мог оторвать своего зачарованного взора от поля сражения. Он видел, как клубы дыма поднимаются сначала над тем или иным склоном, а внизу, словно скошенные невидимой косой, падают и падают люди.

Другой же венценосец, Наполеон III, был в этот момент в самом центре событий, то есть там, где и гуляла во всю выпущенная на свободу смерть. Император чудом остался жив и даже сумел достигнуть Седана. Затем навстречу прусским войскам вышел офицер с белым флагом, и эта капитуляция ознаменовала собой рождение Второго Германского Рейха. Офицер передал Мольтке письмо следующего содержания:

«Monsieur mon frère,

N'ayant pas pu mourir au milieu de mes troupes, il ne me reste qu'à remettre mon épée entre les mains de Votre Majesté. Je suis de Votre Majesté le bon frère

Napoleon».

«Месье брат мой,

Не имея возможности погибнуть вместе с моей армией, мне не остается ничего, как отдать свою шпагу в руки Вашему Величеству. Остаюсь Вашему Величеству добрым братом.

Наполеон».

Но Вильгельм не собирался принять шпагу из рук поверженно-го императора. Король передал письмо Бисмарку, который тут же продиктовал ответ следующего содержания:

«J'ai désigné le Général de Moltke à cet effet».

«Я определил генерала Мольтке выполнить эту миссию».

Ночью прусские войска, сидя у своих костров, распевали известный лютеранский хорал «Nun danket alle Gott». Они были удивлены и поражены случившимся не меньше, чем разгромленные ими французы. По словам Хорварда, никто не мог тогда даже отдаленно предсказать, что «эффективность прусской артиллерии станет величайшим стратегическим открытием франко-прусской войны».

На следующий день Наполеон III, император Франции, вместе с элегантным багажом, в сопровождении свиты и многочисленной прислуги был отправлен в Сталаг. Прекрасная солнечная погода, которой был отмечен роковой для всех французов день, сменилась унылым непрекращающимся дождем. Остатки наполеоновской армии выловили и разоружили. Солдат поместили в лагере, расположенном на крутом берегу Рейна. Из этого места скорби (le camp de la misère) доносилась лишь брань в адрес поверженного императора.

Мольтке и Бисмарк стояли рядом и следили за тем, как уезжает карета Луи Наполеона. «Династия по пути в никуда», — пробормотал Бисмарк. Он вполне мог бы продолжить свою фразу и добавить: «Зато две другие пришли на ее место». Конечно же это были династии Гогенцоллернов и Круппов.

Шесть лет спустя после разгрома французов, в 1876 году, еще одна семья решила свои проблемы, но уже не на поле чести и на глазах у всего мира, а в скромном кабинете нотариуса. Историк Алан Баллок приблизительно так описал это событие: «6 июня 1876 года восьмидесятичетырехлетний старик, Иоганн Георг Гидлер предстал перед нотариусом в... Вайтре и сказал в присутствии свидетелей, что он — отец внебрачного ребенка Алоиза Шикльгрубера, на матери которого он женился позже».

По ошибке имя отца, Гидлер, было записано как Гитлер, и исправлять это уже никто не собирался. Делу был дан ход, а бумажная волокита в австро-венгерской империи могла свести с ума не одного здравомыслящего человека. Все согласились не обращать внимания на допущенную ошибку, и буква «д» была заменена на «т» в имени, которое через полвека заставило содрогнуться весь мир.

До 39 лет Алоиз Шикльгрубер, отец Адольфа Гитлера, так и не сможет добиться того, чтобы муж его матери усыновил его. Несмотря на затраченные усилия многочисленных историков, генералов и биографов, долгое время было неизвестно, кто был дедом диктатора по отцовской линии. Предположения и утверждения простирались от венского барона Ротшильда, затем от еврея Франкенбергера из Граца до члена династии Оттенштейн из лесного квартала в Нижней Австрии. Несомненным для некоторых биографов является лишь то, что официальный дед Адольфа Гитлера, подмастерье мельника, Иоганн Георг Гидлер, не был отцом Алоиза Шикльгрубера, а следовательно, не имел никакого отношения к самому Адольфу Гитлеру. Об Алоизе, ро-

дившемся в 1837 году, было известно, что он стал называться Гитлером только с 1876 года. И с этого момента зловещее имя окончательно утвердилось в мире. Ошибка переписчиков казалась случайной, с точки зрения земной логики, но вполне закономерной с точки зрения логики Зла, если учесть, что «имя и есть миф», а «миф — это и есть действительность».

В то время, когда Альфред Крупп сумел достичь небывалой власти и влияния, в никому не известной еще католической семейке Гидлеров-Гюттлеров (священники и нотариусы как могли склоняли столь необычную фамилию, и неизвестно, кто еще водил их нетвердой рукой, когда совершались все эти странные описки, пока не было найдено наконец зловещее сочетание букв), так вот, в этой милой семейке уже давно происходили довольно странные вещи, и на это следует обратить особое внимание.

Известно, что семья — это одно из средств богопознания. Недаром же и Спаситель, разъясняя отношение Отца Небесного к человеку, обращался к аналогии семейных отношений: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете деяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7, 9-11). В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» главный герой рассказывает: «Через час, возвращаясь в гостиницу, наткнулся на бабу с грудным ребенком. Баба еще молодая, ребенку недель шесть будет. Ребенок ей улыбнулся, по наблюдению ее, в первый раз от своего рождения. Смотрю, она так набожно вдруг перекрестилась. «Что ты, говорю, молодка?» — «А вот, говорит, точно так, как бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку приметит, такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда он с неба завидит, что грешник перед Ним от всего сердца на молитву становится». Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть все понятия о Боге как о нашем родном Отце и о радости Бога на человека, как отца на свое родное дитя, — главнейшая мысль Христова!»

После обработки всех существующих и почти всех донные неопубликованных документов и показаний родственников Гитлера у биографов появилась возможность отождествить деда Адольфа Гитлера с отцовской стороны с вероятностью, граничащей с абсо-

лютной уверенностью. По результатам обработки последних сведений, Адольф Гитлер был продуктом тесного инцухта, так как все справки указывают на Иоганна Непомука Гюттлера, брата официального деда Гитлера, как на фактического деда, что означает, что Иоганн Непомук был не только дедом Адольфа Гитлера по отцовской линии, но одновременно и дедом его матери, и его прадедом по материнской линии, а Адольф Гитлер родился от связи Алоиза Гитлера и дочери его сводной сестры.

Судя по всему, этот инцухт был настолько тесным, что ему оставалось совсем немного, чтобы перейти в разряд самого настоящего инцеста. Но это и есть фактическое антихристианское разрушение семьи как малой Церкви.

Портрет Алоиза Шикльгрубера, отца Адольфа Гитлера, является ярким тому доказательством. Это странное, если не сказать большего, лицо способно произвести лишь отталкивающее впечатление. Фотографический портрет поражает своей асимметричностью. Лицо у отца Гитлера широкое, пухлое. На голове почти нет волос, но это не лысина, а очень короткая, почти под ноль, стрижка. Создается впечатление, будто череп покрыт щетиной. Надбровные дуги резко выступают вперед. Отец Гитлера явно страдал косоглазием. Небритый подбородок так же, как и брови, выдвинут вперед, тонкие губы плотно сжаты под пышными прусскими усами, тяжелые веки буквально нависают над зрачками. И во всем этом необычном облике вас, прежде всего, приковывает к себе застывший взгляд. Из-за косоглазия создается впечатление, будто один глаз смотрит из-под тяжелых век прямо на вас, а другой — уставился куда-то вдаль. Если долго вглядываться в этот портрет, то может создаться впечатление, будто на вас смотрит не один, а сразу два человека. Явная асимметрия создает странное впечатление, вам кажется, что на фотографии запечатлено два лица.

Известно также, что Адольф Гитлер, который был осведомлен об инцухте в рамках своей родни, не хотел касаться этой темы, когда речь шла о нем лично. Однако, несмотря на свой антисемитизм, в 1919 году будущий фюрер письменно выразил положительную оценку инцухта в служебной записке, касающейся еврейского вопроса. «Благодаря тысячелетнему инцухту, — писал будущий лидер нацизма, — еврей сохранил свою расу и своеобразие четче, чем многие из народов, среди которых он живет». Живая во всех отношениях тема заставила Гитлера отметить хоть какую-то, по его мнению; положительную черту у ненавистного ему народа. Этот

факт говорит о многом, если иметь в виду истинные потаенные мотивы нацистского лидера.

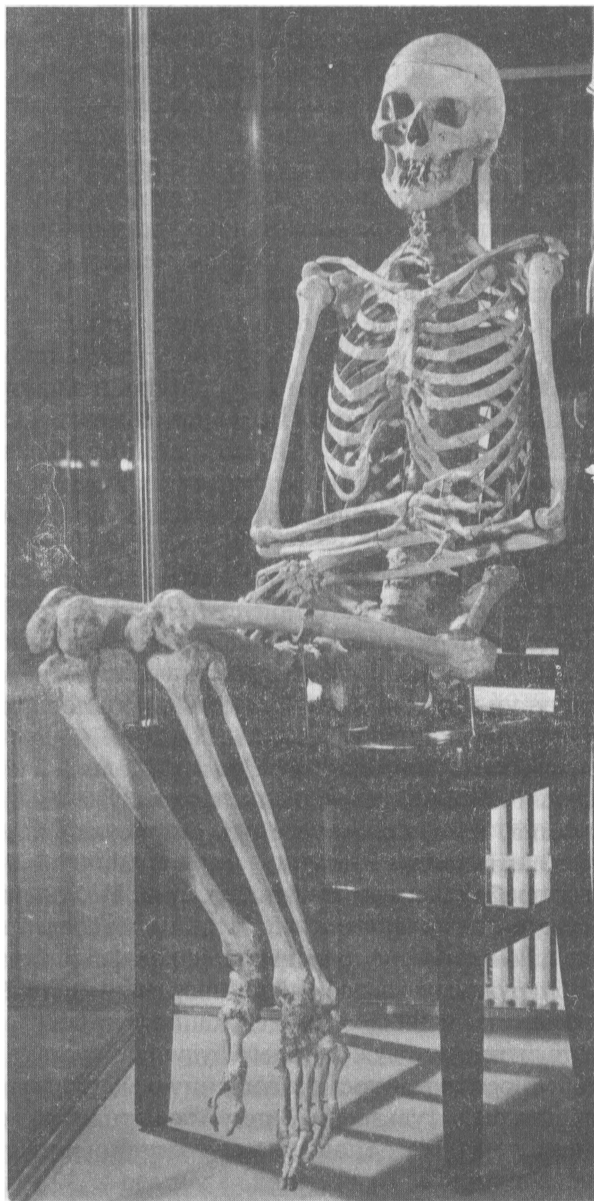
Как сообщал Патрик Гитлер в известной статье в «Пари суар», Адольф Гитлер сильно обругал его, Патрика, только потому, что племянник посмел высказаться в своих интервью о происхождении дяди. Всю жизнь Гитлер боялся стать отцом. Сама мысль о возможном уродливом потомстве в результате многолетнего семейного инцухта мучила фюрера. Продолжение кровосмесительных связей практиковал и сам Адольф Гитлер. Как утверждают специалисты, это вполне закономерное явление среди тех, чьи родственники из поколения в поколение занимались чем-то подобным. Известно, что на протяжении многих лет Гитлер поддерживал любовную связь со своей племянницей «Гели» Раубаль, которая от него, если верны сведения Патрика Гитлера, забеременела в 1931 году.

Характер Алоиза Шикльгрубера, отца Адольфа Гитлера, был решительный, вместе с тем раздражительный и отмеченный сильным стремлением добиться успеха и желанием властвовать. Честолюбие было ведущей чертой характера этого человека. Ему также были присущи повышенная нервозность и беспокойство. О силе его энергии и о способности добиваться своего сообщает, между прочим, сам Адольф Гитлер в «Майн Кампф». Об этом же самом говорит нам и некролог, напечатанный в либеральной газете города Линца «Тагеспост» 8 января 1903 года: «...Имея только школьное образование, он сначала освоил сапожное ремесло, но впоследствии самостоятельно подготовился к карьере служащего и в этой области успешно трудился. Алоиз Гитлер был человеком прогрессивных взглядов, а потому и добрым другом Свободной школы. В компании он был всегда весел, имел юношеский веселый нрав (это с таким-то лицом — *Е.Ж.*). Хотя время от времени резкое слово и срывалось с его губ (что, наверное, больше соответствовало истине — *Е.Ж.*), но под грубой оболочкой скрывалось доброе сердце. Он всегда выступал за справедливость и честность. Информированный во всех вопросах, он всюду мог сказать решающее слово. Не в меньшей мере его отличали большая скромность, хозяйственность и бережливость. Кончина Гитлера явилась большой утратой...».

Но был ли Алоиз Гитлер исключением? Отнюдь нет. Данные показывают, что доля детей, родившихся в те времена в Нижней Австрии вне брака, составляла около 40% всех родившихся, и узаконивание факта отцовства и усыновление задним числом были правилом, которое никто не принимал близко к сердцу. Не толь-

ко внебрачные дети мужчин, но и женщин обычно принимались в заключававшиеся позже браки и усыновлялись (удочерялись). Остается лишь гадать, в какой степени среди этих 40% незаконнорожденных детей речь могла идти об инцухте или инцесте, как в случае с семейством Гитлер — Шикльгрубер. Город Браунау, родина Адольфа Гитлера, не случайно считался еще и родиной многих медиумов. До 40%, то есть почти половина из всех рожденных в результате греховных связей детей вполне могли стать существами не совсем обычными и напрямую быть связанными с некими Силами, лишенными благодати. На немецкой земле, будь то Австрия или Пруссия, исподволь происходили процессы, не поддающиеся объяснению с точки зрения привычной логики. Попытаемся все же пролить хоть какой-то слабый свет на эти тайные процессы.

В связи с тем что никто и ничего не знал о Марии Анне Шикльгрубер, матери Алоиза и бабке Адольфа, эту женщину называли просто бедной «служанкой» или «конюхом в юбке», а также «жалкой батрачкой» и достойной сожаления «девушкой-крестьянкой», которая должна была уже радоваться тому, что в 1842 году, в возрасте 47 лет с пятилетним внебрачным ребенком она сумела-таки выйти замуж. В литературе эта женщина описывается как та, которая происходила из очень бедной семьи и пришла из местности, которая показалась ее внуку Адольфу Гитлеру пригодной лишь для военного учебного плаца. Этот факт представляется в каком-то мистическом свете. Например, известно, что Гитлер почитал места, с которыми было связано его собственное детство. С родной же деревней собственной бабки фюрер поступил весьма странным и необычным образом. Так, села Штронез, родина бабки Гитлера, и Деллерсхайм, где родился маленький Алоиз, с 1 апреля 1941 года были объявлены военным округом «Военным учебным плацем». После войны, в 1945 году, и, главное, после смерти Гитлера, все постройки в этих местах были растащены жителями соседних деревень. Советская армия, которая находилась в Австрии до 1955 года, завершила начатое уничтожение. В окрестных селах к тому же обнаружили немало мужчин, внешне очень похожих на Гитлера. Дальних родственников фюрера, результат все того же инцухта, арестовали и отправили в ГУЛАГ. Эти простые крестьяне не представляли никакой опасности и отличались, по мнению историков, весьма слабым интеллектом и отсутствием каких бы то ни было амбиций.

ФОТОБАНК

О предках Гитлера мы с трудом можем узнать лишь по записям, сделанным в церковных книгах. В отличие от пушечных королей Круппов, они не могут похвастаться родословной, берущей свое начало еще в далеком XVI веке. Предки Гитлера, от которого будет содрогаться весь мир, — это люди из подполья Ф.М. Достоевского. Их жизнь выразилась в скупых записях регистраций дат рождения, бракосочетания и смерти, которые неизменно сопровождались скучными колонками цифр, указывающих на размер приданого или наследства. Все по-немецки рассчитано вплоть до последнего гульдена: убогая картина жизни тысяч и тысяч крестьян, живших, чаще всего, в страшном грехе и не очень беспокоившихся по этому поводу — главное, чтобы цифры были выписаны правильно. Судя по тем же церковным записям, католические священники из здешних мест были буквально завалены просьбами, касающимися разрешения брака между ближайшими родственниками. Эти письма методично отправляли в Ватикан и так же скучно методично получали чаще всего удовлетворительный ответ.

Скорее всего, результатом этого многолетнего генетического эксперимента, благословленного попустительством конформистской католической церкви, и стал Адольф Гитлер, существо во многом лишь схожее с человеком. Представляется, что и на процветание инцухта и инцеста в этой части Австрии повлияла все та же пресловутая немецкая бережливость, все те же гульденны. В результате тесных семейных связей и без того небольшой капитал, к тому же нажитый тяжким крестьянским трудом, уже не уплывал из рук одного клана, который и семьей-то в христианском смысле этого слова уже назвать было нельзя.

Прадед и прабабушка Адольфа Гитлера, Иоганн и Тереза Шикльгруберы, были крестьянскими детьми, которые точно знали, чего хотели. В «Коммерческом протоколе графства Оттенштейн за 1793 год» обнаружен их свадебный договор от января 1793 года, в котором они обязуются соблюдать следующие условия:

«1. Невеста выходит замуж за своего будущего супруга и вместе с любовью и верностью приносит завещанную ей ее матерью часть наследства в сумме 100 гульденов. Затем от ее отца получено в подарок к приданому 200 гульденов; затем из обстановки: 1 кровать — 20 гульденов, 1 сундук — 7 гульденов, 1 корова — 20 гульденов... Всего 355 гульденов 30 крон.

2. Жених со своим приданым, подаренным его родителями в сумме 100 гульденов, сэкономленные ими 100 гульденов, всего 200

гульденов. Все, что они сейчас собрали, а также то, что они в браке приобретут, унаследуют или получат благословением Бога, должно сразу считать совместным благом».

От этого брака в 1795 году родилась Мария Анна Шикльгрубер, бабка Гитлера. В 42 года она сама родила внебрачного сына по имени Алоиз в Штронеце. Через пять лет после этого женщине удалось выйти замуж за Иоганна Георга Гидлера и через пять лет она умерла.

Биографы смогли восстановить приблизительно следующую картину жизни бабки Диктатора: «Еще в молодые годы Анна поступает на работу в город. И только в возрасте 42 лет снова появляется в родной деревне. Поскольку она «опозорена», высоко нравственный отец не хочет принимать ее. Анна находит приют в доме мелкого крестьянина, где рождает отца великого «барабанщика». Пять лет спустя она выходит замуж за подмастерья мельника.

По мнению биографов, на долю пожилой пары не выпало счастья. Они жили в большой нужде; ходила молва, будто в конце концов кроватью им служило корыто для скота.

Прямые предки по линии Шикльгрубер, как и рода Гитлеров, были сплошь выходами из крестьянских семей. Только отец Адольфа Гитлера, мечтавший попасть «наверх», нарушил эту традицию.

Алоиз и Адольф Гитлеры, отец и сын, оба, хотя и по-разному, были ярко выраженными властителями, обладали необыкновенной харизмой и с успехом преодолели некоторые издержки своего происхождения. Они были необычайно пронизательны, нетерпеливы и любознательны. Отец и сын могли настойчиво преследовать свои жизненные цели, управляли людьми холодно и расчетливо, полагая, что их окружение просто ничтожно по сравнению с ними, при этом им удавалось производить благоприятное впечатление на подчиненных, подчиняя их себе на психологическом уровне.

Алоиз, внебрачный сын немолодой крестьянки из маленькой деревни, где лишь немногие жители могли написать свое имя, стал очень уважаемым государственным чиновником, несмотря на то, что не получил серьезного образования. К концу своей карьеры Алоиз мог позволить себе не считаться с общественными нормами и игнорировать мнение окружающих.

Адольф, сын чиновника, родившийся в маленьком пограничном городке, тоже не получивший достаточного образования, на некоторое время стал самым могущественным человеком на земле.

Адольф был не единственным ребенком в семье. До рождения будущего диктатора у этой супружеской пары уже успело скончаться три ребенка. Из шести же детей в живых осталось, в конечном счете, только двое: сам Адольф и его родная сестра Паула, скончавшаяся в 1960 году. Из этих двоих лишь старшему, рожденному, как и его отец, в результате тесного инцухта, удалось воспринять все лидерские качества родителя и достичь необычайных высот. Перед нами пример генетической мутации, и Гитлер, как результат этого многолетнего социального и природного эксперимента, оказался очень кстати, и его деятельность удачно наложила на весь протестантский менталитет немецкой нации.

Архимандрит Сергей (будущий Патриарх) в своем труде «Православное учение о спасении» так сформулировал один из итогов, к которому пришла сотериология протестантизма (а через нее проецируется на этот итог и католическая): «Уже не ради вечного спасения и вечной жизни, а ради или земного благополучия или награды, не в пример прочим человек делает добро».

По протестантизму, столь определившему ментальность всего немецкого народа, зло сопряжено исключительно с внешними обстоятельствами жизни. Все, в конечном счете, определяет судьба, и если ты беден и находишься на низшей ступени социальной пирамиды, то ты отмечен злом.

Конечно, идеал жизни как удовольствия, идеал, несовместимый с христианством, обретался всегда, скорее, в высших слоях общества, в имущих классах. Но протестантское мышление выхаживает из своего учения христианскую аскезу: если ты наверху, а не внизу, значит, ты благословлен Богом и Судьбой. Но все дело заключается в том, что неимущие классы ничем не хуже имущих — просто у последних больше возможности удовлетворить стремление, до поры подавленное у неимущих внешними обстоятельствами. А в основе и тех и других одно — грех, таящийся в глубине души, который протестантизм понимает лишь как внешнюю неудачу. Протестантизм по природе своей отрицает Христа в стремлении к «сокровищам на земле» и тем самым вдохновляет любой экстремизм, лежит в основе европейского нигилизма, на какой-то почве и расцвел пышным цветом германский фашизм в лице гитлеризма. И тот факт, что Адольф Гитлер вышел из безвестной крестьянской массы неудачников благодаря генетической мутации, лишь должно подтверждать ту мысль, что стремление к «сокровищам на земле», его грех любоначалья, столь характерный для нем-

цев (кто наверху – тот и прав), был своеобразно освещен лютеранской церковью, в лоне которой воспитывалась и вся династия Круппов.

В данном случае факт католического влияния на сознание будущего диктатора мало что меняет. Католический конформизм с установкой на изначальную слабость человеческой природы, на всевозможные попустительства (вспомним, что разрешения на греховный брак со своей ближайшей родственницей Алоиз получил с благословения самого Папы Римского) во многом перекликался с протестантской ориентацией на «сокровища земные» вместо Царствия Небесного.

Получается, что Адольф Гитлер и Круппы были просто неизбежны. Оба эти явления как нельзя лучше соответствовали так называемому общегерманскому менталитету, складывавшемуся на протяжении многих веков на территориях, на которых некогда проживали племена готов, вестготов, франков и пр.

Столетие фирмы «Фридрих Крупп» пришлось на начало лета 1912 года. Грандиозные празднования начались с того, что среди многочисленных рабочих картеля было роздано в качестве вознаграждения 14 миллионов марок, и эта неслыханная доселе щедрость лишь предваряла собой безудержный золотой поток, который должен был поразить воображение современников.

Юбилей фирмы Круппа соперничал со знаменитым алмазным юбилеем английской королевы Виктории, имевшим место в 1897 году, с одной стороны, а с другой – с пышным празднованием по всей необъятной империи 300-летнего юбилея дома Романовых в России. Как и всякие подобные празднования начала XX века, столетие фирмы «Фридрих Крупп» было похоже на оргию безудержного расточительства, на торжество шовинизма, сопровождавшегося беззастенчивым самовосхвалением, окутанным в туманную ностальгию по легендарному прошлому.

По данным «Jahrbuch der Millionäre», третье почетное место среди самых богатых семей Германии занимал барон фон Голдшмидт – Ротшильд. В его активе насчитывалось 163 миллиона марок. Князь Хенкель фон Доннерсмарк шел вторым и располагал 254 миллионами марок. Но первая строчка принадлежала Берте Крупп, и ее состояние исчислялось 283 миллионами марок.

Берта Крупп была внучкой знаменитого Альфреда Круппа и одной из двух дочерей Фрица Круппа, сына пушечного короля. По законам Германии женщина не могла стать главой фирмы, и умирающий Альфред видел будущее только в мрачном свете: его беспомощный сын, который вместо того, чтобы учиться сталелитейному делу, увлекся зоологией и, хотя и занимался фир-

мой, но свои обязанности выполнял из-под палки, был словно обречен на неудачу. Фриц стал плодом несчастной любви Альфреда и Берты. Разногласия родителей, чей официальный развод произошел лишь в 1882 году, словно с самого рождения заложили в мальчика какую-то червоточину.

И до развода Альфред не жил со своей супругой около тридцати лет, однако сам факт развода он воспринял весьма болезненно. Нужно сказать, что в течение долгого срока раздельной жизни Крупп делал слабые попытки найти замену Берте, но все они оказывались тщетными. Так, известно, что в Эссене появилась супружеская пара Клюперель, и пушечный король сразу же проявил знаки внимания по отношению к Элизабет Клюперель, пианистке из Штуттгарта, неожиданно прислав в подарок молодой женщине дорогой рояль марки «Бехштейн». И с этого момента в будничную одинокую жизнь замка Хёгель упомянутая Элизабет Клюперель смогла внести некое очарование поздней осени. Музыка Шуберта уверенно начала разгонять в пустом холодном доме царившие здесь тоску и уныние. Но в более теплые отношения это знакомство так и не смогло перейти. Призрак любимой и недоступной жены все равно продолжал незримо бродить по бесконечным переходам замка, и даже музыка Шуберта и Шопена не могла прогнать его из длинных переходов и галерей.

Окончательный разрыв с Бертой произошел по поводу женитьбы единственного сына Фрица, который оказался полной противоположностью своему отцу (рядом они выглядели как Пат и Паташон). Маленький, толстенький, классический «маменькин сыночек», Фриц все детство провел с мамой на курортах и слыл изнеженным барчуком. Пока сыну не исполнилось двадцать, Альфред и слышать не хотел, что Фриц когда-нибудь встанет во главе фирмы — он казался ему совершенной неспособным к серьезным делам. В 25 лет Фриц вознамерился жениться. Альфред был категорически против: ему не нравилась невеста, а пуще всего необходимость что-то менять в привычном укладе. Долгие три года Крупп не давал разрешения на брак. Тогда Берта решила сама поговорить с Альфредом и заступиться за своего любимого сына. Но она выбрала весьма неблагоприятный момент. Альфред как раз накануне рокового разговора проиграл партию в домино одному из директоров своей фабрики. Это обстоятельство омрачило его и без того тяжелый нрав. Ему казалось в тот момент, что он только и делает в жизни, что проигрывает. Своих партнеров Крупп подозревал в мошенничестве, назревал неприятный

разговор с подчиненными, а тут под горячую руку Берта решила заговорить о женитьбе Фрица. Именно в тот злополучный день она решила во что бы то ни стало получить окончательный ответ от Альфреда и начала на него давить всеми доступными ей средствами.

Альфред взревел. Его «нет» раскатисто прокатилось по всему замку. Чаша терпения оказалась переполненной. Берта развернулась и вылетела из комнаты. Прошло еще какое-то время, и услужливый дворецкий, неожиданно появившись в покоях хозяина, начал шептать своему патрону на ухо о том, что фрау Крупп не на шутку рассердилась и сейчас занимается тем, что упаковывает вещи и что ее намерения на этот раз кажутся необычайно серьезными. Альфред поспешил наверх. Там он увидел, как его супруга гоняет из угла в угол горничных, пытаясь упаковать на этот раз все, что ей принадлежало, вплоть до самых маленьких безделушек. Берта не собиралась оставлять в этом странном жилище ничего, что принадлежало лично ей.

Альфред начал умолять остаться, он просил прощения, негодовал, кричал, но Берта не произнесла на все это ни единого слова, она даже не взглянула на Альфреда. Когда же последняя коробка была наконец упакована, фрау Крупп гордо вышла из комнаты вслед за своим багажом. В отчаянии Альфред лишь сумел прокричать в темный, как бездна, лестничный пролет: «Не будь дурой! Подумай! Берта, что ты делаешь!» («Mach Kein Unsinn! Bertha, bedenke, was du tust!») И это были последние слова Альфреда, с которыми он обратился к своей супруге. Больше им уже не суждено было встретиться в этой жизни.

Решив использовать последний шанс к примирению, Альфред все-таки согласился на брак сына. Втайне он рассчитывал, что это сможет изменить решение Берты. Однако Крупп и здесь выдвинул свои неперемные требования: молодожены обязаны были жить вместе с ним в замке Хёгель.

С возрастом Альфред стал маниакально подозрителен, ему казалось, что все вокруг хотят его обокрасть, и каждый день он посылал своим управляющим ворох противоречивых приказов и инструкций. К счастью, реагировать на причуды вздорного старика не было особой необходимости: на своих фабриках он уже давно не появлялся, а телефон к тому времени еще не изобрели. Мучаясь бессонницей, Альфред ночи напролет бродил по пустынным комнатам замка, главный холл которого с пятью огромными люстрами на высоченном потолке мог вполне сойти за футбольное поле. Длина лишь одного обеденного стола равнялась шестидесяти футам.

Говорили, что даже преданный дворецкий, Кёрт, редко мог встретить своего хозяина: до такой степени Альфред любил уединение, а необжитые пространства Хёгеля весьма способствовали этому желанию. Общение с дворецким осуществлялось с помощью записок, которые хозяин замка прищипливал к косякам дверей. По характеру указаний и по специфическим деталям слуга мог догадаться, что хозяин постоянно следит за всем происходящим в замке, оставаясь невидимым. По признанию Кёрта, от этих бесконечных записочек у него по спине начинали бегать мурашки: маленькие лоскутки бумаги были прищиплены почти к каждому косяку. Казалось, что хозяин одновременно везде и нигде. Можно сказать, что замок Хёгель стал для Альфреда Круппа частью его самого. Старел хозяин, постепенно болезни начали брать верх над некогда нестигаемым человеком, и нечто подобное происходило и с замком. Так, в одну из зим Крупп чуть было не замерз: внезапно отказала вся система отопления. Но и летом было ничуть не лучше. Железная крыша и наглухо закрытые ставни при плохо работающей вентиляции превратили огромное здание в парник. Спасало обитателей лишь то, что Хёгель был титанической конструкцией с огромным количеством ходов и выходов. Фобия Альфреда относительно токсичности собственного выдоха легко преодолевалась им благодаря размерам здания и количеству комнат. По ночам, когда фобия особенно сильно навала знать о себе, хозяин, подобно призраку, без усталости бродил по огромным коридорам, что-то царапая карандашом на клочке бумаги. К концу жизни Крупп полностью перешел на карандаш. Теперь он писал огромными в полстраницы буквами, причем грифель часто рвал бумагу, выдавая беспокойный нрав хозяина. Иногда маленькая по содержанию записка занимала две или три страницы: создавалось впечатление, будто Альфред действительно превращался в призрак и постепенно начинал забывать человеческий язык.

Временами он подолгу задерживался у окна и смотрел на посаженные им деревья. Среди них у хозяина замка была своя любимица: уникальная береза породы Blutbuche (кровавая). Она росла у главного входа. В течение трех поколений дерево достигло каких-то гигантских размеров. Очевидцы рассказывали, что год от году листва, словно оправдывая свое название, а может быть, под влиянием самого места все больше и больше напоминала цвет крови.

Чтобы хоть как-то развлечься, старик иногда устраивал приемы, непременно прищиплив на дверях записочки с распоряжениями и правилами поведения для гостей. Однако Крупп тут же забывал о приглашенных, и гости пользовались его гостеприимством,

зачастую так и не встретившись с самим хозяином. Некоторые из них гостили по несколько недель, забывая о цели своего визита.

Альфреда раздражало все, даже черные чулки горничных — он приказал им носить только белые: этот больничный цвет действовал на хозяйна успокаивающе. Молоденькая жена Фрица, Маргарет, аристократка по происхождению и дочка важного чиновника, превратилась в главную мишень стариковских придирок: Альфред легко мог отчитать ее (а заодно и сына) при гостях за неподобающий наряд или неосторожно брошенное слово, находя особое наслаждение в том, чтобы изобретательно и методично издеваться над невесткой. «Отчего вы не пробуете фруктов из нашего сада?» — спрашивал он ехидно за завтраком, и слуги прыскали украдкой: они-то знали, что Альфред дал садовникам строжайшее указание не обслуживать Маргарет. Стоило ей задержаться за утренним туалетом, как Альфред каждые пять минут посылал слугу с «вежливыми» вопросами вроде: «не помочь ли фрау одеться?»

Лишь после смерти старого Круппа Маргарет смогла наконец вздохнуть с облегчением. Эта смерть случилась 14 июля 1887 года. Семидесятипятилетний пушечный король умер от сердечного приступа на руках у своего слуги. Неожиданно начались спазмы, Крупп обмяк, слуга успел подхватить его, а из ослабевших пальцев хозяина выпал карандаш: судя по всему, умирающий собирался в этот момент написать еще одно указание...

В Париже в это время праздновали день взятия Бастилии. Французы не забыли, кто стал причиной их величайшего позора в 1871 году, поэтому весть о смерти пушечного короля всех несказанно обрадовала. Столичная пресса была безжалостна по отношению к эссенскому магнату. В частности, она заявила, что Крупп выкрал секрет выплавки бессемеровской стали и что в последнее время все пушки пресловутого короля только и делали, что взрывались. Указывалось также и на то, что процветание фирмы было обеспечено лишь тем, что истинными владельцами фабрик в Эссене являлись Бисмарк и прусская королевская семья. «Le Matin» даже договорилось до того, что заявила: «Французская артиллерия во много раз превосходит сейчас немецкую по всем показателям». Но следует отметить, что злорадный тон парижских газет был, скорее, исключением, а не правилом. Большинство зарубежных изданий сходилось на том, что имя Альфреда было самым тесным образом связано с именами Бисмарка и кайзера Вильгельма II и что именно Крупп стал архитектором победы 1871 года и одним из отцов-основателей Второго Рейха.

Некрологи, полные уважения и почтения, были обеспечены скончавшемуся магнату. Альфреду в течение всей своей карьеры удалось вооружить, по крайней мере, сорок шесть наций. В замке Хёгель хранился бриллиантовый перстень, принадлежавший некогда Великому князю Михаилу Михайловичу, а также усыпанная драгоценными камнями табакерка австрийского императора Франца Иосифа и насчитывающая две тысячи лет ваза китайского императора Ли Хингчанга. И это были далеко не все подарки, которые щедро подносились королю пушек от благодарных правителей мира. Перед этими дарами могло бы померкнуть и легендарное золото Рейна, золото фантастического народа Нибелунгов: Крупп был словно обречен на удачу, которая лишь испытывала своего любимца в самом начале жизненного пути. Он и был тем самым князем, дарителем колец, которого с нетерпением ждала немецкая душа. Именно кардинальное перевооружение мира, осуществленное во многом благодаря деятельности Альфреда Круппа, и сделало возможной первую мировую войну, где наиболее ярко воплотилась суицидная склонность всего немецкого народа, которая нашла свое воплощение в яркой, выразительной формуле, зафиксированной еще в древнегерманских сказаниях: «Добровольная воля к смерти».

Альфред заранее спланировал собственные похороны. В течение трех дней, в соответствии со строжайшей инструкцией, его тело должно было покоиться в главном холле замка. Ночью, по истечении положенного третьего дня, тело пронесут по всем фабрикам, где покойнику окажут почтение многочисленные рабочие, ряды которых выстроятся вдоль всего траурного пути. В руках скорбящие, по распоряжению Альфреда, будут держать черные знамена и горящие факелы. И смерть пусть станет воплощением величия. Для истинного немца такая смерть и такое почтение к ней — это воплощение высшей цели, высшего предназначения самой жизни. В траурных факелах, горевших в руках бесчисленных крупповских рабочих, угадывался прообраз других шествий... Казалось, что хоронили не христианина, а воина, древнего языческого князя, верившего не в Христа, а в Одина, Торра, в мирового Волка и в то, что когда-нибудь обязательно наступят «сумерки богов».

Перед тем как тело следовало предать земле, его еще раз надо было выставить в маленьком доме, где когда-то скончался отец Альфреда, Фридрих. Стараниями пушечного короля убогое жилище удалось восстановить, собрав все старые вещи, принадлежавшие когда-то основателю фирмы, вплоть до знаменитых деревянных башмаков, в которых Фридрих обычно колдовал у таинственного тигля.

Затем установленный на пушечном лафете гроб Альфреда следовало перевезти на фамильное кладбище в Эссене, которое располагалось у Кетвингских ворот рядом с городской стеной, сохранившейся еще с эпохи средневековья. На самом надгробье предполагалось высечь следующую надпись: «Здесь покоится благородный человек, который был примером патриотизма и который полагал, что ни одна жертва не может быть слишком большой, когда речь идет о пользе Отечества».

Берта пережила супруга лишь на полгода. В письме, написанном несостоявшейся любовницей Альфреда Круппа, Элизабет Кмпфель, своей матери, говорится о смерти пушечного короля и похоронной церемонии, состоявшейся на вилле Хёгель в 1887 году. «Присутствовала и его жена, госпожа Крупп, — писала с легким раздражением Элизабет. — Она ни с кем не разговаривала и была очень взволнована». К моменту смерти бывшего мужа Берта была уже тяжело больным человеком и, судя по всему, предчувствовала, что скоро умрет. Она отдала дань уважения тому, кого, может быть, и не любила, но кто смог очень сильно повлиять на ее собственную жизнь. Могила примирила их, но не соединила. Как разведенная пара они были похоронены в разных местах, и для любимой женщины Круппа так и не нашлось места в семейном некрополе.

Сам же некрополь до сих пор является частным владением и находится под постоянной охраной. Чтобы попасть туда, надо пройти по извилистой дорожке, выложенной розовым гранитом. Эту дорожку проложили в безупречном по своей чистоте парке среди тюльпанов и вечнозеленых растений. В некрополе покоятся останки Густава и его жены Берты. Они лежат под одним камнем, о чем мог лишь мечтать старый Альфред. Надгробья детей находятся внизу родительской могилы. Торговым знаком фирмы украшен склеп сына Альфреда, Фрица. И над всеми этими надгробьями возвышается монумент, возведенный в честь самого первого короля пушек, Альфреда Круппа. Величественная многоступенчатая гробница вознеслась вверх почти на шесть с половиной метров. На многих выступах пирамиды то тут, то там видны бронзовые фигуры, которые словно охраняют покой усопших. Чаще всего это ангелы, воплощающие смирение и покой. Но идиллическая композиция нарушается фигурой огромного орла, который, кажется, совсем недавно прекратил свой величественный полет и спустился с небес на это место скорби и печали.

Царственная птица нахохлилась и необычайно напряжена. Создается впечатление, что орел вот-вот нападет на кого-нибудь, в

его когтистых лапах зажат траурный венок, и, судя по всему, он должен символизировать скорбь. Однако вид орла противоречит общему замыслу скульптора, и вместо скорби фигура птицы воплощает, скорее, ярость, которая кажется неуместной среди всех этих слащавых ангелочков, расположенных внизу пирамиды.

Однако летом 1912 года, когда праздновалось столетие фирмы «Фридрих Крупп», никто и не думал о смерти. До фамильного некрополя было еще слишком далеко. Могилы Альфреда и Фрица находились на старом кладбище. В то лето казалось, что всех ждут лишь самые радужные перспективы, что Фирма обречена на вечное процветание.

Газета «Nation» писала по этому поводу: «Круппов следует рассматривать не иначе, как явь власти Германии». Газеты посвящали тысячи колонок, в которых проводили различные параллели между семьей и народом Германии (Volk). Журналы объясняли своим читателям, как подъем крупповской империи напрямую связан с процветанием самого Рейха. Журналисты напоминали своим читателям, что сто лет назад, когда Альфред Крупп появился из утробы матери на свет божий, Германия точно так же в муках и страданиях пыталась освободиться от наполеоновского ига и что этот мучительный процесс окончательно завершился лишь в 1871 году в Версале, когда и был провозглашен Второй Рейх. Эти же газеты напоминали, что в Версале прусской армии удалось появиться лишь благодаря пушкам Альфреда Круппа.

Торжества планировалось провести в течение трех дней. Кайзер Вильгельм II решил удостоить Круппов своим визитом. Он появился в Хёгеле в своем безупречном военном мундире и в его свиту входили: все члены императорской фамилии, канцлер фон Бетман-Холлвег, весь кабинет министров и почти весь генералитет, включая и видных адмиралов флота. Картина, посвященная как раз этому событию, до сих пор хранится в семейном архиве Круппов. Она представляет собой групповой портрет, сделанный на фоне знаменитого мраморного зала замка Хёгель, на котором изображены все важные лица государства. Центральное место на полотне занимает Густав Крупп. Его восковая фигура, похожая на манекен, буквально возносится над морем зелени — это пальмы в кадучках, расставленные в огромном зале согласно моде начала века.

Справа от главы фирмы, также среди пальм, видны лица всего тогдашнего генералитета, фигуры легендарного адмирала Тирпица и его одетых в голубые с золотом мундиры преданных подчиненных. Это похоже на метафору джунглей и диких зверей, спрятав-

шихся в зарослях. Ни о чем подобном, пожалуй, и не помышлял художник, создавая почти сто лет назад парадный портрет, но мысль о диких инстинктах, вырвавшихся неожиданно наружу, приходит на ум сама собой, если учесть, что до первой мировой оставалось каких-то два года.

На этой же картине посреди огромного зала на ковре были изображены стулья, специально расставленные здесь для избранной публики. Мы видим, как Власть в лице кайзера Вильгельма II благосклонно взирает на восковую фигуру Густава. Правитель Германии внимает каждому слову оратора. Рядом с кайзером изображены три женщины в шляпах, которые вполне могла носить героиня из цикла стихов о «Прекрасной даме» Александра Блока. Эти шляпы с огромными, по тогдашней моде, полями, украшенные к тому же перьями фантастических птиц и вуалью, делали женщину существом таинственным, почти неземным. Декаданс и оголтелый милитаризм – вот приметы новой эпохи, в которую с такой помпезностью вступала вместе со всей Германией династия Круппов.

У этого помпезного парадного портрета была своя весьма скандальная предыстория. Дело в том, что на месте Густава, который, как мы уже знаем, никогда и не был настоящим Круппом, должен был стоять другой человек. Это – Фриц, законный сын и наследник первого короля пушек. Но ровно за 10 лет до описываемых событий сын Альфреда покончил с собой и тем самым попытался из последних сил сохранить остатки чести семьи Круппов...

За 12 лет до празднования столетнего юбилея и до того, когда и будет написан знаменитый парадный портрет, в Эссене состоялся еще один праздник. Он был посвящен началу нового, XX века.

Это было 1 января 1900 года. Эссен весело встречал новый год. В небо взлетали трескучие фейерверки, ракеты расцветивали в ночном зимнем небе магическую цифру XX, и с высоты холма, на котором возвышался замок Хёгель, было прекрасно видно все вокруг на многие километры, благо фабрики в праздник не работали, а трубы не дымили, как обычно. В праздничную ночь к окну кайзеровских апартаментов прильнули две девочки. Старшей, Берте, названной так в честь своей бабушки по настоянию Альфреда Круппа, было 13, а младшей, Барбаре, – 12 лет. Девочки жили в огромном замке совсем одни. Их старались не баловать, и жизнь двух принцесс не была похожа на непрекращающийся праздник, как это могло показаться со стороны. Однообразие будней лишь раз в году нарушалось тем, что девочкам позволялось отправиться вместе с отцом, Фридрихом Круппом, в небольшое заграничное путе-

шествие на одной из двух яхт, «Майс» и «Пуританин», принадлежавших семье. От безрадостного времени, которое и было детством, сохранилось несколько фотографий Барбары. Однако сестры были необычайно похожи друг на друга, и как выглядела сама Берта можно вполне догадаться по изображениям ее сестры.

Судя по всему, девочки были небольшого роста, темноволосыми, слабыми на вид и очень ранимыми. Овальное личико Барбары буквально взрывалось взглядом огромных широко распахнутых глаз. Точно так же выглядели и дочери русского царя Николая II, и многие другие дети, по своему происхождению принадлежавшие к привилегированному классу.

Это какое-то застывшее, искусственное счастье, навечно заключенное в жесткие рамки фотографического снимка. Из этих рамок прошедшая счастливая жизнь детей рубежа веков уже никогда не выйдет наружу, потому что она навечно заключена в рамку фотографической Смерти.

Фотографию Барбары Крупп можно прочитать, в этом смысле, как роман. Глаза двенадцатилетней девочки смотрят из-под полей дамской шляпы. Ребенка словно из всех сил подталкивают к взрослой жизни, но ее огромные, полные удивления глаза сопротивляются этому. Глаза Барбары и есть ее короткое детское счастье. И такое же счастливое мгновение навечно запечатлено во взглядах великих княжон, дочерей Николая II, словно принесенных в жертву новой, беспощадной эпохе.

Снимок Барбары Крупп, сделанный накануне, может быть, самого кровавого века в истории человечества, имеет немалый символический смысл: заключенная в рамку фотографической смерти девочка сама принадлежала семье, для которой именно Смерть давно уже стала источником существования, и лишь взгляд детских глаз тщетно пытается изменить сложившееся положение вещей. Эпоха декаданса вступала в свои права, и Круппы отвечали за музыку на этом балете. Скрытые пороки тлели в глубине европейской души до поры до времени, но вот демоны были выпущены наружу, и невинные лица детей тех, кто был ответственен за происходящее, навечно сохранили свою невинность лишь на фотографиях, а в жизни эти самые дети должны были в полной мере расплатиться за грехи своих родителей. Нечто подобное и произошло с Бертой и Барбарой Крупп, когда они узнали, что их милый папа, любивший отправляться с ними в заграничные плавания раз в год, жил долгие годы не одной, а несколькими жизнями.

Герт фон Класс писал о Германии времен кайзера Вильгельма II: «Понятие «le fin de siècle» (конец века), которое возникло на исходе блестящего и развратного восемнадцатого столетия, не совсем подходило к описываемому времени... Германия этого периода находилась в зените удушающей скуки, усугубляемой плюшевыми портъерами, дешевыми украшениями и всевозможными безделушками, в избытке завалившими жилище любого добропорядочного господина. Эта безвкусица была продиктована все возрастающей ролью простых масс в истории, ростом всеобщего лицемерия, надевшего умильную маску благочестия». Общество ханжей предпочитало на людях брезгливо корчиться, когда речь заходила о сексуальной жизни, но при этом публичные дома, которые охотно посещали все те же добропорядочные граждане, процветали в каждом городе.

В этой атмосфере всплывшие наружу грехи богатейшего промышленника Германии, Фридриха Альфреда Круппа, неизбежно должны были привлечь всеобщее внимание. Человек, стоящий на вершине Власти, сам должен был стать жертвой так называемого общественного мнения: восставшей массе нужно было показать, что у нее тоже есть своя власть, которая сосредоточилась в редакциях газет и журналов, столь охочих до досужих сплетен и всевозможных разоблачений.

Внешне Фриц Крупп никак не походил на того монстра, о котором на перебой писала почти вся тогдашняя социал-демократическая пресса. С фотографий на нас смотрит полноватый небольшого роста бизнесмен, одетый в белое облегающее спортивное трико, в кепи, на околыше которой про-

читывается название яхты, принадлежащей семье. Этот снимок был сделан во время отдыха, и на нем запечатлелась идиллическая, безмятежная атмосфера. Что-либо прочесть по выражению лица Фрица представляется совершенно невозможным. Крупп ни на одном из своих снимков не смотрит прямо в объектив.

Лишь суровая необходимость заставила сына Альфреда стать во главе экономической и политической жизни. По своим склонностям этот человек тяготился своим высоким положением и предпочитал общественной деятельности незаметное существование в качестве частного лица и зоолога-любителя. Но заботы о семье и врожденное чувство ответственности заставили его поломать что-то у себя внутри и сделаться тем, чем он и сделался в конце концов. Скорее всего, Фриц никак не мог забыть постоянные размолвки родителей, не мог забыть своего детства, лишённого уюта и семейного тепла, поэтому две дочери и жена Маргарет и стали теми весомым аргументом, который заставил его встать во главе фирмы после смерти отца.

Альфред считал, что лучшей школой для будущего наследника может стать только он сам. Он водил сына по цехам своих сталелитейных заводов, знакомил его с целым ворохом своих служебных записок и даже подарил наследнику карандаш и дорогой блокнот, куда тот, по замыслу отца, должен был также начать записывать важные мысли, касающиеся производства. Но Фриц резко отличался от промышленников поколения Альфреда. Он прекрасно понимал, что на современном этапе огромную роль начинает играть политика, которая давно уже стала публичной, то есть подотчетной все тем же восставшим массам. В 1893 году Фриц выставил свою кандидатуру в рейхстаг Эссена и победил. В 1897 году кайзер предложил Круппу стать членом Верхней палаты Пруссии. В это же время Фридрих в числе других акционеров становится учредителем газеты «Зюддойче корреспондентц», участвует в приобретении еще одного издания — «Берлинер нойесте нахрихтен». К тому же Крупп в течение нескольких лет осуществил присоединение двух немецких промышленных предприятий к концерну и осуществил закладку нового доменного завода в Рейнхаузене.

Эти начинания вызвали в обществе вполне понятный ропот. Как социал-демократическое, так и христианско-социалистическое движения видели в «растущей концентрации капитала в руках немногих лиц тяжелые экономические последствия», они требовали, чтобы государство противодействовало этому процессу. Чтобы

смягчить напряжение, Фриц начал активно решать социальные проблемы. Построенные в 1890-х годах жилые поселки украсили излишне рациональную архитектуру города Эссена.

В Альтенгофе возник поселок, в котором преимущественно проживали рабочие, ставшие инвалидами, и вдовы, оставшиеся без кормильцев, — все они освобождались от квартплаты. Поселок удачно объединял черты английских коттеджей с особенностями южнонемецкой архитектуры. Построенные Фридрихом Круппом дома отдыха для оздоровления рабочих тоже отличались хорошим вкусом.

Крупп разделял точку зрения Фридриха Гаркарта, видевшего в хорошо организованном начальном образовании условие социального равенства и прогресса. Основанные Фрицем народные школы до 1905 года оставались в собственности фирмы и были позднее переданы городу наряду с другими школьными зданиями.

В 1899 году Фридрих решает заняться образованием и взрослых рабочих. В Эссене появляются общественные библиотеки. Крупп также финансировал Образовательный центр, который был задуман как первая ступень в цепочке, ведущей к созданию народных институтов. Этому центру магнат предоставил полную самостоятельность. Сначала речь шла о развитии творческих возможностей рабочих (обучение художественным ремеслам, живописи), а затем ставились цели, направленные на повышение и общего образовательного уровня. Фридрих также установил прямую телефонную связь между Эссенем и Берлином.

Социал-демократическая печать никак не могла простить Круппу то, что он своей обширной и продуманной социальной политикой лишал левое движение, которое получило благодаря общему процессу массовизации европейского общества широкое распространение, социальной «поддержки». В феврале 1898 года газета «*Volkszeitung*» следующим образом описывала один из типичных приемов, которые время от времени устраивал для высокопоставленных лиц государства Фриц Крупп: «Депутат Крупп устроил банкет в отеле Бристоль, который начался в час дня в прошедшее воскресенье и был рассчитан на 250 персон. На этом банкете присутствовал почти весь кабинет министров и немало представителей берлинской аристократии, включая и большое количество политических деятелей. Для гостей были накрыты отдельные столы: от десяти до двенадцати человек умещались за каждым из них. Против каждого из гостей находился либо миниатюрный корабль, с необычайным вкусом украшенный фиалками, либо пушка, из ствола которой выглядывали все те же фиалки или другие цветы.

После обеда гостям устроили специальное представление, причем артистов пригласили из Центрального Театра. Играл оркестр негритянских менестрелей (*neger-minstrels*) (скорее всего, речь здесь идет о негритянском джазе, входившем тогда в моду — *Е.Ж.*) и итальянский оркестр.

Герр Крупп, по нашим данным, заплатил за это увеселение семь миллионов марок, которые он взял из карманов налогоплательщиков».

Таков был взгляд социал-демократов на Фрица Круппа. В их глазах он был жирным буржуем, транжирившим народное достояние вместе с другими безжалостными эксплуататорами. Если бы автору вышеприведенной заметки сказали бы, что сам Фриц Крупп в душе ненавидит подобные грандиозные сборища, то подобное замечание вызвало бы только смех у защитников угнетенных и униженных. И, действительно, кому не понравятся блюда, полные яств? Но Фриц ненавидел банкеты лишь потому, что, по предписаниям врачей, ему строго-настрога запрещалось даже слегка попробовать хоть что-то из приготовленного шеф-поваром отеля Бристоль. Очень часто Фриц обходился лишь стаканом минеральной воды. Из-за долголетней астмы всесильному магнату нельзя было даже вдыхать дым, исходящий от вожделенных кубинских сигар, курением которых, согласно протоколу, должен был заканчиваться каждый подобный банкет. Никто в ту эпоху и не задумывался о раке легких. Подобные пиры Валтасара превращались для Фрица в настоящую пытку. Как можно скорее он исчезал с подобных сборищ, чтобы вновь оказаться в прокопченном районе Рура, где отравленный промышленными отходами воздух (об экологии в ту эпоху тоже не очень-то задумывались), лишь усугублял его астму и повышал кровяное давление, делая жизнь всесильного магната просто невыносимой.

Из последних сил Фриц продолжал бороться со своим немощным телом. В замке Хёгель для него специально оборудовали гимнастический зал. Каждое утро Крупп вставал с зарей и добровольно обрекал себя на мучения обычной утренней зарядки. А днем он совершал паломничество в дом деда, где стояли весы, на которых Фриц регулярно взвешивался, в тайне надеясь, что предательская стрелка укажет на меньшую цифру, чем была накануне. Но стрелка не двигалась, и Крупп терпел настоящие душевные муки. До нас дошли записи этих страданий: «15 мая 1894 года. Мой вес 88,4 килограмма. Без пиджака и жилетки — 85,7 килограммов...»

Смотря на эти тоскливые цифры, Фриц все чаще и чаще вспоминал о том золотом времени, когда он вместе со своей элегантной

матушкой жил в Италии, и сказочное Средиземноморье в его прокопченной заводским дымом душе приобретало ореол Земли Обетованной. Он со злобой бил по стрелке рукой, и она падала вниз, словно лишая бедного толстяка тяжести, словно возвращая то блаженное время, когда Фриц был совсем маленьким и необычайно легким для весов деда, на которых старый Фридрих взвешивал добытые в тигле куски стали. Вес тянул к земле, а Фриц ненавидел тяжесть, ненавидел землю. Он был романтиком, и небо привлекало его куда больше, чем недра. Но из всех небес мира он больше всего любил небеса Италии, любил воздух этой загадочной, этой необычной страны, в котором растворилось дыхание его бедной матушки, в котором должны были раствориться все хвори и страхи земные, а жизнь приобрела бы вновь беззаботную радость детства.

Как заметил Джордж Мур, великая страсть — это плод многих бесстрастных лет. В течение всей юности, проведенной под палящим солнцем авторитета отца, Фриц в глубине души надеялся, что когда-нибудь судьба предоставит ему возможность воплотить все свои нереализованные надежды и мечты.

Небо Италии привлекало Фрица не только своим благоприятным климатом, не только нежными воспоминаниями о матери, но еще и тем, что именно там жил известный зоолог Антон Дорн. Поначалу этот немецкий педантичный ученый, поселившийся в Неаполе, игнорировал все письма, которые приходили к нему из Эссена от какого-то любителя-промышленника. Его знаменитая зоологическая станция была предназначена исключительно для профессионалов. Но Фриц не принадлежал к числу обычных дилетантов. Прежде всего, Крупп пообещал снабдить своего кумира такой аппаратурой, о которой Дорн и мечтать не мог. Фриц переоборудовал семейную яхту специально для океанологических экспедиций, и после проведенного на ней исследования Дорн и другой зоолог, доктор Отто Захариас, вынуждены были признать, что Круппу удалось сделать известный вклад в зоологию.

Помимо этого Фриц в окрестностях Неаполя, Салерно и Капри собрал и аккуратно классифицировал тридцать три новых вида «свободно плавающих живых форм», а также пять видов морских червей, которых до этого не удалось обнаружить в водах Атлантики, четыре вида рыб, двадцать три типа планктона и двадцать четыре вида ракообразных. Вдохновленный этим успехом, Фриц заказал изготовить на немецких верфях специальный аппарат для исследования морских глубин. Отныне каждую зиму и весну он про-

водил в Италии, его базой стал знаменитый остров Капри, на котором когда-то император Тиберий предавался греху содомии. Тиберию называли «грязью, смешанной с кровью». На острове было особое место, где император занимался утонченными истязаниями, после которых людей сбрасывали вниз в море, где матросы шестами и веслами превращали их в кашу.

Начиная с 1899 года, Фриц Крупп каждый год в течение нескольких месяцев проводил время на злополучном острове. Наконец-то он всей душой предался тому, что некогда было запрещено его жестоким отцом. Но не только зоология начала привлекать к себе пристальное внимание магната из Эссена. В случае с Фрицом Круппом поневоле согласишься с тем, что некоторые места на земле обладают особой энергией. Чем дольше длилось пребывание Круппа на острове Капри, тем с меньшей охотой он отвечал на письма жены и девочек. Его увлекали различные примитивные формы жизни, и это увлечение постепенно перешло в коллекционирование иного рода. Поначалу лишь небольшой круг посвященных был осведомлен, что Фриц Крупп незаметно для себя самого увлекся коллекционированием не только всевозможных *Cylothone microdon* и *Nyctiphanes norwegica sars*, но и *Homo Sapiens*.

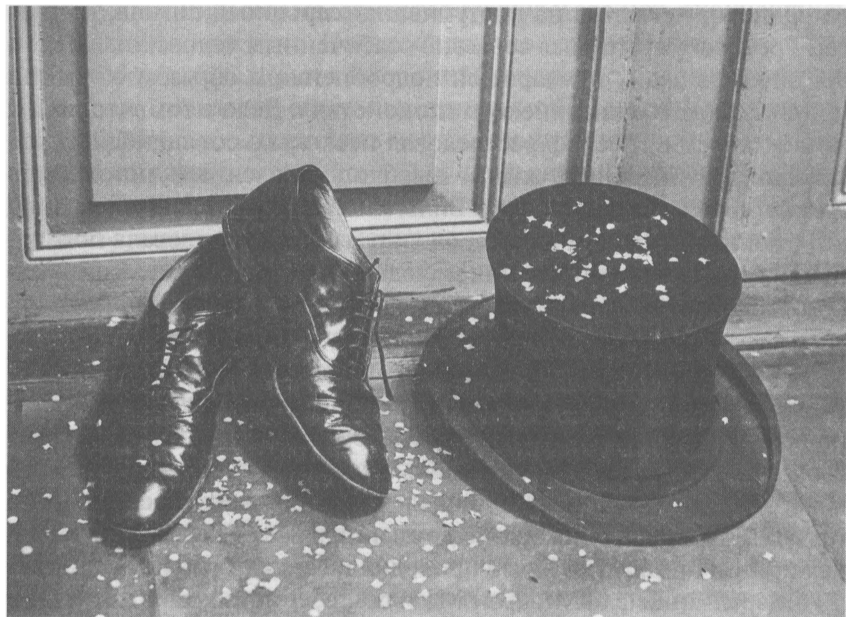
В новелле Томаса Манна «Смерть в Венеции» добропорядочный немецкий писатель Ашенбах также решил посетить Италию, находясь в расцвете своих творческих сил. Тот, кто знаком с этим произведением, знает, чем закончилась поездка в город Венецию: писатель неожиданно для себя самого взял, да и влюбился в польского мальчика Тадзио, решив, что перед ним явился сам языческий бог Гермес.

Догадка о том, что Крупп стал склонен к педерастии, впервые возникла у Конрада Уля, владельца отеля Бристоль. Подозрение возникло уже потому, что Фриц, посещая столицу, всегда бронировал для своей супруги Маргарет номер в другой гостинице. Супруги жили порознь, что было неестественно с точки зрения бдительного Конрада Уля. Тайна довольно быстро нашла свое объяснение. Фриц любил заранее перед своими визитами предупреждать управляющего, что он намерен прислать к нему того или иного итальянского юношу милой наружности с соответствующими рекомендательными письмами. Эти юноши считались *protégés* эссенского промышленника. Благодарность была гарантирована, если молодого человека удавалось оформить в качестве официанта. Крупп, естественно, сам выплачивал полагающееся жалование. В ответ Фриц требо-

вал лишь соблюдения конфиденциальности и освобождения так называемого официанта от всех необходимых обязанностей во время пребывания самого Круппа в отеле Бристоль. Уль поначалу списывал все на счет барских причуд. Мальчики воспринимались управляющим как компаньоны для того, чтобы рассеивать скуку богатого, но одинокого человека. Но время шло, а официантов прибывало все больше и больше. Во время визита Фрица одновременно их могло быть до нескольких человек. Чаще всего приглашенные Круппом мальчики были необычайно юны, невежественны, не говорили ни слова по-немецки и не могли исполнять обязанностей портье или помощника повара. Единственное, что от них можно было добиться, так это заставить их стоять, не произнося ни слова, рядом со столиком богатого клиента в качестве декоративного украшения. Однако эти итальянские живые статуэтки торчали на виду у всех лишь в отсутствие Фрица Круппа. Во время же его визитов все они мигмом переселялись в королевские апартаменты богатого промышленника. Коридорные, проходя по этажу, могли слышать характерные звуки, взвизгивания и вздохи, которые не оставляли никакого сомнения относительно того, какие собственно услуги оказывались в данный момент молодыми итальянцами своему покровителю зоологу-любителю, забросившему свои фабрики в Эссене и переселившемуся на остров Капри, где император Тиберий в незапамятные времена предпочитал заниматься чем-то подобным.

Управляющий отелем Бристоль не владел итальянским, но переводчик ему и не нужен был, чтобы понять, о чем вздыхают за запертой дверью в апартаментах Круппа. Он составил донос на имя комиссара криминальной полиции Берлина Ганса фон Трескофа.

Так было положено начало знаменитому делу Фрица Круппа. В соответствии со статьей уголовного кодекса Второго Рейха и параграфа 175, гомосексуализм наказывался долгим сроком лишения свободы и тяжелыми каторжными работами. Именно это обстоятельство и заставило Уля, владельца отеля Бристоль, обратиться непосредственно к комиссару Трескофу. Как-никак, а Фридрих Альфред Крупп был одним из самых уважаемых гостей отеля, и в случае публичного скандала репутация заведения могла серьезно пострадать. Самого Уля могли обвинить в том, что он выполнял роль сутенера, прикрывая своим авторитетом молодых любовников эссенского промышленника. Из этой ситуации Крупп вполне мог выйти сухим из воды, чего никак нельзя было сказать о верноподданном Уле, не обладавшем столь обширными политическими связями.

ФОТОБАНК

Сладкая жизнь Фрица Круппа

Однако, несмотря на поступивший серьезный сигнал, комиссар Трескоф не выглядел серьезно озабоченным человеком. Много лет спустя в своих мемуарах он подробнейшим образом объяснил причину своего олимпийского спокойствия. Дело в том, что именно в это время Трескоф расследовал несколько сот подобных дел, касавшихся интимной жизни высокопоставленных чиновников Второго Рейха. Эпоха кайзера Вильгельма II, покоившаяся на ярко выраженном мужском начале, словно благоприятствовала появлению на свет целого поколения молодых людей, в чьем сознании однополая любовь воспринималась как нечто естественное. В это время грех содомии деликатно называли «немецким пороком» из-за количества мужчин, проживавших на территории Германии, которые любили обмениваться между собой нежными признаниями по почте. Среди искусных любителей орального и анального секса были три графа, все три считались личными адъютантами самого кайзера. К этому же числу принадлежал и личный секретарь Вильгельма II, а также ближайшие друзья правителя Германии, такие, как принц Филипп, который проводил почти каждую ночь в постели генерал-аншефа Куно фон Мольтке, военного коменданта Берлина. Король Вортенбергский состоял в любовной связи со своим механиком, король Баварии — со своим кучером, а эрцгерцог Людвиг Виктор, брат императора Австро-Венгрии Франца Иосифа, жить не мог без своего личного массажиста, звавшего высокопоставленного любовника не иначе, как Люзи-Вузи.

В досье комиссара криминальной полиции Берлина Трескофа находились описания самых интимных подробностей массовых оргий, которые частенько устраивались среди офицеров элитного лейб-гвардии полка. Во время одной из таких пикантных вечеринок, которая имела место в поместье принца Максимилиана Эгона зю Фюрстенберга, генерал-аншеф Дитрих фон Гульсен-Геселер, глава военного кабинета Рейха, появился перед самим кайзером в неподобающем виде. На генерал-аншефе в этот критический момент не было ничего, кроме розовой юбочки, которую обычно надевают балерины. С венком на голове генерал приветствовал кайзера поклоном лебеда из известного балета Чайковского, русского композитора, отличавшегося теми же наклонностями. Затем, встав на пуанты, генерал грациозно удалился под аккомпанемент восторженных вздохов всего офицерского корпуса, сопровождавшего в этот момент кайзера, столь неожиданно нагрянувшего на вечеринку. Гульсен-Геселер, сделав круг, решил вернуть

ся и, к ужасу Вильгельма, замертво рухнул у его ног, скончавшись от сердечного приступа. Началось трупное окоченение, пока офицеры свиты догадались, что хоронить генерала в балетной юбочке и с венком на голове совсем не пристало. С большим трудом собравшимся удалось переодеть мертвого в парадный китель. Но, несмотря на случившийся конфуз и причиненные неудобства, все должны были согласиться, что «танцевал покойный отменно».

Естественно, что берлинская полиция даже и не пыталась арестовывать людей такого ранга по обвинению в гомосексуализме. Обычно в обязанности комиссара криминальной полиции и его начальника по имени Миршейд-Гуллсем, который лично следил за интимной жизнью сильных мира сего, входила лишь защита доброго имени имперских чиновников от вмешательства всевозможных грязных сводников, шантажистов и случайных маргиналов.

Миршейд-Гуллсем завел даже специальную картотеку, где в строгом алфавитном порядке хранились подробные описания привычек, особенностей поведения как самих высоких чиновников, так и их партнеров по любовным играм. Генералы и аристократы, которые предпочитали любить мужчин только своего круга, были в наибольшей безопасности, но в случае с Фрицем Круппом дело обстояло куда хуже. Его любовники не числились в полицейской картотеке и были попросту анонимны. Этим молодым людям ничего не стоило развязать язык, в любой момент они могли начать рассказывать какому-нибудь репортеру о своих любовных похождениях с пущечным королем.

Однако, несмотря на указанную опасность, дело Круппа постепенно стало сходить на нет. Уль набрался храбрости и откровенно объяснился со своим именитым постояльцем. После этого неприятного разговора подозрительные шумы, доносившиеся из апартаментов промышленника, прекратились, а юные итальянские официанты исчезли без следа. Фриц внял голосу рассудка и прекратил свои оргии в отеле Бристоль.

Но в действительности ситуация оказалась намного сложнее. Дело в том, что на Капри, где и было положено начало всей драмы, Фриц оказался недосыгаем для благотворного надзора со стороны берлинской полиции, которая могла защитить его имя от величайшего в истории династии Круппов позора. Фрицу же, наоборот, казалось, что именно на Капри он может чувствовать себя в полной безопасности. На острове он всегда останавливался в роскошном отеле Квизисана, чей владелец отличался широтой взглядов и

обширными связями с местными властями. Чтобы быть окончательно уверенным в собственной безопасности, Фриц начал жертвовать огромные суммы на нужды острова. При его непосредственной финансовой помощи, например, была проложена дорога через весь остров и розданы щедрые подарки многим местным жителям. Как уверял сам Крупп, на острове он позволял себе лишь «радость дружеских бесед в тени какого-нибудь живописного грота». Но гроты эти чем дальше, тем больше начинали напоминать интимные постройки библейского города Содома.

Крупп организовал на острове что-то вроде молодежного клуба. Особо приближенных Фриц награждал золотой брошью в виде артиллерийского снаряда и снабжал юношей ключом от своих личных покоев. Иногда брошь заменяли массивной золотой медалью, на которой изображались две перекрещенные вилки наподобие клинков. Казалось, что сын во всю отыгрывается за все запреты отца и воинственные символы сознательно превращает в атрибут своих гомосексуальных игр.

Остров Капри и жаркое солнце Италии буквально сводили с ума эссенского промышленника, превращая пушечного короля в персонаж шутовского фарса с неизбежным трагическим финалом в конце.

Красивые мальчики на разный манер распалили похоть Фрица Круппа, в то время, как три скрипача услаждали слух всех участников оргии. Оргазм сопровождался огнем фейерверка, и время от времени, пока мальчики были опьянены вином, а Фриц — страстью, фотограф делал один снимок за другим. Копии этих интимных фотографий тут же попадали в руки местного торговца, занимающегося распространением порнографии. Судя по снимкам, многие из любовников Круппа были еще детьми. Таким образом, к греху содомии прибавлялась еще и педофилия.

Воспаленная похотью фантазия Фрица не могла остановиться даже на этом. В своем грехе он дошел до прямого богохульства. Помимо грота на острове Капри в распоряжении Круппа был еще и «Дом отшельника брата Феличчи», где все те же мальчики для совершения развратных действий специально одевались в монашеские одеяния францисканского ордена, что, естественно, оскорбляло религиозные чувства местных католиков.

Скандал разгорелся, как пожар, и в 1902 году после необходимого расследования правительство Виктора Эмануила II попросило Фрица Круппа немедленно покинуть Италию и больше сюда никогда не возвращаться.

Казалось, что дело было решено полюбовно и пришло к своему логическому завершению. Дочери Фрица в ближайшую пасху должны были принять первое причастие, кайзер собирался присутствовать на испытаниях новых образцов пушек в Меппене, а сам Крупп собирался открыть промышленную выставку в Дюссельдорфе. Жизнь была расписана по дням и часам. Для рефлексии и переживаний не оставалось ни одной свободной минуты. В этот же год собирались пышно отпраздновать столетний юбилей пребывания города Эссена в составе Пруссии, во время которого кайзер и Крупп должны были произнести пышные поздравительные речи в адрес друг друга. Летом Фриц планировал посетить и королевскую регату в Кейле в качестве почетного гостя.

Воспоминания о гроте и о доме отшельника неизбежно отошли на второй план. Юные любовники, наверное, были разочарованы внезапным исчезновением их богатого покровителя, но кто будет всерьез беспокоиться по этому поводу? В конце концов, в мире много и других уединенных островов, где всегда можно было устроить еще одно уединенное местечко, предназначенное для особого рода удовольствий и неземных наслаждений. Казалось, не было никаких веских причин, которые заставили бы Круппа еще раз услышать название итальянского острова, несущее его имени и чести смертельную угрозу.

Но Фриц не учел того, что уже давно наступило время еще одной Власти, Власти прессы, которая и являлась отныне воплощением голоса «восставшей массы». Власть подлинная, покоившаяся на больших деньгах и давно уже ставшая сродни древней аристократии, могла, как тогда полагалось многими, позволить себе почти все. Ведь Власть — это бремя, и бремя тяжелейшее. Кто приблизился к этому бремени, тот на собственном печальном опыте знает, как оно может искорежить душу, как может изменить саму природу человека, что, впрочем, и произошло с милым и заботливым семьянином Фрицем Круппом, всю жизнь мечтавшем о тихой, незаметной частной жизни до того, как ему пришлось взять в руки бразды правления огромной фирмы. Это слишком напоминало миф о Фазтоне, упросившем бога солнца дать ему возможность хоть раз проехать на божественной колеснице. Различие с известным сюжетом заключалось лишь в том, что Фриц не только не упрашивал отца о подобной чести, но и всячески сопротивлялся этому. Фазтона пришлось насильно затолкнуть в колесницу. Результат поездки всем хорошо известен...

А до этого Власть уже сумела превратить Альфреда Круппа в некое странное существо, потерявшее сон и могущее обитать только в своем огромном замке вдали от людей, в замке, буквально пропитанном запахом конского навоза.

Но толпа ничего не хотела знать про эти страшные истории, напоминающие готические романы и рассказы о графе Дракуле. «Восставшие массы» жаждали расправы. Неумолимо надвигалась эпоха революций и всевозможных переворотов.

В архивах итальянской полиции хранились все изъятые во время следствия порнографические фотографии. Итальянцы, в отличие от своих немецких коллег, не испытывали никакого пиетета по отношению к эссенскому магнату. Травлю начала сначала неаполитанская газета «Propaganda», а затем продолжила римская «Avanti». Именно в этих изданиях впервые были опубликованы скандальные снимки. Конечно же, всех возмутил сам факт педофилии. Еще вчера Фриц Крупп чувствовал себя в полной безопасности, и вот его грехи были выставлены на всеобщее обозрение. От скандала нельзя уже было укрыться даже в родной Германии. Друг семьи баронесса Дейчманн, путешествуя со своей дочерью на пароходе, случайно встретила Фрица. Она была поражена его мертвенно-бледным видом. Преуспевающий магнат походил на живой труп. Добрая женщина заметила, что Крупп путешествовал инкогнито, останавливаясь в самых дешевых гостиницах и избегая встреч с кем бы то ни было. Баронесса порекомендовала Круппу вызвать к себе хотя бы супругу, чтобы хоть кто-то смог позаботиться о его здоровье.

В этом проявилась необычайная наивность женщин старой закалки, чьи представления о жизни сформировались еще в викторианскую эпоху. Ясно было, что супругу-то Фриц Крупп меньше всего хотел видеть рядом с собой.

Настоящая трагедия разыгралась лишь в октябре. Именно в это время Маргарет Крупп, жена Фрица, получила ряд анонимных посланий, в которых красочно описывались подвиги ее мужа на острове Капри. Анонимные письма были доставлены прямо в замок Хёгель. Ошеломленная этим известием, Маргарет ближайшим поездом добралась до Берлина и добилась аудиенции у кайзера. Вильгельм выразил по этому поводу свое явное неудовольствие. Когда Маргарет удалилась, кайзер тут же созвал своих советников. Первым его решением было передать все управление эссенскими фабриками собранию вкладчиков, лишив, таким образом, Фрица реальной власти: мол, промышленность Германии не имеет никакого

отношения к разразившемуся скандалу. Крупп — это всего лишь один из акционеров. Адмирал Холлман выдвинул на это свои контраргументы. Он сказал, что нужно любой ценой отстоять и защитить престиж мужской ветви рода Круппов. В противном случае могут возникнуть и другие прецеденты. Например, в будущем самим Рейхом станет управлять некое безликое собрание вкладчиков. Ведь Крупп в какой-то мере и есть Рейх. Подобные доводы показались императору весьма убедительными. В этот раз он так и не смог принять окончательного решения. Надо было посоветоваться с самим Фрицем. Некоторое время спустя была выработана следующая стратегия: объявить Маргарет Крупп сумасшедшей и публично заявить, что она не несет никакой ответственности за свои заявления и «нуждается в длительном лечении в клинике неврозов».

Фриц выразил свое согласие. Что произошло на самом деле в замке Хёгель, можно лишь вообразить. Скорее всего, фрау Крупп поставил в известность о принятом решении сам супруг. Наверное, она билась в истерике, когда ей сообщали, что отныне она, Маргарет, будет находиться до конца дней своих в клинике профессора Бинсвангера в Йене. Однако кто-то пустил слух, что видел в это время бедную Маргарет в Баден-Бадене. Но это была сознательно пущенная дезинформация. Лишь несколько особо приближенных слуг могли наблюдать, как их госпожу силой заталкивали в отдельный вагон поезда, который специально удалось подогнать непосредственно к замку.

Поначалу из всех немецких газет на скандал откликнулась лишь католическая «Augsburger Postzeitung». Но в статье, посвященной итальянским подвигам Круппа, само имя Фрица не упоминалось, а лишь говорилось о некоем «влиятельном промышленнике, имеющем связи с императорским домом».

Фриц собирался затеять тяжбу с итальянскими изданиями. Но советники отговорили магната от этого шага: если против «Propaganda» и «Avanti» само итальянское правительство не предприняло никаких мер, то вмешательство Германии могло оказаться крайне неуместным. Была надежда, что если о скандале кто-нибудь и отважится упомянуть еще раз на родине самого промышленника, то, как это и было в случае с католической газетой, никто не отважится назвать подлинные имена.

Но эти надежды оказались напрасными. 15 ноября печатный орган социал-демократов, которые ненавидели Круппа за его успешную социальную политику, опубликовал статью «Krupp auf

Сарги». Эта статья появилась в 268 номере газеты «Vorwarts». В ней, по сути дела, перепечатывался итальянский материал. Помимо этого журналист упоминал и о параграфе 175 уголовного кодекса, намекая на возможное судебное преследование самого Круппа.

Статья переполнила чашу терпения, и Фриц решил прибегнуть к помощи властей. Он направил возмущенную телеграмму на имя правительства. К этому моменту фирма «Фридрих Крупп» уже давно ассоциировалась с самой Германией, поэтому нападки на промышленника были восприняты как прямой вызов против самого кайзера. Днем этого же дня Вильгельм II дал согласие на то, чтобы привлечь газету «Vorwarts» к суду за клевету. К вечеру номер 268 стал вожделенной мечтой любого коллекционера. Императорская полиция конфисковала весь нераспроданный тираж, а специальные агенты уничтожали крамольную газету везде, где находили. Была произведена конфискация в домах подписчиков и даже среди членов Рейхстага. Но скандал все равно стал достоянием публики. Заточение Маргарет в психиатрическую клинику оказалось напрасной и жестокой мерой. Но правительство Германии не собиралось сдаваться. Бесспорные доказательства вины Круппа по-прежнему находились в руках итальянской полиции. Кайзер готов был оказать необходимое давление на императора Виктора Эмануила II и получить злополучные материалы. Все упиралось лишь в личное согласие самого Круппа.

«1 ноября в замке Хёгель появились четыре доктора, которые подтвердили Фрицу, что его супруга Маргарет обречена провести в клинике всю оставшуюся жизнь. Крупп должен был сделать свой выбор. От этого решения зависело, вырастут ли две дочери магната с ощущением того, что их мать психопатка, или нет. Заточение Маргарет не избавило от скандала. Слухами наполнилась вся Германия.

Последний свой вечер накануне внезапной смерти Фриц, как и подобало любящему отцу, провел со своими девочками. Он играл со своими принцессами в ходившую тогда в моду игру серсо и казался счастливейшим отцом на свете. Затем Крупп сказал слугам, что не совсем здоров, и заперся у себя в покоях. За окнами начали сгущаться тучи. Ночью пошел дождь. Но утром небо прояснилось. Выглянуло холодное осеннее солнце. Очевидцы говорили, что погода в день смерти Фридриха Альфреда Круппа была необыкновенно хороша.

Когда и как хозяин замка Хёгель совершил самоубийство, никто не мог сказать в точности. После констатации смерти телеграфное агентство Германии распространило депешу следующего

содержания: «Вилла Хёгель, 22 ноября, эксценц Крупп скончался в три часа по полудни. Смерть наступила в результате удара, который произошел в шесть часов утра этого же дня».

Было строжайше запрещено проводить вскрытие, и Фридриха Альфреда Круппа, второго пушечного короля Германии хоронили в закрытом гробу, что лишь усилило, а не развеяло общие подозрения.

Через час после того, как тело Фрица опустили в могилу, его жена Маргарет была освобождена из клиники. В отдельном фешенебельном вагоне вдову доставили в замок 27 ноября. Маргарет не была главной скорбящей в траурной процессии похорон. Кайзер оставил за собой эту привилегию. Говорят, что на похоронах он появился в великолепном военном мундире в сопровождении всего генералитета и адмиральского корпуса. Кайзер шел рядом с пушечным лафетом, на котором находился закрытый гроб с телом Фрица. Вильгельм держал в правой руке в знак особого уважения к усопшему обнаженную шпагу, а сзади на почтительном расстоянии шла толпа генералов. Всю сцену похорон решено было снять на пленку, дабы навечно запечатлеть это по-своему прекрасное событие. Несовершенная техника снимала все со скоростью 16 кадров в секунду, отчего фигуры двигались неестественно быстро, создавая комический эффект. Казалось, будто гроб хотят как можно быстрее зарыть в землю.

По Германии поползли различные слухи. Говорили, например, что Крупп и не скончался вовсе, а просто тихо исчез. Еще в течение четырех лет газеты печатали интервью с покойным, которые якобы удалось получить дотошным репортерам в Африке, Иерусалиме и даже на Дальнем Востоке.

Отныне реальным владельцем фирмы «Фридрих Крупп» стала женщина, супруга Фрица, которая в результате пережитого потрясения и предательства мужа постарела настолько, что ее стали называть Бабуля. Истинная кровь пушечных королей текла лишь в жилах Берты и Барбары. Именно Берте как старшей из двух сестер следовало заменить со временем мать. Но кайзер Вильгельм и в кошмарном сне не мог представить себе, что немецкие генералы будут когда-нибудь отдавать честь женщине. Надо было срочно подыскать Берте достойного жениха и таким образом раз и навсегда разрешить неожиданно возникшую проблему семьи Круппов.

Но вопрос с женихом был преждевременным: Берта еще не достигла своего совершеннолетия, поэтому вместе с сестрой ее отправили в Баден-Баден в специальный пансион для получения необходимого образования. Барбара в своих воспоминаниях говорит лишь

о нерегулярных уроках музыки (ей почему-то больше приглянулась скрипка, в то время как Берта предпочла разбитое фортепьяно, на котором иногда барабанила вальсы Шопена), а также кулинарии, кройки и шитья. Учили девочек и ведению хозяйства. Одним словом, воспитание было продиктовано законами самой эпохи, несущей на себе неизгладимые черты мужского шовинизма. Женщина в том обществе могла быть только домохозяйкой. Однако все полученные в пансионе навыки очень пригодились будущей королеве, когда она стала полновластной хозяйкой замка Хёгель. Ей удалось с большим искусством пресечь воровство огромной прислуги и зорко контролировать беспорядочные любовные связи, которые неизбежно возникали между мужчинами и женщинами, живущими в замкнутом пространстве в течение длительного времени. Огромный замок Хёгель никак нельзя было назвать обычным, пусть даже и очень большим, домом. Это было маленькое государство, и Берта властвовала в нем не хуже королевы Виктории.

После смерти Фридриха основной наследницей, как уже было сказано выше, стала его старшая дочь Берта, родившаяся в 1886 году. Согласно желанию покойного, которое он высказал в последний год жизни, фирма в 1903 году должна была стать акционерным обществом. Это не противоречило воле Альфреда, так как все имеющиеся акции все равно оставались в руках наследницы. Таким образом, переход в акционерное общество изменил только правовую форму, но не основу собственности. Следует также сказать, что акции Круппа никогда не участвовали в биржевых сделках.

Дом Круппов вновь отчаянно нуждался в помощи очередной вдовы, как это уже было в семнадцатом веке, когда основной груз по спасению благосостояния семьи взвалила на себя Катарина, в восемнадцатом — Хелена-Амалия, а в девятнадцатом — Тереза Вильгельми. Хрупкой на вид и безвременно состарившейся Маргарет предстояло повторить подвиг своих предшественниц.

Маргарет Крупп, родившаяся в 1854 году, происходила из знатной семьи, ее предки жили в поместье Энде. До замужества старшей дочери Берты она возглавляла все дело Круппов. В дирекцию предприятия в 1903 году входило 12 управляющих, которых возглавлял вновь избранный председатель Ретгер, занимавший ранее пост начальника Окружного управления. Никто из членов Наблюдательного совета не состоял в родственных отношениях с семьей Крупп. Сам наблюдательный совет возглавлял Густав Гартман. Начиная с этого времени именно он стал незаменимым советчиком вдовы. Разносто-

ронный практический опыт и талант организатора Гартмана сослужил эссенской фирме хорошую службу. Маргарет вполне могла положиться на своего незаменимого советчика, и семейное дело, несмотря на безвременную смерть Фридриха, продолжало процветать.

С декабря 1906 года Маргарет смогла полностью отойти от руководства фирмой, чтобы всецело посвятить себя тому, что сейчас называется социальным обеспечением служащих и рабочих. Свою деятельность вдова начала с обустройства жилого поселка, который был назван в ее честь. Изюм всех сил эта героическая женщина старалась восстановить лошатовшийся было престиж семьи. Она хотела, чтобы рабочие вновь почувствовали на себе отеческую заботу Круппов, как это было еще при Альфреде. Маргарет начала строить рабочий поселок на свои средства. Она пригласила известного архитектора Георга Метцендорфа. Сначала поселок был небольшим и очень уютным. Со временем же он вырос до огромных размеров и превратился в самостоятельное городское поселение.

Каждое утро Маргарет просыпалась в небольшом коттедже, расположенном недалеко от замка Хёгель, и в повозке отправлялась в офис своего покойного мужа. Сам же огромный замок большую часть времени пустовал: вдова не в состоянии была провести в этих огромных комнатах и залах ни одной ночи. Маргарет постоянно снилось, как ее вновь отправляют в психиатрическую лечебницу. Каждое утро эта женщина методично год за годом интересовалась делами концерна, чтобы днем полностью посвятить себя заботам о социальных нуждах рабочих. Постепенно Маргарет стала восприниматься как своеобразный идеал богатой дамы, без устали занимающейся благотворительностью. Вдовы рабочих, больные и нуждающиеся — все могли рассчитывать на визит фрау Крупп. Бытовало мнение, что достаточно написать на конверте «в замок Хёгель», и ответ незамедлительно попадал лично в руки отправителю.

Весь день вдовы был расписан по минутам. Но, несмотря на такое стремление помогать людям, фрау Крупп производила на окружающих двойственное впечатление. С одной стороны, Маргарет была похожа на щедрую даму, искренне обеспокоенную делами благотворительности, а с другой — в ней угадывались черты, очень напоминающие сержанта прусской армии. Так, жилища для рабочих, отправленных на пенсию, были похожи на аккуратные сказочные домики из произведений сентиментального Андерсена. Их обитателям строго предписывалось носить одинаковую одежду, эталонную своеобразную униформу, которая напоминала маскарадные

костюмы эльфов. Эльфы в течение тяжелой и каторжной работы состарились и огрубели, и поэтому их забавные, почти детские курточки могли вызвать только смех, граничащий с унижением, но никто не смел и слова сказать всесильной вдове. Возмутившихся лишали всех привилегий. При этом Маргарет строго следила даже за тем, чтобы у каждого дома было равное количество ступенек. Порядок и симметрия царствовали повсюду, как в «Утопии» Томаса Мора. Если бы подопечные доброй вдовы были бы помоложе, то она спокойно могла бы начать следить и за их половыми пристрастиями, а не только за одеждой и количеством ступенек. Впрочем, это желание вторгаться в чужую интимную жизнь, которое вполне можно было бы оправдать с точки зрения психоанализа Фрейда, Маргарет с лихвой компенсировала в другом своем благотворительном начинании. Так, за пределами Рура вдова распространила свою деятельность на дом «для дам с образованием, но не имеющих средств к существованию». Это заведение располагалось в Баден-Лихтенгале.

В принципе жизнь в этой своеобразной богадельне была достаточно сносной, но время от времени фрау Крупп неожиданно начинала проявлять большую активность, и тогда у «дам с образованием, но не имеющих средств к существованию» возникала вполне реальная дилемма: остаться здесь и продолжить терпеть произвол богатой вдовы или пуститься во все тяжкие и начать зарабатывать те самые «средства к существованию», приторговывая на улицах собственным телом. В какой-то момент стараниями Маргарет все в этом заведении было подчинено строжайшей экономии, включая расход воды и света. Взрослым женщинам предписывалось ложиться спать не позднее 10:15, а вставать не раньше 7:30. Правила были прибиты к двери каждой комнаты и начинались со слов: «Чистота, пунктуальность, бережливость, терпимость и дисциплина». Скорее всего, Маргарет бессознательно мстила другим женщинам за все те унижения, которые ей самой пришлось пережить в психиатрической клинике, куда из соображений высшей безопасности ее отправил осенью 1902 года собственный супруг.

Старшая дочь Берта следующим образом писала о матери: «Наша мама казалась нам самим совершенством, мы были привязаны к ней и обожали ее, правда, в нас самих это совершенство рождало ощущение собственной неполноценности, и мы, дети, больше всего на свете боялись хоть в какой-то мере не соответствовать ее необычайно высоким требованиям».

Влияние Маргарет на своих дочерей было настолько сильным, что и Берта и Барбара до конца дней своих без усталости про-

ФОТОБАНК

Фриц Крупп

должали заниматься благотворительностью, во всем пытаясь подражать своей матери.

Обучение сестер сталелитейному делу не было столь успешным, как в случае с благотворительностью. В назначенный час каждую неделю инженеры регулярно устраивали для девочек необходимые экскурсии, подробнейшим образом объясняя все сложности выплавки стали. Сестры очень внимательно слушали своих наставников, кивали даже головами, а в конце признавались матери, что не смогли понять ни единого слова из того, что говорили им все эти умные мужчины.

Стало совершенно очевидно, что заранее необходимо побеспокоиться о достойных женихах как для старшей, так и для младшей дочери. С этой целью сестер начали вывозить в Берлин. Но выезды эти никак нельзя было назвать успешными, впрочем, девочки здесь оказались совершенно ни при чем. Берта и Барбара продолжали оставаться в неведении относительно истинных причин смерти собственного отца, но Берлин ничего не собирался забывать, и по городу ходили самые грязные слухи. От дочерей Фрица потенциальные женихи сторонились как от зачумленных.

Следует сказать, что период с ноября 1902 года по август 1906 года был самым незаметным во всей истории династии Круппов. Замок Хёгель, например, ни разу не удостоил своим визитом недавний друг семьи кайзер Вильгельм. Эпоха шумных праздников и фейерверков, казалось, навсегда ушла в прошлое. Однако весной 1906 года фройлен Берте исполнилось ровно двадцать, и кайзер уже никак не мог не заметить столь важного события. Следовало серьезно подумать о том, кому все-таки будут отдавать честь генералы и кто будет женихом и мужским представителем славной оружейной фирмы. Иными словами, правитель Германии решил, что настала пора принести девственность Берты в жертву интересам Рейха.

В это время сестры как раз находились в Италии и хотели уже отправиться в Неаполь. Они собирались навестить известных зоологов, друзей отца. От такой перспективы кого угодно могло бросить в холодный пот: возникла реальная угроза, что повзрослевшие дочери вполне могут узнать о тайной второй жизни своего родителя. Но до Неаполя им так и не суждено было добраться. В Риме Берта впервые встретила со своим будущим супругом, который в это время был назначен в качестве атташе прусского правительства в Ватикан. Густав оказался на шестнадцать лет старше своей будущей супруги.

Берта и ее будущий избранник не относились к разряду людей импульсивных, и любовь с первого взгляда была явно не для них. У Купидона просто не оказалось подходящих стрел, чтобы пробить эти поистине стальные сердца. Их так называемая «страсть» ковалась в правительственных кузнях, расположенных непосредственно в покоях кайзера в Берлине. Все было решено за молодых, а молодые приняли вердикт как должное.

Маргарет объявила о помолвке в мае. В августе этого же года кайзер решил вновь появиться в замке Хёгель. Он лично пришил к фартуку неутомимой вдовы орден Красного Орла. Свадьба была назначена на 15 октября. Кайзер обещал приехать вместе с генералитетом и адмиралом Тирпицем. Предстоящее бракосочетание могло оказать огромное влияние на судьбу будущих поколений Рейха. Германия вечно будет нуждаться в молоте и наковальне, то есть в заводах Круппа, которые, в свою очередь, нуждаются в законном наследнике мужского пола.

Накануне свадьбы было решено, что фамилию изменит не Берта, а ее супруг. С соизволения кайзера Густав фон Болен унд Гальбах отныне должен был называть себя Круппом, ибо только мужчина в состоянии был полноценно представить интересы фирмы, тесно связанные с интересами всей Германии.

Как показали архивные исследования, Густав являлся потомком сразу двух американских семей немецкого происхождения, и менять имена в его роду было делом знакомым. Одна из этих семей, Гальбах, осела в южных провинциях Рура еще три столетия назад и в 1660 году с успехом занималась производством пушечных ядер, используя для этого местные рудные шахты. Во второй декаде XIX столетия им пришлось эмигрировать в Пенсильванию и купить акции угольной компании в Скрантоне. После гражданской войны Густав Гальбах женился на дочери полковника Генри Болена, который командовал 75-м пенсильванским полком волонтеров, сплошь состоявшем из немцев. Так как будущий тесть геройски погиб в битве при Манассасе, жених принял решение увековечить его память, присоединив имя Болен к своему, Гальбах. Получилось Болен-Гальбах.

Вскоре после франко-прусской войны начался славный подъем Второго Рейха. Болен-Гальбах не мог не откликнуться на призыв Родины, его семья оставила Соединенные Штаты и вернулась на землю своих предков, захватив с собой ценные акции скрантонской угольной компании. Великий герцог Баденский, очарованный состоянием вернувшихся на родину соотечественников, не

мог устоять против соблазна, и имя семьи было еще раз изменено. Отныне оно звучало как фон Болен унд Гальбах. Это имя и унаследовал Густав младший, муж Берты Крупп. Достигнув тридцатишестилетнего возраста, Густав не изменил семейной традиции и прибавил к своей фамилии еще несколько букв, которые и сделали его знаменитым на весь мир.

Бесспорно, кайзер знал всю родословную своего избранника на роль жениха Берты. Ему импонировало, что в жилах Густава течет кровь неустрашимого воина, полковника Болена. Так, перед тем, как вступить в битву с генералом Робертом Е. Ли, полковник Болен принял участие в мексиканской войне и в качестве наемника и солдата удачи успел повоевать на стороне союзников во время крымской кампании. Когда же неутомимый полковник пал на поле чести, то власти Федерации объявили целый месяц траура по погибшему герою.

Однако, глядя на бледного, малорослого Густава Круппа фон Болена унд Гальбаха, никто бы не мог и предположить, что в жилах этого невзрачного человека осталась хоть капля крови лихого рубаки-деда. Наверное, в политической жизни того времени трудно было встретить более бесцветную личность, чем Густав Крупп. Например, он никогда не выходил из себя и в любой ситуации сохранял холодное равнодушие ко всему происходящему. Этому человеку, казалось, вообще были чужды хоть какие-то эмоции. Большой лоб, спартанский нос, тонкие губы, механические движения — за все это Густава по праву считали идеальным воплощением прусской дипломатической школы, которую Бисмарк остроумно охарактеризовал как школу зануд.

В берлинской полиции на этого человека не было ни одного доноса, ни единой записки. Он был сама добропорядочность, оплот общества. Густав принадлежал к категории тех правильных людей, которые за всю свою жизнь не совершили ни одного проступка, так как для этого им просто не хватило бы воображения. Это был человек порядка (*der Organisationsmann*), идеал, который стремились достичь с помощью идеологической обработки населения руководители будущего Третьего Рейха эпохи Гитлера.

Свой долг Густав видел, прежде всего, в том, чтобы обогатить семейство Круппов наследниками мужского пола. И с этой грандиозной задачей жених решил справиться как можно быстрее. Запись его рекордов, которую он оставил в дневнике, поражает своей безучастной методичностью. Так, девять месяцев и двадцать во-

семь дней спустя после свадьбы Берта родила первого сына, названного в честь знаменитого прадеда и первого короля пушек, Альфредом. В дальнейшем в этом же дневнике идут сухие записи, похожие на своеобразный отчет о проделанной работе:

Второй сын — 1908. Третий — 1910. Первая дочь — 1912. Четвертый сын — 1913. Пятый — 1916. Вторая дочь — 1920. Шестой сын — 1922.

План был перевыполнен, да еще с запасом на долгие годы. Теперь Круппам нечего было бояться по части наследства.

По всем этим причинам именно Густав, а не законный сын Альфреда, Фридрих, летом 1912 года в честь столетнего юбилея приветствовал высоких гостей от лица могущественнейшей в мире фирмы.

В своей торжественной речи Густав весьма резонно утверждал, что начало сталелитейного дела в Германии не случайно совпало с рождением национального движения, «которое наиболее ярко проявилось ровно через год под Лейпцигом в битве народов, когда Пруссия смогла сбросить с себя оковы агрессора». «С этого момента, — продолжал оратор, — орудия Круппа были всегда на полях сражений, в которых немцы самозабвенно боролись за объединение Германии. Эти же орудия являются той связующей энергией, которая столь необходима армии и флоту и по сей день. Корабли, построенные на наших верфях, несут знамя Германии по всем морям мира. Пушки, сделанные на наших фабриках, защищают эти корабли и пограничные форты, расположенные на рубежах нашей Родины, от любого врага». В своей речи Густав не забыл упомянуть и так называемую социальную программу, которой вполне могла гордиться фирма и которая способствовала установлению подлинного единства нации, состоящей как из богатых, так и из бедных граждан. В частности, он совершенно справедливо отметил, что именно на заводах Альфреда Круппа стала осуществляться обширная программа социального обеспечения и поддержки, задача которой заключалась в том, чтобы раз и навсегда положить конец разногласиям, возникающим между трудом и капиталом, между хозяином и рабочим. Именно эти разногласия, по мнению Круппа, и любят использовать в своих корыстных целях всякого рода социал-демократы.

Еще 9 сентября 1872 года Альфред Крупп обнародовал свои знаменитые «Генеральные предписания», документ, который можно считать самым значительным из всех подобных бумаг, появившихся из-под пера владельцев фирмы за всю историю ее существования. «Генеральные предписания» включали в себя 72 ста-

ты. Сам документ был заверен подписью Альфреда как единственного полноправного хозяина принадлежавших ему человеческих душ. Эти предписания стали чем-то вроде своеобразной конституции крупповской империи.

Не будет преувеличением сказать, что этот единственный в своем роде документ можно рассматривать как своеобразный проект всего будущего устройства германской экономики, которая и обусловила во многом появление фашизма. Все в предписаниях словно угадывает нововведения деятелей Третьего Рейха: жесткая командная система снизу доверху, интеграция производства по вертикали и горизонтали, образование всевозможных картелей. Каждый пункт крупповского документа при этом пронизан каким-то готическим духом германского средневековья, очень напоминающим фашистский оккультизм.

В этих предписаниях Альфред уподоблял себя средневековому князю и давал буквально мистическую клятву проявлять всяческую заботу о своих подданных. Впервые за всю историю европейского капитализма хозяин открыто заявлял о своем святом долге перед рабочими. Им гарантировались «медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, больницы и дома для престарелых». Известно, что уже в 1877 году Альфред создал общество по «страхованию жизни» своих рабочих.

Альфреду, по сути дела, удалось трансформировать некогда патриархальный Эссен в первый в мире город, целиком принадлежащий одной кампании. Такая практика станет почти повсеместной лишь после второй мировой войны. Но уже в XIX веке вокруг Эссена начали вырастать небольшие города-спутники, где была самая низкая плата за жилье и самый высокий, по сравнению с другими поселениями, жизненный уровень. Все эти города-спутники в дальнейшем были названы в честь почти всех членов многочисленного семейства Круппов.

Альфред создал для своих рабочих даже собственную хлебопечкарню, виноваренный завод, мясобойню, гостиницу, организовал благотворительный фонд для бедных семей, которые пострадали от наводнений реки Рур, случавшихся довольно часто в этой местности. Задолго до того, как социал-демократам пришла в голову идея создания различных рабочих кооперативов, Крупп уже способствовал появлению на свет целой цепи подобных некоммерческих организаций, действующих в интересах служащих фабрики и их семей. Этот популизм будет также с успехом использоваться как немецки-

ми, так и итальянскими фашистами. Проявляя социальную заботу о простых людях, во многом вдохновленную предписаниями Круппа, фашисты создадут знаменитый народный автомобиль (Фольксваген-жучок), который до сих пор бегает по улицам почти всех столиц мира, с детской жизнерадостностью демонстрируя неиссякаемую энергию идей эссенского сталелитейного барона.

Конечно же, человек, который терял работу на фабрике, автоматически лишался и всех привилегий, включая и пенсию по выслуге лет. Однако следует учесть, что в 70-е годы XIX столетия ни о каких пенсиях для рабочих на других фабриках не могло быть и речи.

Несмотря на то, что Альфред Крупп любил заявлять, что он очень далек от политики, его «Генеральные предписания» стали ярким политическим документом своего времени. Альфред специально послал копию этого документа кайзеру. Оригинал же до сих пор хранится в семейном архиве. На пожелтевших от времени листах отчетливо видна надпись, сделанная аршинными буквами: «Основная цель — защита и процветание моих рабочих. Помимо этого документ поможет предотвратить всевозможные социальные заблуждения».

«Генеральные предписания» Альфреда Круппа повлияли и на социальную программу, проводимую в 1883, 1884 и 1889 гг. Бисмарком. Гитлер в «Mein Kampf» прямо заявил о том, что его работа над собственной социальной программой началась с изучения реформ, предложенных Бисмарком, а лозунг лидера трудового фронта фашистской Германии Роберта Лея: «Дух коллективизма должен быть насаждаем» — просто списан с четвертой страницы «Генеральных предписаний» Круппа.

«Генеральные предписания» были любимым детищем Альфреда. Он постоянно стремился усовершенствовать свое творение. В бессонные ночи сталелитейный магнат аршинными буквами неутомимо вписывал все новые и новые дополнения. Так, в одной из своих ночных записок Альфред предлагал одеть весь персонал в униформу, очень напоминающую военный мундир. На рукавах этого мундира с помощью нашивок указывались бы года службы на фабрике. Руководящий состав, вплоть до совета директоров, должен был, по этому предписанию, носить эполеты. Но последнее предложение пришлось все-таки отклонить, так как предполагаемые генералы крупповской армии стали бы напоминать швейцаров у входа в эссенскую гостиницу, которую сам Альфред и выстроил для приезжих коммерсантов.

Русский анархист М. Бакунин пришел к выводу, что немцы как нация не достойны свободы, так как «любовь к начальнику у них давно превратилась в настоящую страсть». «Немцам, — писал бунтарь, — хочется быть одновременно и рабами, и господами».

Только в такой стране Западной Европы, как Германия, мог появиться в середине XIX века документ, в чем-то напоминающий японскую средневековую хартию преданности самурая своему императору и сёгуну.

Есть понятие исторической вины целого народа. Слепая преданность начальнику привела к тому, что было создано особое государство, население которого оказалось спаяно идеологией много национального превосходства над другими странами, что и привело, в конечном счете, сначала к франко-прусской войне, а затем к войне первой мировой и к фашизму.

Американский историк Мэк Уокер писал, что «вера в первенство коллектива над индивидуумом, подозрительность к независимым личностям и открытая враждебность к внешнему миру были наследием «спальных» городов в Германии конца XIX века и, по крайней мере, первой половины XX века». Характерными особенностями этих «спальных» городов, как их нарекли в одном блестящем современном исследовании, были эксцентричность институтов и тесная социальная сплоченность. Именно здесь местные обычаи, традиции и цеховые привилегии сохранялись вплоть до середины XIX века. Именно к таким «спальным» городам и можно было отнести родной город Круппов Эссен. Обитатели подобных изолированных поселений компенсировали свою оторванность от внешнего мира сильным местным самоощущением, чувством общности и своей ярко выраженной общительностью (*Geselligkeit*), что нашло выражение в их семейных радостях и совместных праздниках и развлечениях. Обычно в таких местах вместе отмечали годовщины, справляли именины и участвовали в деятельности несметного числа организаций, членами которых они были, — церковных обществ, хоров и музыкальных ансамблей, клубов любителей игры в скат и кегли и тому подобное. Так, в маленьком городке, что изучал Уильям Шеридан Аллен для своей книги о подъеме национал-социализма, в 1930 году оказался сто шестьдесят один клуб — в среднем по одному на каждые шестьдесят жителей.

Из-за относительной изоляции такие провинциальные города были основным источником удивительного разнообразия немецкой жизни, которое Гёте превозносил как позитивную сторону. Че-

ловека, путешествовавшего по Германии, ожидала встреча со всё новыми и новыми диалектами, костюмами, едой и напитками, песнями и историями и, не в последнюю очередь, с особым юмором.

Однако у этого явления была и своя обратная сторона: выпячивание своей германской принадлежности было симптомом поиска каких-то гарантий в быстро менявшемся мире и попыткой добыть этого благодаря акцентированию местных традиций и ценностей, противопоставляя их влиянию извне. И хотя зарождающийся капитализм и индустриализация захлестнули и разрушили политическую среду, питавшую культуру «спальных» городов, тем не менее, даже после того как это случилось и обособленные общности растворились в империи Бисмарка и Вильгельма II, их психология продолжала существовать в форме регионального чувства обиды, мещанства и фанатизма.

Впрочем, такая привычка к подчинению и дисциплине, возможно, имела более древнее происхождение. В средние века один папа называл Германию «terra obedientiae» (земля послушания). Немалое влияние на формирование национального характера оказали и события тридцатилетней войны XVII века. Ежедневная близость смерти, постоянный «Angst» (страх), о котором пишет в своих стихах Грифиус, заставляли уцелевших стремиться к подчинению любой власти. Люди, охваченные атавистическим страхом перед вероятными последствиями любого распада существующих социальных отношений, с радостью принимали непомерные требования своих князей; со временем такое приятие стало нормой и приобрело силу традиции. В 1758 году Карл Фридрих Мозер писал: «У всякого народа есть своя движущая сила. В Германии — это повиновение; в Англии — свобода; в Голландии — торговля; во Франции — почитание короля».

Легенда о продаже души дьяволу не случайно оказалась столь близка немецкой душе. Немцы продали свою душу в обмен на дисциплину, порядок и обещанное материальное благополучие, которое сначала с успехом реализовывалось в Эссене на заводах Круппа, а потом начало воплощаться в жизнь на всем германском пространстве в эпоху правления Адольфа Гитлера. Это германское пространство представители Третьего Рейха воспринимали достаточно ясно.

Еще в 1865 году в своем эссе «Что такое немец» Рихард Вагнер писал: «Немецкая поэзия, музыка, философия ныне высоко ценятся народами всего мира; однако в своей тоске по «немецкой славе» немец обычно не в состоянии мечтать ни о чем другом, кроме чего-то подобного реставрации Римской империи».

Победа Пруссии над Францией в 1870 году и создание Германской империи привели к изменению баланса сил в Европе и во всем мире. Германия к тому времени была не только сильнейшей военной державой на континенте, но и страной с широко развитой промышленностью, чему в немалой степени способствовала и деятельность корпорации Круппов. По условиям мирных соглашений, продиктованных Германией в Версале в 1871 году, Франция перенесла небывалый национальный позор. Навязанные условия предусматривали даже триумфальный марш немецкой армии по Елисейским полям. Аннексии требовали старший Мольтке и его Генеральный штаб. Военные настаивали и убеждали императора в том, что пограничные провинции у Меца, Страсбурга и по отрогам Вогез необходимо отрезать, чтобы навечно поставить Францию в положение обороняющегося. К этому они прибавили тяжелейшую контрибуцию в пять миллиардов франков, стремясь закабалить страну на целое поколение, кроме того, оккупационная армия должна была находиться во Франции до окончания выплаты этой контрибуции. Однако одним колоссальным усилием французы собрали и выплатили всю эту сумму в три года, и с этого началось их возрождение. Но такие национальные обиды не могли пройти бесследно. Виктор Гюго достаточно ясно выразил настроение всей нации в следующих страстных словах: «Франция будет стремиться только к одному — восстановить свои силы, запастись энергией, лелеять свой священный гнев, воспитать молодое поколение так, чтобы создать армию всего народа... чтобы стать снова великой Францией 1792 года, Францией «идеи с ме-

чом». Тогда в один день она станет непобедимой. Тогда она вернет Эльзас-Лотарингию».

День Германии в Европе, который, как полагали немцы, должен был начаться после провозглашения Германской империи в Зеркальном зале Версаля, так и не засиял в полную силу. Немцев странным образом продолжала съедать зависть к стране, которую они вроде бы сокрушили. «Живет, как Бог во Франции», – гласила немецкая поговорка. Под шумок французская империя смогла расшириться в Северной Африке и Индокитае, а мир искусства, красоты и стиля был все еще у ног Парижа. Уверовав в превосходство над всеми по духу, силе энергии, трудолюбию и национальной добродетели, немцы, вдохновленные собственной философией, считали, что они по праву заслуживают первое место. Шопенгауэр и Гегель смогли убедить многих в том, что человеческому духу необходимо склониться перед заранее предначертанными силами эволюции. По мнению Гегеля, именно прусская монархия являлась тем совершенным государством, которое только и могло возникнуть на территории Европы в результате эволюции высшей Идеи. К тому же само понятие эволюции, казалось, получило свое полное и исчерпывающее подтверждение в трудах англосакса Ч. Дарвина. Если мир государств, как и мир природы, жил по закону, по которому все подчиняется борьбе за выживание, тогда подготовка к этой борьбе была первой обязанностью правительств. Вера в необходимость и даже желательность войны как формы, в которой будет проходить международная борьба за выживание целых наций, была неограничена в правах. Подобная вульгаризированная дарвиновская доктрина была принята за истину в самых широких слоях общества. Консервативный генерал Конрад фон Хетцендорф, начальник австро-венгерского штаба, и великий французский писатель Эмиль Золя в разное время выражали достаточно схожие взгляды на одну и ту же проблему. Так, Конрад писал вскоре после войны: «Филантропические религии, учения о морали и философские доктрины могут иногда служить ослаблению борьбы человечества за существование в жестокой форме, они никогда не являлись движущей силой в природе...»

А на 30 лет раньше, в 1891 году, Э. Золя писал даже с большей уверенностью: «Разве не станет конец войны концом гуманности? Война – это сама жизнь. Ничто не существует в природе, ни рождается, ни растет или размножается без борьбы. Мы должны есть, нас поедают для того, чтобы мир мог жить. Только воинственные

нации процветают. Как только нация разоружается, она погибает. Война — это школа дисциплины, жертвенности и отваги».

Война в начале XX века рассматривалась как опыт, который может принести личное и национальное благополучие.

Английская пресса, пропагандисты и даже религиозные лидеры призывали воспринимать войну через учение двух германских писателей — философа Фридриха Ницше и историка Генриха фон Трайтцке. Младший Мольтке и адмирал Тирпиц платили дань тому влиянию, которое оказали на них лекции Трайтцке в Берлинском университете. Во всех своих исторических трудах и публичных выступлениях Трайтцке подчеркивал, что государство не связано никакими обязательствами по отношению к своим членам, оно просто-напросто лишено всяких личных черт и стоит выше любой индивидуальности. Вообще, к концу девятнадцатого века возникла повсеместная вера в то, что государство — живой организм, который больше, чем простое единство его граждан, имеющих свои права и обязанности; таким образом, оно получало право требовать от своих членов преданности и послушания. В связи с этим Трайтцке рассматривал Германию как государство, которое стало великим благодаря своей армии, отстоявшей это величие перед лицом враждебной Франции, Англии и римских католиков.

В трудах Ницше было также много того, что нашло отклик в душах людей в 1914 году и способствовало созданию интеллектуального климата, в котором зрела мысль о необходимости мировой бойни. Ницше не только призывал к действию и насилию, говорил о необходимости грубости и жестокости, о воле к власти, но он также верил в то, что «война и смелость творят больше великих дел, чем любовь к ближнему». Книгу «Так говорил Заратустра» можно было найти в ранцах тысяч солдат в 1914 году и не только в Германии, но и в личных вещах образованных российских офицеров, так как «почти все благородные души... жадно пили из этих источников». Идеи немецких философов, благодаря развитию прессы, проникали в газеты и в упрощенном виде доходили до умов огромных масс, оказывали влияние на решение правителей Европы.

Возникали даже идеи, что патриотизм, нередко переходящий в шовинизм, по существу своему скорее инстинкт, чем разум, и этот инстинкт основан на фундаментальных связях между людьми и землей их страны, а также на почти мистических связях с мертвыми предками, по меткому выражению французского писателя Мориса Барреса — это связь земли и мертвых («La terre et Les Morts»).

Такое слепое подчинение государству всех его рядовых членов было обусловлено тем, что мы называем техническим и научным прогрессом. Благодаря именно государственной машине достижения техники и науки стали улучшать благосостояние добропорядочных граждан. Не подозревая того, люди стали напоминать разжиревших кроликов, которые и не знают, ради каких целей им позволяют плодиться и жить в относительной роскоши, требуя взамен лишь безоговорочной преданности.

В 1854 году Джон Сноу установил, что холера вызывается грязной водой. Это побудило инженеров строить системы очистки стоков для растущих городов. До недавнего времени даже во дворцах отхожие места источали зловоние. Быть может, только в нужниках короли могли в полной мере ощутить, что они тоже люди, о чем в свое время упоминал еще великий Рабле. Но вот благодаря все тому же прогрессу в викторианскую эпоху в Англии появился первый сливной бачок, а унитазы, сделанные из фаянса, да к тому же украшенные голубой эмалью, превратились в настоящие шедевры декоративного искусства. Большая лондонская система канализации, построенная в 1850—1860-е годы, имела пять главных коллекторов, идущих по всему городу, и четыре большие станции перекачки. Государство, как заботливая мать за младенцем, стало убирать дермо за своими подданными, и за это благодарные дети обязаны были заплатить чем-то в будущем.

Но помимо туалетов у человечества появилось и немало других интересных игрушек. Первая подземная железная дорога была открыта в 1863 году в Лондоне. Сначала использовались паровозы, но в 1890 году в центральной части Лондона был построен первый электрический метрополитен. Под городами в XIX веке выросла сложная сеть труб, кабелей и тоннелей, несущих воду, газ, электроэнергию, канализационные стоки и линии телефона.

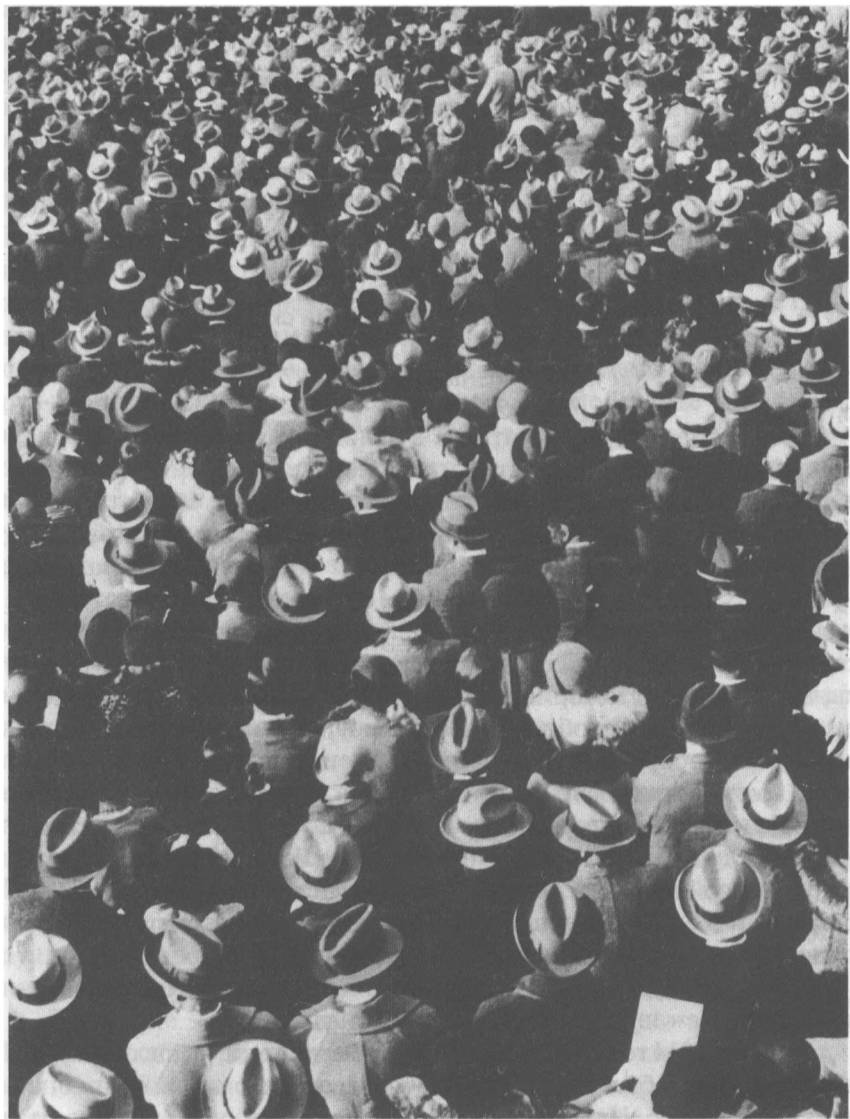
Медицина в XIX веке также быстро прогрессировала. Многие инструменты, разработанные в тот период (стетоскопы — 1855 г., аппарат для измерения артериального давления — 1887 г., ингалятор для анестезии — 1847 г.), используются и поныне. В 1840-х годах была впервые применена безопасная анестезия, изгнавшая боль из операционной. В 1862 году Луи Пастер доказал, что многие болезни вызываются микробами. С 1867 года антисептическая хирургия быстро снизила смертность после операции. Труды Пастера распространили технику вакцинации на другие болезни, например, сибирскую язву и бешенство. Были выделены микробы — воз-

будители столбняка, туберкулеза и дифтерии. В 1860-е годы у зубных врачей появилась известная нам бормашина. Открытие в 1890-х годах рентгеновских лучей позволило врачам заглянуть внутрь тела человека.

Приблизительно в это же время, как все тогда считали, сумасшедший изобретатель Чарльз Бэббидж создал первую счетно-вычислительную машину, которая стала прообразом будущего компьютера.

Благодаря свалившимся на голову человечества всем этим открытиям, люди в прямом смысле стали заложниками научно-технического прогресса. Так, пулемет, одно из творений раскрепощенной человеческой мысли, загнал воюющие армии в окопы, создав кровавый тупик. Английский генерал Ян Гамильтон очень метко заметил по этому поводу: «Единственное, на что способна отныне кавалерия перед лицом пулеметных гнезд, — варить рис для пехоты». Химия была привилегией немецкой науки, и именно немцы первыми создали и стали применять отравляющие газы. Двигатель внутреннего сгорания в основном получил развитие в англоязычных странах и во Франции. Союзные войска совместными усилиями соорудили первый танк. Самолеты, дирижабли быстро развились в смертельное оружие, а в океанах подводные лодки создали страшную угрозу мореплаванию. Когда немецкая субмарина, сделанная на заводах Круппа, потопила английскую «Луизитанию», то сотни мирных людей беспрепятственно пошли ко дну, а команда при этом спокойно наблюдала в перископ за происходящим. Отныне война окончательно утратила свой рыцарский характер. Машины стали диктовать воюющим людям безжалостные, жесткие условия массового убийства, и цифра военных сводок заменила человеческую жизнь с ее родовыми схватками, криком младенца и первой болью от соприкосновения с огнем, кипятком, любовью и другими острыми углами обычного человеческого существования.

В этом смысле можно утверждать, что первая мировая война явилась закономерным результатом того, что многие называли поступательным движением вперед во имя гуманизма и процветания. Однако только Библия, учение об апокалипсисе и эсхатологическом Царстве Божиим, которые в рассматриваемую эпоху подвергались критике со стороны почти всех последователей теории эволюции Ч. Дарвина, открыли истинную динамику человеческого и вселенского восхождения к совершенству.

У Александра Блока по этому поводу есть такие замечательные строки:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла.
Что ж человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скрежет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Секулярная теория прогресса в целом рассматривает историю односторонне: как поступательное и неуклонное усиление положительных начал в человечестве. Развитие знаний, общественных институтов и этики движется, по мнению «прогрессистов», в основном только вперед, а все темное и злое в человеке с веками идет на убыль. Согласно теории прогресса, человечество не знало никакого падения, а только постепенное усовершенствование. Но Писание, в отличие от этих распространенных теорий начала XX века, не изображает историю в виде процесса, в котором имеет место лишь увеличение добра. Подобно тому, как миротворение являлось противоборством Логоса и Хаоса, история с самого начала стала ареной столкновения добра и зла в человеке, и оба этих понятия имеют тенденцию к возрастанию. С каждой эпохой антагонизм между добром и злом становится все более напряженным. В канун первой мировой войны это противостояние стало особенно острым, и не хватало лишь какого-нибудь маленького, незначительного события, чтобы разгорелся мировой пожар.

«Какая-нибудь проклятая глупость на Балканах, — предсказывал Бисмарк, — явится искрой новой войны».

28 июня 1914 года эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник австрийского трона, был убит членом группы сербохорватских националистов в Сараево. Искра вспыхнула, и пламень начал медленно набирать силу. Однако поначалу свершившемуся мало кто придал большое значение. Дело в том, что, благодаря тому же прогрессу, убийство выдающихся людей ради так называемой великой цели уже в течение трех последних десятилетий стало привычным делом. Великие державы спокойно пережили немало подобных инцидентов в

недалеком прошлом и собирались, как всем казалось, и на этот раз пережить очередную вспышку освободительного национализма малых народов. Каждый международный кризис начиная с 1905 года, казалось, приближал мировую катастрофу, но при этом общими усилиями ее удавалось избежать. Жан Жорес, к примеру, 30 июля 1914 года, в самый канун войны, говорил: « Будет так же, как в Агадире. Будут подъемы и спады, но ничего серьезного так и не произойдет». Имелся в виду кризис в Марокко в Северо-Западной Африке. Традиционно эта страна находилась в сфере интересов Франции. Кайзер же еще в 1905 году отправился на яхте в эту страну для встречи с султаном. Когда же султан в 1911 году, шесть лет спустя, обратился к французам за помощью в борьбе с мятежными племенами, к Агадире — марокканскому порту на Атлантическом побережье — была направлена германская канонерка, чтобы воспрепятствовать французам. Англия объявила о своей поддержке Франции. Возникла реальная угроза войны. Лишь благодаря искусной дипломатической игре удалось убедить Германию отказаться от своих притязаний на Марокко в обмен на часть французских владений в Конго.

Никто и представить себе не мог, каким хрупким, на самом деле, окажется мир просвещенной Европы. Да, в самом центре континента у французов были серьезные претензии к соседней Германии, а у Германии — к Франции, да, Эльзас и Лотарингия не давали покоя политикам в течение многих десятилетий, да, обе страны последние годы только и делали, что готовились к наступательной войне, но одно дело подготовка, а другое — реальные боевые действия. Так, в 1907 году на Гагской конференции обсуждался вопрос возможного разоружения. С инициативой выступила царская Россия. И хотя конференция не привела к серьезным договоренностям, но сам факт ее созыва говорил о том, что правительства ведущих государств относятся к войне все-таки как к гипотезе, а не как к чему-то неизбежному.

В течение трех недель после убийства эрцгерцога правители Европы, как всегда, продолжали думать о предстоящих летних каникулах и богатом урожае, который необходимо был собрать. Так, командующий сербской армией поехал принимать ванны на австрийский курорт. Правительства оскорбленной стороны (Германии и Австро-Венгрии) также не торопились с объявлением ультиматума: они хотели дать своим крестьянам больше времени для сбора богатого в том году урожая. По их соображениям, только приграничные зоны могли пострадать от возможного конфликта. Извест-

но, что министр иностранных дел Австро-Венгрии, граф Бертольд, послал злополучный ультиматум Сербии, с которого и начался отсчет новой эпохи, «под влиянием шампанского, с помощью которого отмечались дружественные отношения между двумя великими державами».

Сазонов, министр иностранных дел России, был в это время в своем имении и наслаждался жизнью, как на его месте и должен был вести себя любой русский барин.

У французов кризис вызвал что-то вроде смятения. В момент объявления ультиматума президент и премьер-министр находились в море на пути из Санкт-Петербурга в Париж и сведения о происходящем получили из неточных и искаженных радиogramм, которые Пуанкаре на борту «Франции» принимал с помощью передатчика, установленного на Эйфелевой башне. Только прибыв 25 июля в Стокгольм, они поняли всю серьезность ситуации.

И тут по какой-то неведомой, почти мистической, причине события начали развиваться так быстро, что дипломаты перестали успевать за ними. В течение последних дней мира политикам оставалось лишь принимать решения в зависимости от ситуации, менявшейся столь стремительно, что уже не было никакой возможности хоть как-то осмыслить сложившееся положение. То, что называлось прогрессом, показало истинное свое лицо. Зло, маскируясь под идеи национализма и национального самоопределения, основанные на вульгарном понимании учения Дарвина, нашло благодатную почву в душах огромных масс простых людей.

Экономист Вернер Зомбарт указал в свое время на очень примечательный факт: за все двенадцать веков своей истории, с шестого по девятнадцатый, европейское население ни разу не превысило ста восьмидесяти миллионов человек. А за время с 1800 по 1914 год — за столетие с небольшим — достигло четырехсот восьмидесяти миллионов. Три поколения подряд, благодаря научно-техническому прогрессу и улучшению условий жизни, человеческая масса росла как на дрожжах и, хлынув, «затопила тесный отрезок истории». Именно масса начала диктовать свою политическую волю накануне войны 1914 года тем, кто наивно полагал, что только от них зависят важные для всего мира решения. Вмешательство огромной массы людей, которая до этого довольствовалась лишь ролью статиста в общей исторической драме, ускорило все события, сделав эти события неуправляемыми и подобными цепной реакции, предшествующей атомному взрыву.

Под влиянием шампанского граф Бертольд, заботившийся об урожае собственных крестьян, послал нетвердой рукой ультиматум взорвавшимся сербам, и пошли нарастать волны национальных единений. «Массы надвигаются!» — апокалипсически восклицал в свое время Гегель. «Без новой духовной власти наша эпоха — эпоха революционная — кончится катастрофой», — предрекал Огюст Конт.

Война заставила людей забыть свои разногласия и в каждой стране создала атмосферу национального единства: во французских деревнях впервые заговорили друг с другом кюре и школьный учитель, а в Берлине депутаты-социалисты начали посещать приемы кайзера. «Радостно вновь сознавать себя живыми», — с восторгом писала одна немецкая газета в специальном выпуске, озаглавленном «Благословение оружия». Немцы, утверждала она, «упиваются счастьем... Мы так долго ждали этого часа...». За одну ночь патриотические настроения распространились по всей России. В Москве, Киеве, Одессе, Харькове, Казани, Туле, Ростове, Тифлисе, Томске и Иркутске рабочие сменили красные революционные знамена на иконы и портреты царя. Студенты прямо из университетов мчались записываться на военную службу. На городских улицах восторженно приветствовали армейских офицеров.

Посольство Германии в Санкт-Петербурге, огромное, грандиозное здание, на крыше которого красовались две большие бронзовые лошади, внезапно было захвачено разъяренной толпой. Ворвавшись в здание, люди били окна, рвали гобелены и картины, выбросили на улицу не только посольскую мебель, фарфоровую и стеклянную посуду, но и коллекцию графа Пурталеса — бесценное собрание мраморных скульптур и бронзовых статуй времен Ренессанса.

В России мало кто сомневался, что Германия будет повергнута. Разногласия были лишь по поводу того, как долго продлится война. «Шесть месяцев», — говорили пессимисты, которые были уверены, что немцы умеют воевать. Их обвиняли в пораженчестве. «Два или три месяца, — отвечали оптимисты. — Немцы умеют делать только сосиски». Англичане, проявляя, как всегда, осторожность, впрочем, также «смутно рассчитывали на победу в течение нескольких месяцев, не зная точно, где, когда и как они ее одержат».

Однако русские пессимисты были не так уж далеки от истины: Германия, не строившая расчетов на длительную кампанию, имела в начале войны запас нитратов для производства пушечного по-

роха всего на шесть месяцев. И лишь открытый тогда способ получения азота из воздуха позволил ей продолжить войну. Научно-технический прогресс словно был на страже своего любимого детища — мировой бойни — и никак не мог дать этому пожару погаснуть раньше срока.

Сазонов, министр иностранных дел России, признавался послу Италии 25 июля, « что ему страшно». Эдвард Грей, выглянув в окно кабинета в сумерки 3 августа, сказал: «По всей Европе гаснут фонари. И мы вряд ли увидим их когда-нибудь зажженными». Канцлер Германии Бетман Гольвег выразился еще категоричнее, разговаривая в самый канун войны со своим помощником: «...Над Европой навис рок, который выше человеческих сил». И это высказывание германского политика лучше всего могло охарактеризовать сложившуюся ситуацию.

Если попытаться выстроить в логическую цепь принятые накануне первой мировой войны решения, то мы увидим, что каждое из них ограничивало свободу действий для тех, кто принимал последующие шаги, не оставляя выбора тем, кто пытался предотвратить конфликт. Во всем действительно чувствовалась какая-то роковая неотвратимость, столь убедительно описанная в древних германо-скандинавских сагах. Пробил час, к которому немцы готовились на протяжении всей новейшей истории.

Все началось, вроде бы, с мелочи — с постановления студентов (членов движения Млада Босния) убить эрцгерцога. На это решение по воле неотвратимой судьбы наложилось еще одно — австро-венгерские власти позволили посетить высокому гостю Сараево. Визит не отложили, несмотря на предупреждения тайной полиции о готовящемся покушении. Сюда следует добавить еще и то, что Франца Фердинанда накануне роковой поездки не оставляли мрачные предчувствия, но эрцгерцога влекла навстречу собственной гибели какая-то неведомая сила. Визит, как назло, был назначен на день, когда сербы отмечали годовщину великого национального несчастья (поражение от турок в 1389 году). Появление представителя чужеродной власти в такой ситуации должно было спровоцировать недовольства и беспорядки. Как метко выразился один из политических деятелей той эпохи: «События вышли из-под контроля, и камень покатылся».

Австрийцы из последних сил стремились удержать малые нации, входящие в империю, «в состоянии балансирования, основанного на взаимном недовольстве». Дряхлеющая империя отча-

янно пыталась продлить свое существование. Любые попытки сербов возбудить у южных славян внутри монархии национально-сепаратистские чувства рассматривались как прямая угроза существованию австро-венгерского государства. Монархия Габсбургов, сделав всю Европу заложницей своих внутренних противоречий, подтолкнула старый мир к пропасти.

В свою очередь решение Германии поддержать Австро-Венгрию также укладывалось в логику предшествующей политики, унаследованной еще со времен Бисмарка. День Германии в Европе, казалось, должен был наступить в любой момент. Оставалось приложить лишь немного усилий и заявить миру, кто истинный хозяин континента.

Сербское решение отвергнуть некоторые требования австрийцев было во многом продиктовано логикой национально-освободительного движения, которое именно в этот исторический момент заявило о себе в полную силу. Повсеместно признанный закон естественного отбора заставлял нации заявлять о своем существовании с особой агрессивностью. Сербия надеялась также на консолидацию славянских народов и на традиционную поддержку России. Россия же была связана союзническим договором с Францией. Объявление мобилизации в Германии и России автоматически втягивало в войну и Францию.

Франция чувствовала себя оскорбленной еще со времен Седана. Но после начала нового века дух страны восстал против тридцатилетней обороны и вытекающего отсюда признания своей неполноценности. Франция понимала, что она физически слабее Германии. У нее было меньше население, рождаемость оставалась низкой. Ей нужно было оружие, которое не имела Германия, чтобы с его помощью обрести веру в свои силы. Философ Бергсон смог сформулировать общее настроение нации в краткой словесной формуле — «элан виталь», которую можно было бы перевести как «жизненный порыв». Вера в силу этого порыва убедила целый народ, что человеческому духу вовсе не нужно склоняться перед заранее предначертанными силами эволюции, которые Шопенгауэр и Гегель провозгласили непобедимыми. На уровне национального менталитета считалось, что дух Франции будет играть роль решающего фактора в предстоящей борьбе. Именно этот дух в битве при Седане поднял в безнадежную лихую атаку кавалеристов генерала Маргерита, погибших под ураганным огнем крупновских пушек, когда сам Вильгельм I, наблюдая через подзорную трубу за

происходящим, должен был отметить непревзойденное мужество французов: «Славные ребята!»

«Элан виталь» царил в несравненной «Марсельезе», в памяти о наполеоновских победах. Вера в дух Франции оживила в поколении начала века уверенность в судьбе своей страны. Именно эта вера разворачивала боевые знамена, вооружала солдат и готова была бы повести Францию к победе, если бы опять пробил час.

Все теперь зависело от решения Англии. Вступление же в войну последней определялось лишь тем, нарушит или нет Германия нейтралитет Бельгии. По меткому выражению историка Б. Такмен, «Европа напоминала склад мечей, сложенных в виде хрупкого шалаша, — нельзя было вытащить какой-нибудь из них, чтобы не заставить звенеть другие». И Бельгия была как раз тем мечом, на который опирались все остальные.

Нейтральная и независимая страна, расположенная в самом центре Европы, была плодом творения Англии. Побережье Бельгии считалось границей Британии. На этих полях лорд Виллингтон в битве при Ватерлоо уничтожил, как тогда считали, самого антихриста, а вместе с ним и страшную угрозу для берега туманного Альбиона. Эта угроза иноземного вторжения никогда не возникала для Британии со времен испанской Великой Армады. Впоследствии Англия решила превратить этот участок открытой, легко доступной территории в нейтральную зону. Таким образом обеспечивалось подобие присутствия островного государства на материковой части континента для защиты жизненных интересов Британии. Нарушить нейтралитет Бельгии означало бросить вызов одной из великих держав мира.

Какую роль будет играть Англия, оставалось неясным до последнего момента, она могла остаться нейтральной, могла при определенном условии выступить против Германии. То, что именно Бельгия станет таким условием, не было ни для кого секретом. Во время франко-прусской войны 1870 года, когда Германия еще не твердо стояла на ногах, Бисмарк с радостью заверил Англию в том, что собирается сохранить нейтралитет маленького государства.

Накануне 1914 года ситуация резко изменилась. Генеральный штаб находился под властью доктрины блицкрига, в соответствии с которой в войне на два фронта Германия должна бросить все силы против «одного врага, самого сильного, самого мощного, самого опасного», то есть Франции. Разработанный Шлиффеном план предусматривал, что победа должна быть достигнута за шесть не-

дель, так как семь восьмых всех вооруженных сил будут брошены на французские позиции, в то время как одна восьмая останется держать Восточный фронт против русских. Шлиффен выбрал Францию первой потому, что собирался закончить дело Седана. Его решение было продиктовано старыми представлениями, национальным мифом. Но преимущества французского направления определялись также и предупреждением Бисмарка относительно опасности войны на востоке. Россия могла сорвать быструю победу, используя свои необозримые пространства. Она втянула бы германские войска в бесконечную кампанию, как это уже было во времена Наполеона.

Германская армия численностью в полтора миллиона человек теперь в шесть раз превосходила войска, которые в 1870 году одержали победу над ненавистными галлами. Демографический взрыв, который был во многом обеспечен так называемым научно-техническим прогрессом и улучшением условий жизни людей, ростом рождаемости и увеличением продолжительности земного существования тех, кого было принято называть пушечным мясом, в немалой степени повлиял на возникновение безумной доктрины блицкрига, похожей если не на прямое самоубийство, то на военную авантюру в любом случае. Тевтонский дух, стремление испытать всемогущую Судьбу через «добровольную волю к смерти» владели на бессознательном уровне умами тех, кто принимал решения в генеральном штабе и кто сидел в окопах или шел в атаку на пулеметные гнезда.

Для огромной массы людей, буквально рвущихся в бой, требовалось большое пространство, чтобы осуществить успешный маневр. Французские укрепления, построенные вдоль границ с Эльзасом и Лотарингией после 1870 года, не давали немцам возможности совершить фронтальную атаку через общую границу. Только стратегией охвата, используя Бельгию как проходную дорогу, германские армии смогли бы успешно атаковать своего ненавистного соседа. Эти доводы с военной точки зрения казались безупречными, и немцы стали заложниками того, что Морис Баррес называл «духом Земли и духом Мертвых».

Ни о каком нейтралитете Бельгии говорить уже не приходилось, и Англия неизбежно должна была принять участие в военных действиях. Мировая война стала реальностью.

Чтобы лучше разобраться в событиях августа 14-го, необходимо, пожалуй, внимательнее присмотреться к тем людям, от решения которых зависело многое. Первый из них, кайзер Вильгельм II, который нес большую ответственность за развязывание первой мировой, родился 27 января 1859 года в Потсдаме и был старшим сыном Фридриха Вильгельма II. С рождения он не мог пользоваться левой рукой, которая была на 15 сантиметров короче правой. И вообще левая половина его тела была развита слабее правой. Камердинеры, помогавшие ему не менее пяти раз в день переодеваться, постоянно опасались, что он упадет во время этой процедуры. Внутренне не уверенный в себе, Вильгельм всегда держался вызывающе не только при обсуждении военных и политических вопросов, но и в разговорах о живописи, музыке, театре и даже кораблестроении, в котором ничего не смыслил.

Еще в 1886 году Вильгельм впервые встретился с графом Филиппом Эйленбургом, который в течение многих лет оказывал на него очень большое влияние. Эйленбург был доктором права и дипломатом, а также неплохим музыкантом и довольно известным поэтом-романтиком. Слыл он также антисемитом и сторонником спиритизма. Молва утверждала, что граф по своей сексуальной ориентации больше склонялся к гомосексуализму.

Между прочим, в своих «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк отмечал, что Вильгельм II «не остался чужд наследию Фридриха Вильгельма II» в двух направлениях. «Одним из них является сильное сексуальное развитие, а другим — известная восприимчивость к мистическим влияниям». Во всяком случае, от своего легендарного предка,

Фридриха Великого, будущий кайзер усвоил пристрастие к «длинным парням». Почти все флигель-адъютанты Вильгельма II были необычайного роста — около 2 метров и выше.

Как мы видим, ведущей чертой характера кайзера была его неуравновешенность, вырастающая из мощного комплекса неполноценности. Как бы сказал Виктор Гюго: «Это была та карликовая натура, из которой легко вырастает чудовище. Есть души, подобные ракам. Вместо того чтобы идти вперед, они непрерывно пятятся к тьме и пользуются жизненным опытом лишь для усиления своего нравственного уродства, все больше развращаясь и все больше пропитываясь скверной». Рекрутам Вильгельм однажды заявил, что они должны будут стрелять в своих отцов и братьев, если он им прикажет.

В июне 1888 года 29-летний Вильгельм унаследовал трон своего отца. Однако молодой монарх не обладал к тому времени ни соответствующими знаниями, ни личными качествами. Его отец отмечал склонность сына к «слишком поспешным и скоропалительным суждениям». «В его знаниях еще много пробелов, — писал он Бисмарку, — до сих пор ему не хватает необходимых основ». Бисмарк, в свою очередь, считал, что Вильгельм не проявляет необходимой «склонности к усидчивому труду». Все это объясняло дилетантизм его действий во многих областях государственной жизни, когда весьма неоправданное самомнение кайзера причудливо сочеталось с неопределенностью оценок и суждений. «В стране лишь один господин — это я, — заявил правитель Германии на банкете в мае 1891 года, — и другого я не потерплю».

Кайзер «славился» сомнительным пристрастием к разного рода непристойным и грубым шуткам. Так, однажды в библиотеке он так долго щипал и пинал молодого герцога Саксен-Кобургского, что тот разразился слезами. Выходка кайзера на борту королевской яхты в июле 1897 года привела к трагедии. Официально сообщили о том, что лейтенант Ханке погиб во время прогулки на велосипеде, свалившись в бурную реку. В действительности же по какому-то случаю кайзер напустился на лейтенанта, а тот, защищаясь, попытался ударить своего обидчика. В результате Ханке был «изолирован», и с него взяли обещание после освобождения покончить с собой, что тот и сделал.

Будучи болтливым, напыщенным и тщеславным, весьма неустойчивым в своих настроениях, Вильгельм II прикрывал свою посредственность помпезностью императорского двора. Его поведение отличалось «солдатской» грубостью и крайней нетактичностью.

В своих многочисленных выступлениях, словно «обосновывая» и оправдывая свою абсолютистски-монархическую миссию, Вильгельм II поначалу наводил подлинный страх на всю Европу, которая постоянно ожидала то государственного переворота в Германии, то ее нападения на кого-либо из соседей.

В феврале 1894 года на банкете в Бранденбурге он говорил об убежденности династии Гогенцоллернов в том, что сам Бог возвел ее на престол и что только перед Богом и своей совестью она отчитывается о деяниях, совершаемых ею исключительно для блага отечества.

Именно неуверенность и колебания кайзера, а также его природная агрессивность, происходящая от того же комплекса неполноценности, и определили курс внешней политики Германии.

Так немцы, во многом вдохновленные поведением своего императора, нарушили нейтралитет Бельгии в месте, официальным и исконным названием которого было — Труа Вьерж — Три Девственницы. В назначенный час, как и было предусмотрено планом, рота 69-го полка под командованием некоего лейтенанта Фельдмана перешла первые рубежи войны, и старый мир, по словам кайзера, окончательно потерял невинность. Вторгшись на территорию нейтральной страны, немцы поразили бельгийцев своей неслыханной наглостью. По дорогам, ведущим к Льежу, потянулись бесконечные ряды пехотинцев ударной группировки Эммиха. За ними двигалась полевая артиллерия на конной тяге. Скрипели кожаные сапоги и солдатское снаряжение. Расчищая дорогу гудками рожков, ехали автомобили со штабными офицерами. Солнце ослепительно отражалось в их моноклях. На багажниках лежали огромные кожаные чемоданы, аккуратно пристегнутые ремнями. Замыкали это шествие немецкой саранчи полевые кухни. Повара, стоя на подножках, на ходу помешивали солдатскую похлебку. Этому опереточно-солдатскому хамству не хватало лишь музыкального сопровождения, и немцы, соотечественники Баха и Бетховена, беспрерывно пели. Пели на отдыхе, пели во время марша, пели на постоях, во время попоек. Пели свой гимн «Германия превыше всего», и этот непрерывный немецкий хор воспринимался местными жителями как самая худшая и жестокая пытка, устроенная грубой германской мужественностью, вдохновленной неотесанным мужланом на троне. Официально объявленное Бельгией желание сражаться подчиненные кайзера считали не более чем «яростью спящей овцы». Бельгийскую армию воспринимали не

иначе, как ротой «шоколадных солдатиков», которой останется лишь выстроиться вдоль дорог и приветствовать победителей.

Бельгийское правительство, прекрасно осознавая, с каким врагом ему пришлось столкнуться, дало указание мирному населению сдать все имеющееся на руках оружие: опасались репрессий. Охотничий дробовик для охоты на зайцев мог стать предлогом расправы.

«Разумеется, наше наступление носит зверский характер, — писал Мольтке младший Конраду фон Хотцендорфу 5 августа, — но мы боремся за нашу жизнь, и тот, кто посмеет встать на нашем пути, должен подумать о последствиях».

Однако, когда революция 1918 года, невольной причиной которой явился и сам кайзер, свергла последнего Гогенцоллерна, Вильгельм II бежал именно в Нидерланды, то есть в маленькую нейтральную европейскую страну, такую же, как Бельгия, и униженно начал просить политического убежища. Круг замкнулся — бывшему правителю уже не нужно было выдавливать из себя образ сурового воина и жестокого победителя. Бывший кайзер Вильгельм II словно успокоился и обрел свой истинный облик немецкого не очень умного, но очень ограниченного буржуа. Имущество германского императора было перевезено в Нидерланды в 58 железнодорожных вагонах. На новом месте Вильгельм приобрел старинный замок XIV века, бывшую собственность епископа Утрехтского, в котором и прожил два десятка лет. Вывезенного из Германии имущества ему хватило на оплату и приведение в порядок замка и парка, на организацию археологического фонда и клуба теологических исследований. В изгнании Вильгельма обслуживало 60 человек прислуги и садовников.

В серебряном зале замка было размещено фамильное серебро. Здесь находилась великолепная коллекция старинных картин, редкой мебели, в том числе два стула с золотыми гвоздями.

Скончался Вильгельм, по воле которого во многом и была развязана первая мировая война, 4 июня 1941 года, когда немцы вступили уже во вторую фазу своего национального самоубийства и готовились к осуществлению плана Барбаросса. Похоронили бывшего всемогущего правителя Германии в мавзолее, расположенном в старинном парке недалеко от самого замка. И никаких потрясений, никаких жертв, никаких убиенных членов царской семьи и зверских расправ в подвале ипатьевского дома — все по-немецки чинно и благопристойно, и все очень скучно и даже пошло. Наверное, за маской буйного немецкого романтика обычно скры-

ваются конформист, стремящийся в первую очередь устроить свой собственный быт.

Осуществлять же агрессивный военный курс неуравновешенного кайзера призван был Мольтке младший, также отличавшийся своими романтическими симпатиями. Он приходился племянником тому самому Мольтке, под командованием которого германское оружие одержало сокрушительную победу над французами в 1870 году под Седаном. К моменту начала боевых действий высокому грузному лысому племяннику национального героя уже исполнилось шестьдесят шесть лет. У этого странного человека постоянно было такое выражение лица, словно на него совсем недавно обрушилось огромное вселенское горе. Возможно, что причиной мрачности и непрекращающейся меланхолии главнокомандующего была тень его великого дяди. Из окна красного кирпичного здания Генерального штаба на Кёнигплац, где Мольтке жил и работал, была отчетливо видна конная статуя победителя Седана, который, как и Бисмарк, являлся непосредственным создателем Германской империи. Но в отличие от своего героического дяди, племянник оказался плохим наездником, имевшим обыкновение каждый раз сползать с лошади во время выездов генерального штаба. Кроме того, бравый вояка считался последователем христианского учения и проявлял особый интерес к антропософизму и другим модным культам. За эту-то неподобающую для прусского офицера слабость главнокомандующего и считали «мягким», но магическая тень покойного дяди оказывала гипнотическое действие на всех немецких военных. Мольтке младший был не столько полководцем, сколько символом, который должен был привести немцев к долгожданной победе, в результате чего над Европой должен был взойти наконец долгожданный день Германии. А Мольтке, несмотря ни на что, продолжал между тем заниматься живописью, играть на виолончели и постоянно носил в кармане своих военных брюк томик «Фауста». Метерлинк же был его самым любимым автором, чью драму «Пелеас и Мелиссанда» он собирался перевести на немецкий язык. К тому же непосредственный исполнитель воли кайзера отличался слабым здоровьем: ежегодно ему приходилось проводить какое-то время на курорте в Карлсбаде.

Однако «мягкость» главнокомандующего была лишь внешней. В политике он не был робким и умел принимать жесткие решения. Мольтке рассчитывал составить левое крыло из восьми корпусов, численностью примерно 320 000 человек, которые должны были удерживать фронт в Эльзасе и Лотарингии южнее Мааса. Герман-

ский центр в составе 11 корпусов — около 400 000 человек — должен был вторгнуться во Францию через Люксембург и Арденны. Германское правое крыло, насчитывавшее 16 корпусов численностью в 700 000 солдат, стало бы наступать через Бельгию и стремительно бы вышло на равнинную местность.

Графиком тщательно спланированного наступления предусматривалось, что дороги через Льеж будут открыты на двенадцатый день мобилизации, Брюссель падет на девятнадцатый день, французская граница будет пересечена на двадцать второй, на линию Тьонвиль — Сен-Квентин войска выйдут на тридцать первый, Париж и решительная победа должны состояться на тридцать девятый день с момента начала боевых действий.

Клаузевиц предупреждал, что военные планы, в которых есть место для неожиданностей, могут привести к катастрофе. И всех неожиданностей германское командование старалось тщательнейшим образом избежать. Немецкая расчетливость распространялась даже на солдатское снаряжение, казалось, все было рассчитано до самых последних мелочей. Так, каждый солдат должен был нести шесть килограммов веса. Сюда входили: винтовка и боеприпасы, ранец, котелок, шанцевый инструмент, тесак и множество других необходимых вещей, пристегнутых к портупее. В ранце каждого пехотинца должно было храниться: две банки мясных консервов, две банки овощных, две коробки галет, пачка молотого кофе и фляжка со шнапсом, которую разрешалось открывать только по распоряжению офицера. Ежедневно проводилась проверка содержимого фляги. В другом отделении ранца лежали нитки, иголки, бинты и лейкопластырь, в третьем — спички, шоколад и табак. На шеях офицеров болтались бинокли и кожаные планшеты с картами.

Но бельгийский город Льеж надежно преграждал доступ Германии в Бельгию, и бельгийцы не собирались сдаваться, несмотря на то, что их армию считали «шоколадными солдатыками». Построенный на крутом холме на левом берегу Мааса, этот город вместе с 50-километровой цепью фортов считался в Европе наиболее грозным оборонительным рубежом.

Анри Бриальмонд, замечательный инженер-фортификатор своего времени, построил укрепление Льежа и Намюра в 80-х годах. Расположенные на возвышенной местности вокруг каждого из этих городов форты, по замыслу их строителя, предназначались для отражения захватчика, подходившего с любого направления. Льежские форты находились по обеим берегам реки примерно на

расстоянии шести-восьми километров от города и трех-четыре-х друг от друга. Шесть фортов на восточном берегу и шесть — на западном. Они кольцом опоясывали город.

Каждый из них напоминал упрятанный под землю средневековый замок. На поверхности виднелась лишь треугольная насыпь с выступавшими башнями, куда при помощи подъемников доставлялись орудийные установки, скрытые в глубине. Все остальное находилось под землей. Наклонные шахты вели к подземным камерам и соединяли башни со складами боеприпасов и пунктами управления огнем. Шесть крупных фортов и располагавшиеся между ними шесть более мелких укреплений имели в общей сложности 400 орудий. По углам насыпи бельгийцы установили башни меньшего размера для скорострельных пушек и пулеметов, державших под огнем нижние полые скаты фортов. Их окружали крепостные рвы без воды в двенадцать метров глубиной. Каждая крепость имела прожектор на наблюдательной вышке. Гарнизоны больших фортов состояли из 400 человек каждый.

Пятого августа бригады Эммиха пошли в наступление на четыре восточных форта. Легкие немецкие снаряды не причинили никакого вреда мощным оборонительным сооружениям бельгийцев. В бой решили бросить пехоту. В ответ бельгийские батареи обрушили на врага лавину огня. Для возбужденных и уверенных в себе немцев это было как холодный душ. Придя в бессильное бешенство от неожиданной задержки их победоносного марша, Эммих и другие генералы бессмысленно погнали людей на верную гибель. Никто не собирался считаться с потерями. Все рассчитывали на богатые резервы. «Спящая овца» неожиданно огрызнулась.

Один бельгийский офицер следующим образом описывал бессмысленную и самоубийственную атаку немецкой пехоты на форты Льежа: «Они даже не старались рассредоточиться. Они шли плотными рядами, почти плечом к плечу, пока мы не валили их огнем на землю. Они падали друг на друга, образуя страшную баррикаду из убитых и раненых. Мы даже стали опасаться, что эта баррикада закроет нам обзор, и мы не сможем вести прицельный огонь. Гора трупов уже стала огромной, и мы думали, стрелять ли прямо в нее или выходить и самим растаскивать убитых... Поверите или нет, но эта настоящая стена из мертвых и умирающих позволила немцам подползти ближе и броситься на передние скаты фортов, но им не удалось пробежать и половины пути — наши пулеметы и винтовки разом смели их прочь... Это была настоящая бойня».

Взять Льеж не удалось даже с помощью воздушной бомбардировки. «Цеппелин L-2» вылетел из Кёльна, чтобы ударить с воздуха по осажденному городу. Сбросив тринадцать бомб и убив при этом девять мирных жителей, он первым совершил воздушный налет, который стал потом обычным делом в войнах XX века.

Молтке все еще надеялся обойтись без тяжелых осадных орудий, которые втайне создавались на заводах Круппа. Все верили, что непокорный город все-таки удастся взять простым штурмом.

Истинным героем в этом первом значительном эпизоде начавшейся большой войны с немецкой стороны стал Эрих Людендорф. И о нем следует сказать особо. Людендорф принадлежал как раз к тем трем личностям, от решений которых многое зависело в первой мировой войне, равно как и в жизни всей послевоенной Европы. Это Людендорф одержал сокрушительные победы на Восточном фронте, когда русским удалось вторгнуться вглубь Восточной Пруссии, это Людендорф настоял на том, чтобы отправить в заглобированном дипломатическом вагоне опасного революционера В.И. Ленина и его соратников по партии, чтобы деморализовать и без того уже охваченную революционным пламенем Россию, это Людендорф, неожиданно перебросив войска с Восточного фронта, с помощью своих штурмовых отрядов почти взял Париж уже в самом конце войны, в 1918 году, когда союзникам казалось, что победа у них в кармане, и, наконец, это Людендорф принял самое активное участие в мюнхенском «пивном» путче вместе с Гитлером.

Плотный, со светлыми усами, круглым двойным подбородком и выпуклостью на загривке, которую Эмерсон называл отличительным признаком зверя, Людендорф не принадлежал к аристократическому типу прусского офицерства. Намеренно отказываясь от друзей и знакомств, этот человек, которому всего через несколько лет была суждена слава Фридриха Великого, до начала боевых действий оставался почти никому неизвестным, это был человек без тени. Необыкновенное трудолюбие и гранитная твердость духа помогли капитану Людендорфу побороть предубеждения, связанные с отсутствием приставки «фон» в его фамилии, и добиться заветных красных лампасов офицера генерального штаба.

В апреле 1914 года он получил долгожданный чин генерала. Ему было приказано занять пост заместителя начальника штаба 2-й армии. В этом качестве он прибыл в «маасскую армию» Эммиха, которой и поручили захватить Льеж любой ценой. В задачу Людендорфа входило лишь поддержание связи между ударными силами и глав-

ным командованием. Но почувствовав запах пороха, будущий герой с неожиданной смелостью решил попытать свое военное счастье, превратив взятие бельгийского города в свой собственный Тулон.

Отправившись выяснять причину задержки ударной группы, Людендорф встретил по дороге денщика генерала фон Вюссова, командовавшего 14-й бригадой. Солдат Эвеньет держал под уздцы оседланного коня. На вопрос Людендорфа он ответил, что его командир убит пулеметным огнем. Другого шанса могло и не представиться. Штабной генерал решил взять командование бригадой, только что потерявшей командира, на себя. Тут же Людендорф дал сигнал к наступлению. Он хотел прорваться к Льежу между фортами Флерон и Д'Эвенье. «Особенный глухой стук от удара пуль в человеческие тела» впервые в жизни коснулся слуха штабного офицера, и этот характерный звук смерти словно пробудил в этом человеке то, что давно дремало в нем. Людендорф погнал в атаку солдат, несмотря ни на какие потери. Именно в этом бою начала медленно, но верно восходить звезда его военной славы. Не сложились события именно так, как они, в конечном счете, сложились, и, кто знает, может быть, мир и история мира были бы совершенно другими. Не прими Людендорф в том отчаянном бою на себя командование — быть бы ему еще очень долго обычным штабным генералом, никогда не нюхавшим пороха. Тогда никто бы не смог победить русских в Восточной Пруссии, никто бы не отправил Ленина в Петроград, никто бы не возглавил вместе с Гитлером «пивной» путч. Действительно, «в истории бывают странные сближения»!

В результате смелых, отчаянных действий нового Бонапарта в результате трагического для бельгийцев стечения обстоятельств Льеж удалось взять. Когда весть достигла ставки, то кайзер был настолько обрадован, что бросился целовать своего главнокомандующего, своего Мольтке, а Людендорф приобрел теперь необычайный авторитет в войсках.

Однако, когда спала первая волна воодушевления, всем стало ясно, что победа оказалась призрачной. Четыре мощных форта, окружавшие город Льеж, продолжали борьбу и казались неприступными. Никакой лихой атакой их нельзя уже было разрушить и пленить гарнизон. Приблизительно в это время Густав Крупп сделал знаменитую запись в своем дневнике: «Чем сильнее враг, тем больше славы!»

С момента осады четырех фортов Льежа эпоха воинского героизма сменилась эпохой военной инженерной мысли. Два дня спустя

после смелой атаки Людендорфа секретное оружие немцев, огромные 98-тонные пушки с нежным женским именем Берта, по-прежнему находились в Эссене и только ждали своего часа. Эти стальные звери словно жили в предвкушении того момента, когда им разрешено будет показать всему ошеломленному миру свою ни с чем не сравнимую разрушительную мощь. Но перевозить эти колоссы по дороге было невозможно. Чудовище калибром 16,5 дюймов (420 миллиметров), длиной более девяти метров стреляло 520-килограммовыми снарядами метровой величины на расстоянии в 15 километров. Для обслуживания одного орудия требовалось 200 человек.

В то время самыми крупными считались 13,5-дюймовые английские морские орудия, а на суше — 11-дюймовые стационарные гаубицы береговой артиллерии.

Соблюдая строжайшую секретность, фирма «Крупп» изготовила модель 420-миллиметровой пушки еще в 1903 году. Распухший гигант со словно отрезанным коротким стволом на испытательных стрельбах показал себя неплохо, но оказался слишком громоздким для транспортировки. При перевозке по железной дороге орудие приходилось разбирать на две секции, причем каждую тащил отдельный локомотив. Доставить такую пушку на позицию можно было лишь, проложив специальную железнодорожную ветку к боевым позициям. Крупп продолжал работать над этой моделью еще четыре года, стремясь создать транспортабельную конструкцию из нескольких секций. В феврале 1914 года такое орудие было изготовлено и успешно испытано в Куммерсдорфе к большой радости кайзера. И все же для перевозки гиганта приходилось прибегать к помощи паровых и бензиновых двигателей, а в некоторых случаях тащить отдельные части на телегах, запряженных десятками лошадей. Конструкцию необходимо было сделать более мобильной, и срок для окончания работ был определен как октябрь 1914 года.

Выпущенная в 1910 году 305-миллиметровая «Шкода» обладала большей подвижностью. Три секции с помощью тягачей могли перемещаться со скоростью 24–36 километров в день. Вместо шин надевались бесконечные ленты, которые получили название «железные ступни». Орудие не двигалось, а шло, медленно переставляя, как сороконожка, свои бесконечные лапы. Движущаяся таким образом громоздкая стальная конструкция напоминала ожившую иллюстрацию из фантастических романов Жюль Верна. На позиции устанавливали стальное основание, к нему болтами крепили станок и уже на нем — пушку. Вся процедура длилась не более 40

минут. Разборка происходила также относительно быстро. Эти монстры могли поворачиваться на 60° и имели дальность стрельбы одиннадцать километров. И крупновское, и австрийское орудия стреляли бронебойными снарядами со взрывателем замедленного действия, поэтому взрыв происходил уже после попадания в цель.

Когда в августе началась война, несколько австрийских 305-миллиметровых пушек находились в Германии. Их «сдал в аренду» Конрад фон Хотцендорф, так как немецкие орудия еще не были готовы. Крупп к этому времени уже успел выпустить пять 420-миллиметровых пушек, пригодных для транспортировки только по железной дороге, и две — по шоссе на дорогах, однако они еще требовали доводки. 2 августа правительство потребовало срочно привести новых гигантов в состояние готовности. С начала вторжения немецких войск в Бельгию работа над этими моделями велась круглосуточно. Сами пушки, станки для них, дополнительное оборудование, моторы — все это тщательно проверялось и испытывалось. На случай чрезвычайных обстоятельств были выделены даже бесчисленные упряжки лошадей, артиллерийская прислуга получала последний инструктаж, как обращаться с этим монстром-разрушителем, словно отбитым в бою у самих марсиан.

В ночь с 9 на 10 августа во дворе завода в Эссене собралась огромная толпа людей, похожих на древних охотников, которые решили устроить засаду на огромного мамонта. Одного из железных монстров в разобранном виде начали с великим трудом отрывать от земли, в которую, казалось, он буквально врос. С помощью лебедок, домкратов, рычагов, крана, помогая себе криками, молитвами и бранью, люди вступили в первый контакт со Зверем. Наконец чудовище поддалось и оказалось сразу на нескольких железнодорожных платформах. Паровоз засвистел, звякнули вагоны, и платформы с трудом сдвинулись с места. Спецсоставу дали зеленый свет: он должен был без остановок проследовать до бельгийской границы. Монстра повезли на бойню, чтобы в изобилии накормить его там пушечным мясом.

Эти орудия оказались настолько неповоротливыми и почти не перевозимыми, что поражали какой-то своей бессмысленной самодостаточностью любого случайного зрителя. Они словно были материальным воплощением знаменитой «вещи в себе» И. Канта. За этой огромной стальной материальной оболочкой воплотилось нечто идеальное, например, бессознательное самовыражение всего немецкого духа, изо всех сил стремящегося к пангерманизму.

На следующую ночь поезд благополучно пересек границу, но, проехав в глубь враждебной территории на 20 миль, неожиданно встал. Бельгийским патриотам удалось взорвать туннель. Казалось, что немецким войскам не суждено было получить свое секретное оружие. Сама судьба ополчилась против излюбленного дитя Густава Круппа и его инженеров.

Злополучный туннель находился в Герберштале, всего в двадцати милях от места боев. Патриоты добились необычайного успеха. О скором ремонте не могло быть и речи. В полночь началась вынужденная разгрузка. Но она оказалась намного сложнее и тяжелее, чем злополучная погрузка в Эссене. У инженеров не было никаких технических приспособлений. Грузовики тресали и ломались под многотонной тяжестью. Решили использовать лошадей, взятых у расквартированного поблизости уланского полка. Упряжь натянулась и с треском лопнула. Пушка в таком состоянии могла стрелять на расстоянии 9 миль, следовательно, протаскать стального монстра следовало оставшиеся одиннадцать. И всю ночь люди безуспешно пытались хотя бы сдвинуть гиганта с места. Только в середине следующего дня пушку удалось сдвинуть с мертвой точки. Она, как искусственный динозавр, стала с трудом ползти по земле в окружении целой толпы напрягающихся изо всех сил людей. Лишь ближе к вечеру 12 августа удалось добраться до исходной позиции. Жерло гиганта враждебно поднялось к небесам. 200 человек obsługi стали суетиться вокруг орудия, затем, надев на глаза, уши и рты специальные повязки, они разбежались на безопасное расстояние, равное тремстам ярдов.

В 6:30 вечера раздалась наконец команда: «Feuer!» (Огонь!). Электрический спусковой механизм сработал, как часы, началось нечто, подобное землетрясению, и бельгийским солдатам в осажденных фортах Льежа показалось, будто разверзся сам ад. Правда, Большая Берта первым своим выстрелом дала промах на целую милю. Второй же снаряд, выпущенный в самое небо из зияющего жерла, находился в воздухе целую минуту, а затем попал ровно в цель. И лишь несколько мгновений спустя раздался оглушительный взрыв огромной разрушительной силы, в воздух спиралью поднялись куски земли, металла, камни, куски человеческих тел — все это взлетело на тысячу футов вверх.

Людендорф лично наблюдал за тем, как расправлялись с упрямым противником пушки господина Круппа. Непрístupные форты раскалывались, как грецкие орехи. В один из них прославлен-

ный генерал вошел почти сразу после бомбардировки. Немецким войскам уже никто и не думал сопротивляться. То, что увидел Людендорф, буквально ошеломило его. В развороченном взрывом форте чудом уцелело всего несколько человек. Позднее, в мемуарах, Людендорф так описывал свои впечатления: « В форт угодил снаряд одной из наших 42-сантиметровой гаубицы. Взорвался склад боеприпасов, и вместе с ним все укрепления взлетели на воздух. Несколько бельгийских солдат явно потеряли рассудок, они медленно выползали из-под руин. Вместе с ними я заметил и несколько немцев, которых успели взять в плен ночью с 5 на 6 августа. Все они истекали кровью и покорно шли к нам, поднимая руки вверх и повторяя без остановки: «Не убивайте, не убивайте!» Мы не были гуннами и никого убивать не стали». Последней фразой Людендорф явно хотел подчеркнуть свое великодушие по отношению к полностью деморализованному противнику. Гнев бельгийской «спящей овцы» был усмирен.

Новая осадная гаубица Круппа принадлежала к разряду такого оружия, которое лишь много лет спустя догадаются назвать оружием массового уничтожения. Бельгийские солдаты до начала бомбардировки были уверены, что они надежно защищены от вражеских снарядов мощными железобетонными стенами. Но инженеры не могли даже и предположить, какие возможности заключают в себе полутонные снаряды Большой Берты. Под огромной тяжестью снаряда крыши вскрывались, как консервным ножом, но взрыв происходил не сразу, а несколько секунд спустя, уже внутри укрытия, разрушая с помощью мощной взрывчатки коридоры, туннели и перекрытия подземного бункера на целых тридцать миль. Солдаты горели заживо, задыхались от гари и, как утверждал один очевидец, чудом оставшийся в живых, «впадали в истерику, а некоторые сходили с ума лишь от простого томительного ожидания следующего сокрушительного удара».

После сорокавосьмичасовой непрерывной бомбардировки все четыре форта были превращены в одно кровавое месиво. На один лишь форт Понтиас, который единственный продолжал из последних сил оказывать бессмысленное и героическое сопротивление, Большая Берта выплонула целых сорок пять снарядов. За стрельбой с церковных колоколен и аэростатов наблюдали корректировщики и направляли убийственные снаряды прямо в цель. Наконец после многочасовой бомбардировки воцарилась по-настоящему мертвая тишина. Ее сменил грохот сапог солдат Первой армии.

В тылу немцы решили перевести своего монстра на другую позицию, к форту Лонсэн через покоренный Льеж. Селестен Демблон, депутат от Льежа, находился в это время на площади Святого Петра, когда вдруг увидел «артиллерийское орудие таких размеров, что даже не верилось собственным глазам. Монстра, разделенного на две части, тащили 36 лошадей. Мостовая сотрясалась. Толпа безмолвно, оцепенев от ужаса, наблюдала за перемещением этой фантастической машины. Слоны Ганнибала, наверняка, меньше удивили в свое время римлян! Солдаты, сопровождавшие орудие, шли, напряженно глядя перед собой, они двигались по площади почти с ритуальной торжественностью. Это был Вельзевул в образе пушки!»

К 16 августа немцы захватили одиннадцать из двенадцати фортов. До последнего держался только форт Лонсэн, но и он должен был пасть, а генерал бельгийской армии, Леман, был взят в плен, когда находился в бессознательном состоянии.

На другой день после падения последнего форта 20-я и 3-я армии перешли в наступление. Начался марш первого крыла германских армий через Бельгию. Немцы не планировали наступление раньше 15 августа, поэтому Льеж задержал продвижение германских войск всего на два дня, а не на две недели, как это по ошибке думали все. И решающим фактором здесь, конечно, были осадные гаубицы Круппа, носящие нежное женское имя Берта.

Вельзевулов Круппа в дальнейшем перебросили на осаду Намюра, Антверпена и Мёберга. Слава летела на крылах своих впереди орудий, парализуя мужество защитников крепостей, которые предстояло разрушить.

За такие выдающиеся достижения в области вооружения Густав получил высокие боевые награды, хотя на фронте не был ни дня. Эти награды он получил из рук самого кайзера, и хотя коллекционировать всевозможные ордена и медали он начал значительно позже по сравнению с Альфредом и Фрицем, но темпы, в отличие от именитых предшественников, оказались необычайно высокими: почти каждый месяц приносил Густаву какое-нибудь новое награждение. Наконец дело дошло даже до Железного Креста Первой степени, которым обычно награждали лишь тех, кто проявил беспрецедентное мужество на полях сражений. Для сравнения отметим, что храбрый капрал Адольф Гитлер из 16 Баварского резервного пехотного полка удостоился подобной чести лишь в 1918 году после четырех лет безупречной службы, двух тяжелых ранений и

захвата в плен пятнадцати вражеских солдат без какой-либо посторонней помощи.

Так, о присуждении Железного Креста Первой степени существует следующий рассказ одного из сослуживцев будущего фюрера: «Как обученный солдат, он (Гитлер — Е.Ж.) получил от капитана фон Година разрешение примкнуть к группе из двух пеших посыльных третьим. Сразу в начале выполнения задания один товарищ погиб от шальной пули. Вместе со вторым Гитлер обнаружил воронку от гранаты, в которой что-то шевелилось. Решительно направившись к ней, погиб второй посыльный. Гитлер пробежал несколько шагов к оставленному окопу и, обнаружив там группу запуганных французов, приказал немедленно встать, отбросить оружие и двигаться вперед под прицелом винтовки. Так он доставил пленников в расположение штаба».

Густав же Крупп получил эту боевую награду в первые месяцы войны, так и не появившись ни разу на передовой. Но самой примечательной наградой можно, пожалуй, считать присвоение главе знаменитой фирмы степени доктора философии. Высоколобые немецкие профессора не случайно решили, что Большая Берта внесла «несравненный вклад в развитие всей человеческой цивилизации». И как это ни абсурдно может показаться на первый взгляд, но гигантские гаубицы Густава Круппа действительно стали в полной мере воплощать в себе такое качество европейской цивилизации, давно отошедшей от христианской концепции мироздания, как надменность. Русский философ В.Ф. Эрн, современник описываемых событий, писал: «Если отвлечься от всякой оценки этих чудовищ и сосредоточиться лишь на колоссальных суммах человеческой энергии, в них вложенной, то мы должны прийти к парадоксальному выводу: по количеству затраченных сил, по солидарности коллективного творчества орудия Круппа безусловно превосходят такое беспримерное, казалось бы, проявление коллективного многовекового созидания, как средневековая готика... Люциферианские энергии с крайним напряжением, особенно в последнем столетии, сгрудились в немецком народе и вот, когда теперь нарыв прорывается, все человечество в согласном порыве ощущает всемирно-исторический катарсис».

В день падения Брюсселя французские войска вошли в Лотарингию, заставив немцев отступить. Началось так называемое Пограничное сражение, где французские атаки сменялись немецкими контратаками.

По мысли Шлиффена, этап реализации преимущества должен наступить только на последней стадии маневра, когда Войска союзников, сбившись в кучу между Парижем и линией восточных крепостей, потеряют способность к маневру, в том числе — к маневру быстрого отхода. До этого автора идеи блицкрига вполне устраивало, чтобы тактические победы доставались французам.

Эта схема, однако, требовала от командующих армиями поступиться своими частными интересами в пользу единой операции. Иными словами, от кайзера и Мольтке требовалось обеспечение жесткого руководства армиями. Но ни Мольтке, ни кайзер органически не были способны осуществить такое руководство всей операцией. Показательным было и то, что главная квартира разместилась в Люксембурге в школе для девиц, где не было создано никаких условий для нормальной штабной работы, включая и хорошо налаженную связь с войсками. Сам же кайзер, вместо того чтобы отслеживать по дням и часам, как выполняется задуманный Шлиффеном план блицкрига, начал наводить порядок, запретив ввиду военного времени употребление пива офицерам Генерального штаба. Оставшееся до сражения на Марне время он потратил на поздравительные телеграммы и награждения.

Именно Пограничное сражение и явилось первым кризисом на Западном фронте; разыгравшееся 20–25 августа 1914 года, оно охватило обширную территорию от Везов до канала Конде.

В общем шлиффеновском маневре немцы должны были лишь обозначить «шаг на месте» в районе Арденн. Но центр, вместо того чтобы «шагать на месте», бросается вперед. Правое же крыло, которое должно задавать темп всему наступлению, оказалось задержанным у Намюра.

Как это ни странно, но немцев нарушить план Шлиффена заставило, помимо личных амбиций генералов и слабости общего руководства, еще и явное превосходство в тяжелой артиллерии. Благодаря орудиям Круппа уж слишком легко начали даваться тактические победы, которые были достигнуты в ущерб общему стратегическому плану. Именно эти победы и провоцировали недальновидных генералов на бессмысленные и неоправданные движения вперед. Голиафова мощь крупповских пушек оказалась настолько огромной, настолько превышающей все «человеческие пределы», что постепенно начала давать сбой стройная схема Шлиффена. В этом смысле Пограничное сражение напоминало библейское единоборство Давида и Голиафа, когда титанизм и мощь германского оружия делали собственных генералов заложниками необдуманных действий. Поистине, кого хочет наказать Бог, того лишает разума. Французы не случайно «битву на Марне» окрестили чудом, а философ Бергсон сравнил ее с победами Жанны д'Арк. К моменту начала знаменитого сражения у союзников в результате кровопролитной Пограничной битвы уже не оставалось сил. Всем казалось, что Франция должна пасть со дня на день. Преимущество немцев было бесспорным. Голиаф неумолимо надвигался на поверженного Давида, однако союзники из последних сил продолжали оказывать сопротивление обреченных.

Так, на северо-западном направлении основной ударной группировке германских войск противостояли одна французская армия и британский экспедиционный корпус. 23 августа возле небольшого бельгийского городка Монса к северу от французской границы немцы впервые испытали не себе мощь британской пехоты. Понеся тяжелые потери от пулеметного огня, они пришли к выводу, что у англичан не по два пулемета на батальон, как у них, а гораздо больше. Но англичане и французы не способны были развить успех. Опасаясь окружения, они отошли на юг. После изнурительного двухнедельного отступления по августовской жаре союзники смогли наконец остановиться восточнее Парижа. Все силы были брошены на оборону великого города, чьи здания уже просматривались в бинокль.

На Марне союзникам впервые с начала боевых действий удалось добиться численного превосходства. Частично это объяснялось тем, что немцам пришлось снять с Западного фронта несколько дивизий. Россия, верная союзническому долгу, начала наступление в Восточной Пруссии без соответствующей подготовки и смогла оттянуть на себя дивизии врага. Глава французской разведки, полковник Дюпон, высоко оценивая действия русских, говорил: «Воздадим должное нашим союзникам — наша победа достигнута за счет их поражения».

С первого же дня войны важнейшей задачей французского посла в Петербурге было постоянное давление на Россию, чтобы ускорить ее действия. Из Парижа в Петербург, во французское посольство приходили отчаянные телеграммы. Палеолог, посол Франции, то в одном, то в другом кабинете умолял, просил, требовал ускорить военные действия. 5 августа он сказал царю: «Французская армия должна будет противостоять огромной военной силе, состоящей из двадцати пяти немецких корпусов. В связи с этим я умоляю Ваше Величество отдать приказ войскам начать наступление немедленно. Если вы этого не сделаете, то не исключено, что французская армия потерпит поражение».

Для наступления были выбраны две армии. Первая — численностью в 200 тысяч человек под командованием генерала Ренненкампа должна была двигаться на юго-запад, параллельно побережью Балтийского моря. Вторая армия, в 170 тысяч человек под командованием генерала Самсонова, одновременно развивала свои действия в северном направлении от Польши. Если бы сработали стратегические планы великого князя Николая Николаевича, то немцы были бы зажаты между двумя русскими армиями, которые могли бы начать переправу через Вислу южнее Данцига. Тогда дорога на Берлин протяженностью всего двести пятьдесят километров была бы открыта.

Наступление провалилось из-за необдуманных решений Ренненкампа, который действовал несогласованно с Самсоновым и тем самым поставил под удар и себя и другое крыло русских войск. Но при всей безрассудной храбрости и безумной глупости преждевременное наступление русских войск достигло своей цели: германские войска были оттянуты с Западного фронта. Частичная оккупация Восточной Пруссии имела исключительный эффект. Беженцы, многие из которых были знатного происхождения, в страхе и отчаянии ринулись в Берлин. Кайзер был оскорблен, и даже

сам Мольтке вынужден был признать, что «любой успех на Западном фронте не имел бы никакого значения, если бы русские вошли в столицу Германии».

Итак, русские помогли французам совершить «чудо на Марне», но и сами французы проявили небывалое мужество. Союзникам удалось добиться численного преимущества еще и потому, что они смогли перебросить подкрепления, взятые у стойко сражавшихся частей Кастельно и Дюбая. Если бы эти войска не выдержали, если бы они отступили третьего сентября после последнего отчаянного штурма немцев, то германскому командованию, согласно плану Шлиффена, удалось бы выиграть свои Канны, и «чудо на Марне» так никогда бы и не состоялось.

Следует упомянуть также и личное мужество французского маршала Жоффра. Именно его несокрушимая уверенность в победе, его упрямо повторяемая фраза: «Атакуйте! Атакуйте во что бы то ни стало – вы французы!», его титаническая энергия сумели предотвратить превращение почти разбитой армии союзников в бесформенную, деморализованную массу.

Но как очень часто бывает в битве гигантов, последнее усилие, которое и обретает, в конечном счете, решающее значение, которое вбирает в себя всю мощь и энергию огромных масс, принадлежит маленькой мышке, маленькому ничтожному обстоятельству. Если на весы положить две непосильные массы, то достаточно пушинки, чтобы та или иная чаша начала медленно, но верно клониться к земле. Эту трагическую роль малого в большом выпало сыграть ничтожному, с точки зрения глобальной военной стратегии, парижскому такси.

Если сравнить гигантов Круппа и слабосильную модель «Рено» начала века, то станет ясно без лишних слов, где здесь Голиаф, а где – Давид. Когда смотришь на этот героический экспонат, помещенный в музей военной славы в столице Франции, то машинка, части кабины которой были сделаны из дерева, наподобие старой кареты, вызывает лишь умиление. Если гиганты Круппа – это порождение злого гения, самых мрачных сторон немецкой души, то маленькое слабое «Рено» поражает нас какой-то детской наивностью и даже кокетливостью французской девочки-подростка, которая мечтает стать истинной парижанкой.

Немцы оголили свой фланг. Они так увлеклись победоносным маршем, так были уверены в победе, что начали совершать одну тактическую ошибку за другой. Неожиданно выдвинувшаяся впе-

ред первая армия Клука и предположить не могла, что на фланге, как по мановению волшебной палочки, за одну ночь, словно из-под земли, вырастет грозный противник. И французы, действительно, появились, появились ниоткуда, словно по воле всесильного чуда. Но имя у этого чуда все-таки было, и звали его «Рено». Как странно, у немцев женское начало на подсознательном уровне не может воплотиться ни во что большее, как в некий образ богатырки Брюнхильды, наверное, поэтому они назвали самую страшную пушку первой мировой Бертой. У французов же женщина всегда кокетлива, всегда несерьезна, всегда мила, красива, обаятельна, не воинственна, но именно она спасает милую Францию, как знаменитая Жанна или как маленькое такси с деревянной кабиной и слабым мотором, предназначенное для развоза веселой парижской толпы после какого-нибудь праздника.

Так, по одному из планов предполагалось, что в случае сдачи Парижа придется взорвать все мосты города. Бесподобный Пон Нёф и Пон Александр должны были лежать в руинах. Кто хоть раз в жизни видел красоту этих мостов, тот легко поймет французских таксистов, каждый день пролетавших на своих «Рено» по этим мощным гигантам через Сену. Все как один таксисты начали останавливать свои машины и, обращаясь к седокам, гордо произносить, может быть, самые патетические фразы в своей незаметной жизни: «Извините — мы едем на фронт». Заправившись по дороге, такси начали прибывать на место сбора, где через некоторое время все 600 маленьких «Рено», это воплощение автомобильной женской игривости, выстроились в идеальном порядке. Прибывший на место сбора генерал был восхищен увиденным. Заполненные солдатами такси с наступлением темноты вереницей двинулись к фронту. И это был последний крестовый поход старого мира, которым заканчивалась романтика войны прошлых эпох.

Битва была успешной и, главное, неожиданно для противника. «Атакуйте! Атакуйте — ведь вы же французы!» — звучал над головами воинов знаменитый призыв маршала Жоффра, и сражение на Марне явилось одной из решающих битв в истории человечества не потому, что оно стало предвестником поражения Германии или победы союзников. Марна показала, что война кончится не сразу, а будет продолжаться еще очень долго. Воюющие страны оказались в западне, созданной ими самими в течение первых ничего не решивших тридцати дней почти непрерывных сражений, в западне, откуда не было и не могло быть выхода.

После своего неожиданного поражения немцы вынуждены были отойти в район реки Эна и окопались там. Вялые попытки выдохшихся союзников выбить их с укрепленных позиций успеха не принесли, и к середине сентября воюющие стороны решили взять передышку.

Лишь 16 сентября развернулись встречные бои и сражения с целью взаимного обхода открытых флангов. Начался знаменитый «бег к морю», который продлился целый месяц. Противники, пытаясь упредить друг друга, фактически двигались параллельным курсом. Всякий раз когда одна сторона предпринимала попытку атаковать, другая успешно отбивала атаку. В конце концов в середине октября «забег» завершился ничейным результатом — к Ламаншу и те и другие подошли одновременно. Не желая все же расставаться с идеей быстрой победы, немцы попытались проделать брешь в не очень плотных порядках союзников.

Местом для очередного сражения они выбрали исторический центр бельгийского сукноделия, район города Ипр, который оказался у основания клина, вбитого союзниками в германские позиции. Северный фас образовывали французские части, южный — британские. Немцы сосредоточили свои основные усилия на южном участке. В течение трех недель они отчаянно штурмовали растянувшуюся и не очень насыщенную линию обороны союзников. Однажды в приступе отчаяния германские командиры отправили в бой совсем юных, плохо обученных добровольцев. Они могли наступать лишь плечом к плечу, и их волнами косили английские пулеметчики. Впоследствии сами немцы назвали этот бой «избиением младенцев». Британская оборона выстояла, но с большим трудом. Её потери оказались столь значительными, что в известном смысле под Ипром была похоронена регулярная британская армия. Здесь полегло четыре пятых всего экспедиционного корпуса. Сражение под Ипром показало, что решающую роль в победе оборонявшихся сыграли пулеметы и магазинные винтовки. Наступающие по открытой местности немцы оказались в крайне невыгодном положении по сравнению с окопавшимися англичанами. Сражение под Ипром стало последней попыткой германского командования одержать быструю победу на Западном фронте. Теперь было решено перейти к обороне, а часть сил перевести на восток.

Обе воюющие стороны к исходу 1914 года были морально подавлены, истощены и начали усиленно окапываться. Понятие «окопной войны» не было в тот момент выяснено противниками.

Обе стороны осенью 1914 года стремились к образованию сплошного взаимно-неподвижного фронта, воспринимая его как меньшее зло. Немцам необходимо было выиграть время на консолидацию своего построения после Марны. Союзники, пережив в августе приступ отчаяния, думали прежде всего о том, как создать прочную оборону против неизбежной следующей волны «тевтонского нашествия». То есть обе стороны считали позиционный фронт явлением искусственным и, несомненно, временным.

Вскоре от Швейцарии до Северного моря протянулась непрерывная цепь траншей. На самом севере находились остатки бельгийской армии и несколько французских соединений, затем располагались англичане, а далее, справа от них, — основные французские части. Так началась окопная война.

Западный фронт напоминал гангренозную рану, принявшую вид бесконечных траншей, заполненных грязью и человеческими телами, как мертвыми, так и живыми. Война постепенно превратилась в безумие.

Теперь воюющие стороны обязаны были учитывать следующие реалии: надежды на скоротечную войну рухнули. Следовало готовиться к длительным боевым действиям.

Союзники установили неоспоримое господство на море. Последняя возможность поколебать это господство ушла с достройкой дредноутов типа «Куин Элизабет». Тем самым союзники получили возможность использовать против Германии и Австро-Венгрии экономическую мощь всего остального мира, что обеспечивало им победу даже при крушении Западного фронта; людские резервы союзников также во много раз превосходили германские; тем самым Германия и Австро-Венгрия не имели шансов на реальный успех; но если Германия и ее союзники уже проиграли войну, то Антанта еще не выиграла ее. Экономическое и численное превосходство — не более, чем предпосылки победы, но отнюдь, не сама победа.

Здесь следует вспомнить о знаменитых «Генеральных предписаниях», разработанных Альфредом Круппом и внедренных в экономику Германии еще при Бисмарке. Благодаря этим предписаниям Германия, как никакая другая страна Европы, была готова к ведению продолжительных боевых действий. Фирма «Фридрих Крупп» уже задолго до глобального политического кризиса сумела создать основу для скорой милитаризации всей экономики, что лишь углубляло и затягивало конфликт, а не способствовало быстрому его разрешению. Именно военно-промышленная програм-

ма и позволила немцам продолжать войну, несмотря на явное превосходство союзников. Немцы, да и весь мир вместе с ними в какой-то мере стали заложниками промышленной стратегии гигантского концерна. Работая на войну, он должен был всеми силами способствовать тому, чтобы эта война длилась как можно дольше.

Зима 1914/15 годов оказалась на редкость сырой. Поэтому одной из основных задач являлось сохранение окопов от затопления. Немцы старались устроиться поудобнее. Командиры союзных соединений, полагая, что их долг — с началом весны перейти в наступление и прогнать захватчиков, опасались, что слишком удобная зимовка приведет к утрате бойцами наступательного духа. Система окопов и укреплений союзников носила более примитивный характер.

На первый план вышло умение нести патрульную службу, вести снайперскую стрельбу, устанавливать заграждения из колючей проволоки и рыть траншеи. Появились и новые виды оружия — минометы, способные вести навесную стрельбу фугасными минами по укрытым целям, а также гранаты, первые образцы которых изготавливались из простых консервных банок и бутылок. Бывшие тогда на вооружении пулеметы оказались малопригодными для стрельбы из узких траншей, и им на смену пришли такие легкие модели, как пулемет «Льюиса» у англичан и «Шоша» у французов. Порой расстояние между окопами противников не превышало ста шагов, и любые перемещения в дневное время мгновенно вызывали огонь. Поэтому активные военные действия начинались с наступлением темноты. По ничейной земле осторожно ползком передвигались патрули, пытаясь разведать, что происходит в окопах противника и как надежно они охраняются. Много времени тратилось солдатами на восстановление проволочных заграждений и укреплений окопов. Запасы воды, продовольствия, боеприпасы приходилось тащить на себе по бесконечным ходам сообщения, тянувшимся далеко от передовой. Почти не смолкал грохот пушек, а ночное небо над окопами часто освещали ракеты.

Однако военное руководство союзников в феврале 1915 года отдало приказ о крупномасштабном наступлении. Французская армия должна была одновременно нанести три удара. Два — в Артуа и Шампани, с двух сторон внушительного германского клина, а третий — в Лотарингии, создав тем самым угрозу немцам с тыла. Британские части должны были оказать французам содействие в Артуа. Наступление французов по грязи, а в горах Вогез и по снегу, и англичан в районе Нев-Шапель являло собой прообраз ос-

новых сражений последующих трех лет. Сначала была проведена мощная артиллерийская подготовка, затем осуществлялись преодоления нейтральной полосы и прорыв проволочных заграждений перед траншеями противника. Огонь из пулеметов и винтовок косил наступавших, часть из них все же достигла неприятельских окопов, где началась отчаянная рукопашная. В дело шли штыки, кулаки и приклады винтовок. Уцелевшим при наступлении приходилось быстро перестраивать свои боевые порядки в ожидании неизбежной контратаки. Призывы прислать подкрепление, чтобы удержать захваченные окопы, часто оставались неслышанными. Попытки установить телефонную связь сплошь и рядом заканчивались неудачей, так как из-за жестоких артобстрелов кабель быстро оказывался поврежденным. В результате приходилось отправлять посыльных, но далеко не всем из них удавалось благополучно пробраться через ничейную территорию. Поэтому командиры, с тревогой ожидавшие известий о ходе боя, порой теряли контроль над обстановкой в этом «тумане войны», а сильно поредевшим подразделениям наступавших приходилось удерживать захваченные окопы собственными силами — и порой все они погибали. Очень часто подкрепление опаздывало и было вынуждено прорывать оборону заново. Так повторялось по многу раз. Отныне несколько траншей длиной в 700 ярдов могли стоять атакующей стороне 26 000 жизней, а затем все должно было повториться вновь. Дома газеты писали о таких атаках, называя их «ударами молота» или «большим броском», но солдаты, эти окопные черви, знали обо всем гораздо лучше. Воюющие и с той и с другой стороны были уверены, что война может продлиться целых 100 лет. Из них пять понадобится для того, чтобы в конец убить друг друга, а девятью пять должно уйти на то, чтобы размотать бесконечную колючую проволоку, которой, казалось, был опутан весь земной шар.

В конце апреля 1915 года немцы применили новое и страшное оружие — отравляющий газ. Это случилось в сражении у того же многострадального Ипра. Против алжирских частей французской армии был использован хлор. В дальнейшем бесцветная жидкость, представляющая собой протоплазматический яд, поражающий глаза, кожу, верхние дыхательные пути и легкие, получила название иприт в честь того места, где она впервые была испытана на людях в качестве экспериментального оружия.

Алжирцы в панике бежали, многие скончались от удушья. Но немцы провели лишь эксперимент и поэтому не были готовы к пол-

номасштабным военным действиям. Вот почему и не попытались развить неожиданно достигнутый успех. В противном случае могла бы произойти страшная трагедия и фронт бы полностью оголился, но подошедшие на помощь канадцы проявили необычайную находчивость: они начали мочиться в носовые платки и использовать их в качестве примитивных противогазов. Бои под Ипром в 1915 году продолжались около четырех недель, и лишь в самом конце этого периода начали поступать настоящие противогазы.

Но Жоффру по-прежнему не давал покоя германский клин между Артуа и Шампанью. Он снова приказал начать массированное наступление в этих районах, отведя англичанам вспомогательную роль. К этому времени британские войска ухитрились израсходовать почти весь наличный запас снарядов, и артиллерия англичан оказалась на голодном пайке. На каждое орудие приходилось в среднем по два выстрела в день.

Однако после четырехдневного артобстрела, который вели в основном французские батареи, 25 сентября началось новое наступление. Но и эта попытка прорвать оборону противника оказалась также неудачной. Осенняя кампания 1915 года дорого обошлась союзникам — они потеряли 250 000 человек. Потери немцев составили 140 000. Войскам предстояла еще одна зимовка в окопах, и центр активности переместился в штабы.

Но окопная война начала постепенно диктовать свои условия и влиять на психологию людей. Кампании 1914—1915 годов привели к огромным потерям в кадровых армиях. На смену профессиональным военным пришла армия массовая, которая начала жить по закону больших чисел. Этот закон предполагал жизнь по инерции и стремление устроиться, приспособиться к любым условиям, ибо, как сказал Ф.М. Достоевский: «Ко всему-то подлец человек привыкает». Так мирная жизнь проникла в войну, лишив ее романтической героики и сделав будничной, а война приобрела в сознании людей перманентный характер. До 1914 года война в европейском сознании была возведена на некий пьедестал. Она была отгорожена от простой повседневности ореолом жертвенности и небывалого героизма, на который были способны лишь исключительные личности в силу своих особых душевных качеств. Сейчас же военным мог стать любой. Просто у обыкновенного человека не оставалось никакого выбора.

И люди погибали, чтобы захватить десяток метров чужой территории, сменить одну траншею с болотной грязью на другую. И

каждую новую траншею надо было обживать как собственный дом, как единственное надежное прибежище в этом сумасшедшем мире. Такое ведение войны оскорбляло здравый смысл и достоинство человека, превращая его в червя.

Э.М. Ремарк в своем романе «На западном фронте без перемен» таким образом описал чувства простого солдата: «Фронт представляется мне зловещим водоворотом. Еще вдалеке от его центра, в спокойных водах уже начинаешь ощущать ту силу, с которой он всасывает тебя в свою воронку, медленно, неотвратно, почти полностью парализуя всякое сопротивление...

Когда мы выезжаем, мы просто солдаты, порой угрюмые, порой веселые, но как только мы добираемся до полосы, где начинается фронт, мы становимся полулюдьми-полуживотными...

Мы превращаемся в опасных зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты не в людей, — какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках? В их облике за нами гонится сама смерть...

Мы укрываемся за каждым выступом, за каждым столбом, швыряя под ноги наступающим снопы осколков, и снова молниеносно делаем перебежку. Грохот рвущихся гранат с силой отдается в наших руках, в наших ногах. Сжавшись в комочек, как кошки, мы бежим, подхваченные этой неудержимо увлекающей нас волной, которая делает нас жестокими, превращает нас в бандитов, убийц, я сказал бы — в дьяволов...»

Происходил страшный процесс разрушения самого понятия личности. Именно в этой огромной гангренозной ране, называемой Западным фронтом, и развивалась бактерия, которая должна была в недалеком будущем обрушиться на мир в виде эпидемии немецкого фашизма.

«У нашего поколения не осталось великих слов», — обращался Д. Лоуренс к современникам. Эмиль Верхарн говорил с болью о «человеке, которым он был...». Смысл великих слов и светлых идеалов был окончательно потерян вместе с 1914 годом. Изменилась сама природа человека. Выражаясь терминологией З. Фрейда, человек из страха перед чем-то огромным, воплощающим результат коллективного труда безликой массы, например, перед полутонными снарядами Круппа и, вообще, артиллерии, решил пойти по пути «идентификации себя с агрессором».

Гигантская оружейная корпорация Круппа, несмотря на мировую войну, была теснейшим образом связана нерасторжимыми де-

ловыми обязательствами с английской оружейной компанией Альберта Веккера. Дело в том, что фирма «Фридрих Крупп» считалась основным поставщиком бронированных щитов и пластин как для артиллерии Её Величества, так и для королевского флота. Так, в бумагах английской фирмы «Виккерс» значились особые статьи расхода с краткой пометкой «К». По этим документам выходило, что Густаву Круппу англичане должны были платить приблизительно 60 марок за каждого погибшего немецкого солдата. Мужество, страдания, кровь — все превращалось в сухие цифры бухучета. По закону больших величин, человек становился в буквальном смысле числом.

Должно было неизбежно настать время окончательного расхристианизания европейского мира, время всеобщего возвращения к древним забытым языческим культам, ибо только язычество способно в полной мере воплотить тайные бессознательные страхи коллективного начала перед неведомыми темными силами. Но именно германский фашизм, его идеология базировались на язычестве, отрицавшем всякое личностное начало и утверждавшем лишь власть безликой массы, слепо поклоняющейся одному жрецу или медиуму, напрямую связанному с этими тайными, темными силами.

Раз личность в этих условиях потеряла хоть какую-то значимость и всеильным стал упомянутый уже закон больших чисел, то эта форма титанизма могла вдохновить любого окопного червя на самые фантастические мечтания, порожденные в конец искаженной психикой простого солдата, для которого массовая гибель товарищей стала повседневностью.

Именно этот урок больших чисел, урок титанизма год за годом прекрасно усваивал капрал 16 баварского резервного полка Адольф Гитлер. В своих письмах, адресованных другу, он не только рассказывал о присуждении ему очередной награды, но и о том, что потом станут называть «окопной правдой».

«Я не мог, к сожалению, спать, — откровенно признается будущий фюрер. — В четырех шагах от моей охапки соломы лежит мертвый конь. Судя по внешнему виду, он лежит здесь уже минимум две недели. Он уже наполовину разложился. Наконец, сразу за ним расположена немецкая батарея, и каждые 15 минут две мины пролетают над нашими головами в черную ночь. Сначала они летят с воем и шипением по воздуху, а потом вдали слышны два глухих удара. Каждый из нас прислушивается. Ведь это слышишь первый раз в жизни. И в то время, как мы, тихо перешептываясь, лежим там, тесно прижавшись друг к другу, и смотрим на звездное небо, вдали слышится какой-то шум, сначала далеко, потом все

ближе и ближе начинает грохотать, и отдаленные залпы пушек становятся все чаще, пока в конце концов не превращаются в постоянный грохот. Каждый из нас вздрагивает. Говорят, англичане совершают одну из своих атак. Со страхом мы ожидаем худшего, не зная ничего о том, что, собственно, происходит. Но потом становится спокойнее, и наконец адский шум прекращается полностью, только наша батарея с грохотом выпускает в ночь каждые 15 минут свой железный привет. Утром мы видим огромную воронку от мины. Через пятнадцать минут мы в пути...

Мы ползем вперед до опушки леса. Над нами с воем и свистом проносятся пули и снаряды, в клочья разлетаются вокруг нас стволы деревьев и сучья. Потом снова разрываются мины на опушке леса, и кучи камней, земли и песка взмываются вверх, огромные деревья с корнями вырываются из земли, и все задыхаются в желто-зеленом, отвратительном, вонючем газе. Мы не можем лежать здесь вечно, и если уж нам суждено погибнуть, то уж лучше подалее отсюда...

Снова продвигаемся вперед. Я вскакиваю и бегу через луга и свекольные поля, перепрыгиваю через окопы, переползаю через проволоку и живую изгородь... Длинный окоп вижу перед собой, прыгаю в него, передо мной, сзади, слева и справа в окоп прыгают другие. Подо мной мертвые и раненые англичане. Теперь я понял, почему я прыгнул на что-то мягкое.

Мы начали атаку... Мы молниеносно продвинулись вперед по полям и после кровавого рукопашного боя выбили англичан одного за другим из окопа. Многие сдаются. Кто не сдается, того уничтожают. Мы очищаем окоп за окопом. Наконец мы добрались до большой дороги. Слева и справа от нас молодой лес. Итак, вперед, в лес. Доходим до места, где кончается лес и дальше идет открытая дорога. Слева — несколько усадеб, которые пока еще не заняты, и на нас обрушивается страшный огонь. Наши один за другим падают».

Когда начинаешь сопоставлять исторические факты, то первое, что бросается в глаза, так это случайность, или странное стечение обстоятельств, обладающих особым почти мистическим значением. Создается впечатление, что в общем потоке исторического времени существуют провалы, сродни космическим черным дырам, где всякий здравый смысл отступает, а сама история сплетается тонкими женскими пальцами по воле невидимой капризной богини Судьбы. Как завяжется узелок, так и будет. И пусть гадают историки, чтобы это все могло значить.

К таким провалам в общем историческом потоке времени можно отнести и следующий весьма примечательный эпизод. В ноябре 1980 года лондонский дом аукционеров Сотби с выставил на продажу за 70 000 марок в пересчете с фунтов стерлингов «Крест Виктория» бывшего британского ефрейтора Генри Тэнди, который утверждал, что он в окопной схватке один на один из жалости оставил в живых Гитлера в одном из сражений на Ипре. Генри Тэнди стало жалко «полуслеплого, шатающегося, отравленного газом» будущего фюрера. Уже намного позднее brave английский солдат узнал во всеильном диктаторе с характерными усиками и зачесом на левую сторону своего изможденного врага. Получается, что один ефрейтор мог спасти мир, но не сделал этого из соображений гуманности, а другой решил погубить этот мир и почти добился своей цели. Так, в окопах первой мировой, в буквальном смысле, плелись судьбы всего человечества.

А пока солдаты убивали друг друга, не подозревая, что среди них находится будущий всеильный диктатор, штабная война продолжала набирать силу, и в декабре 1915 года был подготовлен проект плана боевых действий Антанты на следующий, 1916 год. Союзники надеялись предпринять одновременное наступление как на Западе, так и на Востоке. Они рассчитывали также и на помощь Италии, которая вступила в войну в мае 1915 года на стороне Антанты.

Жоффри оставил безрезультатные попытки разрушить германский клин с боков и решил с помощью англичан, численность которых постепенно увеличивалась, атаковать немцев в лоб. Предполагалось, что англичане нанесут удар к северу от реки Соммы, а французы — к югу. Но и германское командование не сидело сложа руки и готовилось также перейти в атаку. Готовилась еще одна серия бессмысленных военных операций, в результате которых можно было отвоевать лишь несколько километров болотной грязи. Проблема состояла в том, что коммуникации наступающей армии проходили через разрушенную вдребезги зону неприятельской обороны. Даже если эти коммуникации не попадали под огонь с флангов, доставка через месиво разрушенных окопов боепитания и подкреплений вызывала серьезные сложности. По сути дела, шла безнадежная гонка: наступающие пытались протолкнуть свои резервы через «бутылочное горлышко» зоны прорыва, в то время как обороняющийся подвозил свои резервы к участку боев по нетронутым железным и шоссейным дорогам. Естественно, вскоре силы сторон уравнивались и наступление прекращалось.

Генералам и невдомёк было, что преодолеть позиционную войну они не в состоянии, так как войска были лишены достаточной подвижности. Развитие военной техники на тот период не позволяло широко использовать механический транспорт на местности, перекопанной окопами и разрушаемой боями. Лишь спустя десятилетия были созданы образцы танков и самолетов, способных справиться с теми трудностями, которые сковывали войска во время первой мировой, загоняя их в кровавый тупик.

Невозможно ответить на вопрос, кто первый предложил саму идею танка. Машины эти получили свое название из соображений секретности. Первые модели перевозили на фронт по железной дороге под видом цистерн с водой для Ближнего Востока (от англ. tank — цистерна). В конце августа 1916 года во Францию было отправлено 60 танков, которые получили боевое крещение 15 сентября во время сражения на Сомме. Впрочем, результаты были достаточно противоречивыми. Первые английские модели были названы «Самец» и «Самка». Французы охотно переняли изобретение англичан и вскоре изготовили собственные модели. Различие состояло в том, что англичане использовали танки для прямой поддержки пехоты, а французы относились к своим моделям «Шнейдер» и «Сен-Шамон» как к самоходной артиллерии. Первые танки отличались слабой подвижностью и ненадежностью механической части. Однако и французы, и англичане продолжали совершенствовать свои модели, и вскоре был создан более мобильный и легкий танк «Рено». Именно он стал впервые напоминать не допотопного динозавра, а нечто похожее на современную боевую машину.

Идею использования танков в последовательную стратегическую концепцию превратили Фуллер и У.Черчилль. И если в первой мировой войне концепция подвижности была реализована в недостаточной мере, то следующая война тех же противников стала войной танков.

Если бы конструкторам Германии, а впоследствии и других стран, не удалось бы решить принципиальные технические вопросы в области боевой наступательной техники, то вряд ли бы человечеству еще раз захотелось повторить опыт окопного безумия. Можно сказать, что именно танки и самолеты, ставшие намного совершеннее своих первых образцов, и соблазнили некоторых военных стратегов Германии во второй раз попробовать осуществить идею блицкрига.

Оказавшись в кровавом тупике окопной войны, воюющие стороны активно начали разрабатывать планы по преодолению сложившейся ситуации. Но, как уже говорилось выше, из-за отсутствия необходимых технических средств было невозможно найти выход из запутанного лабиринта траншей, которыми была перекопана почти вся Западная Европа. И тогда очень популярной стала так называемая стратегия «размена». Она была разработана Антантой и опиралась на численное и материальное превосходство союзников. Предполагалось ценой собственных громадных потерь вызвать адекватные потери противника, которые оказались бы более чувствительными для него ввиду нехватки живой силы. По этой концепции фронт должен был развалиться сам собой, когда будут исчерпаны все ресурсы.

Эту идею руководители Антанты осуществляли вполне сознательно и достигли катастрофических результатов в России, Италии и даже во Франции. По окончании войны считалось, что во Франции один погибший приходится на 28 человек, то есть почти каждый тридцатый француз заплатил своей жизнью за эту стратегию «размена».

Генералы Антанты не учли того, что, во-первых, «размен» с немцами получался, как правило, далеко не в пользу союзников. В промышленном отношении Германия лучше всех была готова к массовому истреблению. Уже к концу 1914 года свыше 7500 крупных предприятий металлургической, машиностроительной, автомобильной, химической и других отраслей промышленности были переведены на выпуск продукции военного назначения. Только для производства артиллерийского оружия было ис-

пользовано 182 завода. Детали к винтовкам изготовлялись на 150 частных заводах. Быстрая перестройка промышленности позволила немцам с начала 1915 года производить ежемесячно 100 000 винтовок, 800 пулеметов, 2 900 орудийных стволов и до 7,5 миллионов снарядов, что обеспечивало в основном потребности армии в этих видах оружия и боеприпасов. Так, когда Германия в самом начале войны, не рассчитывая на то, что она будет воевать целых четыре года, вдруг израсходовала весь свой стратегический запас селитры, ввозимой из Чили и необходимой для производства пороха, то К. Бош и Ф. Габер, будущие основатели химического концерна «И.Г. Фарбен», осуществили два технологических прорыва. Это была разработка отравляющих газов и массовое производство синтетической формы нитрата. Отныне синтетические нитраты давали возможность Германии не испытывать нехватки в порохе, а, значит и в снарядах, с помощью которых было уничтожено больше всего живой силы врага.

Во-вторых, стратеги не учли и того, что подобный образ действий чрезвычайно негативно начал восприниматься как войсками, так и мирным населением. Эта стратегия косвенно способствовала росту недовольства населения и подготавливала «революционную ситуацию». Огромная масса воюющих и тех, кто остался в тылу, начала понимать, что традиционная Власть не несет никакой ответственности за их жизни. Подобная мысль вселяла в сердца людей негативное отношение ко всем сильным мира сего, а так как война из состояния профессионального перешла в состояние массовое, то вполне мог возникнуть соблазн у «человека с ружьем» повернуть свое оружие против тех, кто расценивал его существование лишь как цифру в общей статистике.

Однако по какой-то странной иронии судьбы Германия, для которой выгоднее всего было оставаться пассивной, неожиданно сама приняла пагубную для нее стратегию «размена» и истощения резервов врага. Воинственный тевтонский дух оказался сильнее голоса разума и расчета. Если бы немцы не предпринимали никаких активных боевых действий на Западном фронте, если бы они продолжали спокойно отсиживаться в окопах и расстреливать нападающих, используя свои мощные не людские, а военно-экономические ресурсы, стараясь сохранить при этом жизнь каждого солдата и офицера, то Антанта сама бы развалилась и оказалась бы в пожаре революционной стихии. Немцы в бессмысленных боях под Верденом, решив уничтожить резервы противника в непре-

рывном многомесячном сражении за важный пункт, оказались в большом проигрыше и подготовили свою собственную пролетарскую революцию.

Стратегия «размена» с той и с другой стороны выразилась в двух следующих крупномасштабных операциях: атака немцев под Верденом и ответное наступление союзников на Сомме. В этой дьявольской игре Германия решила опередить своих врагов и первой начала «размен» шахматных фигур виде бесчисленных человеческих жизней.

До сих пор Верден оставался в стороне от главных сражений. Город, опоясанный двумя линиями фортов, казался неприступным, однако большинство пушек из этого грозного укрепрайона было переброшено в другие места ожесточенных сражений.

После проведения чудовищного артобстрела, в котором участвовали и знаменитые тяжелые гаубицы Круппа, немецкая 5-я армия под командованием кронпринца Вильгельма атаковала Верден. Это был выступ в позиции германских войск, южный край которого был очерчен границами Сен-Миеля. Через сам город проходила теснина Мааса. Дальше за высотами лежал Вевр — плоская глинистая равнина.

В результате осуществленного на 13-километровом фронте удара немцам удалось прорвать внешнюю зону мобильной обороны на востоке. Отступавшие французы не смогли удержать ключевую позицию — форт Дуомон, и эта неудача оказалась почти роковой.

Однако Жоффру удалось остановить наступление врага. Он приказал держать Верден во что бы то ни стало — как символ французской решимости, а также как якорь, удерживавший французов на позициях. Жоффр сделал генерала Петена ответственным за этот участок боевых действий. Ему удалось переформировать находившиеся в его распоряжении войска и подтянуть значительные подкрепления. Стратегия «размена» начала набирать обороты.

Немцы предприняли еще одну атаку на западном крае выступа. Однако она захлебнулась по тем же самым причинам, по каким должны были захлебнуться все атаки в первой мировой войне. Петен, верный правилам «размена», отдал приказ к контратаке. В течение месяца подобной «шахматной» игры земля на небольшом пятачке активных боевых действий буквально покрылась горой трупов. Призыв генерала Петена: «Ils ne passeront pas!» (Они не пройдут!) на все оставшееся время войны стал французским общенациональным лозунгом.

Третье немецкое наступление началось 9 апреля 1916 года с обеих сторон стратегического выступа и снова было остановлено. Последовали сменявшие друг друга атаки и контратаки, продолжавшиеся до тех пор, пока немецкий напор в этом направлении боевых действий окончательно не иссяк. Гора трупов, между тем, продолжала расти с катастрофической скоростью, и количество смертей, по законам Гегеля, грозило уже перейти в новое качество.

Наконец, когда запасы воды в форте Во закончились, а его внутренние сооружения были превращены в груды камней, гарнизон капитулировал. Это произошло 9 июня.

В результате возобновленных немецких ударов в конце июня — начале июля французская оборона была почти прорвана. Здесь немцы впервые применили новый отравляющий газ фосген. Положение было критическим. По идее надо было оставить злополучные Маасские рубежи, но тогда под ударом оказывалась вся операция на Сомме, и в итоге полный «размен» не состоялся бы. Французам оставалось лишь умирать, отчаянно цепляясь за свои позиции. Гора трупов продолжала расти.

Еще раз настала очередь России, как и накануне битвы на Марне, заплатить своими бесчисленными человеческими ресурсами за обанкротившихся союзников. Антанта была недалновидной в своих действиях. Она и предположить не могла, что русская революция может начаться в любой момент. Об этом никто тогда не думал, и император Николай II получил очередной призыв о помощи. В ответ на это русский генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов предпринял грандиозное наступление по фронту протяженностью около 550 км. Ради достижения эффекта внезапности он отказался от обычных артподготовок и предварительных сосредоточений войск. 573 000 человек при поддержке 1 770 полевых орудий прорвали австро-германскую позиционную оборону в двух местах, спасая французов под Верденом. Австро-венгерская 4-я армия была обращена в бегство, 7-я оказалась разбросана и деморализована. Создавалось впечатление начала нового татарского нашествия на Западную Европу. В результате Брусилов оказался в предгорье Карпат. Наступление закончилось лишь при полном истощении русских войск, не получивших должной поддержки со стороны других частей. Российская безалаберность не позволила завершить операцию по выведению из войны еще в 1916 году Австро-Венгрии. Но, чтобы остановить Брусилова, немцам все-таки пришлось перебросить 15 дивизий из-под Вердена.

Под командованием Шарля Манжена французы смогли наконец перейти в наступление и возвратили форты Дуомон и Во. После продолжавшегося несколько недель затишья генерал Манжен снова атаковал и продвинул французский фронт вперед почти до уровня февральских позиций. На этом Верденская кампания завершилась.

Жертвами тяжелейших боев стали 542 000 французов и 434 000 немцев, не считая тех, кто погиб во время брусиловского прорыва. Кстати сказать, Россия традиционно с какой-то купеческой широтой любит ошибаться в подобных подсчетах. Нас слишком много, чтобы учитывать такие мелочи. Это удел хилой Европы.

Но гора трупов оказалась еще не вполне достаточной, и «размен» вступил в свою вторую фазу.

Несмотря на верденскую кровавую бойню, союзники не собирались менять своих наступательных планов на 1916 год. Долгожданное наступление на Сомме и впрямь состоялось. Оно было осуществлено в основном силами англичан. 24 июня 1916 года полторы тысячи орудий начали обстрел германских позиций на отрезке фронта протяженностью в 20 миль. Двадцать две английские и восемь французских пехотных дивизий готовились к решительному броску, пока грохотали пушки. Три кавалерийские дивизии, лишенные возможности показать свое боевое искусство с самого начала окопной войны, также ждали своего часа. Они готовы были ринуться в ту брешь, в то узкое «бутылочное горлышко», которое, как надеялись союзники, рано или поздно должно было образоваться в обороне немцев в результате массированного артобстрела.

В ожидании прошла неделя, и солнечным утром 1 июля 1916 года союзники пошли в еще одну бессмысленную атаку. Но день, которого ждали с таким нетерпением, так и не стал началом победы. Только французам, наступавшим южнее Соммы, удалось в течение первых суток добиться выполнения поставленных задач, да и то благодаря густому туману. На севере же англичане за сутки кровопролитных боев потеряли 60 000 человек, то есть ровно столько, сколько потеряла армия Веллингтона за шесть лет войны с Испанией ровно 100 лет назад. Опыт первого дня боев показал, что если французы как-то учли особенности современной войны и им удалось спасти своих людей от повального уничтожения, то англичане считали возможным атаковать в плотных построениях, в парадной форме и под руководством офицеров в белых перчатках и со стеками.

И все-таки ночная атака британцев 13 июля сумела прорвать вторую линию немецкой обороны. В образовавшуюся брешь уст-

ремилась кавалерия. Это был последний и печальный пример крупномасштабного применения конницы на Западном фронте. Всадники тут же попали под сильный пулеметный огонь. Они оказались слишком хорошей и беззащитной мишенью. Немцам без особого труда удалось вновь закрыть участок прорыва, а наступление союзников выродилось в череду малозначительных, но дорого обходящихся с точки зрения человеческих жизней действий. Такие названия, как Тьепваль, Гомкур, Монтобан, Бомонт Амель, превратились в синонимы крови и страданий.

Лето сменилось осенью, и лишь ноябрьская распутица заставила англичан прекратить бессмысленные атаки. За четыре с половиной месяца боев они продвинулись всего на семь миль, потеряв при этом 420 000 человек. У французов потери составили 195 000 человек. Жертвы немцев, значительная доля которых пришлась на довоенных офицеров и унтер-офицеров, достигли угрожающей отметки 650 000 человек.

Наступивший 1917 год, казалось, стал годом глобальной экологической катастрофы. Так, зима 1916/17 года в Европе была необычайно холодной. Земля промерзла так, что стала оттаивать лишь в апреле. В окопах начали свирепствовать болезни. Но помимо холода летом на Европу с небес обрушились небывалые потоки воды в виде непрекращающихся ливней. Так, в момент третьего сражения под Ипром 31 июля 1917 года днем начался дождь. Дождливыми оказались и последующие десять дней. Постоянные артобстрелы разрушили сложную дренажную систему Фландрии, поэтому район сражений быстро превратился в гигантское болото. Надежды англичан на быстрый прорыв рухнули, и высадку десанта пришлось отменить. Нужно было ждать, пока высохнет земля. Как только погодные условия нормализовались и англичане приняли очередную попытку наступления, тотчас же пошел дождь.

Э. Хемингуэй в своем знаменитом романе «Прощай, оружие» описывает боевые действия на Итальянском фронте, где он приблизительно в это же время находился в качестве военного корреспондента. Критиками было замечено, что на протяжении всего романа автор постоянно описывает дождливую погоду. Могло показаться, что это штамп, проявление художественной слабости молодого автора. На самом же деле, перед нами простая фиксация реальной метеорологической обстановки. В этой правдивой книге не нашлось места ни одному погожему дню.

Во время «третьего Ипра» пятнадцать недель борьбы привели к тому, что британские части овладели сорока одной квадратной ми-

лей грязи, причем за каждую из этих миль пришлось заплатить 10 000 убитых и раненых.

Зимнее затишье на Западном фронте наступило в 1917 году позже, чем в предыдущие годы. На сей раз союзники были настроены особенно пессимистично. Октябрьская революция в России означала выход ее из войны. Кроме того, стало известно, что немцы перебрасывают дополнительные силы на Запад. Поскольку американцы направили в Европу в общем-то символический воинский контингент, а французы и англичане выдохлись после наступательных операций, оставалось лишь одно — перейти к обороне и ожидать неизбежного германского нашествия.

Немцы решили прибегнуть к новой наступательной тактике, которая была уже опробована на Восточном фронте. Атаку возглавляли особо обученные штурмовые группы. Они умело обходили основные очаги сопротивления, предоставляя подавлять их соединениям, шедшим следом. Штурмовые отряды тем временем как можно быстрее просачивались в глубь обороны противника. Предварительный короткий артобстрел с использованием химических снарядов имел целью не столько уничтожение системы траншей, сколько отсечение передовых укреплений противника от основных сил.

С этого момента и наступил по-настоящему звездный час немецкого генерала Людендорфа. После взятия Льежа его успели перебросить в Восточную Пруссию, где Людендорфу вместе с Гинденбургом удалось разбить армию Самсонова. Столкнувшись с ураганным огнем германской артиллерии, окруженная с трех сторон пехотой противника, вторая русская армия была разбита. Сам генерал Самсонов, будучи не в силах перенести такого позора, вскочил на коня, поскакал в лес и застрелился.

Людендорф и Гинденбург назвали свою победу «Битвой под Тенненбергом» и считали ее реваншем за знаменитое поражение тевтонских рыцарей от славян в 1410 году. Историческое сражение произошло приблизительно в этом же месте. Под Тенненбергом русские потеряли 110 000 человек, включая 90 000 пленными.

В 1918 году, вновь оказавшись на Западном фронте, Гинденбург и Людендорф имели полную возможность переломить положение в пользу Германии. Именно Людендорф срочно отправил в революционную Россию в запломбированном дипломатическом вагоне Ленина, уверенный в том, что большевики, у которых появился реальный шанс взять власть в свои руки, вряд ли продолжат

войну с их откровенно пораженческими настроениями. Расчет полностью оправдал себя. Это позволило перебросить в Европу 3000 монстров Круппа и миллион немецких солдат, готовых в любую минуту добить обескровленного врага.

Первый удар немцев был направлен против англичан. Они предприняли попытку отрезать британские части от французских войск и отбросить их далеко на север, прижав к Ла-Маншу. Немцы рассчитывали воспользоваться двумя благоприятными обстоятельствами. Во-первых, Ллойд Джордж, потрясенный страшным уроном, понесенным англичанами при «третьем Ипре», решил на некоторое время приостановить отправку пополнений в Европу. Это означало, что в распоряжении Хейга, командовавшего английскими войсками на континенте, оставалось гораздо меньше людей, чем годом раньше. Тем не менее, Хейг пошел навстречу французам, у которых также сильно не хватало солдат, и взял на себя контроль за дополнительным участком фронта в 25 миль. Это было сделано в январе, и британцам требовалось провести большую работу по укреплению позиций. Когда 21 января 1918 года немцы нанесли мощный удар, позиции еще не были оборудованы должным образом.

Во-вторых, штурмовым отрядам Людендорфа сильно помог туман. Природные катаклизмы оказались на руку почти побежденной Германии. В этом тумане словно угадывались декорации из оперы Вагнера «Сумерки богов». Во многом благодаря именно этой призрачной завесе штурмовым отрядам удалось прорвать оборону противника почти всюду, кроме севера.

В своем штабе, стоя у оперативной карты, Людендорф, понимая, что он в какой-то мере повторяет путь Бонапарта, буквально пригоршней снимал флажки, указывающие на последние очаги сопротивления его бравым ребятам. Неожиданная победа, в которую уже никто не верил, вдруг забрезжила на горизонте. Императорский поезд вместе с кайзером помчался на всех парах в ставку победоносных генералов, которая к этому времени располагалась в маленьком французском городке Авен. Вильгельм II лично хотел быть свидетелем неожиданного триумфа немецкой армии. Гинденбург обещал кайзеру, что он вступит на улицы Парижа уже 1 апреля.

Но французскому маршалу Фердинанду Фошу все-таки удалось погасить первый натиск штурмовых отрядов Людендорфа. Немцы явно устали от войны и начали допускать ошибки. Отряды постепенно отклонились от заданного маршрута и пустились грабить британские продовольственные склады. Первое наступление нем-

цев было остановлено неподалеку от Амьена. Англичане уступили не только все то, что смогли отвоевать с таким трудом в кровопролитном сражении на Сомме в 1916 году, но и кое-что сверх того.

Однако Людендорф не собирался сдаваться и останавливаться на достигнутом. Неделию спустя после прекращения основного наступления, 9 апреля, его штурмовые отряды нанесли неожиданный удар у реки Лис. И снова густой туман помог немцам.

К концу апреля оборона британских войск не без помощи французов была наконец должным образом укреплена, и наступление немцев на Париж вновь было остановлено. Обещанная дата взятия столицы Франции (1 апреля) ушла в прошлое. Но Гинденбург и Людендорф не собирались сдаваться, и тот и другой чувствовали, что пробил час их бессмертной славы. В конце мая они предприняли еще одно наступление, надеясь отвлечь французские резервы с тем, чтобы можно было еще раз ударить по английским позициям.

И вновь штурмовые отряды воспользовались помощью своего верного союзника, тумана, и вскоре, преодолев тридцать миль, вышли к Марне. Для французов и их союзников словно начал повторяться кошмар злополучного августа 1914 года. До Эйфелевой башни оставалось всего 37 миль. Людендорф рассчитывал на то, что на защиту Парижа союзники бросят все резервы, и тогда он сможет обрушить сокрушительный удар на командующего английским экспедиционным корпусом Хейга и сбросить его в Ламанш, захватив при этом нужные в стратегическом плане порты.

Операция готовилась Людендорфом с необычайной тщательностью и осторожностью. Никто и предположить не мог, что немцы скрытно к месту прорыва смогли подтянуть 4000 тяжелых орудий Круппа. Их перевозили в основном ночью. Днем же монстров Круппа скрывали в придорожных лесах. Даже копыта лошадей были обмотаны тряпками, чтобы не создавать ненужного шума. Скрип и железный скрежет заглушали отчаянное кваканье лягушек, брачная активность которых пришлось именно на это время года.

Новые модели крупповских пушек, которые сыграли решающую роль в третьем грандиозном прорыве Людендорфа, серьезно отличались от тех образцов, которые впервые смогли проявить себя при взятии фортов Льежа. Благодаря стараниям инженеров концерна дальность стрельбы была доведена до 81 мили. Парижане были обескуражены, когда тяжелый снаряд, выпущенный на расстоянии семидесяти семи миль от Парижа, взорвался на площади Республики. Новое орудие было снабжено и безупречной по

тем временам оптикой, обеспечивавшей удивительную точность стрельбы даже на таком большом расстоянии. Бомбардировки французской столицы начались еще 23 марта 1918 года и продолжались почти беспрерывно вплоть до 8 августа, который был назван немецким командованием «черным днем».

Его приближение уже было озаменовано революционными событиями в России. Людендорф даже и представить себе не мог, насколько слабый у него тыл. Правление кайзера подходило к концу. Окопная война окончательно изменила мир, и прежним мифам и кумирам уже не было места. Масса почувствовала свою огромную силу, и теперь оставалось только ждать, когда эта мощь и энергия проявит себя в такой же зверской форме, как это случилось в России.

«В первые дни февральской революции, — писал в своих мемуарах Керенский, — в здании Думы укрылись те бывшие чиновники монархического режима, которые вызывали особую ненависть населения. Днем и ночью революционная буря бушевала над арестованными людьми. Огромные залы и длинные бесконечные коридоры Думы были заполнены вооруженными солдатами, рабочими и студентами. Волны ненависти бились о стены. Стоило мне пошевелить пальцем, закрыть глаза и умыть руки, как вся Дума, весь Петербург и вся Россия захлебнулись бы в потоке человеческой крови, как это было сделано Лениным в Октябре».

Однако даже в относительно бескровную февральскую революцию в России все же не обошлось без массовых беспорядков и убийств. В том же Петербурге, о котором писал в мемуарах Керенский, за дверями государственной Думы, расположенной в Таврическом дворце, царил разгул анархии. Дикая радость победы смешивалась со вспышками насилия неистовствующей толпы. В Кронштадте, морской базе, расположенной рядом со столицей, матросы устроили кровавую расправу над своими офицерами: их убивали и зарывали трупы бок о бок с живыми. По улицам Петрограда взад и вперед с ревом проносились броневики, на башнях которых стояли революционные солдаты с развевающимися красными флагами. Пожарные команды, прибывшие тушить огонь в общественных зданиях, изгонялись солдатами и рабочими, которым доставляло удовольствие наблюдать за погибающими в огне прекрасными строениями. В особняке Кшесинской, официальной любовницы Николая II, все было перевернуто от подвала до чердака; прекрасный концертный рояль оказался разбит, ковры были

залиты кровью, чернилами, а ванну забили окурками и не только ими. Масса показывала теперь, кто истинный хозяин.

Один из самых элегантных домов Петрограда был спасен благодаря сообразительности его владелицы графини Клейнмихель. Это ее родственник, который участвовал в постройке железной дороги между Москвой и Петербургом еще в середине девятнадцатого века, был упомянут в известном стихотворении Н.А. Некрасова «Железная дорога». Еще до прибытия толпы сообразительная женщина заперла входные двери, закрыла ставнями окна и вывесила перед домом плакат: «Не входить. Дом является собственностью Петроградского Совета. Графиня Клейнмихель заключена в Петропавловскую крепость». В это время за закрытыми дверями хозяйка срочно упаквывала вещи и обдумывала план побега.

В 1918 году настала очередь Германии. Хаос постепенно начал набирать силу и дал знать о себе на заводах главного оружейника страны, Густава Круппа. В этой цитадели стабильности, где все было предусмотрено «Генеральными предписаниями», казалось, нет места для каких бы то ни было социальных волнений. Но стихия первой мировой не обошла стороной и царство Круппа. Во время своего визита кайзер Вильгельм II после банкета неожиданно для всех изъявил желание поговорить с народом. Это было во всех отношениях роковое решение.

Пришлось подчиниться монаршей воли. Императору Германии предложили войти на завод через ворота № 28. Хокс, главный менеджер завода, в своих записках отметил, что парикмахеры сделали эффектную завивку на голове стареющего правителя: «Он появился перед всеми ровно с таким же локоном, какой был изображен на любой монете Рейха». Одетый в военную форму, кайзер почему-то перетянул себя кожаной портупеей на манер английских офицеров. Была и трость, украшенная миниатюрным топориком в виде рукоятки, — подарок благодарных мадьяр. Создавалось впечатление, что перед немцами будет выступать какой-то космополит, а не германский император.

Неожиданно указав тростью на самую вершину угольной кучи, Вильгельм дал понять, что именно оттуда собирается обратиться к простым рабочим с речью. Густав буквально потерял дар речи от такой перспективы. Дело в том, что, несмотря на английскую портупеею, император был одет в великолепный фельдмаршальский мундир, и золотой прусский орел распростер свои крыла на лобовой части блестящего шлема, из-под которого выбивались искусно

завитые локоны оратора. Восхождение же на указанную кучу представлялось делом многотрудным. В один миг Вильгельм потерял бы весь свой императорский лоск и внешне мало чем отличался бы от чумазных рабочих, угрюмо собравшихся внизу. Мечта анархистов и революционеров хотя бы внешне воплотилась бы в этом пролетарском облике правителя Германии.

Используя весь свой дипломатический опыт, Густав сумел отговорить кайзера от опрометчивого решения. Аргумент был один: с высоты указанной кучи император будет общаться лишь с самим собой. Толпа не сможет разобрать ни единого слова. На миг Густав представил себе следующую картину: на самом верху о чем-то непонятном, жестикулируя и размахивая руками, кричит вздорный, весь перепачканный в саже старик. И грозный правитель тут же превратился бы в обыкновенного шута.

Доводы показались убедительными. Вильгельм очень хотел, чтобы каждое его слово было донесено до сознания простых людей. Внимательно осмотревшись, он указал той же злополучной тростью на ближайший ангар. Это надо было принимать как окончательное решение. Не оборачиваясь, как английский денди, поигрывая тростью при ходьбе, кайзер пошел к ангару.

За короткий срок следовало провести хоть какую-то фильтрацию среди рабочих, чтобы отобрать самых надежных, самых преданных, дабы избежать оскорбительных выкриков и прочих конфузов. Но император жаждал импровизации, а время поджимало, в результате чего в ангар потекла разношерстная толпа. Шоу обещало быть веселым.

Рабочих собралось 1 500 человек. Одетые в робу, в деревянных башмаках, они угрюмо, без малейшего сочувствия следили за тем, как из последних сил пытался вскарабкаться на платформу какой-то разодетый фант. «Мои друзья! — обратился Вильгельм к собравшейся толпе. — Вопрос состоит в том, чтобы сделать последнее титаническое усилие... ибо все сейчас зависит именно от этого. В стране нарастают волнения, но волнения эти не берут начало в народных сердцах, они искусно насаждаются извне. Любой, кто прислушивается к этим речам, распространяет слухи в поездах, на заводах и фабриках или еще где, совершает тем самым преступление против Отечества и является предателем, заслуживающим самого сурового наказания. И мы будем наказывать предателей, будь то аристократ, граф или простой рабочий. Я абсолютно уверен, что каждый из вас охотно согласится со сказанным мной».

Слова кайзера были встречены гробовым молчанием. Тогда Вильгельм, дабы оживить атмосферу, предложил следующее, мол, давайте дадим друг другу клятву: я буду хорошо делать свое дело на троне, а вы — свое в цехе и у плавильных печей. Кто-то вяло предложил поменяться местами. По толпе прошел тихий смех. В ангаре было невыносимо жарко. Все трудились над новым военным заказом. В такой привычной для рабочих атмосфере было явно не до приличий. Уже не слушая оратора, собравшиеся начали обсуждать что-то между собой. Поднялся гул.

Но такое пренебрежение лишь подзадоривало Его Величество все больше и больше. Свидетель происходящего, главный менеджер Хокс, с прискорбием отметил, что императора буквально понесло и в дальнейшем Вильгельм перешел на откровенно примитивные патриотические лозунги. Невзирая на ропот толпы, кайзер стал «просить рабочих быть верными ему, заявляя, что Бог, который всегда воевал на стороне немцев, ни за что не позволит им пасть».

Император начал необычайно быстро произносить слова, его речь стала неразборчивой, а под конец, забывшись, он выбросил вперед левую руку и патетически воскликнул: «Будьте тверды, как сталь, и тогда нерушимая немецкая нация уподобится единому стальному слитку и сможет показать наконец врагам свою несокрушимую мощь. Те из вас, кого тронул мой призыв, чьи сердца находятся в том месте, где надо, кто сохранил веру, поднимите руки и обещайте мне от имени всего немецкого рабочего класса: «Мы будем продолжать борьбу до последнего человека, с нами Бог!» Верные мне люди, ответьте на мой призыв единогласным и оглушительным: «Да!».

Последние слова кайзера к неожиданному позору правителя Германии умерли в полной и гнетущей тишине. Как утверждали очевидцы, после гнетущего молчания из толпы послышалась реплика: «Хлеба дай!».

Но Вильгельм, казалось, ничего не замечал вокруг себя. Он находился в состоянии эйфории, близкой к трансу, и поэтому закончил свое выступление в духе благодарности за якобы высказанную единодушную поддержку. «Я благодарю вас, — не унимался император. — С вашим «Да» я пойду теперь к фельдмаршалу Гинденбургу. Любое сомнение отныне должно быть отброшено. Да этого сомнения не осталось ни в моей душе, ни у меня в голове. Да поможет нам Бог. Аминь. А теперь, люди, прощайте!»

Кайзера тут же увезли в его длинном сером лимузине на станцию. Специальный поезд унес Вильгельма подальше от закопченных заводов Рура. Но ехал этот поезд не на фронт, не на встречу с Гинденбургом, а на минеральные источники, расположенные в местечке Спа, дабы на этом курорте поправить здоровье и восстановить силы, в конце израсходованные на общение с собственным народом. И это выступление кайзера стало обрастать самыми невероятными слухами и в конце концов приобрело какой-то парадоксальный облик. По одной из версий получалось, что император неожиданно появился в самой гуще народа и рабочие тут же бросились его убивать.

Как ни безумен был этот слух, но в нем скрывалось немало правды. Для 1500 человек, которые присутствовали при публичном позоре императора Германии, Вильгельм II действительно умер. До тех пор, пока император был недостижим, он обладал некоей мистической властью над умами и сердцами простых крупповских рабочих, его аура власти была ненарушима. Но появившись перед толпой в плотском обличи, этот человек-миф показался калекой, и его чары тут же исчезли. Вместо Бога рабочие увидели стареющего франта. Король оказался голым, и революция стала неизбежной.

Рабочие Круппа после этого инцидента заметно замкнулись и стали подчеркнута напряженными. Что испытывал по этому поводу сам Густав, так и осталось неизвестным. Окажись на его месте легендарный пушечный король Альфред — и на подчиненных обрушился бы целый град записок и меморандумов, исписанных аршинными буквами, похожими на деревья, гнущиеся под напором сильного урагана. Нам бы пересказали все с самыми мельчайшими подробностями и с неизменными жалобами на драгоценное здоровье. Но Густав, несмотря на его усилия во всем походить на своего легендарного предшественника, был все-таки совершенно другим человеком. В минуты кризиса он буквально впадал в транс какого-то тотального подчинения и начинал видеть и воспринимать лишь то, что считал нужным, что исходило лишь из официальных источников, отбрасывая все, как ему казалось, лишнее и вызывающее раздражение. В соответствии с этой установкой, следовало во что бы то ни стало не воспринимать очевидное, то есть неизбежную капитуляцию германской армии.

Так, еще в августе Людендорф пригласил вместе с Круппом еще троих видных промышленников к себе в ставку и подвел их к оперативной карте, чтобы показать все отчаянное положение немецких

войск на Западном фронте. Людендорф рассчитывал, что промышленники, и прежде всего Крупп, тут же кинутся к кайзеру и заставят последнего трезво взглянуть на положение дел. Но Крупп никуда не пошел и говорить с кайзером отказался. Наоборот, он начал упрекать Людендорфа в пессимизме. Густав утверждал, что Фортуна еще может повернуться в сторону немецкого оружия, и сознательно отказывался брать на себя роль греческой пророчицы Касандры. К тому же затянувшаяся война приносила куда больше прибыли концерну, нежели неожиданно объявленное перемирие, которое можно было рассматривать лишь как банкротство. Военные заказы, особенно в последние месяцы мировой бойни, превратились в какой-то непрерывный поток. Производство одних только субмарин стало почти поточным. И хотя британский флот по-прежнему доминировал на всех морях и океанах, но по части подводных лодок Германия, благодаря Круппу, не знала себе равных. Пришли заказы и на изготовление 85 новых немецких танков. Армия также остро нуждалась в броневиках и зенитках. Инженеры успели подготовить все необходимые чертежи. Оставалось лишь осуществить задуманное.

Концерн каждый час выпускал 4000 снарядов, и в каждые 45 минут с конвейеров сходила новая пушка. Три новых вида вооружения: тяжелая, но необыкновенно мобильная гаубица, «Длинный Макс», имевшая нарезной ствол длиной 34 м и готовая стрелять на расстоянии 120 километров от цели, а также 4 и 6 дюймовые полевые орудия не знали себе равных на полях сражений. Крупп был абсолютно уверен, что именно его пушки помогут, в конечном счете, Людендорфу не только удержать позиции, но и разгромить врага, оккупировав Париж, как это уже было в славные времена легендарного Альфреда.

Для Густава было очень приятно черпать оптимизм в высоких темпах оружейного производства. Он с удовольствием еще и еще раз просматривал деловые бумаги. С августа 1914 года доход концерна достиг умопомрачительной цифры в 432 миллиона марок. В этот расчет входил и прямой грабеж национального запаса оккупированной Голландии, но об этом старались молчать. В случае же перемирия и победы союзников колоссальные прибыли могли в любой момент превратиться в ничто. Уже стало известно, что нейтральные страны, ограбленные Германией, подготовили список военных преступников, и имя Густава Круппа оказалось в самом начале...

Накануне 27 мая у Людендорфа было уже 14 дивизий, готовых к бою. Однако, прорвавшись к Марне, штурмовые отряды столкнулись с мощной обороной противника, которую им уже не суждено было преодолеть. Это мощное сопротивление оказали две свежие американские дивизии морских пехотинцев, которые, по словам Клемансо, буквально спасли Париж.

Сектор обороны, занятый морскими пехотинцами, получил весьма выразительное название «Pas fini» (еще нет). Это была ответная реплика одного из американских солдат на заносчивую фразу французского офицера, который при виде одетых в ковбойские шляпы пехотинцев, браво шагающих по Елисейским полям, крикнул: «La guerre est fini» («А война-то уже кончилась»). «Еще нет», — ответил ковбой. С этого момента в военных сводках место обозначалось не иначе, как «Pas fini». Именно здесь в течение 5 дней непрерывных боев с штурмовыми отрядами Людендорфа погибли две американские дивизии. Из 8000 морских пехотинцев в живых осталась жалкая горстка людей. Этих разодетых американцев никто не воспринимал всерьез, уж слишком их военная экипировка не соответствовала жестоким правилам окопной войны. Никаких касок, противогазов, ножиц для разрезания колючей проволоки, связок гранат — лишь широкополые ковбойские шляпы, да начищенные сапоги. Казалось, что эти игрушечные солдатики, словно сошедшие со страниц Фенимора Купера, станут легкой добычей для штурмовиков Людендорфа, таких оборотней, неожиданно появляющихся из густого тумана, для которых траншеи уже давно стали родным домом, а рукопашный бой

превратился в обиденную резню. Но игрушечные ковбои с лихвой компенсировали отсутствие боевого опыта небывалым для скучной окопной войны энтузиазмом, тем самым энтузиазмом, который и помог еще первым переселенцам сделать Америку Америкой, когда приходилось надеяться лишь на то, что было под рукой, когда приходилось держать оборону всей семьей, от мала до велика, отбиваясь от целого враждебного племени. Это был вызов, брошенный европейской цивилизацией цивилизации молодой, находящейся где-то на периферии мировой политики. И американцы этот вызов приняли и выдержали первое кровавое испытание с честью. Они вошли в мировую историю через кровь, и такая премьера была для них вполне привычным делом.

Появление американцев обещало выдохшимся и измотанным англичанам и французам спасительную инъекцию, но понадобилось немало времени, прежде чем шприц был подготовлен для употребления. Войну, разразившуюся в августе 1914 года, в США рассматривали как сколку между европейскими державами, которая не имела отношения к жизненно важным интересам самой Америки. США с самого начала конфликта соблюдали строгий нейтралитет, неоднократно предпринимая попытки воззвать к разуму воюющих сторон.

Германию все время очень беспокоило то, что США решит наконец объявить ей по какой-нибудь причине войну. И в этом смысле медвежью услугу собственному государству оказал сам концерн Круппа, так как именно на его заводах делали знаменитые подводные лодки «U-20».

4 февраля 1915 года началась немецкая подводная война, последствия которой так фатально сказались на последней атаке штурмовых отрядов, когда Париж, казалось, должен был пасть с минуты на минуту. Свою подводную войну немцы вели против торговых судов, находившихся в окружающих Британские острова водах.

К самому началу войны Германия еще не располагала нужным количеством «U-20». Из 23 лодок, созданных на заводах Круппа, только 8-9 могли действовать одновременно. Поэтому концерном были приняты срочные меры по развертыванию строительства подводных кораблей. В течение кампании 1915 года в строй вступило уже 63 лодки, главным образом за счет достройки ранее заложенных. Концерну было заказано сделать еще 107 кораблей.

К 1914 году идея подводной войны насчитывала уже не одно столетие. Так, еще Леонардо да Винчи пытался изобрести аква-

ланг, чтобы с его помощью пробивать днища вражеских кораблей. В далеком 1778 году американец Дэвид Бушнелл сконструировал способный находиться под водой аппарат «Черепаша», с помощью которого он попробовал потопить британский военный корабль. Первая современная субмарина была сделана еще одним американцем, Джоном Холландом. Его подводная лодка «Холланд— VII» с экипажем из семи человек и одним носовым торпедным аппаратом поступила на вооружение военно-морского флота США в 1903 году. Примеру американцев последовали и другие ведущие морские державы, и к 1914 году подводная лодка стала распространенным и эффективным средством ведения войны.

Подводные лодки могли проводить разведку, ставить мины и топить неприятельские корабли. С начала войны все три задачи выполнялись субмаринами самым активным образом. 22 сентября 1914 года были продемонстрированы возможности этого типа судов во всей их мрачной полноте. Одна-единственная германская подлодка неподалеку от берегов Дании в течение часа потопила три британских линкора старого образца, что унесло жизни 1400 моряков. Вскоре, однако, выяснилось, что главную опасность субмарины представляют не столько для военного, сколько для торгового флота. Это стало особенно ясно в связи с таким понятием, как торговая блокада, когда успех войны во многом зависел от умения одной воюющей стороны не допускать поступления импортных товаров в страну-противницу. Подводная война, таким образом, наносила серьезный удар по экономике блокируемого государства, порой приводя к нехватке продовольствия.

Традиционный способ осуществления блокады состоял в том, что корабли противника задерживались и препровождались в порт, где грузы конфисковались. В 1914 году Великобритания обладала таким преимуществом на океанских просторах, что в течение нескольких месяцев деятельность германского торгового флота оказалась почти полностью парализованной, если не считать перевозок в Балтийском море. Поэтому немцам пришлось рассчитывать на торговые суда нейтральных стран, а также на довоенные международные договоры. Согласно таковым, лишь отдельные виды товаров могли считаться контрабандой. Кроме того, захват торгового судна нейтральной страны мог быть оправдан лишь тогда, когда оно следовало в порт противника. В ответ на это англичане заставляли продавать им грузы в принудительном порядке, после чего разрешали перехваченному кораблю следовать дальше. Это

позволяло избежать человеческих потерь и давало судовладельцам определенную компенсацию.

Немцы, со своей стороны, были лишены возможности устроить ответную торговую блокаду Великобритании. Зато они могли атаковать торговые суда Антанты и топить их при условии, что будет гарантирована жизнь членам экипажа.

У Германии оставалось одно эффективное оружие — подводная лодка. Правда, здесь сразу же возникли определенные осложнения. Подлодки не могли, например, отконвоировать захваченное судно в гавань, и на них нельзя было разместить экипаж подбитых кораблей противника, так чтобы пленникам была гарантирована безопасность. Внутри субмарины эпохи первой мировой войны представляли собой опасное для жизни даже экипажа, не говоря уж о пленниках, сооружение, похожее на железный гроб. Теснота была такой, что приходилось с трудом протискиваться через отсеки. Железные перегородки всегда были мокрыми от фильтрации и конденсата. Свет тусклый из-за экономии. Внутри — вечный холод. Лодка той эпохи не отапливалась. Зато у мотористов была самая настоящая преисподняя из-за раскаленных грохочущих моторов. Экипаж находился в перманентной грязи, люди были заросшими, на походе никто не мылся, не брился, так как пресная вода была предназначена только для пищи. Все вентили и гайки смазаны толстым слоем тавота, чтобы избежать ржавчины. Заденешь — вся одежда оказывается в жирной смазке. Спали посменно, поэтому влажная койка еще хранила, как правило, тепло и вонь чужого тела. Койки были наварены прямо в машинном отделении на блоки цилиндров. Гром, тряска, духота — в таких условиях человек должен был заснуть хотя бы на короткое время. И поверх всего — густой запах мочи: по боевому расписанию мочились прямо на месте, под рифленой палубой на закругленном дне внутреннего корпуса. А вокруг — черная бездна. Естественно, что при таких условиях ни о каких пленных и речи быть не могло. Пожалуй, морякам в подлодке было даже хуже, чем в траншеях и окопах пехоте. Свежий воздух и твердая почва под ногами все-таки давали хоть какую-то надежду.

Подводники могли только приказывать экипажу сесть в спасательные шлюпки и затем уже пустить ко дну корабль, расстреляв его по возможности из орудий, сэкономив торпеды. Примерно с октября 1914 года немцы стали придерживаться именно таких методов.

Однако капитан подводной лодки шел на известный риск, когда отдавал команду на всплытие. Поскольку у Германии к концу 1914

года действовало 23 подлодки и их берегли как зеницу ока, немецкие адмиралы утверждали, что единственный способ ответить на блокаду англичан — это атаковать их торговые суда из-под воды и без предупреждения. Германское правительство и сам кайзер Вильгельм поначалу противились этому, но потом вынуждены были уступить. Скорее всего, здесь сказались и настроения самих подводников. В тех условиях, в которых они оказывались под водой, было уже не до благородства. Начинали действовать звериные законы выживания любой ценой. Люди и их психика становились заложниками машин.

В феврале 1915 года Германия объявила о том, что начинает неограниченную подводную войну у берегов Британии и Ирландии. Немцы, по их заверениям, не собирались топить суда под нейтральными флагами, но вместе с тем не могли и гарантировать их безопасность, тем более что капитанам были даны инструкции в первую очередь заботиться о сохранении вверенных им субмарин. Немцы, впрочем, очень надеялись, что такого предупреждения будет достаточно, чтобы отбить охоту у нейтральных судов заходить в британские воды.

Поначалу эта кампания не приносила сколько-нибудь ощутимых результатов, поскольку малочисленность подводных лодок означала, что лишь две-три субмарины могут одновременно проводить операции против торговых судов. Кроме того, появление противолодочных сетей и охота надводных судов за немецкими подлодками привели к тяжелым потерям. Только в марте были уничтожены три немецкие субмарины. Тогда же произошло событие, оказавшее серьезное воздействие на ход как подводной войны, так и войны в целом.

1 марта 1915 года пассажирский лайнер «Лузитания» пароходства «Кунард» отправился из Нью-Йорка в Ливерпуль. В тот же день в нью-йоркских газетах появилось предостережение — суда под британским флагом рискуют быть потопленными. Шесть дней спустя к юго-западу от Ирландии лайнер был подорван одной-единственной торпедой, выпущенной с немецкой подлодки «U-20».

Гибель «Лузитании» — темная страница военно-морской истории. Похоже, что корабль был просто подставлен — и подставлен вполне сознательно. Почти мгновенная гибель корабля такого класса от одной торпеды неопровержимо свидетельствует о детонации большого количества боеприпасов, однако же союзники, как правило, не перевозили взрывчатку на суперлайнерах. «Как правило» — значит, что не было ни одного другого случая — ни до,

ни после этой трагедии. «U-20» капитана Швингера, вероятно, была наведена на «Лузитанию».

Как ни грустно это утверждать, подобные провокации нередко использовались союзниками и в первой, и во второй мировых войнах.

Из двух тысяч пассажиров «Лузитании» утонули тысяча двести, в том числе 128 американцев. Гибель пассажирского суперлайнера вызвала прилив антигерманских настроений в Америке.

19 августа 1915 года был потоплен британский лайнер «Арабика», на борту которого погибло еще 4 американца. Президент Вильсон все больше и больше склонялся к тому, чтобы объявить войну Германии, но концерн Круппа все продолжал и продолжал наращивать производство подводных лодок, увеличивая тем самым количество жертв и потопленных кораблей. У некоторых командиров субмарин появились внушительные списки побед, и лидером тут был некий Арнольд де ла Пьер, на счету которого к концу войны оказалось 195 потопленных судов.

Успех подводной войны не в последнюю очередь объяснялся тем, что со стапелей Германии начали сходить субмарины, имеющие на борту в два раза больше торпед, чем их предшественницы. Если бы немцам удалось топить торговые суда такими же темпами, то очень скоро в Британии возникли бы проблемы с продовольствием и пришлось бы вводить карточки. В сочетании с тупиковой ситуацией на Западном фронте, сложившейся весной 1917 года, это создавало мрачные перспективы и для Франции, и для Великобритании.

Два дня спустя после начала нового витка подводной войны президент США Вильсон осуществил свои угрозы годичной давности: он разорвал дипломатические отношения с Германией. А еще через два месяца, в апреле 1917 года, он объявил Германии войну. Так, благодаря во многом усилиям фирмы «Фридрих Крупп» перед штурмовыми отрядами Людендорфа, может быть, в самый решающий момент всей первой мировой войны появились дивизии американских пехотинцев, оборону которых немцам так и не суждено было прорвать.

В результате последовательных ударов со стороны морской пехоты США немцы были выбиты с позиций в лесу Белло, а также у Во и Бурше. Их потери составили 9 500 человек, не считая 1 600 пленных. Надо сказать, что нарастающее военное присутствие Америки, спровоцированное тотальной подводной войной, все более тревожило немцев. 9 июня 1918 года Людендорф предпринял

еще одно наступление, теперь на Уазе. Но французы уже приноравлились к тактике противника и позволили германским головным отрядам проникнуть в глубь своей обороны, после чего по ним ударили с флангов.

Четыре наступательные операции обошлись немцам в 800 000 убитых и раненых, и их силы были на исходе. Тем не менее Людендорф решил на еще одно наступление в надежде одержать решающую победу. 14 июля 52 дивизии нанесли удар в Шампани. Это наступление Людендорф назвал *Siegessturm* (удар победы). Он приказал в тылу своих войск соорудить огромную деревянную башню, чтобы кайзер спокойно мог наблюдать за происходящим. Вильгельм в течение шести дней сражения внимательно смотрел в подзорную трубу, пытаясь определить, где же в этом аду находятся его собственные солдаты. Эта сцена очень походила на ту, когда в сражении при Седане крупновские пушки буквально в упор расстреливали французскую кавалерию. Но сейчас военное счастье было явно не на стороне немцев. Когда кайзеру все-таки пришлось слезть со смотровой площадки, то внизу его ждали весьма печальные новости.

Основные оборонительные рубежи французов были расположены очень глубоко, и когда штурмовые отряды добрались до них, то оказались лишены поддержки артиллерии. Инициатива была упущена, французы и американцы атаковали с флангов, пустив вперед танки. Германская затея одержать решающую победу на Западном фронте до того, как американский контингент обретет слишком большую мощь, провалилась. Теперь настала очередь союзников.

По замыслу Фоша, надлежало поочередно наносить удары по германским группировкам, не давая им передышки. Сначала последовали контрудары по флангам германского клина в Шампани. Затем 8 августа британские войска перешли в наступление под Амьеном. Пустив вперед танки и броневики, канадские и австралийские части за один день сломали оборону противника. Впоследствии Людендорф назвал этот день «черным днем германской армии». Правда, у наступавших не хватило танков, чтобы развить инициативу, и немцы, подтянув подкрепления, смогли все же остановить противника. В середине сентября настала очередь американцев показать себя. Их численное присутствие увеличивалось с каждым днем. С лихвой восполняя отсутствие опыта энтузиазмом, 1-ая американская армия по командованием генерала Джона Першинга, известного больше по кличке Черный Джек, успешно лик-

видировала германский клин в районе Сен-Мишель, восточнее Вердена. Затем британцы и бельгийцы нанесли удар из района Ипра. Кроме того, американцы и французы организовали наступление на возвышенности Аргон. Сражение выдалось весьма ожесточенным. Немцы делали все, чтобы заставить наступавших оплатить самой дорогой ценой каждую лишнюю пядь отвоеванной земли.

В начале октября британцам удалось прорвать линию Гинденбурга, и теперь местом сражения стала неукрепленная местность. После стольких лет окопной войны пришлось заново приспособиваться к новым условиям, требовавшим большей подвижности и маневренности.

К концу октября Людендорф пришел к неутешительному выводу: война проиграна. Он предложил отвести войска на западную границу Германии по состоянию на август 1914 года и начать переговоры о мире.

Людендорфа нередко упрекают в том, что он расплыл силы между Францией и Украиной, где была оставлена вся немецкая кавалерия и несколько пехотных дивизий. Но без украинского зерна население Германии не пережило бы 1918 год.

Упрекают его и за план кампании. Существует точка зрения, будто наступления Людендорфа погубили Германию, что следовало ограничиться обороной, и, может быть, даже отвести свои неразбитые армии за Рейн, чтобы обороняться там до последнего, заставив тем самым союзников доказывать свое преимущество. В этом случае мир для Германии был бы более благоприятным.

С этим нельзя согласиться. Прежде всего, конфликт носил межцивилизационный характер, и компромиссным миром он завершиться не мог. Одна из сторон должна была дойти до стадии слома, потерять волю к сопротивлению и сдаться на милость победителя. Что выигрывал Людендорф, переходя к обороне? Более короткую линию фронта? Способность продержаться еще год?

За этот год рухнула бы Турция, Болгария и Австро-Венгрия. Германия оказалась бы под угрозой не только с Запада, но и с Юга. Американцы получили бы время создать и перебросить через океан экспедиционную армию, что вновь изменило бы соотношение сил на Западном фронте в пользу союзников. А петля блокады еще глубже затянулась бы на горле Германии. Людендорф понимал, что 1917 год Германия и ее союзники пережили чудом.

Прежде всего, надо учесть, что война была проиграна Германией еще в 1914 году на Марне. Людендорф пытался решить зада-

чу, у которой объективно не было решения. Он должен был надеяться на ошибки противника. Можно сказать, что весной 1918 года противостояние цивилизаций достигло своей критической точки. Весы судьбы качнулись явно не в сторону храброго и отчаянно-го немецкого полководца.

Основой для мирных переговоров являлась Декларация президента США Вильсона. Изложенные в ней условия мира получили принципиальное одобрение союзников. Так называемые «Четырнадцать пунктов Вильсона» содержали требования возврата территорий, захваченных странами германско-австрийского блока в ходе войны. Германии предписывалось вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, отошедшие к Пруссии после войны 1870 года. Что же касается Австро-Венгрии и Османской империи, то составлявшим их странам и этническим группам предоставлялось право на самоопределение. Получила независимость и Польша.

11 ноября, когда на Западном фронте еще гремела артиллерийская канонада, в Компьенском лесу в железнодорожном вагоне было подписано перемирие. Шесть часов спустя грохот пушек прекратился, и над Францией и Фландрией наступила странная тишина, которой там не знали четыре с лишним года. Известие об окончании войны заставило людей высыпать на улицы Нью-Йорка, Парижа, Лондона и многих других городов мира. Ликование продолжалось всю ночь.

Эта война унесла жизни 9 миллионов человек. Еще 20 миллионов, ослабленных и истощенных лишениями, стали жертвами инфлюэнцы, особой формы гриппа, прокатившейся по Европе и другим континентам 1918 году. Природа мстила людям за их небывалую жестокость.

Перемирие было подписано 11 ноября, 11 месяца и ровно в 11 часов. В этом странном совпадении увидели дурное предзнаменование.

Уинстон Черчилль, стоя у окна своего дома в Лондоне, слушал, как знаменитый Биг Бен отсчитывает одиннадцать ударов. Но радости лорд адмиралтейства не испытал никакой. Наоборот, страх вселился в его душу. Страх оттого, что каждый удар курантов мог начать отсчитывать новое историческое время, время всеобщей анархии.

Казалось, с боем курантов медленно закрывалась тяжелая дверь истории, закрывалась перед лицами императоров, королей и наследных принцев, перед маршалами в пышных головных уборах, перед благородными дамами и перед многочисленной свитой,

словом, перед всем тем изяществом и элегантностью, которые до недавнего времени ассоциировались со стабильной властью, гарантировавшей мир и спокойствие.

Так, во время празднования победы в Лондоне у Бекингемского дворца произошел случай, который можно было вполне оценить как зловещее предзнаменование. В то время, как многочисленные петарды и конфеты летели в воздух, а толпа неистовствовала в своей радости, небо неожиданно помрачнело и сверху на людей обрушился самый настоящий потоп. Зеваки, которые в порыве радости сумели взобраться прямо на руки статуи королевы Виктории, ровно через три минуты начали быстро и беспорядочно спускаться вниз: создавалось впечатление, будто в королевских объятиях вдруг стало неуютно. Руки мраморной властительницы оказались необычайно холодны.

Почти сразу после объявления перемирия паровой каток Густава Круппа начал давать сбои. Прекратились военные заказы, платить рабочим стало нечем, и 9 ноября Густав решил на какое-то время закрыть свои заводы. За одну ночь встали могучие прессы, замерли огромные шестеренки, валки, паровые молоты, погасли топки, а из бесчисленных труб перестал валить густой черный дым. Впервые за очень долгий период в Эссене стало необычайно тихо. На следующий день сразу по полудни на город обрушился сильный ветер и в короткое время разогнал весь смог. Небо разъяснилось, и солнце радостно заиграло на прокопченных стенах промышленных строений.

В течение всего года, прошедшего после подписания перемирия, концерн замер и напоминал огромную рептилию, впавшую в спячку. Связь фирмы с Властью была настолько тесной, что падение последней неизбежно ставило вопрос о возможном падении первой. Очевидно было, что именно на Эссен должны были обратить свои негодующие взоры революционно настроенные массы. Слухи были настолько противоречивыми и враждебными, что все слуги огромной виллы Хёгель вооружились чем попало, а дворецкому даны были строжайшие инструкции: в случае появления взбунтовавшейся толпы ему следовало немедленно поднять на центральном флагштоке красное знамя.

Когда же перед воротами виллы так никто и не появился, Густав, проявляя известное мужество, надев свой знаменитый котелок, решил сам спуститься с холма и встретиться с рабочими. Он не ожидал никаких приветствий, никакого почтения и твердым шагом направился в самую гущу собравшейся толпы. Некоторые по привычке

сдернули кепки с головы. Войдя в главный цех, Крупп потребовал общего сбора. Предстоял важный разговор хозяина со своими подчиненными. Указания были короткими и деловыми. Разговор превратился в простые инструкции: все те, кто работал на фирме до 1 августа 1914 года, могли спокойно продолжать получать положенное жалование, чего бы это ни стоило самому Густаву. Остальные 70 000 человек, половина из которых были поляки, должны были покинуть Эссен. Тем, кто уедет до 18 ноября, гарантировалась выплата в размере четырнадцатидневного заработка, а также оплаченный билет в один конец. Задержавшимся по каким-либо причинам на заводе не выплачивалось ничего. Густав заверил своих кадровых рабочих в том, что «страховка осталась неизменной, не взирая ни на какие обстоятельства, включая оплату больничных листов и пенсий для тех, кто проявит лояльность к хозяину».

Такие заманчивые предложения сразу же остудили горячие головы. Мало кто уже хотел терять стабильный и гарантированный заработок ради расплывчатых «красных» идей и весьма сомнительных выгод. Временная рабочая сила, нанятая в основном во время войны под срочные заказы, также осталась довольной, получив хоть какие-то деньги и обратный билет. Многие из этих людей уже успели изрядно соскучиться по дому и теперь с нетерпением ждали лишь часа отправки.

Массовый взрыв недовольства был благополучно предотвращен, и близ Эссена на железнодорожной станции можно было наблюдать сцену, напоминающую библейский исход евреев из Египта. 52 000 пассажиров отправились домой поездом, а 18 000 пошли на родину пешком.

Но счастливо избежав социальных волнений, Густав теперь должен был решить очень важную дилемму: ликвидировать фирму или попытаться выжить любой ценой при условии полного изменения основного профиля производства, полной, выражаясь современным языком, конверсии. Для того, чтобы принять наилучшее решение, Густав и Берта решили еще раз заглянуть в поистине бессмертные записки легендарного Альфреда Круппа. Они искали ответ на один вопрос — говорил ли что-нибудь предок о возможном закрытии фирмы или нет. «А династии быть!» — гласил вердикт. Однако громкий лозунг следовало приземлить и найти ему конкретное применение.

И 6 декабря 1918 года Густаву, кажется, удалось найти выход. На воротах завода он приказал повесить следующее объявление: «Wir machen alles!» (Мы делаем все).

И это было сущей правдой. Впервые со времени самого Альфреда фирма готова была вновь вернуться к изготовлению валков для ложек и вилок, а также детских колясок. Помимо этого в короткий срок было налажено производство и больших изделий, таких как машины для текстильной промышленности. Но ткацкие станки не могли сравниться с многотонными пушками или подводными лодками. Однако Густав словно из последних сил старался забыть о недавней славе. Он даже распространил списки выпускаемых его фирмой товаров с указанием, что концерн будет рассматривать любые новые предложения. За удачные Крупп готов был заплатить даже приличное вознаграждение. Говорят, что один из ветеранов был необычайно оригинален и отправил рекламный проект назад по указанному адресу. На открытке большими буквами было выведено лишь одно слово, которое следовало рассматривать в качестве коммерческого предложения: «Челюсти».

Обескураженный подобным предложением Густав сумел-таки разыскать своего корреспондента и поинтересоваться, что тот имел в виду. «Я имел в виду производство металлических челюстей», — пояснил ветеран. Речь шла о зубных протезах. Ирония заключалась в том, что даже в мирное время за обликом овечки все равно проглядывала морда кровожадного волка. Металл на протезы брали из антикоррозийных затворных механизмов палубных пушек, снятых со знаменитых подводных лодок, которые причинили союзникам немало горя.

Но все это мелкое производство не могло задействовать огромные мощности концерна. Поэтому в июне 1919 года Крупп заключил договор с прусскими государственными железными дорогами на постройку большого количества новых мостов. Необходимо было также заменить и разбитые вконец благодаря непрерывным военным перевозкам рельсы и вышедшие из строя локомотивы. Фирма, казалось, медленно начала вновь вставать на ноги.

Однако именно в 1919, а затем во время пасхальной недели 1920 и в беспокойном 1923 году события в стране вновь начали развиваться по сценарию хаоса и насилия.

Новое демократическое правительство вскоре стало испытывать сильное противодействие со стороны леворадикальной оппозиции — Советов рабочих и солдатских депутатов, особенно так называемых «спартаковцев», последователей Ленина, стремящихся установить в стране социалистический строй. Кроме того, моряки, устроившие в октябре мятеж, ныне образовали Народный морской

дивизион, разместившийся в Берлине. Правительство, со своей стороны, старалось занять центристскую позицию, лавируя между крайними точками зрения. Не желая прослыть правительством, опирающимся только на штыки армии, оно для своей охраны создало особые военизированные подразделения и пообещало народу провести новые выборы.

Взрыв произошел в январе 1919 года. Еще перед Рождеством имели место стычки демонстрантов с правительственными частями. Спартаковцы потребовали от правительства уйти в отставку и призвали немцев ко всеобщей забастовке. К тому времени уже многие фронтовики были деморализованы и разбрелись по домам. Видя, что страну вот-вот поглотят анархия и хаос, некоторые офицеры стали создавать добровольческие формирования, получившие название «Freikorps» («свободных корпусов»). Именно к этим добровольцам и обратилось, в конечном счете, правительство. Они нанесли спартаковскому движению сокрушительный удар. Лидеры спартаковцев, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, были расстреляны. Однако по всей стране продолжали вспыхивать мятежи.

Правительство выполнило обещание насчет выборов, на которых одержало победу. После этого оно перебралось для большей безопасности в город Веймар, что в 150 милях от Берлина. В марте 1919 года оппозиция вновь призвала народ к всеобщей забастовке. Снова в Берлин вошли добровольческие части. За десять дней они подавили революционные выступления. Коммунисты ушли в подполье.

Но полностью пожар потушить не удалось. Теперь в начале апреля он разгорелся в Баварии.

13 апреля Советы под руководством Евгения Левина и Макса Левина объявили себя высшей инстанцией в Баварии. Они упразднили Центральный Совет и провозгласили коммунистическую республику. Русский еврей доктор Левин становится во главе вновь образованного Комитета действий. Два других представителя революционной России, Макс Левин и Тобиас Аксельрод, встают на его сторону, Эгельгофер, 21-летний матрос, назначен комендантом города и главнокомандующим Красной армии. Список объявленных отныне запретов пополняет обширный каталог. Буржуазные газеты не имели права выходить. По системе, которую не всегда можно понять, арестовывают заложников и снова освобождают, продукты и горючий материал прячут от граждан, украшения и квартиры конфискуют, старые банкноты просто перепечатавают. Плата за квартиру должна вноситься непосредственно в прави-

тельство Советов. Даже печь пироги больше не разрешалось. Молоко давали только в случае опасности для жизни, подтвержденной справкой от врача. Евгений Левин часто заявляет: «Что из того, что несколько недель в Мюнхен будет меньше доставляться молока? Ведь его же получают лишь дети буржуазии. Мы не заинтересованы в их жизни. Не будет вреда, если они умрут, из них же вырастут только враги пролетариата!»

Крестьяне почти перестали поставлять продукты в Мюнхен. Начали быстро распространяться голод и нужда. Демократы решаются просить помощи у правительства Рейха. Так как формирование в Баварии соединений, состоящих из добровольцев, до этого было запрещено, полковник фон Эпп, командир баварского специального пехотного полка, которого уважали как испытанного в бою офицера, по совету Густава Носке смог сформировать Баварский добровольческий корпус. Многих бойцов в этот корпус поставляет эзотерическое общество Туле, которое в дальнейшем окажет огромное влияние на формирование всей идеологии фашизма. Одновременно с этим объявляется об образовании «народной армии» для создания отрядов защиты.

В то время как представители законной власти призывают к оружию, 14 апреля Эгельгофер постановляет: «Все граждане в течение 12 часов должны сдать в городскую комендатуру оружие всех видов. Кто не сдаст в этот срок оружие, будет расстрелян».

Премьер-министр Баварского правительства Гофман хочет опередить Советы и приказывает войскам и дружине напасть. 15 апреля под Фрейзингом и Дахау происходит первое «сражение», в котором уставшие солдаты Гофмана передают свое оружие войскам Советов и идут домой. Гофман ждет вмешательства военных батальонов Пруссии. 15 000 человек вступают в Мюнхен. Благодаря этому ситуация меняется молниеносно.

«Главное командование Красной армии» тут же опубликовало призыв, в котором наряду с требованием немедленно начать всеобщую забастовку, бороться с оружием в руках и ненавидеть «капиталистов», между прочим, говорится, что офицеры, студенты, сыновья буржуев, и белогвардейцы, наемники капитализма, угрожают революции.

Страшные эксцессы происходят теперь с обеих сторон. Так, например, «белые» под Пухгеймом, недалеко от Мюнхена, загнали 52 русских рабочих, освобожденных Советами военнопленных, в каменоломню и расстреляли. Под Штарнбергом было убито около 20 рабочих.

В ответ 29 апреля красные расстреливают заложников. Среди них оказывается немало членов общества Туле. Советы продолжают брать заложников и в их руках оказались высокопоставленные члены этого эзотерического общества, оказавшего такое неизгладимое влияние на всю историю Германии.

В ожесточенных боях штурмом удалось взять Мюнхен. 1 и 2 мая войска Носке входят в город. С обеих сторон дело доходит до настоящих ужасов гражданской войны. 4 мая режим Советов свергнут, но резня еще не прекращается. Освободители Мюнхена, опьяненные победой, варварским образом умертвили 433 человека. Более 180 человек лишь по подозрению в сочувствии к «красным» были приговорены к расстрелу.

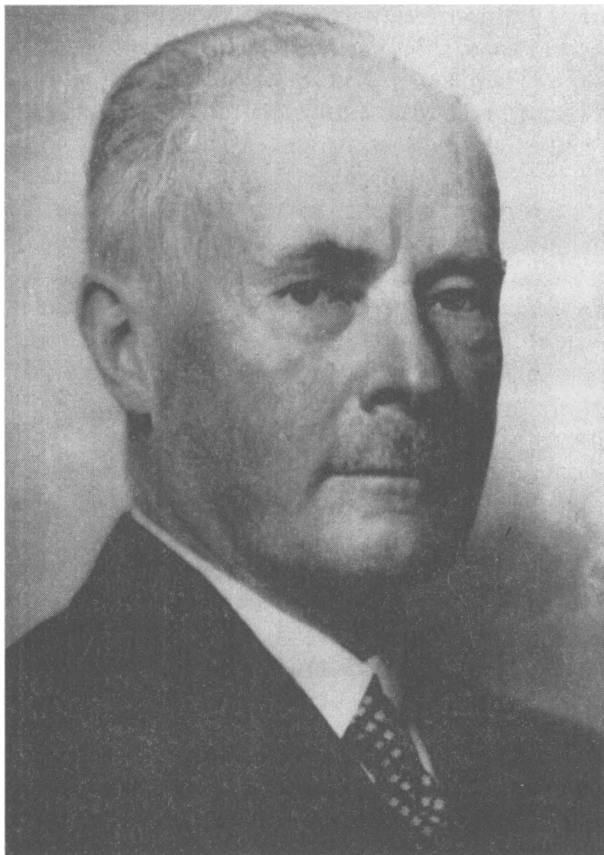
Эгельгофер в отчаянии призывает мюнхенские гарнизонные войска стать на сторону коммунистических Советов. В некоторых частях проводится голосование по вопросу, какую позицию занять. В казарме Макса, в которой находится ефрейтор 16-баварского резервного полка, Гитлер, происходит следующее. Упомянутый ефрейтор неожиданно вскакивает на стул и произносит страстную речь: «Товарищи, мы же не революционная гвардия для собравшихся со всех стран евреев! Фельдфебель Шюслер совершененно прав, когда предлагает сохранять нейтралитет».

Этих слов Гитлера было достаточно, чтобы удержать его батальон от перехода на сторону Советов. Судя по всему, это был первый опыт публичного выступления будущего могущественного диктатора.

Дабы исключить возможность военных действий со стороны побежденных, союзниками были наложены суровые ограничения на численность их армий и типы вооружений.

Так, Германии разрешалось иметь армию только на добровольческой основе, не превышающую 100 000 человек. Ей также запрещалось иметь танки, самолеты и современные боевые корабли. Кроме того, были сделаны ограничения и в калибре ее артиллерии. Большая часть военных заводов Германии должна была быть демонтирована, а Рейнская область объявлялась демилитаризованной зоной. В довершение ко всему Германии вменялось в обязанность выплачивать огромные репарации и возмещение ущерба, нанесенного ею странам западной коалиции.

Значительная часть населения страны была настроена категорически против таких жестоких условий и утверждала, что это несправедливо, поскольку германская армия не потерпела поражения на

ФОТОВАНК

Густав Крупп

полях сражений. Впрочем, иного выхода у Германии не оставалось, и 28 июня 1919 года в Зеркальном зале Версальского дворца был подписан мирный договор. Именно в этом зале в 1871 году кайзер Вильгельм I был провозглашен императором всей Германии.

Заключение Версальского мира отпраздновали в Нью-Йорке, Париже, Лондоне и ряде других городов. Теперь государства-победители могли заняться демонтажем своих военных машин и переводом экономики на мирные рельсы, приняв все необходимые меры к тому, чтобы в Европе более не могло возникнуть новых военных конфликтов. Многочисленные кладбища и мемориалы, а также сотни тысяч тех, кто получил физические и психические увечья, служили мрачным напоминанием об ужасах войны.

На мирной конференции был предложен дополнительный способ уберечь мир от новых вооруженных столкновений. Было достигнуто согласие о создании Лиги наций, еще одного детища президента Вильсона. В нее приглашались не только страны-победительницы, но и те, кто сохранял в годы войны нейтралитет. Вскоре ее членами стало сорок два государства. Основной ее задачей было предотвращение потенциальных военных конфликтов путем международного арбитража. Если уговоры не помогали и один из членов Лиги наций начинал военные действия против другого, эта организация имела право применять определенные санкции, а в качестве последнего средства и силу.

Итак, мировое сообщество предприняло усилия, чтобы война 1914–1918 годов стала последней войной в истории человечества. Однако уже первое послевоенное десятилетие показало, что далеко не всех устраивает этот новый курс. На политической арене стали появляться силы, сразу же давшие понять, что не собираются способствовать поддержанию мира и стабильности на планете.

В Германии после окончания Большой войны постоянно возникали столкновения между представителями правых и левых группировок. Центристское правительство, пришедшее к власти в самом конце войны, сумело взять ситуацию под контроль, однако унижительные условия Версальского мира снова накалили страсти. Это не в последнюю очередь проявилось в отношении к ограничениям, наложенным мирным договором на численность вооруженных сил Германии. В 1921 году польские нерегулярные части при негласной поддержке французов попытались аннексировать богатую полезными ископаемыми область Верхней Силезии. Их планы удалось сорвать, лишь спешно и тайно развернув те самые добро-

вольческие части, с помощью которых Веймарское правительство сумело подавить революцию 1919 года.

Огромные репарации, которые Германии приходилось выплачивать победителям, довольно скоро привели к галопирующей инфляции.

Правые довольно быстро напомнили о себе. В марте 1920 года военные предприняли попытку свергнуть правительство, которое спешно переехало из Веймара в Дрезден. Генерал фон Лютвиц, командир берлинского гарнизона приказал захватить Берлин и провозгласил Фридриха Вольфганга Каппа «канцлером империи». Президент Веймарской республики Фридрих Эберт пытался изо всех сил найти способы, с помощью которых ему бы удалось остановить армию. Добровольческие дружины «Freikorps» представляли собой довольно грозную силу, которая уже с успехом расправилась с баварской революцией. Но у социал-демократов в арсенале оказалось свое безотказное оружие — всеобщая забастовка. В отчаянии президент Эберт прибегнул к ней и спас на время положение. Он приказал всем рабочим в один день покинуть свои рабочие места и выйти на улицу. На следующий день уже ни из одного крана не текла вода, погас свет, перестали подавать газ, встали поезда и трамваи.

В течение недели путч, не получив широкой поддержки масс, с треском провалился. Капп вынужден был бежать в Швецию.

Германия продолжала выплачивать репарацию, и это ей стоило огромного труда. Правительство решило приостановить выплату. В ответ французские войска оккупировали Рур. Это опрометчивое решение было принято премьер-министром Франции Пуанкаре. 10 января 1923 года солдаты боевым маршем прошли по улицам Эссена. Бельгийско-французский корпус чувствовал себя как дома, полагаясь, в основном, на собственное силовое преимущество. Войска легко блокировали территорию в 60 миль в длину и 28 миль в ширину. В их распоряжении оказались 85% всей производственной стали в стране. Однако чтобы сделать эти богатства действительно полезными, Брюсселю и Парижу следовало решить неразрешимую задачу — найти понимание и поддержку среди местного населения.

Немецкое правительство обратилось к своим гражданам оказать пассивное сопротивление. Инфляция в результате оккупации Рура стала галопирующей. За короткое время курс марки по отношению к доллару упал с 7000 до 1 000 000. Рабочие Рура окрестили вторжение бельгийцев и французов «ударом штыка». В любую минуту их терпение могло лопнуть. И вот в 7 часов утра в протестант-

скую пасху 31 марта 1923 года все заводы Круппа как один начали издавать непрерывный гудок. Огромная толпа, около 30 тысяч человек, стала подтягиваться к гаражам, где в это время находился со своим отрядом французский лейтенант Дюрьо. У солдат были винтовки и пулемет. Кольцо молчаливых рабочих начало сжиматься. У французов сдали нервы, и они стали стрелять в толпу. 13 человек были убиты, из них 5 подростков. 52 человека были ранены.

Французский генерал, который по праву сильного занял виллу Хёгель под свой штаб, приказал выслать в Эссен из Дюссельдорфа танки и пулеметный батальон, чтобы подавить возможный мятеж. Но выполнить подобное приказание оказалось невозможным. Повсюду начались нападения местного населения на войска, напоминающие партизанскую войну. Ручные гранаты полетели во французов даже в Дюссельдорфе. Рота добровольцев захватила мэрию и отбивалась от французов в течение 24 часов, а в самом Эссене был взорван мост.

Непродуманная акция Пуанкаре не получила у глав правительств широкой поддержки. В этой ситуации жители Рура больше походили на невинных жертв, чем на преступников.

«Подобные меры, — писал английский «Spectator», — лишь усиливают немецкое сопротивление, но никак не ослабляют его». Под давлением общественного мнения, наконец, и Пуанкаре вынужден был признать свою ошибку. Генерал, чья штаб-квартира располагалась на вилле Хёгель, приказал войскам срочно оставить Эссен. В самом городе началась церемония похорон 13 погибших, которая превратилась в демонстрацию национального единства. Густав Крупп в этот момент выглядел чуть ли не единственным защитником Отечества.

В дальнейшем выяснилось, что войска покинули Эссен лишь на время траура, дабы не вызывать вспышек насилия. Через очень короткое время они вернулись вновь, и даже в тот момент, когда останки погибших предавались земле, над головами скорбящих непрерывно летал французский биплан-разведчик.

Когда оккупационные войска вновь вернулись, то было принято решение, что именно Густав Крупп и должен стать тем козлом отпущения, на которого можно было бы свалить всю ответственность за мятеж. Это решение было принято еще и потому, что согласно статье 231 Версальского мирного договора кайзер, кронпринц Рупперт, адмирал Тирпиц, генералы Гинденбург и Людендорф, а также промышленник Густав Крупп фон Болен унд Галь-

бах объявлялись военными преступниками, ответственными за развязывание первой мировой войны. Если в отношении других политических лиц статья 231 была практически бессильна, то Крупп оказался в руках союзников, и расправа над ним представлялась неизбежной.

Вердикт был следующим: 100 миллионов штрафа и 15 лет тюрьмы. По иронии судьбы газеты всего мира окрестили это дело по аналогии с делом Дрейфуса. Антисемита Круппа и французского еврея история поставила в положение невинной жертвы. В одном из берлинских изданий появилась весьма примечательная карикатура, на которой был изображен премьер-министр Пуанкаре за обеденным столом с ножом и вилкой, а на блюде лежал спеленатый по рукам и ногам ребенок с надписью «Крупп».

Пребывание Густава в тюрьме было не столь ужасным, как это преподносилось немецкими газетами. Выражаясь языком современных политических технологий, все работало на очень удачный имидж национального героя, истинного защитника Отечества и невинного страдальца. Человек, чья деятельность действительно была разрушительной по отношению ко всему старому миру, с его, как казалось, вечными ценностями, неожиданно начал приобретать искреннюю поддержку миллионов сограждан. Так союзники своими непродуманными и недальновидными действиями способствовали созданию условий для начала будущей более кровопролитной войны.

Надежды на то, что бойня 1914–1918 годов будет последней, таяли с каждым часом пребывания Густава Круппа в тюрьме. Таяли эти надежды и в связи с заточением другого, более опасного преступника, Адольфа Гитлера. Будущая власть в Германии приобрела тюремный, криминальный опыт, чего никогда не было раньше, когда речь заходила о королях и принцах.

Как указывают исторические документы, после разгрома Советов в Баварии Гитлеру было поручено выявить неблагонадежных унтер-офицеров и рядовых для дальнейшей расправы над ними. Бравый ефрейтор отлично справился с поставленной задачей. Неумолимого, патриотически настроенного Гитлера начальство решило отправить на курсы агитаторов, где будущий диктатор получил первые уроки ораторского мастерства и искусства демагогии и где завел очень полезные знакомства.

Гитлер, который позже заявил, что стал политиком против своей воли, в 1919 году не имел родины. У него не было и официально подтвержденного профессионального образования, а также средств к существованию. Перспектива стать профессиональным оратором показалась весьма заманчивой. Так будущего диктатора обстоятельства жизни буквально втолкнули в политику.

Профессор Александр фон Мюллер, который на первом агитационном курсе делал доклад по немецкой истории войны, сразу же заметил прирожденный талант Гитлера к риторике. В частности, он писал: «После моего доклада и последующего бурного обсуждения уже в пустующем зале я наткнулся на маленькую группу, которая привлекла мое внимание. Казалось, эта группа была зачарована человеком, стоящим в самом центре. Он обладал редко встречающимся гортанным голосом. Оратор непрерывно и с возрастающей страстью обращался к слушающим. У меня было странное чувство: как будто бы волнение группы являлось делом его рук, и это же волнение словно заражало самого оратора, придавая силу его голосу. Я видел бледное худое лицо, под не по-солдатски свисаю-

щей прядью волос, с маленькими усиками и поразительно большими, ярко-голубыми, с фанатическим блеском глазами».

«Так мне предоставили возможность, — писал впоследствии сам Гитлер, — выступать перед более многочисленной, чем моя казарма, аудиторией. Ощущение собственной силы, которое подспудно давно зрело во мне, получило теперь практическое подтверждение: я мог говорить».

Это открытие очень льстило молодому Гитлеру. Правда, он опасался, что в результате многочисленных газовых атак, пережитых им на фронте, у него может в любой момент сесть его завораживающий, немного истеричный, слегка крикливый, но по-своему необыкновенный голос. Однако почти каждодневные упражнения привели к такому развитию ораторских способностей будущего фюрера, что его голос постепенно приобрел силу почти магического воздействия на слушателей.

Однажды, в сентябре 1919 года, Гитлер получил приказ политического отдела армии присмотреться к деятельности небольшой группы, которая именовала себя рабочей партией Германии. Военные подозрительно относились к рабочим партиям, поскольку они придерживались в основном социалистической либо коммунистической ориентации.

За несколько недель до получения этого задания на одном из занятий по общеобразовательной подготовке Гитлер прослушал лекцию Готфрида Федерера, инженера-строителя, фанатично увлекавшегося экономикой. Лектор был одержим идеей, что большинство экономических проблем Германии коренится в так называемом «спекулятивном» капитале в противовес «созидательному и продуктивному капиталу». Федерер ратовал за устранение капитала первого типа и с этой целью создал в 1917 году организацию «Германская лига борцов за искоренение процентного рабства». На Гитлера, не разбиравшегося в экономике, выступление инженера произвело сильное впечатление. В требовании Федерера «искоренить процентное рабство» Гитлер узрел «важную предпосылку создания новой партии». «На лекции Федерера, — писал он, — я ощутил мощный призыв к предстоящей работе».

Во время же одного из собраний рабочей партии Германии кто-то — Гитлер не запомнил фамилии — прихрамывая, подошел к нему и сунул в руку небольшую брошюру.

Это был Антон Дрекслер, слесарь по специальности, которого, пожалуй, можно считать основателем национал-социализма. Бо-

лезненный и неказистый Дрекслер, не получивший надлежащего образования, имеющий пусть неглубокие и противоречивые, однако самостоятельные суждения, плохой писатель и никудышный оратор, работал в ту пору в железнодорожных мастерских Мюнхена.

На следующее утро Гитлер внимательно изучил брошюру, которую всучил ему Дрекслер. Этот эпизод он подробно описал в «Майн Кампф».

Было пять часов утра. Гитлер проснулся и, как обычно, чуть приподнявшись на койке в казарме 2-го пехотного полка, наблюдал за тем, как мыши подбирали крошки хлеба, специально разбросанные им накануне. «Мне в своей жизни довелось испытать такую нищету, — замечает в дальнейшем Гитлер, — что я хорошо представлял себе, что такое голод и то удовольствие, которое получали сейчас эти маленькие создания». Посмотрев на мышей, будущий фюрер неожиданно вспомнил о брошюре и принялся за чтение. Текст назывался «Мое политическое пробуждение». К немалому удивлению самого Гитлера, в брошюре содержались идеи, над которыми он сам задумывался в последнее время.

Главную задачу Дрекслер видел в создании такой политической партии, которая опиралась бы на широкие массы рабочего класса, но в отличие от партии социал-демократов носила бы националистический характер.

В тот же день Гитлер получил открытку, из которой с удовольствием узнал, что принят в рабочую партию Германии.

Здесь следует упомянуть о двух членах данной малочисленной партии, которые также сыграли важную роль в становлении Гитлера. Капитан Эрнст Рем, служивший в штабе 7-го окружного командования армии в Мюнхене, вступил в партию раньше Гитлера. Коренастый, с бычьей шеей и маленькими глазками, со шрамами на лице и с изуродованным носом, в 1914 году пулей ему оторвало самый кончик. Как и Гитлер, Рем испытывал жгучую ненависть к демократической республике и «преступникам ноября».

Рем мечтал восстановить сильную националистическую Германию и, как Гитлер, считал, что это в состоянии сделать только партия, опирающаяся на поддержку низших классов. Решительный, неистовый, подобно большинству основателей нацистской партии, являвшийся гомосексуалистом, он помог сформировать первый нацистский взвод головорезов, вскоре превратившийся в армию штурмовиков, которой он сам командовал вплоть до 1934 года, когда был расстрелян с санкции Гитлера.

Рема не только привел в быстро растущую партию многих бывших военных и добровольцев свободного корпуса, которые образовали костяк организации в первые годы ее существования, но и, находясь на действительной службе, обеспечил защиту Гитлеру и его движению, а иногда и поддержку властей. Без содействия Рема Гитлеру вряд ли удалось бы развернуть широкую кампанию по подстрекательству населения к свержению республиканского режима. Гитлер, безусловно, не смог бы столь безнаказанно прибегать к террору и запугиванию, если бы не терпимость баварского правительства и полиции. Эта терпимость объяснялась влиянием Рема.

Дитриха Экарта часто называли духовным отцом национал-социализма. Он был старше Гитлера на 21 год. Остроумный журналист, посредственный поэт и драматург, он перевел «Пер Гюнта» Ибсена на немецкий язык и написал несколько пьес, но им так и не суждено было увидеть свет рампы. В Берлине Экарт, подобно Гитлеру в Вене, вел богемный образ жизни и пристрастился к спиртному и морфию. Как пишет Хайден, какое-то время он находился в психиатрической лечебнице, где ему и удалось наконец поставить свои драмы, используя в качестве актеров содержащихся там больных.

В конце войны Экарт вернулся в Баварию. Там, в винном погребе «Бреннесель», расположенном в Швабинге, аристократическом квартале Мюнхена, он во всеуслышание разглагольствовал о превосходстве арийцев и призывал к уничтожению евреев и к свержению «свиней», правящих в Берлине.

Хайден, работавший в ту пору журналистом в Мюнхене, приводит высказывание Экарта, с пафосом обратившегося к завсегдатаям винного погреба со словами: «Возглавить нашу организацию должен человек, который бы не испугался пулеметной очереди. Надо нагнать страха на всю эту чернь. Нам не следует использовать военных, поскольку народ их больше не уважает. Лучше всего подошел бы какой-нибудь рабочий, умеющий говорить... Он не должен быть слишком умным... Лучше, если это будет холостяк, тогда нам легче подыскать ему женщин».

Вполне естественно, что поэт и большой любитель спиртного в лице Адольфа Гитлера нашел именно того человека, которого он и искал. Экарт стал близким другом и советчиком молодого человека, быстро идущего в гору. Он снабжал своего любимца книгами, помогал улучшить как стиль письма, так и разговорный немецкий. Экарт ввел Гитлера в круг своих знакомых, в число которых входил

ли не только состоятельные люди, с готовностью вносящие деньги в фонды партии и материально поддерживающие самого Гитлера, но и их жены, почти поголовно влюблявшиеся в будущего фюрера, что, как мы увидим в дальнейшем, сыграло немаловажную роль в деле выживания нацистской партии в трудный период ее истории. Именно Экарт познакомил Адольфа Гитлера с Рудольфом Гессем и Альфредом Розенбергом, что придало немецкому фашизму мощный оккультный смысл.

Гитлер в последних словах «Майн Кампфа» выразил признательность своему эксцентричному наставнику, назвав его «одним из лучших, кто посвятил жизнь пробуждению нашего народа своим творчеством, помыслами и, наконец, своими делами», сохранив уважение к Экарту до конца своих дней. Умер Экарт от белой горячки в декабре 1923 года, то есть почти сразу же после неудачного «пивного путча».

Так выглядело странное сборище неудачников, стоявших у истоков национал-социализма, создавших, не отдавая себе в том отчета, движение, которое за тринадцать лет своего существования смогло поработить почти всю Западную Европу и стало причиной начала второй мировой войны.

Недалекий слесарь Дрекслер заложил основы движения, пьяный поэт-морфинист Экарт развил определенные «духовные», а, главное, оккультные ценности, чудаковатый экономист Федер сформулировал то, что считалось идеологией, гомосексуалист Рем обеспечил движению поддержку военных и ветеранов войны.

Однако задачу по превращению скромного дискуссионного клуба в то, что вскоре станет мощной политической силой, взял на себя на данном этапе не кто иной, как бывший бродяга Адольф Гитлер, которому в то время исполнилось тридцать лет и которого еще никто не знал. Он подтолкнул свой скромный комитет к организации многочисленных митингов. Гитлер сам печатал на машинке и расклеивал приглашения. Впоследствии он вспоминал, как однажды, раздав восемьдесят таких приглашений, сидел и ждал гостей: «Через час председатель должен был открыть митинг. Нас снова было только семеро, семеро старых друзей».

Но Гитлер не терял надежды. Он увеличил количество приглашений, печатая из на ротаторе, чтобы собрать средства, дал объявления в местной газете. Успех, по его словам, был просто поразительный — на митинг пришло сто одиннадцать человек. Гитлер впервые должен был выступить перед такой массой народа. По его

утверждению, аудитория была буквально наэлектризована пламенной речью оратора. Энтузиазм присутствующих вылился в жертвования в размере трехсот марок, которые на какое-то время помогли решить финансовые проблемы партии.

Оккупацию Рура и левые, и правые в Германии расценили как очередное свидетельство слабости Веймарской республики. Особенно ярко такие настроения проявились в Баварии, где шрамы от гражданской войны 1919 года еще не успели зарубцеваться. В Баварии постоянно происходили столкновения между коммунистами и национал-патриотами. Наиболее активно в 1923 году начала проявлять себя национал-социалистическая германская рабочая партия, или сокращенно НСДАП. Её в то время возглавил Адольф Гитлер. У него к 1923 году уже появились мощные покровители, в том числе бывший начальник германского генштаба и герой войны Людендорф. В 1923 году Гитлер и Людендорф предприняли в Мюнхене попытку переворота, надеясь свергнуть Веймарское правительство и разорвать Версальский мирный договор.

Около одиннадцати часов утра 9 ноября 1923 года, в день провозглашения Германской республики, Гитлер и Людендорф вывели трехтысячную колонну штурмовиков из парка в районе «Бюргербройкеллер» и направили ее в центр Мюнхена. Рядом с ними в первом ряду маршировали руководитель СА Геринг, Шейбнер-Рихтер, Розенберг, телохранитель Гитлера, Ульрих Граф и с десятков других нацистских вожаков и главарей «немецкого союза борьбы». Впереди колонны развевалось знамя со свастикой и знамя «Бунд Оберланд».

Чуть поодаль от первых рядов демонстрантов двигался грузовик с пулеметчиками. Штурмовики несли на плече карабины с примкнутыми штыками. Гитлер размахивал револьвером. Войско, безусловно, было не самым грозным, но Людендорф, имевший большой опыт командования отборными германскими частями, видимо, считал, что для выполнения его плана этого вполне достаточно.

Пройдя несколько сот метров, бунтовщики встретили на своем пути первое препятствие. На мосту короля Баварии Людвига, безумного поклонника Вагнера, растратившего всю государственную казну на постройки фантастических замков в духе декораций к операм композитора-романтика, так вот, именно на этом мосту-памятнике немецкому романтизму, мосту, перекинувавшемуся через реку Идар, дорогу путчистам преградил отряд полиции. Геринг ус-

тремился вперед и, обращаясь к начальнику полицейского отряда, стал угрожать расстрелом заложников, которые, по его словам, находились в хвосте колонны, в случае, если будет открыт огонь по восставшим. Полицейские вынуждены были пропустить колонну через мост.

На Мариенплац нацисты наткнулись на большую толпу, слушавшую разглагольствования Юлиуса Штрейхера — ярого антисемита из Нюрнберга, который направился в Мюнхен, как только услышал о путче. Он быстро закончил свою речь и присоединился к бунтовщикам, встав в колонну за Гитлером.

После полудня демонстранты достигли своей цели — здания министерства обороны, где Рема и его штурмовиков окружали солдаты рейхсвера. До сих пор ни осаждавшие, ни осажденные не произвели ни единого выстрела. Рем и его люди служили в прошлом в армии, и многие из боевых товарищей нацистов находились сейчас по другую сторону колючей проволоки. Ни у кого не было желания прибегать к кровопролитию.

Чтобы добраться до здания министерства обороны и освободить Рема, Гитлер и Людендорф повели колонну по узкой улице Резиденцштрассе, которая сразу за Фельдхернхалле выходила на просторную площадь Одеонплац. В конце улицы путь им преградил отряд полицейских численностью около ста человек, вооруженных карабинами. Полицейские заняли выгодную позицию и на этот раз не были намерены уступить.

Нацисты вновь попытались добиться своего уговорами. Телохранилитель Гитлера Ульрих Граф сделал шаг вперед и прокричал начальнику полицейского отряда: «Не стреляйте! Идет его превосходительство Людендорф!»

Гитлер тоже не молчал.

«Сдавайтесь! Сдавайтесь!» — призывал он.

Имя Людендорфа, по всей вероятности, не произвело на полицейского офицера, никогда не бывавшего на фронте, магического действия.

Какая из сторон выстрелила первой — впоследствии так и не было установлено. Каждая обвиняла своего противника. Один из свидетелей утверждал, что первым выстрелил из своего револьвера Гитлер, другой считал, что это был Штрейхер.

Так или иначе, а выстрел был сделан, и сразу же вспыхнула перестрелка — надежды Гитлера на быструю победу вмиг рассеялись. Упал на мостовую смертельно раненый Шейбнер-Рихтер. Геринг

получил серьезное ранение в бедро. Через минуту пальба прекратилась, но мостовую устилала тела — шестнадцать нацистов и трое полицейских были убиты или смертельно ранены. В дальнейшем именно этих шестнадцать человек фашистская пропаганда возведет в ореол первомучеников. 9 ноября, как и 7 ноября для коммунистов, станет святым днем во всем Третьем Рейхе.

После залпа все, включая и Гитлера, легли на мостовую. Однако один человек явился исключением, и если бы его примеру последовали другие, все в тот день могло бы закончиться иначе для Германии. Лишь генерал Людендорф не бросился на землю. Он гордо выпрямился, как предписывали лучшие военные традиции, а затем вместе со своим адъютантом, майором Штреком, спокойно прошел под дулами винтовок на Одеонплац. Людендорф, видимо, производил впечатление одинокого странника, облаченного в генеральский мундир. Никто из нацистов не последовал за ним. Адольф Гитлер так и остался лежать на мостовой. Видимо, у него на уровне инстинкта сработал опыт окопной войны — раз стреляют, то тут же ложись. Людендорф же подобным опытом не обладал. Он был прекрасным тактиком и стратегом и привык возвышаться над общей солдатской массой. Еще совсем недавно у его ног был сам Париж, и штурмовикам прославленного генерала оставалось совсем немного для одержания окончательной победы над врагом куда более значительным и грозным, чем полицейский отряд в 100 человек, но сейчас бывшие героические деяния заметно потускнели и стали напоминать пошлый фарс.

Гитлер, очевидно, считал, что он серьезно ранен: вожак нацистов чувствовал резкую боль. Потом выяснилось, что это был самый банальный вывих. Через некоторое время, придя в себя, фюрер решил незаметно покинуть поле брани. Он вскочил в ожидавшую его на соседней улице машину и помчался в загородный дом семьи Ханфштенгель в Уффинге, где жена хозяина и его сестра ухаживали за лидером нацистской партии вплоть до его ареста, который был произведен спустя два дня.

Людендорфа же арестовали на месте. Он презирал бунтовщиков, у которых не хватило мужества пойти за ним, а разочарование в военных, не вставших на его сторону, было столь велико, что генерал поклялся впредь никогда не отвечать на приветствие германских офицеров и никогда больше не надевать военную форму.

Раненому Герингу первую помощь оказал еврей — владелец расположенного поблизости банка, куда вожака нацистов отнесли

боевые товарищи. Затем жена бывшего летчика-аса первой мировой войны переправила своего супруга через австрийскую границу и поместила в госпиталь в Инсбруке. Гесс также бежал в Австрию. Рем сдался в здании министерства обороны.

В течение нескольких дней все главари бунтовщиков, за исключением Геринга и Гесса, были задержаны и посажены в тюрьму. Нацистский путч потерпел фиаско. Партию распустили.казалось, что национал-социализму в Германии пришел конец.

Однако, как показали последующие события, карьера Гитлера просто прервалась, причем ненадолго. Гитлер обладал достаточной проницательностью, чтобы понять, что суд над ним отнюдь не положит конец его карьере, а предоставит ему трибуну, с которой он сможет прославить свое имя далеко за пределами Баварии.

Гитлеру было хорошо известно, что зарубежные корреспонденты съехались в Мюнхен, чтобы освещать судебный процесс, который начался 26 февраля 1924 года. Вступительная речь фюрера продолжалась четыре часа, и это было лишь начало длительных выступлений. Именно с этого момента о человеке с маленькими нафабранными усиками узнал весь мир, а слово нацист появилось во многих европейских языках. В своей речи Гитлер был предельно откровенен и заявил: «Человека, рожденного быть диктатором, не принуждают стать им. Он желает этого сам. Его не двигают вперед, он движется сам. Ничего нескромного в этом нет. Разве нескромно рабочему браться за тяжелую работу? Разве предосудительно человеку с высоким лбом мыслителя думать и мучиться по ночам, пока он не подарит миру свое открытие? Тот, кто ощущает, что призван вершить судьбы народа, не вправе говорить: «Если вы позволите мне, я буду с вами». Нет! Долг его в том и состоит, чтобы самостоятельно сделать первый шаг».

Благодаря путчу, хотя он и потерпел фиаско, Гитлер приобрел общенациональную известность и в глазах многих выглядел теперь патриотом и героем. Нацистская пропаганда вскоре заговорила о путче как о великом этапе развития нацистского движения. Ежегодно после прихода Гитлера к власти, даже после начала второй мировой войны, фюрер приезжал в Мюнхен, чтобы вечером 8 ноября выступить в пивном зале перед старыми борцами, то есть теми, кто бросился вслед за ним в авантюру, обернувшуюся позднее ужасной катастрофой. В 1935 году Гитлер, будучи уже рейхсканцлером, распорядился вырыть тела шестнадцати нацистов, погибших в непродолжительной перестрелке с полицией, и поместить

их в саркофаги в Фельдхернхалле, ставшем национальной святыней. Открывая этот мемориал, Гитлер сказал: «Отныне они обрели бессмертие... Они олицетворяют Германию и стоят на страже нашего народа. Они покоятся здесь как истинные рыцари нашего движения».

Известно, что лидера нацистов все-таки приговорили к пятилетнему заключению, которое он должен был провести в крепости Ландсберг, расположенной неподалеку от Мюнхена. Однако популярность фюрера в Баварии привела к тому, что срок был сокращен до девяти месяцев. Гитлер провел это время за работой над книгой «Майн Кампф» и в беседах с известным магом Гаусгофером.

Пока Густав Крупп сидел в тюрьме, инфляция набирала силу, и вынужденное отсутствие самого ответственного лица не уменьшало престиж руководителя, а, наоборот, спасало его. Так, уже в августе один доллар стоил 5 000 000 марок, а 29 октября произошел самый настоящий финансовый крах, и доллар буквально взлетел к звездам. Его цена достигла отметки 40 миллионов официально и 60 миллионов у торговцев.

Круппы попросили разрешения у правительства начать выпускать собственные банкноты, чтобы рабочим ради покупки одной буханки хлеба не таскать с собой целый мешок бесполезных бумажек. Разрешение было получено, и банкноты начали выпускать. Ими можно было расплачиваться только в заводских лавках. Достоинство каждой такой бумажки колебалось от 100 до 200 миллионов марок. Эта мера была просто необходима. Она спасла многих от неминуемой голодной смерти.

По улицам Эссена стало небезопасно ходить даже днем. Грабежи случались и в административных зданиях. Казалось, в древний город вернулись все ужасы далекой тридцатилетней войны. Французам и бельгийцам уже просто нечего было здесь делать. Они стали свидетелями полного социального краха. Правительство Веймарской республики вынуждено было подать в отставку. Новый кабинет министров принял разумное решение продолжить выплачивать репарации, предусмотренные Версальским договором. Французы с бельгийцами вывели, наконец, свои войска, предоставив немцам самим барахтаться в хаосе социальной нестабильности и необычайно возросшей преступности.

Правда, перед своим уходом из страны оккупационные власти после того, как Гус-

тав отсидел в тюрьме семь месяцев, решили все-таки выпустить военного преступника на волю. Предлогом послужила так называемая «Рождественская амнистия». И эта зима, зима тревог, надежд и свободы, стала той последней точкой отчаяния, после которой началось постепенное возрождение некогда могущественной фирмы. Союзники сделали все, чтобы немцы ясно поняли, как опасно им быть слабыми и незащищенными. В этом мире нельзя было полагаться на милость победителя. Выпускать детские коляски, конечно, было очень благородно и даже гуманно, но колясками вряд ли можно было защититься от тех же самых французов, которые так нагло вторглись в безоружный Рур. Взаимные обиды, которые и без того уже сумели ввергнуть в мир в хаос первой мировой, никуда не исчезли, а, наоборот, только продолжали расти, подготавливая тем самым благоприятную почву для начала еще одной бойни. И как это ни покажется странным, но возрождению фирмы Круппа способствовало новое государство под названием Советский Союз.

Русские не являлись участниками Версальского договора и поэтому не были заинтересованы в его поддержке. Огромные богатства России, удаленные от любопытных глаз наблюдателей западных держав, предоставляли идеальные возможности и для наращивания вооружений, запрещенных договором, и для профессиональной подготовки будущих военных специалистов.

Густав Крупп, по многу раз перечитывая записки старого Альфреда, ясно понял лишь одно — будущее возрождение фирмы немислимо без военных заказов. Война давно уже стала путеводной звездой всей семьи. И именно война навечно связала семью и нацию. Будет постоянная подготовка к войне — будет процветать фирма, будет процветать фирма, будет процветать народ. Сталь — вот основа основ немецкой души.

Нечто подобное пришло в голову и еще одному очень важному и влиятельному человеку из правительства тогдашней Германии. Это был глава нового военного ведомства генерал-майор Ганс фон Сект. Именно этот человек в критический для все Германии момент был поставлен во главе стотысячной армии.

В возрасте 54 лет Сект находился в самом расцвете сил и представлял собой образец современного прусского генерала. Он был худощав, носил монокль в левом глазу и прекрасно держался. По происхождению, как и по внешности, Сект являл собой классическую немецкую военную традицию. Сын генерала, он вступил в императорскую армию в 1885 году, чтобы служить в лучшем под-

разделении отца, в гвардейском полку имени императора Александра. Как офицер генерального штаба в период первой мировой войны Сект отличился на Восточном фронте, организовав успешный Горлицкий прорыв обороны русской армии в 1915 году.

У Секта была привычка выдерживать продолжительное таинственное молчание, которое разнообразилось случайными краткими или едкими комментариями. За такой стиль общения он заработал прозвище «Сфинкс». Однако Сект, педантичный и жесткий прусак, обладал еще тем, что называлось в военной среде «старым духом молчаливой самоуничжительной преданности в служении армии». Английский посол в Германии лорд д'Абертон отметил как-то, что Сект имел «более широкий ум, чем можно представить в такой подтянутой военной фигуре, более широкий взгляд, чем тот, который, казалось, более соответствовал такому точному, такому правильному и такому внешне изящному облику».

Назначенный в качестве нового командующего, Сект намеревался, как он писал позже, «нейтрализовать яд» Версальского договора. Это означало не только преодоление ограничений самого договора, но также сглаживание разлада и возмущений, вызванных его ратификацией правительством. Старый офицерский корпус, который великий немецкий теоретик войны Карл фон Клаузевиц охарактеризовал столетие назад как «тип организации с собственными законами, обрядами и традициями», отвечавшей только перед кайзером. Теперь кайзер в качестве главы государства был заменен социалистом Эбертом, который начинал карьеру как шорник и содержатель трактира. Необходимо было, чтобы офицеры приобрели новое чувство верности если не по отношению к республиканскому или другому переходному режиму, то по отношению к рейху. Это чувство преданности Сект почти мистически воспринимал как «постоянное состояние немецкого государства и народа».

С самого начала своей деятельности Сект нашел способы обойти ограничения Версаля. Он благоразумно сохранил генеральный штаб, упрятав его функции под невинным названием «Управление войск».

С целью увеличения офицерского корпуса, который договором ограничивался до 4 000 человек, Сект маскировал свой управленческий личный состав, скрыто замещая офицерами должности гражданского персонала как в Министерстве обороны, так и в других правительственных ведомствах, добавив новый контингент для заполнения мнимых вакансий.

Сект также смотрел сквозь пальцы на наращивание полицейских сил, превышавших ограничения Версальского договора. Он использовал эти силы как резерв личного состава армии. Закаленные в боях офицеры надевали полицейскую форму и проводили военную подготовку тысяч новобранцев. Только прусская полиция насчитывала 85 000 человек, многие из которых имели на вооружении, как и регулярные пехотные части, винтовки, пулеметы и бронемашин. Сект полагал, что ограниченный контингент рейхсвера в некоторых случаях был даже выгоден. Эта строгая ограниченность позволяла быть более разборчивым, более требовательным к тем, кто шел служить в армию в отличие от хаотичного и случайного набора призывников.

Так, на каждую вакансию среди солдат и унтер-офицеров в среднем приходилось семь претендентов. Отобранные кандидаты отвечали самым высоким в мире требованиям в области физической подготовки. Эти солдаты получали необычайно высокое жалование: в семь раз больше, чем равные им по рангу военнослужащие во французской армии. Офицеры, как правило, лучше обращались с такими солдатами. На рядовых запрещалось налагать суровые и часто неоправданно жестокие наказания, которые практиковались в императорской армии. Таким образом, были созданы самые благоприятные условия для того, чтобы в армии был воссоздан дух воинского братства и преданности своему ратному высокопрофессиональному делу.

Сект обращал также особое внимание на развитие стратегии мобильности, наилучшим способом подходящей для высокопрофессиональной небольшой армии. «Все будущие способы ведения войны, — писал он в 1921 году, — похоже, связаны с применением подвижных частей, относительно небольших, но высокого качества и действующих эффективнее с поддержкой авиации». Такой акцент на скорость и маневренность предвещал второй немецкий блицкриг. Одновременно он отражал и опыт Секта, приобретенный в первую мировую войну.

Делая упор на мобильность, Сект создавал структуру рейхсвера как кадровой армии, способной в будущем к последующему расширению. Он создал то, что называют «армией руководителей», в которой каждый участник готовился таким образом, чтобы занять высшую должность и взять ответственность на себя. Таким образом, при мобилизации майоры и полковники становились бы генералами, а лучшим из солдат и унтер-офицеров присваивалось бы звание лейтенантов.

Представление Секта о развертываемой армии отражалось также в его политике сохранения живых полковых традиций. Каждой пехотной роте, которая, как правило, насчитывала не более 300 человек, присваивались названия, ордена и даже знамя полка, которые брались из старой императорской армии. Это не только повышало моральный дух, но помогало обеспечить практическую возможность для десятикратного увеличения рейхсвера и превращения его в боевую силу, состоящую из миллиона солдат.

В свете всех этих реформ военно-промышленный договор между Германией и Россией был взаимовыгодным предприятием.

Большевизм пришел к власти без логически последовательной экономической программы. Перед 1917 годом партия сосредоточилась почти исключительно на политической борьбе против царизма, а не на казавшихся отдаленными проблемах социального устройства будущего общества. Февральское восстание оказалось неожиданным для партийных руководителей, которые затем в оставшиеся перед октябрем месяцы обсуждали в основном вопросы борьбы за власть, а не перспективы ее использования. Традиционный марксизм содержал мало отправных точек для размышлений о послереволюционном развитии. Сам Маркс рассматривал экономическую модернизацию как историческую функцию капитализма, нигде не указывая и даже не намекая на возможную роль социалистов в этом деле. К тому же он, вообще, отклонял попытку делать конкретные предложения относительно послекапиталистического развития, и это стало традицией, которую соблюдали его последователи. Известно также, что Ленин критически относился к обсуждению проблем будущего. Он предпочитал совет Наполеона: «On s'engage et puis... on voit» («Ввяжемся в бой, а там посмотрим»), признавая позднее, что большевики действовали в 1917 году именно так.

Вместо того, чтобы подойти вплотную к решению вопросов социалистической реформы правления в России, большевики прибегли к положению, считавшемуся у марксистов бесспорной истиной, которая выражалась приблизительно так: пролетарская революция так же, как предшествующие ей буржуазные, будет явлением международным. Социальную и экономическую отсталость России, заключали они, можно преодолеть благодаря товарищеской помощи и поддержке с Запада. Это нежелание задумываться над программными вопросами больше, чем что-либо другое, мешало большевикам разумно рассуждать об экономическом обновлении.

Ставя экономическое будущее России в зависимость от успешного восстания в Европе, доктрина мировой революции отвлекла большевиков от внутривосточной реальности, ослабляя понимание необходимости индустриальной и аграрной программы, и приковывала их внимание исключительно к событиям на Западе. В результате одним из основных партийных принципов стала вера в революционную войну с помощью которой революционная Россия могла бы в случае необходимости избежать изоляции и обеспечить спасительную связь с передовыми индустриальными странами Европы. Революционная война стала официальной составной частью большевистских взглядов в огромной степени оттого, что она заменяла отсутствующую программу социальных преобразований и экономического развития.

С 1918 года и до окончания гражданской войны в 1922 году большевики вели борьбу против русских и иностранных контрреволюционных армий за сохранение своей власти в Советской России. «Трудно переоценить влияние этих жестоких испытаний на авторитарную партию и политический строй, находившиеся в процессе становления, — пишет американский историк С. Козн. — Помимо возрождения централизованной бюрократической власти, они привели к широкой милитаризации советской политической жизни, насаждению того, что один большевик назвал «военно-советской культурой».

С помощью германского военно-политического ведомства Сект начал секретные переговоры с Россией в начале 1920 года. Он использовал несколько посредников, в том числе Энвера Пашу, отъявленного турецкого авантюриста и бывшего военного министра. Сект и Паша стали друзьями в конце войны, когда первый служил в качестве начальника турецкого генерального штаба. Османская империя рухнула в 1918 году, и Сект помог Паше перебраться в Германию, а оттуда в Москву.

Переговоры между Германией и Россией, состоявшиеся в 1922 году, привели к договору в Раппало, который восстановил торговые и дипломатические отношения между двумя столь различными партнерами. Соглашение стало первым звеном в цепи, которая привела к советско-германскому пакту о ненападении и разделе Польши в 1939 году.

Сект организовал отделение в генеральном штабе, известное как Sondergruppe R — «специальная группа по России», для налаживания деловых контактов с Красной Армией. Их переговоры привели к созданию двух секретных военных школ на советской

территории — авиабазы в Липецке и танкового центра около Казани — для подготовки личного состава рейхсвера. К 1925 году немецкие солдаты в штатской одежде нелегально прибывали в Советский Союз, чтобы учиться летать на самолетах и водить танки. Высокопоставленные генералы рейхсвера совершали инспекционные поездки в учебные центры под видом членов мнимых делегаций рабочих-коммунистов из Германии, хотя все они были монархистами или аристократами.

Специальная группа по России вошла также в сферу торговли. Используя правительственные фонды, она образовала частный торговый концерн, известный как ГЕФУ (GEFU) — аббревиатура безобидного названия «Компания для содействия промышленным предприятиям». С технической помощью немецкой промышленности ГЕФУ основала и управляла рядом предприятий в Советском Союзе в обход Версальскому договору. Один завод в Самарской области занимался производством отравляющих газов, другой — в Филях под Москвой — строил военные самолеты и моторы, а на заводах в Туле, Ленинграде и Шлиссельбурге выпускали артиллерийские снаряды. Выпуск продукции на этих заводах делился между рейхсвером и Красной Армией. Только в Германию, например, прибыл груз в количестве 300 000 тяжелых артиллерийских снарядов.

Известно, что Густав Крупп лично участвовал в подписании советско-германского договора в Раппало. Внешне его экономическая помощь молодой Советской России выражалась в поставке сельскохозяйственных машин. Представители фирмы подписали договор с Микояном о том, что на крупповских предприятиях пройдут необходимую подготовку будущие советские инженеры, но что скрывалось за этим занавесом, оставалось только догадываться.

Однако Сект знал, что советское участие являлось лишь временной мерой. Снабжение оружием и боеприпасами, достаточное для растущей армии, он представлял себе только в виде «удобных соглашений» с промышленниками в самой Германии. В 1924 году Сект создал секретное ведомство по вооружениям для того, чтобы установить взаимоотношения с руководителями промышленности и подготовить подробные планы для мобилизации армии из 63 дивизий. Сект не интересовался накоплением запасов оружия, которое могло быстро устареть. Его цель состояла в том, чтобы поощрять исследования и разработку нового оружия. Когда наступит время для полномасштабного перевооружения, он хотел иметь образцы и про-

тотипы нового современного вооружения, которое можно быстро запустить в случае необходимости в массовое производство.

Просьбы рейхсвера встретили различный прием. В то время как немногие промышленники секретно сотрудничали с армией, многие протестовали, так как не могли позволить себе финансовые убытки, с которыми были связаны тайные исследования и разработки. Но, по крайней мере, один титан немецкой промышленности, который отлично понял, в чем заключается единственный источник его истинного благосостояния, горячо поддержал планы Секта. Естественно, это был все тот же Густав Крупп. В январе 1922 года Крупп лично встретился с Сектом и адмиралом Паулем Бенке, командующим военно-морскими силами, и согласился, как позднее написал Густав, «обходить и таким образом нарушать условия Версальского договора, который душил военную свободу Германии».

Два заговорщика, Секст и Крупп, имели как сходные черты характера, так и серьезные различия. Подобно Секте, Крупп являлся монархистом, который находил, что республика ему противна. В течение всей жизни свергнутого монарха Крупп поддерживал самые тесные связи с изгнанником, посылая ему поздравительные письма по случаю очередного дня рождения. Этой привычке Густав не изменил даже с приходом к власти Гитлера. Как и Сект, промышленник обладал проницательным и расчетливым умом. Но в противоположность элегантному и обходительному генералу Густав своей внешностью и манерами больше напоминал комическую фигуру. Маленького роста, на голову ниже жены, он обладал куполообразным лбом. Сжатые губы, казалось, никогда не улыбаются, а жесты у этого маленького человека были настолько быстрыми и механически неестественными, что, как заметил один американский писатель, они походили на «пародию прусской строгости».

Крупп испытывал какую-то патологическую привязанность к порядку и эффективности. Среди людей, которые гордились своей точностью, он был легендой безукоризненной пунктуальности. Каждый день его жизни был расписан по минутам. Такого же он требовал и от своих подчиненных. Каждую неделю он выделял не более 60 минут для игры с восемью детьми. На этом его отцовский долг и ограничивался. Все остальное время было потрачено на восстановление былого престижа концерна. И, поистине, это были титанические усилия.

Процесс разоружения на заводах Круппа принял довольно причудливые формы. Инспектор союзников отметил, что немцы не сдали многие артиллерийские системы, указанные в инвентаризационных списках, подготовленных французской разведкой. Недоставало около 1500 пушек. Представитель Круппа пытался объяснить, что французские оценки оказались преувеличенными. На самом деле пропавшие пушки перекочевали за границу к голландской компании, принадлежавшей Круппу. Тупик, в который зашел вопрос по поводу пушек, преодолел сам инспектор. Он распорядился, чтобы Густав возобновил полномасштабное производство, пока его заводы не изготовят такого количества артиллерийских орудий, которое будет соответствовать французской квоте. Зажимные устройства и прессы после этого разобрали и уничтожили, а вновь изготовленные пушки отправили на переплавку. Таким образом удалось скрыть немалую часть вооружения.

«Если когда-нибудь произойдет воскрешение Германии, — писал Густав, — если даже она сможет сбросить с себя цепи Версаля, то в этом случае фирме необходимо подготовиться. Оборудование уничтожили, станки разрушили, но осталась одна вещь — люди в конструкторских бюро и в цехах, которые в удачном сотрудничестве довели производство оружия до последнего совершенства. Их умение необходимо сберечь, так же как их огромные ресурсы знания и опыта. Мне пришлось отстаивать фирму «Крупп» как комбинат по производству вооружения для отдаленного будущего, не смотря ни на какие препятствия».

Едва успели высохнуть чернила на Версальском договоре, как Густав воспользовался одним из его широко раскрытых окон: в этом документе ничего не говорилось о немецких компаниях, производящих оружие в других странах. Крупп в первую очередь обратил свой взор на Швецию и на ее завод по производству стали и пушек в Бофорсе. Он отыскал свой путь в Бофорс, обменивая патенты, лицензии и секретные производственные процессы на акции на бирже. К концу 1925 года эти владения с дополнительными акциями, приобретенными на фондовой бирже с помощью скрытых инвестиций со стороны немецкого правительства, выросли до одной трети контрольного пакета на Бофорской фондовой бирже.

Но до того, как он приобрел действительный контроль, Густав сильно повлиял на то, что стало сходить со сборочных линий Бофорса. В 1921 году он послал главного инженера понаблюдать за

производством, и вскоре завод уже собирал сконструированные Круппом артиллерийские системы, зенитные пушки и даже экспериментальные боеприпасы для поражения бронемашин. Многие из этих изделий продавались в Голландии, Дании и других странах. Они приносили небольшой доход Круппу, но при этом помогали конструкторам компании использовать свои идеи, а офицерам рейхсвера, посещавшим Бофорс, изучать новую технологию. В конце концов визиты немецких офицеров вызвали подозрение шведского правительства. В 1929 году осторожные нейтральные шведы запретили иностранное участие в собственности своих военных заводов. Юристы Круппа быстро обошли закон, создавая холдинговые компании, которые замаскировали немецкое участие и сохранили контроль над Бофорсом за Круппом.

Густав между тем продолжал увеличивать долю своего присутствия и в Голландии. В 1922 году, скрытно работая вместе с немецким морским министерством, он основал в Гааге концерн, известный как ИВС, что означало «инженерное ведомство по судостроению». Его целью являлось продолжение запрещенной тогда разработки подводных лодок, начатой на крупповских судостроительных заводах в Киле. Густав направил свою команду флотских конструкторов на новые судостроительные верфи в Голландии, где ИВС осуществляло проектирование и строительство подводных лодок для других стран. Через ИВС Крупп обеспечивал техническую экспертизу, которая помогала иностранным государствам строить собственные подводные лодки. Он обменивался информацией с японскими строителями субмарин и послал в эту страну своего главного конструктора. Густав также направил копии чертежей и штат конструкторов кораблей в Финляндию, Испанию и Турцию, где они создавали основу того подводного флота, которому предстояло бороздить моря и океаны в период Второй мировой. Эти страны, в свою очередь, разрешали немецким командирам и командам совершать пробные рейсы на новых субмаринах, тем самым предоставляя немцам возможность приобрести опыт, который они не могли иметь, плавая под свои флагом.

Крупп укрепил свое положение в Голландии, создавая компании учредителей и продавая пакеты акций ИВС влиятельным голландским предпринимателям. Это оказалось проницательным шагом. В 1926 году, когда французы заявили официальный протест против активного строительства подводных лодок в Голландии,

правительство страны дало понять, что не намерено вмешиваться в вопросы частного предпринимательства.

Пока Крупп обходил Версальский договор, разрабатывая вооружение за рубежом, он воспользовался и другой полезной возможностью. Хотя договор не позволял производство нового оружия в Германии, он не запрещал его проектирование на бумаге. Густав держал команды оружейных разработчиков в Эссене и снабжал их военными и техническими публикациями со всего мира, чтобы держать их в курсе последних достижений в этой области. Эти команды анализировали множество изобретений. Доклад, составленный американской военной разведкой в мае 1921 года, менее чем через год после подписания договора, указывал, что Круппа недавно наградили двадцатью шестью патентами по устройствам управления огнем артиллерии. Девять патентов разработчики получили за изобретение взрывателей для новых типов снарядов, 17 — за изобретение новых артиллерийских орудий среднего класса и 14 — за разработку моделей тяжелых пушек, которые можно было перевозить только по железной дороге.

После политического и финансового кризиса, который пережила Германия в 1923 году, и после освобождения из тюрьмы Густав занялся тем, что начал наращивать и без того головокружительный темп перевооружения Германии. В 1925 году конструкторы Круппа переехали в центр Берлина с тем, чтобы быть ближе к группе связи и взаимодействия штаб-квартиры рейхсвера. Команда тщательно соблюдала секретность. Хотя договор и не запрещал проведение конструкторских работ, Густав и его коллеги, планировавшие перевооружение страны, боялись, что яростная реакция держав-победительниц лишь затруднит их работу, сделав ее достоянием общественности. В своих кабинетах на десятом этаже в доме №4 на Потсдамерплац крупповские конструкторы работали под прикрытием фиктивной станкостроительной компании, которая называлась «Кох и Кинцле». Эта смешная вывеска вызывала ассоциации с популярными в это время всевозможными комическими парами, например, Пат и Паташон, или Братья Маркс. Как в современном фильме ужасов, где самые страшные и кровавые преступления творятся руками веселых клоунов, которые, в конечном счете, оказываются простыми сумасшедшими, сбежавшими из соседней психушки, так и в 20-е годы нашего столетия неслыханные злодеяния века постепенно и незаметно вызревали под балаганными именами, которые вполне могли стать сценическими

псевдонимами для любой размалеванной шутовской пары. Это было латентное, то есть скрытое, присутствие в повседневной жизни немецкой столицы вселенского зла. Любой теолог знает, что дьявол делает все, чтобы о его существовании никто и не догадывался. Вывеска «Кох и Кинцле» была своеобразной распиской, по которой отныне душа немецкого народа всецело принадлежала силам темным и неведомым.

Никто из других обитателей здания на Потсдамерплац и не знал, что творится за дверями невинной станкостроительной фирмы, хотя рядом располагались службы Рейхстага и сам парламент. Даже жены сотрудников злополучного «Кох и Кинцле» не очень ясно представляли себе, чем занимаются их мужья. «Никто не заметил нас, никто не побеспокоил, никто даже не постучал в дверь, — вспоминал Фриц Туббезинг, один из первых промышленников Германии, примкнувших уже в это время к Гитлеру. — Мы были практически наверху Рейхстага, и они ничего не знали об этом».

Первоначально Гитлер хотел назвать свою книгу «Четыре с половиной года борьбы с ложью, глупостью и трусостью», но Макс Аманн, практичный директор нацистского издательства, который должен был опубликовать ее, возражал против столь тяжеловесного и малопривлекательного заголовка. В окончательном варианте книга получила название «Майн Кампф» («Моя борьба»). Содержание ее разочаровало Аманна: он надеялся заполучить страстную исповедь Гитлера, где описывалось бы, как он из безызвестного венского «рабочего превратился в известную всему миру фигуру». Но в книге оказалось слишком мало автобиографического материала.

Позднее, уже после второй мировой войны, даже убежденные нацисты признавались, что так и не смогли до конца осилить высокопарный опус в 782 страницы.

Первый том был опубликован осенью 1925 года. Книга объемом в 400 страниц стоила двенадцать марок (или три доллара) — почти вдвое дороже большинства книг, выпускаемых в то время в Германии. Она не сразу стала бестселлером. Аманн, правда, хвастался, что в первый год после выхода «Майн Кампф» в свет было продано 23 000 экземпляров.

На основании захваченной союзниками в 1945 году документации о выплате гонораров нацистским издательством «Эйер ферлаг» можно привести фактические данные о продаже «Майн Кампф». В 1925 году было продано 9 473 экземпляра, затем в течение трех лет количество проданных книг ежегодно сокращалось и в 1928 году составило лишь 3 015 экземпляров.

С увеличением фондов нацистской партии в 1930 году, когда на прилавках появи-

лось однотомное издание «Майн Кампф» за восемь марок, продажа книг возросла до 54 086 экземпляров, а в 1932 году было продано 90 351 книга.

Гонорары Гитлера — основной источник его доходов — начиная с 1925 года и во все последующие годы составляли значительную сумму. Однако их трудно сравнивать с гонорарами, полученными в 1933 году, когда Гитлер стал рейхсканцлером. За первый год пребывания Гитлера у власти продали миллион экземпляров, и доходы фюрера от гонораров, которые с 1 января 1933 года возросли с 10 до 15%, превысили миллион марок (примерно 300 000 долларов). Как у большинства писателей, у Гитлера даже возникли определенные трудности с уплатой налогов. Фюрер сделался самым состоятельным автором в Германии и впервые почувствовал себя миллионером.

За исключением Библии, ни одна книга не продавалась в таких количествах в период нацистского правления. Считалось почти обязательным — и, безусловно, разумным — дарить «Майн Кампф» жениху и невесте к свадьбе, а школьнику по окончании школы любого профиля. К 1940 году, спустя год после начала второй мировой войны, в Германии было продано 6 миллионов экземпляров нацистской библии. Это был самый настоящий апофеоз немецкого романтизма.

«Нет сомнений в том, — пишет Г. Крейг, — что он (Гитлер. — Е.Ж.) стремился к окончательной гибели. Разве не избрал он тропу войны, отнесясь с высокомерным безразличием к ограниченным ресурсам Германии и к превосходящему потенциалу ее врагов? Разве не закрыл он глаза на возможности мирного удовлетворения своих претензий к Польше в 1939 году, хвастливо заявляя: «В конце концов я собрал армию для того, чтобы пустить ее в дело»? Разве он не ринулся в схватку с Советским Союзом, раздраженный патовой ситуацией, в которую зашла борьба с Великобританией, а после первых неудач на Восточном фронте разве не расширил он круг своих врагов, целенаправленно и будто стремясь к самоубийству, объявив войну Соединенным Штатам?»

«Если война проиграна, — заявил как-то Гитлер совсем в вагнеровском духе, — погибнет и немецкий народ. Нет необходимости волноваться о том, что потребуется немецкому народу для выживания. С другой стороны, для нас лучше всего уничтожить даже самые элементарные вещи. Ибо наш народ оказался слабее, и будущее принадлежит исключительно более сильному народу Востока. Те, кто выживут в этой борьбе, в любом случае будут худшими, так как лучшие уже мертвы».

Гитлеру удалось подменить обычные прозаические цели политика-практика грандиозной концепцией немецкого предначертания. Он придал, словно руководствуясь законами романтических вагнеровских опер, эстетическое значение политическим ритуалам посредством их драматизации.

Известный немецкий историк И.К. Фест писал по этому поводу: «Гитлер оказался первым, кто благодаря строго подобранным эффектам, театральным декорациям, исступленному восторгу и суматохе обожания возвратил публичным зрелищам их сокровенный смысл. Их впечатляющим символом был огненный свод: стены из волшебного света на фоне темного, угрожающего внешнего мира. Если немцы могли и не разделять присущий Гитлеру аппетит к пространству, его антисемитизм, вульгарные и грубые черты, то сам факт, что он снова придал политике величественную ноту судьбы и включил в нее толику страха, принес ему одобрение и приверженцев».

Предположение, что Адольф Гитлер явился, в конечном счете, проекцией латентных сил немецкой души, кульминационным выражением немецкого романтизма, нашло самого блестящего истолкователя в лице Ханса Юргена Зиберберга, который тщательно разработал эту концепцию в своей кинотрилогии: «Реквием по Королю-девственнику» (фильм посвящен покровителю Рихарда Вагнера королю Людвигу II Баварскому и его попыткам убежать от реальности посредством искусства), «Карл Май» и «Гитлер».

В последнем из трех фильмов подобный Протею персонаж-рассказчик, указывая на фюрера, говорит: «Все вело к нему. Он был единственным разрешением — не случайностью, не ошибкой, не отклонением. Между ним и нами все до мельчайшей детали было логично. Богиня истории, провидение, сказала свое слово и была права, убийственно права. В XX столетии он был Германией, а Германия была им».

Жан Амери, участвовавший в бельгийском Соппротивлении, а затем ставший узником Освенцима, писал, что в случае с Гитлером особенно важно помнить о том, что «немецкий народ созрел для его появления, и в этом отношении до ужаса пророческое стихотворение Георге звучит как трагический музыкальный аккомпанемент». Ж. Амери намекал на стихотворение «Новый Рейх» Стефана Георге, на этот типичный пример политического романтизма 1920-х годов:

Он рвет оковы, приводит в порядок груды развалин,
Бичом загоняет домой заблудших и растерянных
К вечной справедливости, где великие опять обретают величие,
Хозяин снова хозяин, дисциплина вновь дисциплина.

Он крепит верный символ на народное знамя
И ведет через бурю и страшные знамения
Ранней зари свой преданный отряд на дело
Дня бодрствования и сеет семена Нового Рейха.

Немецкое романтическое течение в искусстве Германии начала XX века получило название экспрессионизм. Оно проявило себя не только в поэзии, драматургии и прозе, но и в кинематографе. Фильмы, по мнению известного немецкого теоретика кино Зигфрида Кракауэра, отражают не столько определенные убеждения, сколько психологические настроения, те глубокие пласты коллективной души, которые залегают гораздо глубже самого сознания. О господствующих тенденциях социальной психологии можно, конечно, многое узнать из популярных журналов, радиопередач, бестселлеров, рекламы, модной лексики и других образчиков культурной жизни народа. Но кинематограф во многом превосходит эти источники. Благодаря разнообразному использованию кинокамеры, монтажу и другим специальным приемам и средствам фильмы могут пристально вглядываться в целостную картину видимого мира. Результатом его освоения является то, что Эрвин Панофски назвал «динамизацией пространства».

Наиболее показательным и пророческим в этом смысле стал фильм Роберта Вине «Кабинет доктора Калигари», который, по мнению специалистов, словно заново переписывал одну из странных сказок Э.Т.А. Гофмана.

События фильма развернулись в вымышленном немецком городке на севере, у голландской границы, который был назван создателями картины Хольстенваллем. И вот там как-то раз устраивается ярмарка с каруселями и площадными представлениями. На этой ярмарке доктор Калигари, загадочный господин в очках, зазывает публику поглядеть на сомнамбулу Чезаре. За разрешением на представление Калигари отправляется в муниципалитет, где высокомерный чиновник непочтительно обходится с ним. На утро чиновника находят убитым в кабинете, что не мешает горожанам с прежним жаром предаваться увеселениям.

Позже именно эту картину стали рассматривать как своеобразный иносказательный текст Нострадамуса. Например, эта сцена напрямую ассоциировалась с «окончательным решением» Гитлером еврейского вопроса. По поводу «окончательного решения еврейского вопроса» фюрер публично заявил следующее: «Люди всегда смеялись над моими пророчествами. Однако бесчисленное

множество тех насмешников теперь уже не смеется, а в скором времени, вероятно, перестанут смеяться и остальные».

Но вернемся к сюжету фильма «Кабинет доктора Калигари». Вместе с толпой зевак в балаган доктора входят Фрэнсис и Алан, студенты, влюбленные в дочь лекаря Джейн. На глазах у них Чезаре медленно выходит из вертикально стоящего ящика, похожего на гроб, а Калигари сообщает замороженной публике, что сомнамбула умеет предсказывать будущее. Возбужденный зрелищем, Алан спрашивает у Чезаре, долго ли ему жить. Сомнамбула открывает рот — он явно во власти неодолимой гипнотической силы, исходящей от господина, — и отвечает: «До рассвета!»

На утро Фрэнсис узнает, что его друг заколот точно таким же образом, каким и чиновник из муниципалитета. Студент, заподозрив Калигари в убийстве, убеждает отца Джейн помочь ему начать расследование. Получив ордер на обыск, они, пробравшись сквозь толпу к фургону Калигари, требуют, чтобы тот вывел из сомнамбулического состояния своего подопечного. Однако в этот момент их призывают в полицейский участок, где они должны присутствовать на допросе преступника. Тот попытался убить женщину, попался в руки полиции и упорно твердит, что он не убийца, которого давно разыскивают.

Фрэнсис продолжает следить за Калигари и после полуночи тайком заглядывает в оконце его балагана. Ему кажется, что Чезаре находится в ящике, — на самом деле же Чезаре, прокравшись в спальню к Джейн, заносит кинжал над спящей девушкой. Отец девушки помешал убийце, и тот в страхе убежал. Все вновь отправляются к Калигари. Вздолнованные полицейские хватают похожий на гроб ящик, и Фрэнсис вытаскивает из него ... куклу, двойника сомнамбулы. Сам Чезаре умирает на улицах города, неожиданно выйдя из своего сомнамбулического состояния. Калигари, воспользовавшись смятением, спасается бегством и прячется в доме для умалишенных. Фрэнсис преследует преступника. В психиатрической лечебнице он требует директора — и застывает от ужаса: директор и Калигари — одно и то же лицо.

Пара Чезаре-Калигари, по мнению ряда исследователей оккультных корней фашизма, очень напоминала пару Гитлер и маг Гаусгофер, где Гитлеру отводилась роль медиума, или сомнамбулы, непосредственно общающегося в состоянии транса с некими Высшими Силами. О том, что Гитлер довольно часто впадал в состояние транса, о его качествах медиума уже говорилось в первых главах данной книги.

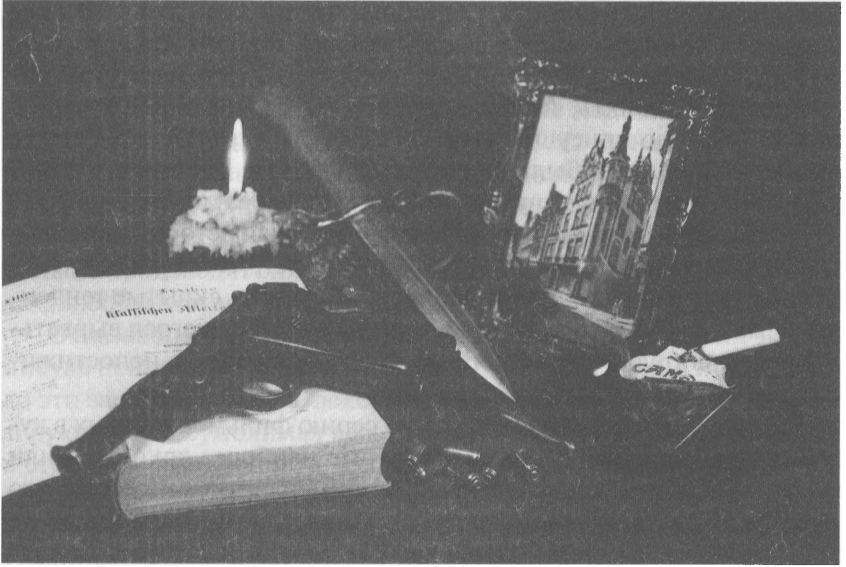

ФОТО – М. АЗІОБА

По словам сценаристов, решивших предложить этот явно романтический сюжет, картина должна была заклеить произвол государственных властей, запаливших фитиль войны. Авторы искренне хотели понять, что собой представляют некие роковые тенденции, извечно присущие немецкой государственности. Все эти тенденции и должны были воплотиться в образе Калигари, проповедующего неограниченную власть, схожую с безумием.

3. Кракауэр в своей книге «Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера» утверждает, что именно в этой картине творческому коллективу удалось уловить скрытые тенденции немецкого общественного сознания, «стремящегося вырваться из тисков грубого внешнего мира и погрузиться в непостижимый мир души».

Картина Р. Вине породила целую серию фильмов, снятых в духе немецкого экспрессионизма, которые наиболее ярко отразили извечные романтические мотивы. Например, чуткие ко всему, что касается общественных настроений, кинематографисты никак не могли пройти мимо такой темы, как Рок и Судьба. В глубинах коллективного подсознательного у немцев всегда сохранялся этот душевный трепет древних германцев перед неотвратимостью. Еще задолго до того, как официальная фашистская пропаганда начнет поднимать на щит древние германо-скандинавские сказания, выдающийся кинорежиссер Фриц Ланг снимет трехчасовой фильм «Нибелунги». Впоследствии на этот фильм Гебельс сам наложит печать: «Собственность немецкого народа».

Теа фон Гарбоу пишет, например, что в своем сценарии она старалась «подчеркнуть неумолимость искупления, который влечет за собой совершенный грех». Стремясь подчеркнуть, что гибельный Рок управляет пагубными человеческими страстями, сюжет фильма обнажает связь между причинами и следствиями. Начиная с того, как умирающий дракон движением хвоста сбрасывает злое лист на спину Зигфрида, и кончая добровольным саможжением Атиллы, все события предопределены в этой картине. Внутренняя необходимость управляет в фильме гибельным течением любви, ненависти, ревности и жажды мести. Хаген — посланник Судьбы. Достаточно его сумрачного присутствия, чтобы удача прошла стороной и восторжествовало предначертанное. С виду в фильме он — послушный вассал Гюнтера, но всем своим поведением этот герой доказывает, что под личиной покорности таится неумная жажда власти. Предвосхищая хорошо известный тип нацистского вождя, этот экранный образ увеличивает мифо-

логическую плотность мира фильма «Нибелунги» — плотность, непроницаемую для просвещения или даже христианской истины.

Эта потрясающая кинематографическая драма Судьбы разворачивается в сценах, которые стилизованы под живописные полотна прошлых веков. Сцена, где Зигфрид скачет на коне в сказочном лесу, выстроенном в павильоне, живо напоминает «Великого пана» Бёклина. Удивительно то, что вопреки несколько нарочитой красоте и известной старомодности даже для 1924 года эти кадры и поныне производят сильное впечатление. Причина тому — их ошеломляющая композиционная суровость.

Отказавшись от красочного стиля оперы Вагнера или какой-нибудь психологической пантомимы, Ланг намеренно пустил в дело эти завораживающие декоративные композиции: они символизируют Рок. Неумолимая власть Судьбы эстетически преломилась в строгой соразмерности всех элементов целого, в их ясных пропорциях и сочетаниях.

В фильме много изощренных и эффектных деталей: чудесные туманные испарения в эпизоде с Альбериком, волны пламени, стеной обступившие замок Брунгильды, молодые березки у источника, где убили Загфрида. Они живописны не только сами по себе; у каждого особая функция. В фильме много простых, громадных и величественных строений, которые, заполняя весь экран, подчеркивают пластическую цельность картины. Перед тем как Зигфрид со своими вассалами въедет во дворец Гюнтера, их крошечные фигурки появятся на мосту у самой экранной рамки. Этот контраст между мостом и лежащей под ним глубокой пропастью определяет настроение целого эпизода.

В других кадровых композициях человеческим существам отведена роль аксессуаров древних ландшафтов или гигантских строений. Дополняя орнаменталистику кадровых композиций, древний орнамент испещряет стены, занавеси, потолки, одежды. Нередко и сами актеры превращены в орнаментальные фигуры. Так, в народной зале Гюнтера король со свитой окаменело, точно статуи, сидят в симметрично расставленных креслах. Когда Зигфрид впервые появляется при дворе бургундов, он снят сверху, дабы оттенить орнаментальную пышность церемонии.

Эти художественные ухищрения внушают зрителю мысль о неотвратимости сил Судьбы. Подчас люди низводятся до орнаментальных деталей, подчеркивая всемогущество единодержавной власти. Челядь Гюнтера поддерживает руками пристань, к которой причаливает Брунхильда: стоя по пояс в воде, слуги напоминают

ожившие кариатиды. Но особенно замечателен кадр с закованными карликами, которые служат декоративным пьедесталом для гигантской урны, где хранятся сокровища Альберика: проклятые своим господином, эти порабощенные существа превращены в каменных идолов. Перед нами полное торжество орнаментального над человеческим. Неограниченная власть выражается и в тех привлекательных орнаментальных композициях, в которых расположены люди.

Нечто подобное наблюдалось и при нацистском режиме, который проявлял особую склонность к строгой орнаментальности в организованном построении человеческих масс. Всякий раз, когда Гитлер разглагольствовал перед народом, он видел перед собой не сотни тысяч слушателей, а гигантскую мозаику, сложенную из сотен тысяч человеческих частиц. «Триумф воли», этот официальный гитлеровский фильм о нюрнбергском съезде нацистской партии 1934 года, свидетельствует о том, что, создавая свои массовые орнаментальные композиции, нацистские декораторы вдохновлялись «Нибелунгами» Фрица Ланга.

Театральные трубачи, величественные лестницы и авторитарно настроенные людские толпы торжественно перекочевали в нюрнбергское зрелище тридцатых годов.

События «Нибелунгов» разворачиваются в неторопливо-медленных планах, которые обладают достоинством фотокомпозиций. Их неспешная смена оттеняет статичность мифического царства. Именно такое мифическое царство и предстает перед нами в официальных фашистских хрониках. Это своеобразный немецкий романтизм, у которого были свои вековые традиции. Гитлеру и его окружению удалось на бессознательном уровне нащупать, что называется, нерв нации.

Макс Мелл, поэт, создавший современную версию «Песни о Нибелунгах», заявил: «До нашего времени лишь немного дошло от греческих богов, от того гуманизма, который они так глубоко хотели внедрить в нашу культуру... Но Зигфрид и Кримхильда навсегда останутся в душе народа».

Зигфрид, Кримхильда, Хаген и Гюнтер — герои и героини древнего эпоса, на которых так стремились походить юноши и девушки Третьего Рейха. Молодые люди, живущие в нацистской Германии, через языческую мифологию неизбежно вбирали в себя и весь языческий мир нибелунгов, мир иррациональный, полный героизма, таинственности, коварства и насилия, мир, залитый кровью, существование которого неизбежно должно было завершиться тотальной гибелью.

Эти герои демонического дохристианского мира всегда, по словам Мелла, жили в душе народа. И в эпоху Третьего Рейха, видимо, ему удалось вырваться наружу и удивить весь мир своей романтической героикой, с одной стороны, и небывалой жестокостью — с другой.

«Тот, кто хочет понять национал-социалистскую Германию, должен знать Вагнера», — любил повторять Гитлер.

Известно, что Вагнер, как и сам Гитлер, испытывал фанатичную ненависть к евреям, которые, как он считал, стремятся владеть миром с помощью своих капиталов. Он также с презрением относился к парламентам, демократии, материализму и посредственности буржуазии.

Гитлер с раннего детства почитал Вагнера и даже на закате жизни, находясь в сыром и мрачном бункере в штабе армии на русском фронте и чувствуя, что созданный им миф вот-вот падет, любил вспоминать времена, когда слушал творения великого композитора. Фюрер, по его словам, черпал вдохновение в Байрейтских театральных фестивалях и многочисленных посещениях дома композитора, где в ту пору жил сын Вагнера, Зигфрид, с женой Винифред, англичанкой по рождению, которая сама одно время являлась близким другом Гитлера.

В романе писателя Людвиг Тика «Странствия Франца Штернбальда» (1798) молодой художник оставляет мастерскую своего учителя и, не имея ясной цели, отправляется бродить по свету. По пути он попадает в дремучий лес, где «ему чудилось, что деревья зовут его, из каждого куста выступают призраки, желающие его удержать» и т. д.

Не так уж трудно определить, что перед нами типичный пример романической немецкой прозы конца XVIII – начала XIX века. Все составляющие налицо: наделенная разумом природа; звуки валторны вдали, пробуждающие воспоминания и некие порывы; молодой человек, заблудившийся где-то между прошлым и будущим, плюс это типично немецкое ощущение замкнутости в своем духовном мире, бегство от реальности, слияние собственного я с таинственными силами природы и Богом, а может быть, и дьяволом – для романтика подобная дилемма вполне допустима.

Французам, в частности мадам де Сталь, казалось, что литература, одновременно столь духовная и столь сосредоточенная на копании в глубинах своего я, могла лишь указывать на то, что немцам так и суждено оставаться занятым, даже экзотическим народом, которому, по-видимому, не дано укрепить свои связи в коллективной мощи нации, что «неизбежно превратило бы чудаковатый народ в беспокойных соседей».

То была самодовольная и угрожающе не критичная точка зрения. Генрих Гейне изо всех сил в свое время пытался предостеречь своих французских друзей от распространенного заблуждения. За завесой архаичности и немецкой мечтательности скрывались силы террора, насилия и смерти.

«Почтовые рожки, влекущие в ночи к одинокому окошку героя и заставляющие его сердце гореть в груди, — пишет Г. Крейг, — с годами приобретали все более зловещее звучание и возбуждали страсти, куда более опасные».

Со временем французы более трезво начали смотреть на романтизм, назвав его *malaise allemand* (немецкое недомогание).

Чаще всего, как, например, в случае с Францем Штернбалдом, дорога приводила романтического героя в лес. Это был немецкий лес — обитель сказок. Здесь была истинная духовная родина романтизма. И это было не случайно. Романтизм, как известно, стал реакцией на рационализм Просвещения. Романтики стремились всеми силами убежать от чопорного изящества французских парков к хитросплетениям таинственного немецкого леса. И это было по-настоящему зловещее место.

Дети, ходившие сюда по ягоды, очень скоро попадали в избушку ведьмы. Когда Макс из оперы Вебера «Вольный стрелок» отправился в лес за волшебными пулями, которые вернули бы ему утраченное мастерство меткого стрелка, он быстро оказался во власти духа Волчьей долины. В лесу же располагалась хижина Хундинга и место, где тот обхитрил Зигфрида, а также поляна, на которой Хаген вонзил в Зигфрида копьё.

Ужас, затаившийся в глубине немецкой чащи, был неотъемлемой и, возможно, самой важной частью романтического мира. Томас Манн однажды написал, что, когда он размышляет о романтизме, на ум ему приходят не счастливые странствия или народные песни, не игра воображения или мечтательное томление, но, скорее, темный аспект, который рождается из безвольной покорности романтических интеллектуалов стихийным силам, шевелящимся за деревьями в ночи. Романтизм казался ему «мрачной мощью души, ощущающей свою близость к хтоническим, иррациональным и демоническим силам жизни... [Он] далек от малодушной сентиментальности. Это бездна, одновременно осознающая себя силой и полнотой».

Еще большее беспокойство внушало любование романтиков смертью. Самая стихийная из всех сил и универсальное решение всех проблем, смерть в немецкой романтической прозе и поэзии оказывалась вездесущей. В сказках братьев Гримм она расхаживала по большим дорогам и беседовала с простыми людьми; у Брентано смерть являлась отважному Касперлю, предупреждая его о близкой кончине; она обращалась к покинутой возлюбленной в «Зимнем пути» Шуберта в шелесте листьев липы и говорила в журчании ру-

чейка с убитым горем подмастерьем из «Прекрасной мельничихи», обольстительно нашептывала девушкам в расцвете их красоты, властно шептала ребенку на руках у отца и смущала разум гордого всадника в стихотворении Вильгельма Гауфа.

Эта тенденция, несомненно, проистекала из присущего немецкому характеру фатализма, который порой принимал катастрофические формы. В изложении Тиком замыслов Новалиса насчет заключительной части романа «Гейнрих фон Офтердинген» говорилось, что развязкой и завершением странствий поэта будет великая война. Тик набросал следующие загадочные строки: «Люди должны сами убивать друг друга; это благороднее, чем падать сраженными судьбой. Они идут навстречу смерти. Честь, слава — радость и жизнь воина. В смерти, как тень, живет воин. Радость смерти — воинственный дух. Дух старого рыцарства. Рыцарские турниры. — На земле война у себя дома; война должна существовать на земле. Военные песни».

«Предчувствие и реальность» Йозефа фон Эйхендорфа, прекрасный роман и точное отражение романтических мыслей и взглядов, завершается на той же апокалиптической ноте. Когда, по сюжету, двое друзей расстанутся и один из них отправляется на новую войну, главный герой заявляет: «Мне кажется, наше время похоже на эти густые непроглядные сумерки. Великие массы света и тени борются друг с другом, яростно, но с переменным успехом, и темные тучи с тяжелым грузом судьбы блуждают между ними, не зная, что — смерть или благословение — несут они с собой... Мы родились в борьбе и в борьбе падем, побежденные или победители. Ибо из волшебного фимиама наших деяний материализуется закованный в броню призрак войны с бледным ликом и кровавыми волосами».

Как литературное направление романтизм пришел к завершению в 1830-х годах, когда его вытеснило более реалистическое и социально критическое авангардное движение, известное под именем «Молодая Германия». Однако это не означало, что исчезли идеи и образ мышления, присущие немецкому романтизму. «Немецкое недоумогание» было загнано в самые глубины национальной души. В течение последующих полутора веков эти идеи продолжали оказывать серьезное воздействие на писателей и интеллектуалов, а в более широком смысле накладывали свой отпечаток на взгляды немцев касательно многих политических и социальных вопросов.

«В сущности, были времена, — пишет Г. Крег, — когда они получали столь широкое распространение, что в значительной степе-

ни определяли политический курс страны, как, например, незадолго до 1914 года, а потом перед 1933 годом».

В 1930 году, вскоре после первой крупной победы Гитлера на выборах, Томас Манн постарался напомнить немецкому среднему классу об опасности воинственного романтизма с его бегством от реальной действительности и выражением некоего страстного желания достичь идеал любой ценой. Манн писал: «Может показаться смелым объединить нынешний национализм с идеями романтической философии, и тем не менее такая связь существует... [и служит] для подкрепления национал-социалистического движения в его духовном аспекте».

Было нечто нездоровое в той увлеченности романтиков миром, раскинувшимся за пределами нашей собственной среды обитания, — миром, где жили добрые и злые духи и где следовало искать все настоящие ответы и решения. По меньшей мере, это свидетельствовало об отказе от ответственности за проблемы реальной жизни и совершенно логично подводило к возможному самоубийству нации, чем и отличалась как внешняя, так и внутренняя политика Гитлера.

Какие бы обвинения ни предъявлялись Адольфу Гитлеру, никто не может обвинить его в том, что он не описал подробно ту Германию, которую намеревался создать в случае прихода к власти, и тот мировой порядок, который собирался установить благодаря завоеваниям германской армии. Все планы будущего фюрера пространно и подробно были изложены на страницах «Майн Кампф», книги, которую в какой-то мере можно назвать своеобразным апофеозом немецкого романтизма.

Любимыми словами фюрера являлись мировоззрение и идеал. Так, во второй части своей книги, рассуждая об образовании и воспитании граждан нового общества, Гитлер пишет: «Одной из задач нашего движения является уже сейчас провозгласить такую эру, которая обеспечит каждому человеку средства к достойному существованию, но в то же время создаст такие порядки, когда человек будет жить отнюдь не только для материальных удовольствий...

И пусть нам не говорят, что это только идеал, которого мы никогда не достигнем и который не мирится с нашими порядками на земле вообще.

Мы тоже не такие простаки, чтобы верить, что нам удастся создать такой строй, в котором совсем не будет никаких недостатков. Однако это не освобождает нас от обязанности бороться против тех ошибок, которые уже сейчас вполне ясны, преодолевать слабости и стремиться к идеалу...

Недооценивать силу идеала — дело очень опасное. Кто смалодушничает в этом отношении, тому я напомним пример наших героических солдат на фронтах. И если человек сам был солдатом, он поймет, что я хочу этим сказать. На фронтах люди умирали не потому, что они искали материальных благ. Они умирали из любви к Отечеству, из желания защитить честь нации, из веры в величие ее».

Эти слова, на наш взгляд, напрямую перекликаются с незавершенным планом Новалиса, где речь шла о войне как высшем воплощении идеала.

Рассуждения об идеале логически приводят Гитлера и к глобальному вопросу о взаимоотношении материализма и идеализма. В частности, он пишет: «В наше время засилье материализма отдаст все больше преимущество точным наукам — математике, физике, химии и т.д. Разумеется, в эпоху, когда техника и химия главенствуют и окрашивают собою всю нашу повседневную жизнь, без этого обойтись нельзя. Но тем не менее было бы крайне опасно, если бы все наше общее образование исчерпывалось этими предметами. Нет, дело воспитания нации должно быть построено не на материализме, а на идеализме».

Подобно романтикам, много говорит Гитлер и о власти исключительной личности над толпой. Как и его кумир Вагнер, он отрицает всякую демократию, высокомерно обвиняя ее в пошлости: «Наше движение должно систематически воспитывать чувство уважения к выдающейся личности. Наше движение никогда не должно забывать, что одаренная личность является главным двигателем прогресса, что каждая великая идея и каждое великое действие суть только продукт творческой силы человека, что чувство преклонения перед величием крупной личности есть не только справедливая дань, воздаваемая человеку, но и нечто такое, что объединяет многих людей в одном действии...»

Отказаться от преклонения перед великим человеком означает отказаться от использования всей той грандиозной притягательной силы, которая свойственна всем великим деятелям на этой земле...

То мировоззрение, которое отвергает демократический принцип массы и ставит своей задачей отдать власть над всем миром в руки лучшей из наций, то есть в руки самых лучших людей, логически должно применить тот же аристократический принцип внутри самого данного народа. Другими словами, оно должно обеспечить наибольшее влияние и подлинное руководство за самими

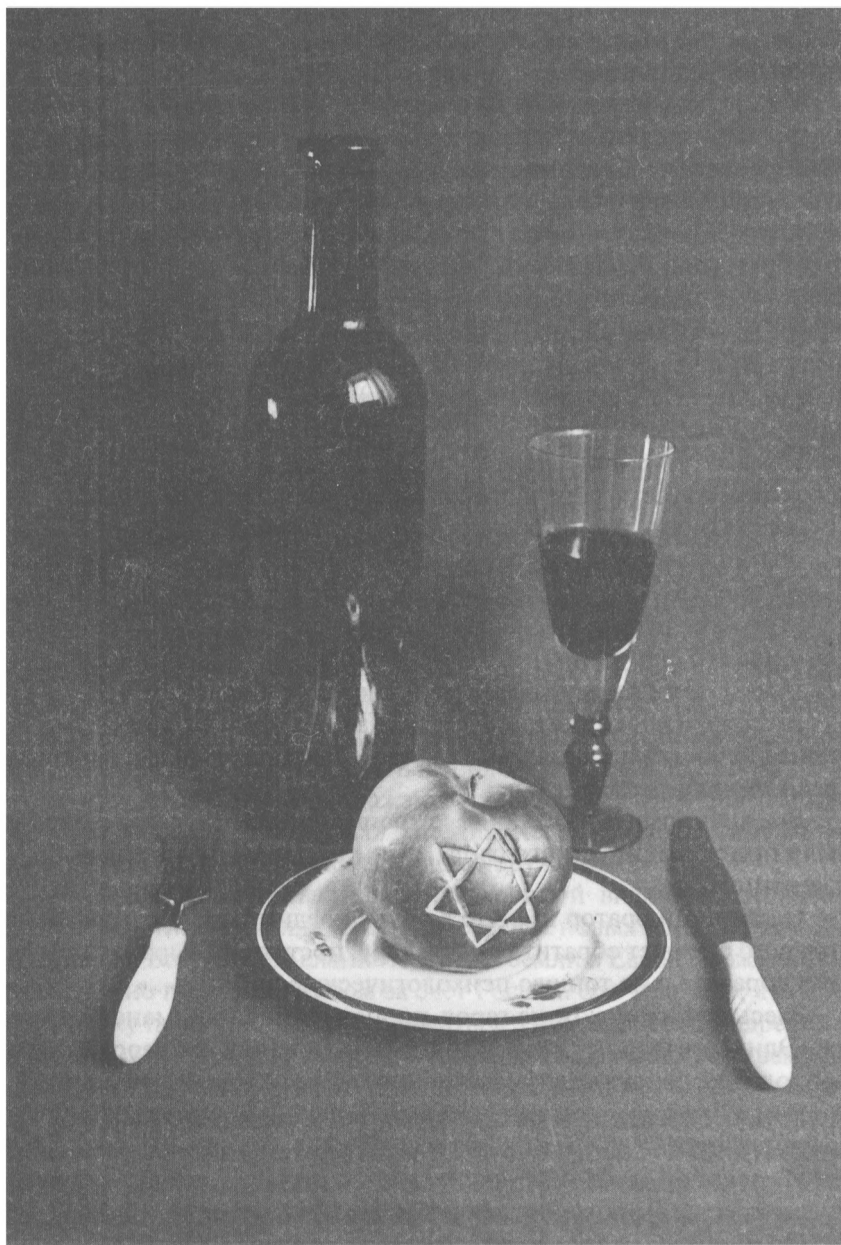

ФОТО - М. АЗЮБА

Немецкое недомогание

лучшими головами в данном народе. А это значит, что такое мировоззрение все строит не на принципе большинства, а на роли выдающейся личности».

В духе романтической диалектики «добра и зла» Гитлер обращается к примерам, взятым из истории раннего христианства, чтобы оправдать необходимость террора. «Христианство, — пишет будущий диктатор, — тоже могло довольствоваться тем, что воздвигло собственный алтарь, но вынуждено было подумать прежде всего и о разрушении языческих алтарей. Только благодаря фанатической нетерпимости и родилась потом неопровержимая вера. Без нетерпимости нет и веры... Никому не возбраняется, конечно, выражать печаль по поводу того факта, что с возникновением христианства впервые в древнем мире, прежде всего более свободном, возник духовный террор».

Немало внимания уделяет Гитлер и своему собственному ораторскому искусству, больше обращая внимание не на саму логическую стройность речи, убедительность доводов, а на время ее произнесения и на место: «И даже для настоящего оратора, обладающего замечательным красноречием, чертами апостола, все-таки легче переубедить человека в те часы дня, когда сама природа уже ослабила его силу сопротивления, нежели в те часы дня, когда человек этот обладает еще всей своей энергией и волей.

Этой же цели служит искусственная, но в то же время таинственная атмосфера, создаваемая католической церковью: горящие свечи, кадила, запахи и т. д.

Все действительно великие исторические перевороты сделаны были при помощи устного слова, а не при помощи печатных произведений...

Настоящий оратор именно в своих поединках с противником, которого он хочет обратить в свою веру, постоянно вырабатывает в себе поразительно тонкую психологическую чуткость...»

Здесь Гитлер похож на героя-проповедника из романа Гофмана «Эликсир сатаны». Это сознательная оценка фюрером своих природных свойств медиума. Именно эти свойства, выразившиеся в почти магнетическом воздействии на публику, не раз отмечали современники.

И, наконец, в «Майн Кампф» речь напрямую заходит о некоем новом крестовом походе тевтонских рыцарей.

По мнению Гитлера, в начале следовало свести счеты с Францией, с «этим буржуазным, смертельным врагом немецкого народа».

Франция, по мнению фюрера, всегда видит свою задачу в том, чтобы расчленить и расшатать Германию, разбить ее на отдельные мелкие земли. «Это настолько очевидно, — добавляет Гитлер, — что если бы я был французом ... я не мог бы и не хотел поступить иначе, чем Клемансо». Таким образом, надлежало «энергично и окончательно рассчитаться с Францией... провести последний решающий бой... только тогда мы сможем положить конец этой вечной и, в сущности, такой бесплодной борьбе между нами и Францией, разумеется, допуская, что Германия фактически рассматривает поражение Франции лишь в качестве одного из средств, с помощью которого немецкий народ впоследствии сможет значительно расширить владения в других районах».

«Германия, — откровенно заявлял Гитлер, — должна увеличить свою территорию на Востоке — в основном за счет России».

В первом томе «Майн Кампф» Гитлер много внимания уделил рассмотрению вопроса о жизненном пространстве. Данная тема занимала его до самых последних дней. Империя Гогенцоллернов, по его убеждению, допустила ошибку, стремясь завоевать колонии в Африке: «Территориальную политику нельзя проводить за счет камерунов, в настоящее время она должна решаться главным образом в Европе». Однако все земли в Европе к тому моменту были уже заняты. Верно, признавал Гитлер, однако природа не зарезервировала эти земли для будущего владения какой-то определенной нацией или расой, напротив, эти земли предназначаются тому народу, который сможет захватить их силой.

А что делать, если возражают нынешние владельцы? Тогда вступает в силу закон самосохранения: чего нельзя достичь мирным путем, надо получить с помощью оружия.

Объясняя недалёковидность предвоенной внешней политики Германии, Гитлер заявлял, что приобретение новых земель «возможно лишь на Востоке... Желание получить земли в Европе может быть реализовано главным образом за счет России. Это означает, что новому рейху предстоит снова отправиться в поход по стопам древних тевтонских рыцарей и с помощью германского меча обрести землю, для германского плуга и хлеб насущный для нации».

Словно усомнившись в том, что четко изложил свои мысли в первом томе, Гитлер возвращается к этому вопросу в томе втором и пишет: «Лишь достаточно большое пространство на земле предоставляет нации свободу существования... Невзирая на «традиции» и предрассудки, национал-социалистское движение должно найти в себе мужество объединить наш народ и свои силы для

продвижения по пути, который поможет вывести нацию из существующих ограниченных рамок жизненного пространства на новые просторы и земли... Национал-социалистское движение должно стремиться покончить с диспропорцией между численностью нашего населения и нашей территорией, рассматривая последнюю в качестве источника пропитания и основы для политики с позиции силы... Нам надо неуклонно придерживаться нашей цели... чтобы обеспечить германский народ жизненным пространством и землей, на что он имеет полное право...

Требование о восстановлении границ 1914 года — это политический абсурд таких размеров, последствия которого делают его равным преступлению. Данное требование совершенно не учитывает того факта, что границы рейха 1914 года отнюдь не соответствовали исторической логике. В действительности они не могли считаться ни всеобъемлющими с точки зрения объединения немецкой нации, ни разумными с позиции военной целесообразности. Границы не являлись результатом взвешенных политических актов, а сложились на момент политической борьбы, которая далеко не окончена... С не меньшим, а во многих случаях и с большим основанием в качестве примера можно взять любой другой год в истории Германии и провозгласить восстановление границ того времени целью внешней политики».

«Исходный» год Гитлера относится к XIII веку, когда германцы отгнали славян на восток. Подобное продвижение на восток следовало возобновить.

«В настоящее время в Европе проживает восемьдесят миллионов немцев! Текущую внешнеполитическую деятельность можно признать правильной лишь в том случае, если через сто лет на земле будут проживать двести пятьдесят миллионов немцев».

Все они будут жить в границах большого рейха. Очевидно, каким-то народам придется потесниться, чтобы разместить так много немцев.

«Таким образом, мы, национал-социалисты ... начинаем там, где закончили битву шесть веков назад. Мы приостановили бесконечную миграцию немцев на юг и запад и обратим наш взор на земли, расположенные на востоке. Говоря сегодня о жизненном пространстве в Европе, мы в основном можем иметь в виду лишь Россию и ее вассальные пограничные государства».

Эти политические заверения нацистского лидера удивительнейшим образом совпадают со следующим весьма примечатель-

ным высказыванием романтика Рихарда Вагнера: «...В своей тоске по «немецкой славе» немец обычно не в состоянии мечтать ни о чем другом, кроме чего-то подобного реставрации Римской империи».

Были времена, когда многие немцы действительно видели в Гитлере величайшего представителя своего народа; когда художники запечатлевали его в блестящих доспехах, подобно новому Парцифалю, явившемуся исцелить раны Германии; когда поэты изображали его этаким воплощением основной, неизбежной, всепоглощающей и всеохватывающей идей власти исторического преобразования; когда историки видели в нем гегельянского героя, индивидуума в мировой истории, который как никто понимал свойства эпохи, лучше всех знал, как их реализовать, и сплачивал немцев под собственным стягом, а те слепо верили в его правоту; когда университетская профессура объявляла его бесконечно мудрым, а протестантское духовенство — бесконечно праведным и когда подавляющее большинство немецкого народа, независимо от класса, статуса и занятия, благоговело и беспрекословно подчинялось ему.

Мейнеке в своей книге «Немецкая катастрофа» указал причину такого странного увлечения немецкой нации Гитлером. Он определил ее как «поиск спасения в неизбежности». Сама формула очень напоминает некий яркий романтический лозунг.

Сближение Гитлера и Густава Круппа происходило трудно. Серьезнейшим препятствием для этого был снобизм, которым отличалась вся семья могущественного промышленника. Крупп относился к Гитлеру с недоверием по многим причинам. Не последнюю роль играло то обстоятельство, что Гитлер был всего лишь ефрейтором, а магнат привык общаться с генералами да маршалами и никак не ниже. К тому же глава знаменитой фирмы являлся инстинктивным монархистом. Истинная же наследница и владелица всех заводов концерна, Берта Крупп, женщина из высшего общества, вообще, не могла спокойно произносить имени будущего диктатора. В течение всего фашистского периода правления она называла фюрера не иначе, как «тот самый господин» (*jener gewisse Herr*). Когда во дворе перед замком императорский флаг был заменен на нацистскую свастику, Берта не удержалась и бросила своей служанке: «Сходи в парк и посмотри, как низко мы пали».

Жена Густава сослалась на головную боль, когда Гитлер нанес первый официальный визит на заводы Круппа в июне 1934 года. Старшей дочери хозяина дома, двадцатилетней Ирмагд, пришлось выполнять обязанности хозяйки дома.

И все-таки несмотря ни на что, даже в недрах этой, казалось бы, монолитной семьи с мощными аристократическими традициями происходили незаметные постороннему глазу движения, сравнимые лишь с подвижками земной коры, из глубин которой и добывалась та самая руда и уголь, ставшие основой могущества династии пушечных королей.

Дело в том, что юное поколение Куруппов не собиралось разделять снобизм стар-

ших и уже сумело почувствовать и ощутить на себе влияние магнетического романтизма, присущего всему национал-социалистскому движению.

Благодаря лаконичным записям Густава мы многое можем узнать из детства его старшего сына и наследника Альфреда, названного так в честь своего знаменитого прадеда. Именно Альфреду суждено будет стать идолом немецкой молодежи. Он будет воплощать собой самого преданного, самого яростного наци.

Скрупулезные записи отца свидетельствуют, что Альфред при рождении имел рост 22,5 дюйма. Каждый год ребенка измеряли до тех пор, пока не была достигнута окончательная отметка в шесть футов.

В возрасте девятнадцати месяцев Альфред впервые встал на ноги. Его первыми книгами были «Путешествие Гулливера» и романы Карла Мея, немецкого аналога Дж. Купера.

Но сухие многочисленные записи отца не идут ни в какое сравнение с редкими, но очень яркими и проникновенными заметками матери. Говоря о детстве своего старшего сына, Берта все время повторяет одно и то же: «очень серьезен», «очень серьезен», иногда добавляя «не по годам».

Действительно, необычайная серьезность маленького Альфреда отмечалась всеми. Он с самого детства был целиком погружен в свой собственный внутренний мир, непроницаемый для постороннего взгляда. Эта серьезность заставляла всех без исключения взрослых считаться с маленьким мальчиком, а детей просто отталкивала. С самого детства будущий наследник был обречен на какое-то тотальное одиночество.

Братья и сестры получили достаточно жесткое и даже жестокое воспитание, основанное на строжайшей дисциплине и беспрекословном подчинении. Точно так же воспитывали и Альфреда, не делая ему никаких уступок. Наоборот, к нему предъявляли даже больше требований как будущему главе фирмы, чем к его братьям и сестрам. Однако у младших детей оставалось одно бесспорное преимущество — они могли сколачиваться в стайки, могли сбиваться в кучу, чтобы пожаловаться друг другу, чтобы утереть младшим слезы и сопли, этот результат родительской жестокости. Альфред же обязан был нести весь груз обид в полном одиночестве. Он не знал человеческого участия, и постепенно в нем начала отмирать та часть его души, которая и связывала его с человечеством. По сути дела, этот ребенок был лишен детства. Взрослая жизнь стала для

него миром игр и забав. С самого начала его воспитывали в атмосфере душевного холода. Это была поистине романтическая душа, душа эгоиста, лишенная чувства ответственности. В родной семье все было для него далекими планетами.

Еще в детстве Альфред не без удовольствия изучил сложную географию замка Хёгель. У других детей это холодное огромное здание вызывало только отвращение, у Альфреда — любовь. Когда братья и сестры подросли и обрели, наконец долгожданную самостоятельность, то все как один они разлетелись из фамильного гнезда. Альфред же, наоборот, начал с благоустройства замка, прозванного другими «склепом». Он обнес его неприступной оградой, вырыл мощный бункер и, почти не вылезая наружу, провел в своем подземелье всю войну.

Еще в детстве наследник выяснил, что подвал и первый этаж предназначались только для слуг. Всегда копошиться внизу — вот удел рабов. Эти люди были для Альфреда еще дальше, чем собственные родители.

Комнаты для приема высокопоставленных гостей располагались на втором этаже. Это было место, где внешний мир хоть как-то давал знать о себе. Большой мир предстал в детском воображении не в виде простых и ясных вещей, а виде разряженных особ, наделенных Властью. Таким образом, именно Власть становилась частью игры для ребенка и единственной ниточкой, связующей его с внешним миром.

Покои матери, отца и апартаменты, предназначенные для кайзера, занимали почетный и лучший в замке третий этаж. Четвертый служил студией для занятий живописью. Дети, сиделки и гувернантки обитали на пятом, а малозначительные гости обычно занимали самый верхний, шестой. Альфред инстинктивно понял, что в этой строгой иерархической системе дети и не очень важные гости находятся, приблизительно, на одинаковом удалении от центра и что родителям кайзер дороже, чем сам Альфред с его братьями и сестрами. Он принял эту схему как должное и в соответствии с этим стал выстраивать свои собственные отношения с миром.

Бродя по бесконечным коридорам замка, Альфред постоянно замечал за собой ни на минуту не прекращающуюся слезку. О его местонахождении тут же докладывали куда следует. Ни одна шалость, ни одна проказа, ни один необдуманый жест не оставались без внимания. Все обитатели замка Хёгель выполняли роль добровольных шпионов. Всегда быть на виду у всех стало проклятием.

Может быть, именно по этой причине он так жаждал забраться под землю, когда получил наконец долгожданную свободу действий.

Будущего наследника учили лучшие частные профессора под все тем же неусыпным надзором родного отца. По-французски Альфред научился говорить раньше, чем по-немецки. Знания буквально прилипали к нему. Холодный логичный ум был подобен хорошо отточенному ножу. Души в этом, с позволения сказать, образовании никто и не собирался касаться. Лишь несколько десятков раз на дню ему твердили о том, что он не такой, как все, что он особенный. Слово *Verantwortlich* (Ответственность) стало еще одним проклятием и путеводной звездой для этого человека.

Но у каждого есть свои моменты счастья. Даже в самом ужасном детстве найдется такой день, когда вдруг свершается чудо — и мир улыбается только тебе, а солнце греет макушку, и спелое яблоко падает с ветки ни с того ни с сего — просто так, прямо под ноги счастливицу.

Такой особенный день мог быть и у Альфреда. И кто знает, распорядись судьба по-другому, и, может быть, один только день смог бы изменить всю жизнь этого человека, всю его личность.

Счастье могло случиться, и у него для этого был реальный шанс. Оно могло произойти на третий день грандиозных празднеств, устроенных в 1912 году в честь столетия фирмы. Накануне, то есть на второй день грандиозных торжеств, родители Альфреда неожиданно оставили своих многочисленных гостей и скрылись куда-то. Они удалились в соседний лес, в это излюбленное место всех романтиков. Там, на поляне, проходила последняя репетиция рыцарского турнира, в котором должен был принять участие в качестве пажа и сам умирающий от счастья и неожиданного веселья Альфред. Никогда не улыбающийся, не погодам серьезный ребенок, вдруг впервые растянул свой рот в блаженной улыбке. Это было необычно. Это было похоже на первый самостоятельный шаг, который делает человек, долгие годы просидевший в инвалидной коляске. И солнце грело макушку, и яблоко готово было вот-вот свалиться прямо с небес, и шуршание материнского платья, сшитого по средневековой моде у лучших портных, сводило с ума, а начищенные до блеска рыцарские доспехи отца, выкованные из лучшей в мире стали, слепили так, что приходилось жмуриться и невольно растягивать свои тонкие губы в неуклюжей улыбке Пиноккио.

Но вечно осторожный отец начал проявлять сомнение по поводу столь экстравагантной затеи. Альфред с беспокойством заметил

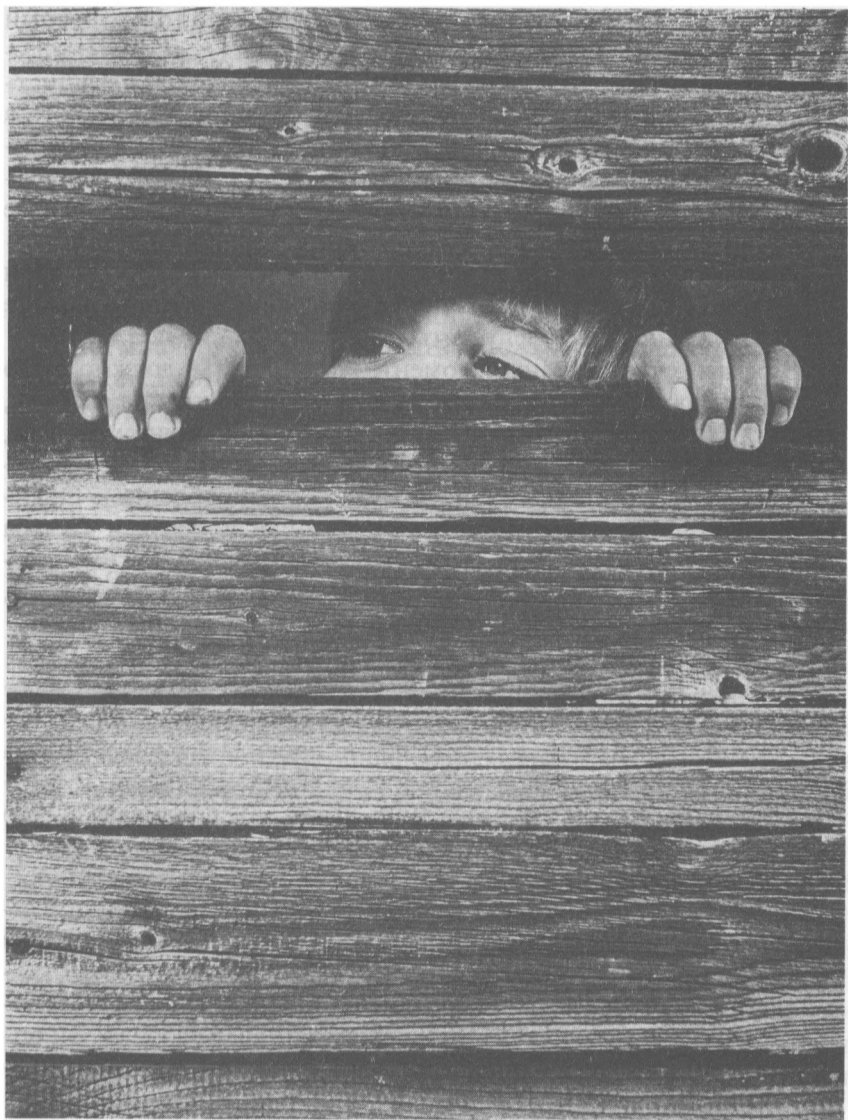
это по напряженному взгляду родителя, по тому, как долго он шептался о чем-то со своим советником Эрнстом Хосом. О сути разговоров Альфред, конечно, не догадывался, но чувствовал, что его самому счастливому дню угрожает смертельная опасность. Мальчик решил, что вина вся в нем, и, чтобы избежать катастрофы, он стал накануне готовящегося турнира демонстрировать само смирение. Никогда еще не видели его таким послушным, таким усидчивым. Изю всех сил ребенок пытался спасти свое Счастье.

Но дело, разумеется, было не в нем. Просто Эрнст Хос резонно заметил хозяину, что последний турнир в Германии был зафиксирован при Максимилиане I в 1513 году, то есть за 70 лет до того, как в Эссене появился Арнд Крупп, легендарный основатель династии. Советник также напомнил осторожному Густаву, что представители рода долго не занимались торговлей оружия. Вилки, ложки и даже бакалейные товары здесь были бы куда уместнее, чем рыцарские доспехи. Густава так насторожило услышанное, что он всерьез решил отменить в самый последний момент грандиозное представление.

Но зоркий взгляд кайзера не мог не заметить живописной костюмированной суеты, оживившей соседний лес. Такая беззаветная любовь к оружию и законам рыцарской чести не могла не вызвать симпатии у правителя Германии. Ему донесли о готовящемся турнире, и отменить что-то стало просто невозможно. Чтобы соответствовать предстоящему карнавалу, кайзер даже приказал достать свой необычный мундир и блестящий шлем с золотым орлом, мало чем отличающийся от рыцарского. Он также вооружился острой саблей и огромным кинжалом. Император и подумать не мог, как его в этот момент обожает один мальчик: счастьем теперь вряд ли что-то могло помешать.

Как положено протрубили герольды. Альфред с замиранием сердца ждал своего выхода. Он видел, как в императорской ложе появилась мать, одетая в пышное средневековое платье. Рядом с ней восседала бабушка Маргарет. Этим двум величественным дамам герольды передали витиеватые послания, написанные безупречным готическим шрифтом. И на предполагаемое поле сражения Густав выехал вместе с Альфредом, восседавшим на пони в костюме средневекового пажа. Малыш неуверенно сидел в седле, но был на вершине блаженства.

Фотография, сделанная во время одной из репетиций, как раз запечатлела момент выезда. На ней мы видим сидящего на пони

ФОТОБАНК

Альфреда. На его кудрявой арийской головке покоится лавровый венок. Он счастлив. Рядом восседает в рыцарских доспехах сам Густав. Наверное, именно с этой фотографии в дальнейшем фашистские художники будут срисовывать силуэт фюрера, облаченного в доспехи рыцаря круглого стола. Мать, Берта, тоже здесь. Она сидит на прекрасной лошади и, видно, одобряет маленького Альфреда, чуть-чуть сползающего с седла. Вот оно внешнее воплощение гармонии и семейного счастья.

Но этому, может быть, единственному празднику детства так и не суждено было осуществиться до самого конца, а детской душе так и не суждено было распусться.

В самый ответственный момент, когда счастье должно было вот-вот выпорхнуть наружу, как птичка, выпущенная на свободу, прибежал взволнованный служащий и сообщил о мощном взрыве, произошедшем на шахтах в Лотарингии. Это было как отзвук будущей Большой войны, как напоминание об оскорбленной Франции, которая грезилась о возможном реванше. Смерть и Судьба мощными крыльями своими затмили свет праздника, и отныне непроницаемая тень легла на душу серьезного не по годам мальчика, а улыбка-инвалид так больше и не расцвела на его устах.

В знак траура турнир решили прервать.

И вновь начали говорить о долге, об ответственности. Гувернантка Марга Бранд, взяв своего подопечного за руку, увела маленького Альфреда с праздника. Она попросила его тут же снять костюм пажа и отправила наследника на скучные занятия.

«В конечном счете это всего лишь игра», — успокаивала своего расстроившегося подопечного Марга Бранд.

«Игра», — буркнул ей в ответ не по годам серьезный ребенок.

Альфред воспринял Гитлера раньше всех в семье. Воинственный романтизм нацистского лидера призывал к Идеалу, который уводил к миру, раскинувшемуся за пределами обычного существования, где властвовали такие ненавистные понятия, как пресловутый Долг и Ответственность. Романтизм же давал свободу. Он оправдывал самые невероятные вещи, если только они были освещены неким призрачным Идеалом.

Известно, что Альфред Крупп поддался обаянию нацизма в возрасте 24 лет, когда учился в колледже. В 1931 году он добровольно присоединился к чернорубашечниками Генриха Гиммлера в качестве спонсора. Известно, что Гиммлер превратил организацию СС в новый рыцарский орден. Первоначально СС так и называлась «Черным корпусом».

Широко известно, что сам Гитлер восхищался деятельностью ордена Тамплиеров, а «Священный Грааль» был любимым мифическим образом фюрера. На основе этой легенды, придя к власти, Гитлер создает Аненербе, оккультный орден, напоминающий по своим функциям орден Тамплиеров.

Традиции рыцарства в СС проявились во всем и, прежде всего, в произносимой клятве верности, которую в пышной театральной обстановке давали молодые кандидаты: «Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, — говорили они хором, — фюрер и канцлер Рейха, быть верным и храбрым. Я торжественно обещаю тебе и тем, кого ты назначил мне в руководители, быть с Божьей помощью послушным до самой смерти».

«Моя честь — это моя верность». Таков был гордый девиз эсэсовцев. После принятия присяги будущие «аристократы завтрашнего дня», как их называл Гиммлер, получали кинжал, помеченный буквами «СС». Им говорили, что этот кинжал выдается для того, чтобы смыть кровью нанесенное оскорбление, если сами они сочтут, что задета их честь. В 1935 году это их право и даже долг были закреплены декретом Гиммлера, а в специальном решении Верховного суда было уточнено, что эсэсовец «может воспользоваться оружием, если даже противник мог быть остановлен другим способом». Право незаконного убийства стало, таким образом, прерогативой СС.

По законам того же рыцарского ордена, эсэсовцы были исключены рядом декретов из общей юрисдикции. Все их дела передавались внутриведомственным органам правосудия, и за свои поступки они отвечали лишь перед собственным трибуналом.

В «Черный корпус» входили многие аристократы — это были князь Вальдек, наследный великий герцог Мекленбургский Ю князь Гогенцоллерн-Зигмаринген, последний герцог Брауншвейгский, наследный принц Липпе-Бистерффильд, генерал граф фон Шуленбург. Среди «черных братьев» оказался даже архиепископ Грёбер из Фрибурга.

В среде аристократов постепенно служба в СС стала рассматриваться как особый шик, а черная форма — как верх мужской элегантности.

Юный Альфред Крупп, которому так и не дали в детстве поиграть в рыцари, получал теперь реальную возможность превратить свою давнюю мечту в жизнь.

Аненербе был главным носителем оккультной идеологии фашистской партии, благодаря его деятельности все руководство Гестапо обучалось специальным приемам оккультизма. К деятельнос-

ти этой организации примыкали приглашенные Гаусгофером азиатские маги из японского общества Зеленого дракона и тибетской секты Агарты. Около тысячи этих сатанистов после захвата Берлина русскими войсками покончили жизнь самоубийством.

«Неприкасаемые» эсэсовцы были для Гимmlера высококачественным человеческим материалом, идеально подготовленным для дальнейших экспериментов. Эсэсовец не имел права жениться без разрешения своего начальства. Невеста была обязана предоставить доказательства своего арийского происхождения начиная с 1800 года, если женихом был рядовой или младший офицер, и с 1750 года, если ее суженым был офицер. Только центральное штатное управление имело право утвердить представленные доказательства и дать разрешение на брак. Кроме того, девушка должна была пройти несколько медицинских осмотров и физических испытаний, выявляющих ее способность обеспечить потомство, достойное «расы господ». После свадьбы молодая жена обязана была окончить курсы СС в специальной школе, где преподавались политические дисциплины и «идеология, вытекающая из понятия расовой чистоты». Она проходила также курсы домашнего хозяйства, ухода за детьми и т.д. Все это преследовало цель создать за несколько лет постоянно увеличивающийся контингент индивидов, одинаковых физически и психически.

Система Гимmlера нашла свое полное воплощение в создании «источников жизни» («Лебенсборн»), своего рода племенных заводов для людей, где специально отобранные девушки с современными нордическими признаками вместе с эсэсовцами, отобранными по тем же критериям, занимались воспроизведением нордического потомства, не вступая между собой в какие-либо законные брачные союзы. Дети, родившиеся в этих заведениях, построенных на принципах направленной евгеники, принадлежали государству и воспитывались в специальных школах. Теоретически они должны были составить первое поколение чистых нацистов, сформированных начиная с эмбриона.

«Источники жизни» предназначались для членов СС, высокопоставленных чиновников и доблестных фронтовиков. Древнее право первой ночи, милое саксонским средневековым баронам, было восстановлено, чтобы дать Рейху «детей фюрера». Право предоставлялось как молодым людям, безупречным с физической точки зрения, так и женатым нацистам, имеющим письменное разрешение супруги.

Благодаря этим «Источникам жизни» и матерям, награжденным крестом «Германская мать» за рождение детей, Германия увеличила свое население на 7,5 %.

В «лагерях воспроизводства» — как с иронией называли эти места индустриального отдыха — «работники» отдыхали после тяжелого постельного труда по улучшению нордической расы. Их «работа» проходила под научным наблюдением врачей и медиков из Красного Креста.

Пи Авгнер, единственная немка, носившая генеральские погоны, создала «конвой любви», которые по примеру «армейских театров», следовали за мобильными частями вермахта.

Хельга Хелльнер, выжившая участница одного из этих «конвоев», рассказывала на Нюрнбергском процессе о нравах, царивших в одном из пяти поездов-борделей. Контингент девиц постоянно обновлялся, и многие после бурной жизни находили смерть в газовых камерах.

Известно, что романтизм всегда стремился встать над моралью, над нравственностью. Не случайно он обратился к фольклору варварских народов раннего средневековья. Известно также, что романтизм любил эстетизировать все, что так или иначе было связано с нечистой силой. Для дьявола же, как известно, всякое нарушение брачных уз, всякий коллективный блуд просто необходим: таким образом человек должен терять свой божественный облик и превращаться в скота. Романтизм, действительно, приводил к какой-то тотальной безответственности. Возвышенное ставилось над человеком, и у этих, вроде бы, высоких устремлений была своя темная сатанинская сторона.

Биологические эксперименты Гимmlера над эсэсовцами принимали и другие формы. Он полагал, что пища оказывает решающее влияние, поэтому в казармах СС утренний кофе был заменен завтраком древних германцев, состоящим из молока и каши. Меню было расписано партийными евгениками по «строго научному принципу».

Внутренне и сам Густав Крупп, в отличие от своей непреклонной супруги, готов был подчиниться Гитлеру. Натура промышленного магната нуждалась в том, чтобы добровольно служить сильному лидеру. Густав, по общему мнению, отличался какой-то невиданной преданностью любой государственной власти. Например, несмотря на устойчивый монархизм и искреннюю приверженность опальному кайзеру, его почтительность к любому главе государства была настолько высокой, что однажды он с достоинством покинул встречу, когда один его коллега отозвался о последнем слабом президенте-социалисте Фридрихе Эбере как о «сапожнике».

Но Гитлеру поначалу не хватало лишь одного — политического признания, — чтобы Крупп с радостью мог открыть ему свои объятия. К нацистам в 20-е голы присматривались, нацистов даже побаивались, ибо приписка в названии их партии, «социалистская», не сулила ничего хорошего большому бизнесу. Например, будущий преданный соратник фюрера, отвечающий в дальнейшем за пропаганду в Третьем Рейхе, Геббельс, на раннем этапе своей политической карьеры был серьезно увлечен радикализмом Штрассера и его верой в «социализм» национал-социалистского движения. Оба эти лидера хотели, как это ни покажется странным, построить партию пролетарского типа. В дневниках Геббельса много говорилось о его тогдашних симпатиях к коммунизму. «В конечном счете, — записал он 23 октября 1925 года, — уж лучше нам прекратить свое существование под властью большевизма, чем обратиться в рабов капитала». 1 января 1926 года он признавался себе: «По-моему, ужасно, что мы

(нацисты) и коммунисты колотим друг друга... Где и когда мы сойдемся с руководителями коммунистов?»

Как раз в это время Геббельс опубликовал открытое письмо одному из руководителей коммунистов, в котором заявлял, что между нацизмом и коммунизмом нет разницы. «Между нами идет борьба, — отмечал он, — но ведь мы, в сущности, не враги».

Известно также, что Геббельс и Георг Штрассер вступили в открытую конфронтацию с Гитлером по проблеме, чрезвычайно волновавшей в то время жителей Германии. Речь шла о предложении социал-демократов и коммунистов экспроприировать в пользу республики крупные поместья бывших королевских и княжеских семейств. Вопрос этот предлагалось решить путем референдума в соответствии с Веймарской конституцией. Штрассер и Геббельс рекомендовали нацистской партии присоединиться к коммунистам и социалистам и принять участие в кампании за отчуждение собственности дворянской знати.

Более того, 22 ноября 1925 года в Ганновере Штрассер созвал конференцию партийных руководителей Северной Германии. Цель конференции заключалась не только в том, чтобы склонить северогерманскую секцию нацистской партии к поддержке идеи экспроприации, но и в том, чтобы принять новую экономическую программу, которая заменила бы «реакционные» двадцать пять пунктов, принятые в 1920 году. Кстати сказать, эти 25 пунктов официальной экономической программы впоследствии заставляли самого Гитлера смущаться, когда ему напоминали о них. Многие положения основного партийного документа своей демагогической направленностью, несомненно, отвечали настроениям низших классов. Одиннадцатый пункт, например, предусматривал отмену нетрудовых доходов; двенадцатый — национализацию трестов; тринадцатый — дележ прибыли крупных промышленных предприятий с государством; четырнадцатый — ликвидацию земельной ренты и спекуляции землей. В восемнадцатом пункте содержалось требование карать смертью изменников, ростовщиков и спекулянтов. Шестнадцатый пункт, призывая к сохранению «здоровой буржуазии», настаивал на передаче универсагов в общественную собственность и в аренду мелким торговцам по низкой цене.

Данные требования были включены в программу, признанную как официальный документ 1 апреля 1920 года. В 1926 году Гитлер объявил все ее положения незыблемыми. Именно эти идеи приводили в замешательство самого фюрера, когда крупные промышлен-

ленники и землевладельцы начали довольно основательно пополнять партийную кассу.

Штрассер и Геббельс пошли дальше и предложили национализировать крупные отрасли промышленности и обширные помещичьи владения, а также заменить Рейхстаг палатой корпораций по примеру итальянских фашистов. Все это создавало, казалось, непреодолимые препятствия на пути сближения фашизма и большого бизнеса.

Впервые Гитлер оказался у ворот завода в Эссене еще в 1929 году. Лидер нацистской партии во что бы то ни стало хотел осмотреть производство. На самих воротах было прикреплено следующее объявление:

«Во избежании всякого рода недопониманий, спешим уведомить, что заявления с просьбой получить разрешение на посещение завода не могут быть рассмотрены администрацией ни при каких обстоятельствах».

В 1929 году Крупп не собирался сделать для Гитлера никаких исключений. Лидер нацистов оставался еще в тени и мало был известен в промышленных кругах. К тому же Густав серьезно опасался, что нацистский агитатор мог увидеть некоторые секретные работы по перевооружению, проводившиеся тогда на заводе. Так, из соображений секретности Крупп был вынужден прибегать к кодовым названиям в сфере военного производства, причем делал это не без иронии. Ему нравилось сбивать с толку любопытных, нравились и слухи, которые распространяли вокруг его секретных объектов. В одном из них отмечалось, что детские коляски, которые продолжали еще выпускать на его заводах, могли легко разбираться и превращаться в автоматы. Другой миф утверждал, что Крупп сохранил одну из своих гигантских пушек «Длинный Макс», развернув ее вертикально и маскируя под трубу фабрики.

Однако Гитлеру в тот день разрешили посетить историческую выставку, организованную при заводе. Лидер нацистов остался верен себе и своей любви к театральным эффектам. Признавая тот огромный политический вес, который могла бы придать ему самому и его партии связь с таким могущественным магнатом, как Крупп, Адольф Гитлер не преминул поставить свою характерную подпись в книге для гостей. Это был символический жест, очень похожий на подписание некоего договора. Теперь очередь была за Густавом, который все-таки не собирался торопиться, и тому было немало причин.

Национал-социалистская рабочая партия Германии в 1929 году имела всего 12 депутатских мест в Рейхстаге из 491. К этому времени ситуация в стране успела резко измениться, и партия Гитлера потеряла свой маргинальный электорат. Недовольных в стране становилось все меньше и меньше. В Германии начался процесс стабилизации. Так, еще в мае 1924 года директор бюджетного комитета США предложил новый вариант взимания репараций, который позволял немцам значительно поправить свое положение. В 1926 году Германию приняли в Лигу Наций, а год спустя Международный комитет по разоружению прекратил свое существование. Это развязало руки всем тем заводам и фабрикам, которые традиционно работали на войну. В августе 1929 года льготы по выплате репарации увеличились, и сроки отныне растягивались вплоть до 1988 года. В то время, когда Гитлер находился в тюрьме, в целях стабилизации валютного положения страны в правительство был приглашен финансовый гений доктор Шахт, которому удалось добиться определенных успехов. Гибельная инфляция была приостановлена. Впервые со времени поражения в войне после шести лет напряженности, беспорядков и депрессии германский народ зажил нормальной жизнью.

Нацистское движение достигло успехов в период, когда на страну сыпались несчастья, теперь же, когда перспективы развития нации резко улучшились, это движение маргиналов теряло авторитет.

Но Гитлер был фанатично уверен, что хорошие времена рано или поздно кончатся. Благополучие страны, как говорил лидер нацистов, зависело не от собственной силы, а от силы других, прежде всего, Америки, из переполненной казны которой текли займы, призванные обеспечить Германии стабильное процветание. За период с 1924 по 1930 год она получила в виде займов около 7 миллиардов долларов — по большей части от американских финансистов, мало задумывавшихся над тем, каким образом она сумеет расплатиться с долгами. Рядовые же немцы думали об этом еще меньше.

Займы, получаемые республикой, шли на платежи по репарациям и на расширение дорогостоящей социальной сферы, служившей образцом для всего мира. Правители земель, муниципалитеты расхватывали занятые деньги не только на благоустройство городов, но и на строительство аэродромов, театров, стадионов и модных плавательных бассейнов. Промышленность, долги которой обесценивались вследствие инфляции, получала миллиардные

кредиты на замену оборудования и модернизацию производства. Впервые за последнее время уровень безработицы опустился ниже миллионной черты, и в 1928 году число безработных составляло 650 000 человек. Плодами экономического подъема отчасти пользовались и низшие слои общества — многомиллионная масса лавочников и мелких служащих, на поддержку которых и рассчитывал Гитлер.

По мнению одного из современников, посетивших Париж, Лондон, Берлин и Мюнхен, именно в Германии в это время в течение очень короткого периода наиболее ярко проявилась атмосфера беззаботности и праздника. «Казалось, — писал современник, — в этой стране действует какой-то чудесный фермент. Люди жили там более свободной, более современной, более увлекательной жизнью, чем в любой другой из знакомых мне стран. Нигде искусства, интеллектуальная жизнь не были столь активны, как в Германии. В литературе, живописи, архитектуре, музыке, театре возникали новые школы, рождались талантливые произведения. И в центре всего находилась молодежь.

Бывало, целые ночи проходили в нескончаемых беседах о жизни в кругу моих ровесников, собиравшихся в кафе, в фешенебельных барах, в местах отдыха, на палубах пароходов в Рейнской области или в прокуренных мастерских художников. Пышущие здоровьем, беззаботные солнцепоклонники, они жаждали полноценной жизни в условиях полной свободы. Гнетущий дух пруссачества, казалось, исчез без следа. Большинство немцев — политики, писатели, редакторы, художники, профессора, студенты, деловые люди, рабочие лидеры — поражали своим демократизмом, либеральными или пацифистскими взглядами. О Гитлере, о нацистах почти не вспоминали, разве что в шутку, когда речь заходила о «пивном путче».

Известно, что в конце 1924 года, через две недели после выхода из тюрьмы, Гитлер добился аудиенции у Генриха Хольда — министра-президента и руководителя католической народной партии Баварии. В ответ на клятвенное обещание Гитлера вести себя прилично Хольд снял запрет с нацистской партии и ее печатного органа. «Бestia обуздана, — сообщил он министру юстиции Гюрнеру, — теперь можно ослабить путы».

Нужно сказать, что атмосфера всеобщего благодушия коснулась в этот странный период, когда в стране действовал «какой-то особый чудесный фермент», и самого Гитлера. Годы, которые по-

следовали сразу после «пивного путча», фюрер называл самыми счастливыми в своей жизни. Выступать с речами он не мог — запрет действовал до 1927 года, политика словно замерла, никто ей по-настоящему уже не интересовался, оставалось лишь работать над завершением «Майн Кампф», размышлять о будущем, да волочиться за женщинами.

Можно сказать, что Гитлер был самым настоящим обольстителем в духе романтического злодея, умело сочетая в себе безупречную австрийскую галантность и цинизм. Именно женщины в критический период истории нацистской партии были самыми важными покровительницами фюрера и его партии. Любовь и свобода, распространившиеся в этот короткий период по всей стране, обладали как живительным, так и мертвящим действием. С одной стороны, «чудесный фермент» стимулировал яркую духовную и интеллектуальную жизнь общества, а с другой — его аромат позволял Гитлеру привлекать к себе внимание важных особ, которые и спасли, в конечном счете, нацистскую партию от полного забвения и политической смерти.

В кругу близких друзей Гитлер очень снисходительно и даже пренебрежительно высказывался о женщинах и браке. «Что самое плохое в браке, — говорил фюрер, — он создает законные притязания! Тогда уж намного правильнее иметь любовницу, что, конечно, подходит лишь для выдающихся мужчин... Мужчина должен иметь возможность поставить свою печать на каждую женщину. Женщина... не хочет ничего другого... Мир мужчины велик в сравнении с миром женщины... Мир женщины — мужчина. О другом она думает лишь время от времени... Женщина может любить глубже, чем мужчина. У женщины это вовсе не зависит от интеллекта.. У женщины есть лишь горячее желание, — чтобы все симпатичные мужчины восхищались ею».

Каждую женщину Гитлер мог заставить поверить, что считает ее красивой, восхищается ею и боготворит. Каждой даме он, австрийский обольститель, целовал ручки. На своих секретарш, «пишущих дам», он никогда не кричал. «Моя красавица» и «преlestное дитя» — вот те обращения, к которым он чаще всего прибегал в общении с дамами. В присутствии женщин Гитлер никогда не садился первым.

Так, 3 апреля 1923 года «Мюнхен пост» писал о «влюбленных в Гитлера женщинах», которые одалживали ему деньги или жертвовали и делали эти благотворительные взносы не всегда лишь чис-

той монетой. Немало состоятельных покровительниц отдавали фюреру ценные художественные изделия и украшения, которыми он мог свободно распоряжаться. Одна из таких дарительниц, Елена Бехштейн, сказала, как написано в протоколе допроса полицейского управления Мюнхена от 27 мая 1924 года, что не только ее муж поддерживал НСДАП «неоднократно... деньгами, но и от нее Гитлер получал значительные взносы, но не деньгами, а произведениями искусства». Речь шла о художественных изделиях, представляющих большую ценность.

Гертруда фон Зейдлиц дала показания 13 декабря 1923 года в Мюнхенской полиции о том, что она поддерживала Гитлера не только собственными деньгами и склоняла других кредиторов в Германии и за границей поддерживать фюрера финансами, но и возмещала своими акциями суммы, необходимые для нужд НСДАП.

Ценные предметы, которые Гитлер получал в свое распоряжение от «влюбленных дам», он обычно давал в знак гарантии за ссуды, благодаря которым и держал на плаву свою партию в тяжелые времена. Это доказывает отрывок из договора о ссуде и переводе денег, который заключил делопроизводитель НСДАП с кофейным фабрикантом Рихардом Франком летом 1923 года по поручению Гитлера. «В качестве залога за ссуду в размере 60 000 швейцарских франков, — говорится там, — господин Адольф Гитлер передает господину Рихарду Франку собственность на художественные изделия, отданные на хранение в банкирский дом Генрих Эккерт в Мюнхене... Изумрудную подвеску с платиной и бриллиантом с платиновой цепочкой. Рубиновое кольцо в платине с бриллиантом. Кольцо с бриллиантом (солитер), бриллиант в оправе из серебра, кольцо 14 карат, золото. Венецианское рельефное кружево ручной работы 6,5 метра длины и 11,5 сантиметра ширины XVII века. Испанскую накидку для рояля из красного шелка, шитую золотом».

Нам могут возразить те исследователи, которые уверены, что Гитлер был лишь марионеткой в руках большого бизнеса, что его восхождение к вершинам Власти обеспечивалось поддержкой таких магнатов, как Франц Тиссен и Эмиль Кирддорф. Их устраивала антимарксистская и антипрофсоюзная линия Гитлера, и к концу 20-х годов деньги полились в партийную кассу рекой. По мнению этих исследователей, именно деньги крупных промышленников и сделали, в конечном счете, Гитлера Гитлером. Но как могла просуществовать малочисленная и даже одиозная партия сразу после со-

крушительного разгрома? Ведь, именно этот период всеобщей свободы и процветания Германии был самым опасным и трудным для германского фашизма, который мог спокойно завянуть, так и не получив живительных финансовых потоков.

Именно в этот самый отчаянный период истории нацистской партии ее спасли влиятельные женщины, влюбленные в Гитлера.

После Большой войны будущий фюрер — как большинство его товарищей — лихорадочно старался «наверстать» упущенное. Уже с самого начала 20-х годов Гитлеру дают весьма характерную кличку — «король Мюнхена». У его ног лежат самые красивые и богатые женщины. Многие из них называли себя «подругами Волка», и в этой кличке угадывался мотив оборотничества, столь любимый германским романтизмом.

В донжуанский список Адольфа Гитлера входили следующие дамы: Елена Бехштейн, жена фортепьянного фабриканта; Виктория фон Диркзен, называемая информированными национал-социалистами «матерью революции»; Гертруда фон Зейдлиц; Эльза Брукман, жена известного мюнхенского издателя; Эрна Ганфштенгл, сестра друга юности Гитлера; Карола Гоффман, жена мюнхенского заместителя директора по учебной части; Стефания, принцесса фон Гогенлоз; Женни Гауг, сестра шофера Гитлера; Суси Липтауэр, землячка Гитлера, бывшая монахиня; Марта Додд, дочь посла США в Берлине; леди Юнити Валькирия Митфорд; дочь лорда Ридсдейла; Инга Лей, бывшая актриса и последняя жена Роберта Лея — вот лишь некоторые из тех, кто был без ума от будущего правителя Германии, не считая хорошеньких танцовщиц и актрис.

Эти любовные связи не всегда кончались мирно. Так, Инга Лей выбросилась из окна, после того как написала Гитлеру письмо, которое, говорят, очень поразило его. Любовную связь с фюрером как причину попыток самоубийства называли Суси Липтауэр, леди Митфорд, которая 3 сентября 1939 года после объявления англичанами войны пустила себе две пули в голову. Она чудом осталась жива и скончалась лишь в 1948 году.

Гели Раубаль, племянница фюрера, которую он в 1928 году привез к себе в Мюнхен, где она стала его единственной большой любовью, и которую он не забывал всю свою жизнь, застрелилась, якобы будучи беременной от Гитлера, 18 сентября 1931 года.

Личный пилот фюрера, Ганс Баур, писал в своих мемуарах следующее: «Я часто разговаривал с женщинами и девушками Гитле-

ра. Все они были восхищены, фанатично или истерично. Одна из них призналась мне, что влюблена в Гитлера, и боялась, что... не найдет себе мужа, так как всех сравнивает с Гитлером и ни один не похож на него».

Как только национал-социалистская партия воспрянула от разгрома 1923 года, она непрерывно продолжала привлекать к себе немалое количество избирательниц; и после 1930 года, когда число голосов возросло с 809 000 до 6 400 000, солидная часть из них принадлежала женщинам.

Неспособность самого Гитлера на глубокую, настоящую любовь, как повсюду утверждают, не доказана фактами. Когда его племянница Гели, которая была на 19 лет моложе своего дяди-любownika, кончает жизнь самоубийством, Гитлер страшно потрясен. Он хочет застрелиться, он удаляется от своего окружения, находится в тяжелой депрессии, мучается угрызениями совести и с тех пор никогда больше не притрагивается к мясу. В комнату Гели в его мюнхенской квартире никто, кроме него и его хозяйки Анни Винтер, не имеет права войти. Скульптор Йозеф Торак должен создать бюст Гели, который позже выставляется в новой рейхсканцелярии. Портрет любовницы занимает почетное место. Он всегда украшен цветами и стоит в большой комнате в «Бергофе».

Впоследствии Еве Браун, другой постоянной привязанности Гитлера, всю жизнь оставалась только жалкая участь соперничества с мертвой племянницей, но неугасающей любовью. В своем дневнике в марте 1935 года она сделала весьма примечательную запись: « Он (Гитлер) использует меня только для определенных целей — ничто другое не возможно... Когда он говорит, что любит меня, то имеет в виду только данный момент».

Благодушная атмосфера всеобщей любви и свободы, которая коснулась даже самого Гитлера, царил в Германии ровно до того момента, пока не грянул финансовый кризис. Восстановление немецкой экономики оказалось под угрозой в результате биржевого краха на Уолл-стрит в октябре 1929 года. Финансовая катастрофа, случившаяся в Америке, ударила по германской экономике особенно сильно. Резко возросло количество безработных, и сильно повысилась популярность коммунистов и национал-социалистов. И те и другие весьма успешно выступили на выборах в рейхстаг в 1930 году.

В 1932 году Гитлер пользовался уже таким влиянием, что не только сумел выставить свою кандидатуру на президентских выбо-

рах, но и набрал около трети голосов избирателей. Это было очень неплохим показателем, поскольку его главным соперником являлся престарелый фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, впервые ставший президентом в 1925 году и переизбранный вновь. Состоявшиеся в том же году выборы в рейхстаг подтвердили, что НСДАП является самой представительной партией, хотя национал-социалистам еще и не удалось добиться абсолютного большинства мест в рейхстаге. Далее события развивались по нарастающей. Гинденбург решил, что единственный выход из политического тупика, создавшегося к тому времени в стране, состоит в том, чтобы назначить Гитлера канцлером и поручить ему формирование правительства, хотя до этого лишь двое представителей НСДАП входили в кабинет министров.

30 января 1933 года Гитлер стал канцлером. Месяц спустя случился весьма загадочный пожар в рейхстаге, ответственность за который была возложена на одного полусумасшедшего голландца.

Вся правда о пожаре в рейхстаге, видимо, так и останется невыясненной. Практически никто из тех, кто эту правду знал, не остался в живых — большинство из них Гитлер уничтожил в последующие несколько месяцев. Даже на процессе в Нюрнберге тайна не была до конца раскрыта.

Известно лишь, что дворец Геринга и здание рейхстага соединял подземный туннель, проложенный для труб центрального отопления. Предполагают, что именно по этому туннелю вечером 27 февраля Карл Эрнст, бывший гостиничный посыльный, ставший потом шефом СА в Берлине, провел небольшой отряд штурмовиков в рейхстаг. Там они должны были расплескать бензин и самовоспламеняющуюся смесь. Одновременно с ними в это огромное полутемное и незнакомое ему подземелье проник некто по имени Миринус ван дер Люббе. Этот пироманьяк являлся для нацистов счастливой находкой. Они обнаружили его несколькими днями раньше в баре. Кто-то из штурмовиков подслушал, как Люббе хвастал, будто пробовал устроить пожар в ряде правительственных зданий, а теперь собирается поджечь рейхстаг. То, что нацисты вовремя обнаружили сумасшедшего поджигателя, который был к тому же коммунистом и собирался сделать то же, что и они, кажется невероятным, и, тем не менее, это подтверждается фактами.

Дело в том, что во время парламентской борьбы за власть нацисты и коммунисты могли договориться, как это было, например, в тот момент, когда в результате неожиданно возникшей коалиции

этим двум оппозиционным партиям еще в 1932 году удалось свалить правительство канцлера Папена, предшественника Гитлера на этом посту. Но сейчас лидер нацистов понял, что любой даже временный союз с коммунистами для него невозможен. Большой бизнес вряд ли мог простить ему это.

28 февраля, на следующий день после пожара, Гитлер представил на подпись президенту Гинденбургу проект декрета «Об охране народа и государства», приостанавливавшего действие семи статей конституции, которые гарантировали свободу личности и права граждан. Назвав этот проект «защитной мерой против насильственных действий коммунистов, представляющих угрозу для государства», Гитлер требовал права: ограничивать свободу печати, а также свободу собраний и союзов; разрешалось нарушать тайну переписки, телеграфной и телефонной связи; устраивать домашние обыски, конфисковать имущество.

По улицам немецких городов с ревом начали носиться грузовики, полные штурмовиков, которые вламывались в дома, устраивали облавы, сгоняли свои жертвы в казармы СА, подвергая их пыткам и избиениям.

Затем в начале марта Гитлер объявил новые выборы в рейхстаг. По странному стечению обстоятельств даже в атмосфере террора и уничтожения почти всех оппозиционных партий НСДАП так и не удалось получить абсолютного большинства голосов. Однако полтора года спустя, в августе 1934, скончался 86-летний фельдмаршал Гинденбург, и Гитлер стал президентом. Теперь он стал диктатором.

Атмосфера в стране поменялась почти молниеносно. Она совершенно была непохожа на тот фермент свободы и вседозволенности, который царил здесь всего несколько лет назад. Вот как описывает новую Германию один из современников тех событий: «В те дни в Мюнхене, рядом с местом, где Резиденцштрассе впадала в Одеонплац, на стене Зала полководцев висела табличка, служившая напоминанием о гибели шестнадцати нацистских «мучеников», которые пали там в ноябре 1923 года при подавлении пивного путча. По обеим сторонам мемориала стояли вооруженные часовые, и пешеходы, проходившие мимо, должны были вскидывать руку в так называемом Hitler Guss. Они всегда следовали данному предписанию, и я, впервые проходя по Резиденцштрассе, удивлялся, обнаружив, что, когда мимо проезжали автобусы, все находившиеся в них люди делали то же самое — водители, кондук-

Семейный портрет, заказанный Густавом Круппом (стоит справа) к юбилею свадьбы. 1931 г.

торы, пассажиры, в едином порыве взмахивали руками. Создавалось впечатление, что салон автобуса сам собой возносится над тротуаром. Эффект был потрясающим и в первый раз даже очень забавным, но первое впечатление прошло, и летающие по воздуху автобусы превратились для меня в гнетущий символ прилежного повиновения властям, комичную, но зловещую иллюстрацию фразе: «Фюрер, приказывай, и мы последуем за тобой!»

Как становится ясно даже из простого перечня событий, последовавших за финансовым кризисом 1929 года, именно дестабилизация стала одной из причин прихода фашистов к власти.

Многими исследователями феномен германского нацизма объяснялся с позиций явлений социальной, культурной и политической жизни и традиций общества. Много писали и об экономических предпосылках. Во всем обвиняли Версальский договор, экономическую депрессию, галопирующую инфляцию, оскорбленное чувство национального достоинства, отсутствие среднего класса в стране, гаранта демократических свобод, небывалый рост коммунистического движения и т. д.

Бесспорно, все эти факторы, как и многие другие, сыграли свою особую роль в приходе фашистов к власти. Но бесспорно также и то, что между перечисленными факторами существовала какая-то незыблемая внутренняя и во многом невидимая связь. Всем известно, что Гитлер постоянно говорил о некоем международном заговоре, списывая ответственность за него на влиятельных евреев. Не хотелось бы касаться вопроса национальности, постановка которого лишь сужает и обедняет проблему. Представляется куда более важным рассмотреть сейчас вопрос о роли масонства и масонских лож, о роли международной «закулисы» в том, что неожиданно произошло в Германии в 1929 году. В эпоху стабилизации, как о том свидетельствуют воспоминания современников, казалось, еще немного, и о Гитлере, равно как и о коммунистах, все окончательно забудут.

Напомним, что основу процветания страны составляли иностранные займы (в основном из Америки) и внешняя торговля. С прекращением новых кредитов и наступлением срока платежей по старым выяснилось, что германская финансовая система не способна выдержать напряжение. Вследствие общего кризиса сократился объем внешней торговли Германии, она уже не могла вывозить за границу достаточное количество товаров, чтобы оплатить ввоз нужного ей сырья и продовольствия. Без экспорта промыш-

ленность страны не могла загрузить свои предприятия, в результате чего объем производства в период с 1929 по 1933 год сократился почти на половину. Миллионы людей лишились работы, тысячи мелких предприятий разорились. В мае 1931 года лопнул «Кредитанштальт» — крупнейший банк Австрии, за ним 12 июля потерпел крах «Дармштадтер унд Национальбанк» — один из основных немецких банков, что вынудило правительство временно закрыть все остальные банки. Даже введенный по инициативе президента Гувера и вступивший в силу 6 июля мораторий на все долги Германии, включая долги по репарациям, не мог остановить надвигающуюся беду. Весь западный мир оказался во власти силы, которую не могли постичь его заправилы и которая, как они считали, не поддавалась контролю. Как могло случиться, что в условиях изоляции вдруг наступила такая нищета, образовалось целое море человеческого страдания?

Как утверждают историки, Гитлер предвидел катастрофу, хотя и не до конца понимал ее причины. Известно также, что политическим девизом фюрера было следующее изречение: если хочешь добиться власти, ищи поддержки у существующих «могущественных сил».

Этой «могущественной силой» было мировое масонское братство, мировая закулиса, которая давно уже смогла обосноваться в США. Вспомним, что к 1929 году Германия несколько лет уже «сидела» на американской финансовой игле. Биржевой крах, который произошел 24 октября 1929 года на Уолл-стрит, мог быть вполне спланированным и глубоко продуманным шагом.

Так уж сложилось исторически, что авангардом и эпицентром становления масонской цивилизации начиная с XVIII века, то есть с момента возникновения самого государства, стали Соединенные Штаты Америки. Это государство возникло в результате первоначального объединения 13 штатов, у каждого из которых были свои местные законы, традиции. Все они должны были подчиниться центру, который с первых дней существования США был сформирован масонами и полностью контролировался ими.

Почти во всех масонских ложах Америки висят картины с изображениями «отцов-основателей», облаченных в масонские одеяния, и особо выделяется портрет первого президента США Д. Вашингтона при полных регалиях высшей степени посвящения.

Первый проект создания США как государства был разработан в 1748 году основателем и главой американской ложи Б. Франкли-

ном. Его крылатая фраза «деньги — чеканная свобода» стала своего рода символом американского понимания «свободы» вообще.

Детищем масонской идеологии явилась и Конституция США. Все руководители и около трети участников Конвента, составивших и принявших такую конституцию, были масонами. В формировании основополагающих государственных документов и идеологии США решающую роль сыграл Орден иллюминатов, который в Америке получил название «Фи Бета Капа» — по начальным буквам греческих слов «Философия да будет проводником или принципом жизни».

Как отмечает масонский историк, «еще и сегодня американское масонство гордится своими «отцами-основателями», и многие вольные каменщики подчеркивают масонское содержание основополагающих принципов Декларации 1776 года».

Высокопоставленный американский масон Г.Клаусен открыто заявлял, что масоны сформировали американскую нацию. И в этом он прав. Вся политическая и социальная система США возникла на основе идеологии масонских лож.

Начав строительство государственной машины США, главные масоны Америки, Д. Вашингтон и Б. Франклин, привели в государственный аппарат своих братьев по ложам.

Первым министром (секретарем) иностранных дел США стал Роберт Левингстон, великий мастер масонской ложи штата Нью-Йорк. Этот деятель заложил прочное масонское основание внешнеполитического ведомства США, формируя его руководящий состав исключительно из вольных каменщиков.

Два других высокопоставленных масона — Роберт Моррис и Александр Гамильтон — заложили на тех или иных основаниях систему государственных финансов и налогов.

В 1782 году по инициативе Вашингтона и Морриса создается первый государственный банк США, главным держателем акций в котором стали ведущие масонские деятели — Франклин, Джефферсон, Гамильтон и Монро.

Федеральный город, впоследствии столица США Вашингтон, по сообщениям масонских источников, строили масонские архитекторы, которых возглавлял Джеймс Хобан (первый мастер масонской ложи № 1), назначенный в 1792 году главным архитектором лично Вашингтоном.

Так как город возводился фактически на пустом месте, то у масонских архитекторов были огромные возможности. При подго-

товке проекта они использовали в нем фигуры и знаки масонских ритуалов. Главными архитектурными доминантами будущей столицы масонской цивилизации стали президентский дворец (впоследствии получивший название Белый дом, его строил сам «брат» Хобан), масонский храм (первоначально планировавшийся в виде воссоздания храма Соломона) и мемориал масонам (впоследствии мемориал, посвященный Джефферсону). Если смотреть на план Вашингтона, то отчетливо просматриваются фигуры масонской символики. От Белого дома и мемориала идут линии, пересекающиеся у масонского храма, образуя фигуру циркуля. С птичьего полета хорошо видны ключевые знаки вольных каменщиков: угольники, циркули, линейки, пентаграммы. На верхней части Белого дома Хобан установил пять пентаграмм, выражающих символ масонской власти.

Американские масоны даже в большей степени, чем их западноевропейские «братья», придавали особое значение символике, берущей свое начало в каббале. Они видели в этом залог силы.

Масонская символика присутствует на многих государственных документах США, и прежде всего на деньгах.

Рассмотрим, например, однодолларовую бумажку. В левой части этой банкноты изображена усеченная пирамида, над которой господствует треугольное око «Великого Архитектора Вселенной», как его принято показывать на документах масонских лож. У вольных каменщиков «Великий Архитектор Вселенной» — оккультный объект поклонения, поэтому надпись рядом с пирамидой: «Мы доверяем Богу» — выглядит кощунственно, так как истинный Бог подменяется объектом масонского поклонения. «In God we trust». Слово «trust» чаще всего употребляется как финансово-банковская терминология (отсюда трастовые компании и т. д.).

Пирамида состоит из тринадцати ярусов, каждый кирпич которой символизирует место каждого народа и человека по отношению к вершине. Символ властительной вершины — треугольное око «Великого Архитектора Вселенной» — увенчан латинской надписью — *Annuit coeptis* (Провозглашение нового дела). Под символической пирамидой мирового господства начертаны слова — «Новый порядок на века» (*Novus ordo seclorum*).

К началу XX века в США возникла мощнейшая масонская финансовая группировка, возглавляемая ведущими финансистами: Куном, Лоебом, Бельмоном, Лазаром, Ланденбургом, Тальманом, Шпейером, Шиффом, Зелигманом и Гугенгеймом.

В 1912 году масоны добиваются узаконивания права господствовать над финансами США. В обмен на денежную поддержку во время избирательной кампании президент-масон Вудро Вильсон, чьи мирные предложения легли в основу Версальского договора, подписывает закон о Федеральной резервной системе, согласно которому распоряжение финансовыми ресурсами страны и выпуск национальной валюты переходит в руки международных банков, принадлежащих вольным каменщикам.

Как отмечал член Конгресса США Линдберг, закон о Федеральной резервной системе «учредил самый большой трест на свете. Когда президент подпишет этот закон, то невидимое правительство властью денег... будет узаконено». А позднее другой конгрессмен, Л. Мак Фэдден, дал еще более глубокую оценку этого инструмента финансовой власти: «Когда был принят закон о Федеральной резервной системе, наш народ не осознавал, что в США устанавливается мировая банковская система, сверхгосударство, управляемое международными банкирами и промышленниками, действующими задом, чтобы подчинить мир своей собственной воле. Федеральная резервная система прилагает все усилия, чтобы скрыть свои возможности, но правда такова: Федеральная резервная система захватила правительство. Она управляет всем, что происходит в нашей стране, и контролирует все наши зарубежные связи. Она произвольно создает и уничтожает правительства».

Можно предположить, что финансовый кризис был в одинаковой степени как случайным, так и закономерным явлением. Уж очень кстати он произошел. Еще немного — и демократические процессы в Германии могли бы приобрести необратимый характер. Но Гитлер еще в 1924 году успел дать в «Майн Кампф» очень важный сигнал: он собирался начать новую мировую войну. Назревал еще один грандиозный пожар, в котором должны были сгореть независимые страны как восточной, так и западной Европы. Ослабление независимых правительств, а может быть, и их полное уничтожение — вот высшая цель масонской элиты. Ведь именно после второй мировой так необычайно возрос авторитет Америки, которая до этого воспринималась не иначе как провинция большого мира.

Сатанинская направленность Третьего Рейха, а не вялая Веймарская республика как нельзя лучше отвечала потребностям мировой закулисы.

Сам же Гитлер, по его собственным высказываниям, не видел в вольных каменщиках принципиальных врагов. Он не столько бо-

ролся с ними, сколько учился у них. В Германии был создан специальный центр, куда фашисты свозили масонские архивы и библиотеки, захваченные на оккупированных территориях. Их изучением занимались сотни исследователей. По мнению возглавлявшего эту работу Альфреда Розенберга, ближайшего соратника Гитлера, масонство — «продукт благородного движения, которое в силу расплывчатости идейных концепций превратилось в орудие интриганов». Розенберг ставил своей задачей поставить этих «интриганов» на службу фашистской идеологии».

Гауляйтер Раушинг рассказывал, что Гитлер считал допустимым союз фашистов и масонов для взаимной защиты интересов. «Есть один опасный элемент, — заявлял Гитлер, — который я заимствовал от них. Они развили эзотерическую доктрину и не только сформулировали ее, но и передали ее через посредство символов и таинственных обрядов... То есть не напрягая свои мозги, а работая непосредственно над воображением, через символы магического культа можно воспитать целое поколение». «Не кажется ли вам, — спрашивал Гитлер Раушинга, — что наша партия должна иметь именно такой характер? Она должна быть орденом — вот что. Орденом, иерархическим орденом гражданского духовенства».

Чтобы вооружить Гитлера против России, масонские банкиры, в основном из США, предоставили ему огромные кредиты. Сохранились документы о финансировании фашистского режима рядом американских банкиров, за которыми стояли будущий руководитель ЦРУ и Совета по международным отношениям Аллен Даллес и госсекретарь США Джон Даллес, оба — высокопоставленные масоны и деятели мировой закулисы.

Итак, еще раз вернемся к событиям 1929 года, когда произошел финансовый кризис на Уолл-стрит. 6 февраля 1929 года в Вашингтон прибыл Монтегю Норман, председатель «Английского банка», один из видных масонов, для того, чтобы посоветоваться с министром финансов США Эндрю Меллоном. После этого «Федеральный резервный» повысил основную процентную ставку.

9 марта 1929 года Пауль Варбург, еще один известный масон, выступил в финансовой газете «Financial Chronicles» с такими словами: «Если допустить чрезмерное распространение оргии ничем не организованных спекуляций, ... можно считать гарантированным тотальный коллапс».

Те, которые поняли, немедленно ушли с биржи и занялись вкладыванием капиталов в золото и серебро. Дес Гриффин об этом пишет так: «Осенью 1929 года наступило, следовательно, время,

когда международным банкирам пора стало нажать на кнопку и пустить в действие механизм, который привел впоследствии ко второй мировой войне. После того как они сами распродали через своих агентов и друзей акции на волне искусственно созданного бума, международные банкиры выбили землю из-под ног у всей системы, повернув Соединенные Штаты в Великую Депрессию. В течение следующих лет экономическое развитие как таковое практически застопорилось повсюду в мире.

Всеобщее отчаяние во время Депрессии иллюминаты использовали весьма искусным образом. Они занялись скупкой предприятий и недвижимости буквально за гроши. Это предоставило им прекрасную возможность приобрести еще большее влияние на правительство США. В их руках отныне оказались пресса, высшее военное командование, руководители экономики.

Германия же 30-х годов начала напоминать бомбу замедленного действия. Страна ожидала лишь появления такого человека, как Гитлер, который мог бы убедить массы в справедливости своего «дела», обещая им освобождение из-под гнета международных финансистов-грабителей.

Но пытаясь сделать Гитлера орудием разрушения и насилия, масоны своими руками выпестовали себе соперника в борьбе за мировое господство. Сатанист Гитлер бросил вызов своим масонским помощникам. В лице фашизма родился чудовищный монстр масонско-талмудической идеологии — змея, пожирающая свой собственный хвост.

Преследуемый экономической депрессией, Густав Крупп обратил внимание на национал-социалистов лишь в начале 1932 года. На заводах Эссена в этот период менее половины труб продолжали выпускать коричневый дым. С 40 000 человек до 18 000 была сокращена рабочая сила. Прибыли стали настолько малыми, что Круппу и его семье пришлось сократить семейные расходы. Они закрыли основную часть роскошной виллы Хёгель и ограничились лишь 60 комнатами.

Именно в это время Густав решил наказать нескольких своих директоров, чтобы те послушали, о чем говорит Гитлер в своих обращениях, которые он зачитывал в Промышленном клубе в Дюссельдорфе. Одного из эмиссаров настолько поразило услышанное, что он еле скрывал свой восторг, пересказывая в подробностях обращение фюрера к промышленникам Рура. Густав решил предоставить фашистам деньги. Но это была лишь часть его политики. Крупп любил поддерживать правых экстремистов. По словам Тиссена, Густава не легко было сманить на сторону национал-социалистов. Даже когда Гинденбург принял решение сделать Гитлера канцлером, Крупп настойчиво отговаривал старого президента от подобного шага. Не изменила его осторожного отношения к Гитлеру и встреча с новым канцлером Германии в доме Геринга. Во время этой встречи Густав добровольно подписал денежный дар в виде чека на нужды национал-социалистской партии, однако оставил за собой право оговаривать определенные условия сотрудничества.

Эта неуверенность проявлялась даже во внешнем поведении магната. Например, Густав дал точные указания Карлу Шталю,

своему берлинскому водителю, как нужно было его приветствовать в зависимости от разных ситуаций. Перчатки в этом странном ритуале стали важной деталью. Если Крупп держал их в правой руке, когда приближался к собственному автомобилю, то Шталю надлежало щелкнуть каблуками и коснуться козырька фуражки в прежнем прусском приветствии, а если перчатки оказывались в левой ладони, Шталь вытягивался в фашистском салюте.

Поворотным пунктом оказались мартовские выборы в рейхстаг. Нацисты получили 44% голосов. Медлить уже было смертельно опасно, и Крупп отбросил всякую осторожность, превратившись в самого яростного наци. По словам все того же Тиссена, Густав стал «сверхнацистом». Он довольно быстро создал так называемый «Фонд Гитлера», который позволял ему грабить своих менее расторопных коллег. «Знак благодарности руководителю народа» гарантировал иммунитет неприкосновенности. Через какое-то время Крупп получил полное право самому назначать размеры этой благодарности.

Используя Густава, Гитлер смог создать новый союз между крупным бизнесом и национал-социалистами. Оба согласились преобразовать «Федерацию немецкой промышленности», торговую ассоциацию, которую Густав возглавлял с 1931 года, в мощное учреждение. Отныне Крупп стал официально именоваться фюрером немецкой промышленности. Густав быстро сжился с новым высоким титулом, он удалил всех евреев, расширил совет директоров, сделал себя при этом полновластным диктатором.

В августе 1933 года, после шести месяцев пребывания Гитлера на посту канцлера Германии, Крупп сделал обязательным нацистское приветствие на своих фабриках. Он лично проводил инструктаж среди сотрудников, работающих за границей, на тот предмет, чтобы они не только шпионили в пользу новой Германии, но и любыми способами распространяли среди населения нацистскую пропаганду. На заводах Эссена Густав попросил установить прямую телефонную связь с местным отделением новой секретной полиции, гестапо. Служащих, критиковавших нацистский режим, тут же отправляли на допрос по первому сигналу. Многие из этих неосторожных болтунов никогда не возвратились в свой родной город. Так пропала без следа не одна сотня людей.

Гитлер, в свою очередь потворствовал Круппу, помогая ему держать рабочих и служащих в постоянном страхе. Диктатор усилил контроль за заработной платой и отменил восьмичасовой рабочий день.

Он также запретил профсоюзы и социал-демократическую партию, поставив вне закона забастовки и коллективные договоры.

Сочетание снижения налогов с дотациями сельскому хозяйству и тяжелой промышленности оживило покупательную способность в экономике. К 1936 удалось добиться полной занятости населения. Быстро возросли правительственные расходы на строительство домов и дорог. Всю страну окутала цепь автобанов, которые при желании можно было легко использовать в качестве аэродромов.

За исключением евреев и коммунистов, большинство немцев извлекали материальную и моральную выгоду из шести первых лет правления Гитлера. Преданность, которую Гитлер завоевал у немцев благодаря своим позитивным достижениям предвоенных лет, оказалась удивительно стойкой перед голосом разума и реальностью.

Планы по перевооружению, которые осуществлялись по личному распоряжению Гитлера, продолжали укреплять союз промышленников с фюрером. И в этом плане именно фирма Круппа имела самые большие преимущества и льготы. Сам Густав писал по этому поводу: «Я с удовольствием сообщил фюреру, что Крупп готов после небольшого разбега начать полное перевооружение немецкого государства. После 1933 года мы работали с неправдоподобной интенсивностью».

На заводе грузовиков в Краве сборочная линия была молниеносно переоснащена для производства танков, а так как Гитлеру требовалось 100 легких танков к марту 1934 года и еще 650 через год, то работа, что называется, закипела. На заводах Эссена тысячи стальных слитков, без нужды валявшиеся на территории, тут же были переплавлены в пушки. Производство же самой стали возросло в два раза за один год после прихода Гитлера к власти. На вервях Киля работа кипела, и уже начали вырисовываться контуры первых подводных кораблей и эсминцев.

Годовая выручка достигла к 1938 году астрономической цифры – 97 миллионов рейхсмарок. Берта смогла вновь въехать в основную часть виллы Хёгель. Время экономии прошло.

За всем этим расцветом военно-промышленного комплекса Германии стоял финансовый гений фашистского экономиста Ялмара Шахта. Это он начал скрыто финансировать весь процесс перевооружения с помощью специального вида долговой расписки. Круппу и другим подрядчикам платили не марками, а сертификатами, известными как «счета Мефо». Подрядчик мог использовать

их вместо валюты для закупки полезных ископаемых и других необходимых материалов. Банки или частные инвесторы держали счета в течение пяти лет, после чего они возмещались правительственной холдинговой компанией, от которой и произошло сокращение «Мефо». Все сделки заключались без фактической регистрации хотя бы одного миллиарда марок, которые тратились на перевооружение.

Многие расходы «Мефо» оплачивались из средств, конфискованных с иностранных счетов, а также изъятых у евреев и других лиц, считавшихся врагами Рейха. «Таким образом, — гордо сообщал в свое время Шахт, — наше вооружение финансировалось кредитами наших врагов».

В 1934 году Гитлер сумел подчинить себе всю Германию, но перед ним еще стояли нерешенные проблемы внутреннего порядка. Так, Рем, шеф СА и соратник фюрера, старейший его товарищ, первым употребил опасное выражение «вторая революция», а затем призвал всех к ее свершению. Вряд ли подобный левацкий настрой мог улучшить связи Гитлера с промышленниками и военными. Но точно так же думал в то время и Геббельс. В его дневнике мы читаем: «В народе все говорят о неизбежности второй революции. Это значит, что революция не кончилась. Нам надо еще разделиться с реакцией. Революцию надо продолжить повсеместно».

Левых нацисты уничтожили, зато сохранили правых: крупный промышленный и финансовый капитал, аристократию, юнкеров-землевладельцев и прусских генералов, прочно державших армию в своих руках. Рем, Геббельс и другие «радикалы» собирались и их ликвидировать.

С самого возникновения национал-социалистской партии Рем отвечал за создание и деятельность СА (боевых отрядов). Потребовалось немало усилий, чтобы преобразовать организацию под названием СА в вооруженные формирования, призванные охранять нацистские сборища, разгонять рабочие митинги и, вообще, терроризировать тех, кто выступал против Гитлера. Некоторые руководители СА рассчитывали, что с приходом фюрера к власти штурмовики заменят регулярную армию. Для начала был создан специальный военно-политический центр во главе с генералом Францем Риттером фон Эппом. По идее, пять его отделов должны были ведать такими вопросами, как внешняя и внутренняя безопасность, силами обороны, оборонным потенциалом. Однако на деле СА, состоявшая из молодчиков в коричневых рубашках, как была,

так и осталась отрядом крикунов и громил. Многие из ее высших чинов, начиная с самого Рема, были известны как гомосексуалисты, а лейтенант Эдмунд Хайнес, возглавлявший мюнхенские отряды СА, был судим за убийство. Штурмовики часто ссорились и враждовали между собой, мучимые вполне понятным чувством ревности.

Желая иметь более надежную опору, Гитлер создал СС. Эсэсовцы же, как известно, присягали лично на верность фюреру.

Отряды Рема насчитывали в 1934 году около двух миллионов человек, что в 20 раз превосходило количество солдат регулярной армии. С таким положением нельзя было уже мириться. Фюрер лучше Рема и лучше любого другого нациста понимал, что не смог бы прийти к власти без поддержки или хотя бы терпимого отношения к нему со стороны армейских генералов и что в данный момент от них, от генералов, и от промышленников зависит его, фюрера, дальнейшее пребывание во власти.

В первой половине июня 1934 года Гитлер имел с Ремом объяснение. Фюрер хотел предупредить старого боевого товарища, чтобы тот не заносился. В противном случае последствия могут быть самыми непредсказуемыми. К этому времени Рем своими неосторожными речами сумел уже навлечь на себя гнев таких влиятельных людей в партии, как Гиммлер и Геринг. Беседа с другом длилась ровно пять часов и затянулась до полуночи. По словам Гитлера, это была «последняя попытка» достичь взаимопонимания. Рем заверил, что сделает все возможное, чтобы поправить положение. С 1 июля 1934 года весь состав СА был отправлен в отпуск на месяц, а сам Рем уехал в маленький баварский курортный городок, расположенный к югу от Мюнхена.

Инцидент казался исчерпанным. Но именно во время этого затишья под предлогом расправы с заговором и были уничтожены почти все штурмовики Рема. Происшедшее очень напоминало массовое жертвоприношение. Казалось, что Гитлер просто хочет показать как своим ближайшим товарищам, так и всей Германии, кто настоящий хозяин положения. Кровавая жертва была просто необходима. Если ему позволят пролить как можно больше крови сейчас, то и в дальнейшем вряд ли кто сможет оказать сопротивление.

Известно, что накануне «кровавой чистки» стояла удушающая жара, небо было покрыто тучами, приближалась гроза. К вечеру она разразилась, и на землю обрушился ливень. Казалось, вот-вот начнется всемирный потоп.

После обеда Гитлер наконец-то решился. Последние две недели он только и делал, что тянул время. Очень коротко, в нескольких словах, Гитлер дал необходимые указания.

Ночью на трехмоторном самолете фюрер вместе с новообращенным Геббельсом, которому предлагалось самому поучаствовать в акции и тем самым очиститься в глазах хозяина, 30 июня в 4 часа утра приземлился недалеко от Мюнхена.

Около 5 часов Гитлер и его свита, сопровождаемые эсэсовцами, отправились на машинах в курортный городок, где и находился в то время Рем. Известно, что длинную колонну машин прикрывал броневедомство — предосторожность явно излишняя, так как на всем пути длиной в 60 километров им не встретилось ни одной хотя бы незначительной вооруженной группы. Когда около семи часов утра караван прибыл в Баден-Висзее, маленький городок на берегу прекрасного озера мирно спал.

Колонна направилась к отелю «Гензельбахэр». Караул СА и не собирался оказывать сопротивление. Гитлер прошел через банкетный зал, даже не обратив внимания на приготовления, сделанные к какому-то большому празднику. Первым человеком, встретившимся Гитлеру в отеле, был юный граф фон Шпрети, адъютант и любовник Рема, известный своей исключительной красотой. Разбуженный шумом, он выскочил, чтобы узнать, что происходит. Гитлер ринулся к нему и своим хлыстом из кожи гиппопотама с такой силой ударил графа по лицу, что у того хлынула кровь. Передав его эсэсовцам, Гитлер устремился в комнату Рема, который мирно спал, ни о чем не догадываясь. Руководителя СА арестовали под аккомпанемент ругательств самого фюрера. Как рассказывал потом Отто Дитрих, в номер своего старого товарища Гитлер вошел поначалу один. Он бросил Рему одежду и велел встать. По словам Геббельса, присутствовавшего при расправе, старый друг Рема, обергруппенфюрер Хейнес был обнаружен в соседней комнате также спящим в обнимку со своим шофером, известным под кличкой «мальчик для радостей». Хейнес попытался оказать сопротивление, и любовников вынуждены были застрелить на месте. И эти две жертвы хоть как-то оживили скучный заговор «засонь», как его окрестят позднее.

В восемь часов утра колонна двинулась назад в Мюнхен, увозя Рема и его товарищей полураздетыми и в наручниках. Тем временем в самом Мюнхене эсэсовцы с раннего утра приступили к арестам людей по спискам, заготовленным заранее.

В полдень Гитлер собрал в коричневом доме членов руководства СА, не внесенных в списки для ареста, и объявил, что Рем отстранен от своих обязанностей.

Вечером Гитлер просмотрел список, заготовленный гестапо, отметил в нем красным карандашом фамилии ста десяти человек и приказал их казнить. Гитлер хотел дать своему старому другу возможность избежать позорной смерти от рук эсэсовцев. К тому же фюрер мог опасаться и предсмертных речей осужденного, во время которых могла быть раскрыта некая тайна, известная лишь им обоим. По его приказу Рема навестили в камере № 474 тюрьмы Штадельхейм и намекнули на возможность самоубийства. Рем сделал вид, что не услышал подсказки.

Вечером были получены дополнительные разъяснения: если приговоренный откажется воспользоваться оставленным ему шансом, то он будет казнен тут же. Вошел надсмотрщик и молча положил перед осужденным пистолет. Затем вышел. За Ремом незаметно следили в течение 10 минут. Он так и не тронул оружия. Тогда в камеру вошли двое. Рем встал им навстречу. Он был попрежнему без рубашки и неожиданно покрылся потом.

«Что это значит?» — спросил приговоренный.

«У нас нет времени на болтовню», — отрезал один из вошедших.

Рем хотел что-то сказать, но эсэсовец знаком приказал ему замолчать. Тогда голый по пояс осужденный встал по стойке «смирно». Затем палач спокойно поднял пистолет, прицелился, словно в тире, и выстрелил несколько раз. Рем упал. Палач нагнулся и добил его.

В течение всей субботы и утра воскресенья в квартале Лихтерфельде слышался треск автоматных очередей. Стена, у которой осуществлялась казнь, в течение многих месяцев была покрыта кровью.

Акцию против Рема решили использовать как предлог для расправы над всеми неугодными людьми.

Так, утром 30 июня группа эсэсовцев, переодетых в штатское, подъехала к вилле генерала фон Шлейхера, расположенной в предместье Берлина, и позвонила в дверь. Вышедший им навстречу хозяин дома был тут же застрелен. Его жену, с которой Шлейхер сочетался браком всего полтора года назад, прикончили тем же способом. Та же участь постигла вечером того же дня и генерала Курта фон Бредова, близкого друга Шлейхера.

Сколько людей было погублено в период чистки — до сих пор точно не установлено. На Мюнхенском процессе 1957 года говори-

лось, что погибших было «более 1000 человек». Многих из них убили просто из мести за былую оппозицию Гитлеру, других, очевидно, за то, что слишком много знали. Так, шеф СА в Берлине, Карл Эрнст, был участником поджога рейхстага и отличался крайней болтливостью. Накануне чистки он решил отправиться в путешествие по Южной Атлантике. Но, к несчастью, его пароход задержался в порту. Простая задержка рейса стоила партийному функционеру жизни.

Тело Густава фон Кара, который активно участвовал в подавлении «пивного путча» и который давно уже отошел от политики, нашли в болоте близ Дахау; его, судя по характеру ран, закололи кирками. Гитлер не забыл и не простил его.

Тело патера Бернхарда Штемпfle из ордена святого Иеронима, того самого, который помогал редактировать «Майн Кампф», а потом навлек на себя немилость тем, что слишком много знал и, вероятно, выбалтывал о причинах самоубийства возлюбленной Гитлера Гели Раубаль, нашли в лесу Гарлахинг близ Мюнхена с раздробленным черепом и тремя пулевыми ранениями в области груди.

Внимания заслуживает еще одно убийство. 30 июня, в семь часов двадцать минут вечера, д-р Вилли Шмид, известный музыкальный критик, музицировал у себя в кабинете на виолончели. Его жена готовила ужин, а трое детей в возрасте девяти, восьми и двух лет играли в гостиной. Раздался звонок — в дом ворвались четверо эсэсовцев. Без каких-либо объяснений они арестовали Шмида и увели с собой. Четыре дня спустя его труп в закрытом гробу доставили домой. Представитель гестапо приказал ни при каких обстоятельствах гроб не открывать. Как потом выяснилось, Вилли Шмида приняли за его однофамильца, местного руководителя СА, который был также арестован и расстрелян на месте. Скорее всего, жертв чистки было гораздо больше, чем это указывалось в официальных документах.

Гитлер, действительно завершил второй этап революции, но не так, как это представлялось его старому другу Рему. Фюрер с необычайной легкостью смог перейти ту грань, которая отделяет обычное человеческое общество от такого собрания людских масс, которое незаметно для себя самой давно соблазнено уже и от всего сердца готово поклоняться новоязычеству, сродни самому отъявленному сатанизму.

«В то время все молодые люди были необычайными идеалистами, и фашизм буквально заморозил их души», — приблизительно так выразился один из старых знакомых семьи Круппов, когда его спрашивали об Альфреде.

Старший сын Густава и наследник принадлежал к тому же поколению, что и Мартин Борман, и Генрих Гиммлер, и Рейнхард Гейдрих, и Адольф Эйхман. Каждый из этих молодых волков верой и правдой служил нацизму, не видя для себя никакой другой альтернативы в жизни.

Отец еще раздумывал, поддерживать ему Гитлера или нет, а Альфред, будучи студентом факультета гражданских инженеров айхенского колледжа, в тайне начал оказывать спонсорскую помощь чернорубашечникам. Его партийный номер был 6 989 627, и сын Круппа с гордостью носил статус старого борца.

Нужно сказать, что этот человек был полон самых необычайных противоречий. Они сказывались даже во внешнем облике Альфреда Круппа. С одной стороны, будущий хозяин могущественнейшей фирмы напоминал легендарного предка и первого пушечного короля, а с другой — сама манера поведения Альфреда больше походила не на образец прусской суровости и аскетизма, а на ужимки английского актера-неудачника или эксцентричного бухгалтера, изо всех сил стремящегося подражать обожаемой им театральной богеме.

Узкий череп, высокие надбровные дуги, ястребиный нос, впалые щеки, сардоническая усмешка, буквально застывшая на устах, и длинное вытянутое лошадиное лицо — все это походило на ожившее лицо легендарного предка. Портретное сходство было максимальным. Сюда же следует добавить почти

патологическую застенчивость, которой столь отличался и пушечный король, беспокойный, неуравновешенный характер и, что называется, собачье одиночество. И у всех, кто близко знал юного Альфреда, невольно создавалось впечатление, что он и думает, как его знаменитый предок. На ум невольно приходили идеи о возможном переселении душ. Но были и существенные отличия. Например, Альфред-младший никогда не доверял своих самых сокровенных мыслей бумаге, как это частенько делал его предок. Юный нацист, вообще, старался никому и ничего не доверять. Острый взгляд его холодных глаз был абсолютно непроницаемым, как и у знаменитого авантюриста гитлеровской когорты молодых волчат Отто Скорцени. Выдающийся вперед волевой подбородок Альфреда также льстил всему внешнему облику будущего магната, ибо именно такой же подбородок был и у Отто, сумевшего в свое время похитить самого Муссолини из вражеского плена. Правда, на этом сходство со знаменитым авантюристом XX века тут же и кончалось. На лице Альфреда не было заметно ни одного шрама, а щегольской монокль не отражал зловеще яркий свет. Никаких дуэлей, никаких скандалов и громкий рейдов в тыл противника. Будущий магнат, вообще, не любил треска каблуков, рук, выстреливаемых в фашистском приветствии, и бритых голов, которые еще больше должны были подчеркнуть устрашающую мужественность и волевое превосходство фашизма. Наоборот, он очень следил за своей безукоризненной прической. Альфред постоянно нуждался в самом лучшем парикмахере. Его рукопожатие было не твердым и сильным, а мягким и влажным, как губка. Его манера поведения с незнакомыми людьми отличалась какой-то задумчивостью, даже предупредительностью и настороженностью. Улыбался Альфред довольно неестественно. Казалось, что углы рта каждый раз механически и самопроизвольно растягивались. Такая улыбка-маска вряд ли могла вызвать у собеседника теплые чувства в ответ.

Но самое интересное в этом необычном портрете представляли собой глаза. Да, они действительно были холодны и непроницаемы. Но помимо этого зрачки могли в любой момент начать какое-то хаотичное вращение. У собеседника создавалось впечатление, будто Альфред только что вставил контактные линзы и теперь никак не может поймать нужный фокус.

Манера поведения, как уже было сказано выше, напоминавшая ужимки актера-неудачника или бухгалтера, могла сбить с толку любого, кто мало знал этого человека. За внешней оболочкой мягкого, вроде бы неуверенного в себе субъекта скрывалась незыблемая уверенность в своих силах того, кто рожден быть лидером.

Всякого, кто пытался разобраться во внутреннем мире этого человека, охватывало чувство смутного беспокойства: уж слишком много противоречий, казалось, владеет душой Альфреда Круппа, противоречий, с которыми было бы не под силу справиться обычной личности. Этого человека так никто толком и не узнал до конца. Даже один из братьев Альфреда признался как-то, что ему ничего неизвестно, что, вообще, установить хоть какой-то контакт с этой личностью было не так уж просто.

Будущий магнат любил повторять: «Моя жизнь полностью принадлежит истории и никак от меня не зависит».

Так, получив в наследство виллу Хёгель, Альфред решил выстроить лично для себя в парке маленький дом в 15 комнат — там ему было уютнее. К тому же скромное жилище было обнесено со всех сторон колючей проволокой и тут же была поставлена сторожевая будка. Здесь вместе со своим хозяином проживало пять слуг, но и с ними Альфред не очень часто общался, предпочитая проводить долгие часы в полном одиночестве, попивая свое любимое виски White Horse и закуривая от еще не догоревшего окурка новую сигарету из пачки Camel. Сигареты именно этой марки Альфред аккуратно перекладывал в золотой портсигар. Пристрастился магнат к американской табачной продукции еще в 30-е годы и с того момента уже никогда не изменял своим привычкам. Сигареты доставлялись ему в нужном количестве даже в самые тяжелые дни войны, а в 1968 году Крупп умер от рака легких, скорее всего, по вине все тех же самых американских Camel. Владелец могущественного концерна был настолько заядлым курильщиком, что всем, кто его видел, особенно в минуты глубоких раздумий, казалось, будто густой табачный дым постоянно окутывал его.

Альфред не любил ходить в церковь. Чувствовал он себя там страшно неуютно. Не был могущественный магнат и большим любителем публичных зрелищ и развлечений. Его редко можно было застать за книгой. Филантропия для этого человека представлялась делом скучным, бессмысленным и обременительным. Все свое свободное время Альфред посвящал следующим любимым занятиям: хождение под парусом на собственной яхте «Германия», пилотирование собственного самолета Джетстар, прослушивание граммофонных пластинок с классической музыкой и фотография. К тому же этот человек был заядлым кинолюбителем. Он с огромным удовольствием подбирал для своих лент звуковую дорожку. Для этих целей в доме была создана профессиональная лаборатор-

рия. Над выпуском одного ролика Альфред мог проработать около 522 часов кряду.

Однако, несмотря на такое увлечение, фотографии Круппа не отличались артистизмом и оригинальностью. Несмотря на великолепную аппаратуру и безупречную оптику, на инструкции лучших профессионалов и экспертов в этой области, снимки магната были лишены души. Они мало чем отличались от самых заурядных почтовых открыток, на которых можно было видеть и Тадж-Махал в Индии, и Сфинкса в Египте. Такая же бесцветность была характерна и для любительских фильмов Круппа. На одной из пленок были отсняты сцены африканской сафари. Везде один и тот же убогий ракурс — все увидено только из кабины автомобиля. Неожиданно в кадре появляется огромный лев. За кадром слышен голос заядлого курильщика: Альфред делает необходимый, по его мнению, комментарий. «Это лев», — произносит кинолюбитель, и пленка трещит дальше, представляя долго и нудно царя зверей. Никаких чувств, никакой жизни. Автомобиль несется по Африке в полной тишине. Вот он, странный, молчаливый и зловещий ландшафт внутреннего мира человека, который сыграл такую ужасную роль во всей мировой трагедии. Перед глазами в фильмах Альфреда будут мелькать острова Японии, буддийские храмы, закаты Цейлона, и нигде не появится ни одного человеческого существа. Планета мертва. А потом — кинематографический изыск: над всеми пустынными ландшафтами сразу, как в зеркале, появляется много-много портретов Круппа. Они повсюду, они буквально заполнили собой весь мир, словно с помощью хитроумных магических зеркал удалось распространить один человеческий облик на всю планету. Невольно у любого, кто хоть раз видел эти любительские кадры, создается впечатление глобального присутствия духа Альфреда Круппа во всех уголках земли.

Образование Альфреда было весьма разносторонним и подготавливало его к тому, чтобы в будущем занять место главы фирмы. Юный фдн Болен унд Гальбах провел полных пять лет в инженерном колледже. Освоение профессии руководителя огромного сталелитейного предприятия началось еще в 1925 году, когда Альфред посвятил четыре года изучению химии, физики и металлургии сначала в Мюнхене, а затем в Берлине. На этом, казалось, можно было поставить точку. Но Густав думал иначе. В течение шести месяцев будущий пушечный король проработал в качестве стажера в Дрезденском отделении Берлинского банка, проникая во все сложности финансовой науки на практике. Затем последовал еще один год

в финансовом институте, и лишь 1 октября 1936 года Альфреда представили руководящему персоналу фирмы.

Однако неожиданно наметилась страшная угроза этой блестящей и гладкой карьере молодого предпринимателя. Время от времени Альфред выказывал строптивость, но она не вызывала поначалу серьезных опасений. Так, еще в 1926 году, когда юному Круппу исполнилось всего 18 лет, он позволил себе плохо подготовиться к очередным экзаменам и стал настойчиво требовать денег на новый спортивный автомобиль. Свою первую стычку с отцом наследник выиграл и машину получил. Затем он стал заядлым автолюбителем и начал менять машины одну за другой, неизменно предпочитая только скоростные спортивные модели. Внешне Альфред делал все, что от него требовали родители, но в душе явно не стремился закабалить себя. Учеба казалась ему скучной, а жизнь монотонной. Слухи о каких-то там «шалостях» стали доходить и до родителей. Решено было отправить мальчика в Париж, а затем в Португалию, чтобы развеяться.

Вернулся Альфред совершенно обновленным, и первое, что он сделал, так это страстно влюбился в некую Аннелиз Бар, тихую белокурую дочь гамбургского коммерсанта. Юный Крупп решил жениться. На этот раз Альфред бросил вызов самой Берте. Гнев матери объяснялся тем, что ее будущая невестка находилась в состоянии развода со своим бывшем мужем. Густав же по своим каналам выяснил, что родная сестра Аннелиз вышла замуж за еврея и уехала вместе с ним жить в Латинскую Америку. Круппы не могли допустить такого кошмара. В их родне не было места евреям. К тому же Альфред считал себя членом СС. Его брак должен был быть санкционирован самим Гиммлером. Юный Крупп, таким образом, из-за любимой женщины должен был вступить в конфликт уже не с семьей, а с самим государством. Поначалу будущий магнат решил одержать верх над обстоятельствами, и это ему почти удалось.

В соответствии с семейным архивом 11 ноября 1937 года Альфред начал жить со своей возлюбленной гражданским браком. Молодые нашли себе пристанище где-то на окраине Берлина. 24 января 1938 года Аннелиз родила Альфреду сына, которого нарекли в честь основателя рода Арндтом. Предоставленные самим себе, молодые люди, как утверждали все, кто их знал, были абсолютно счастливы. Один из старейших слуг замка Хёгель впоследствии сделал следующее поистине сенсационное признание: «Только в эти годы я видел своего молодого господина улыбающимся от всей души, а

когда он находился рядом с фрау Аннелиз, то блаженная улыбка не исчезала с его губ».

Однако первое и единственное сильное чувство ничего не могло сделать с семейной традицией. Ситуация с каждым днем становилась все невыносимее. Давление со стороны родителей продолжало расти. Встал даже вопрос о лишении Альфреда статуса наследника. Прошло еще четыре года изнурительной борьбы и психологической пытки. Имя Аннелиз и репутация ее родителей подвергались оскорбительным догадкам в бесконечных сплетнях и слухах, и некогда счастливая пара начала утрачивать свою былую веселость. Под давлением обстоятельств молодые решили капитулировать. Они расстались. Аннелиз поселилась в Баварии на берегу озера Тегернси и начала одна воспитывать своего сына. Альфред же с этого момента еще больше замкнулся в себе, а табачный дым сигарет Camel еще гуще окутал и без того непроницаемое лицо будущего все сильного магната. Казалось, Крупп окончательно отказался от всего личного, человеческого. По признанию одного из родственников, в характере Альфреда стали преобладать ирония и злой сарказм, который стал распространяться даже на некогда любимый национал-социализм.

Отныне Крупп всецело посвятил себя только истории, службе которой приобрело для него форму конкретной работы на благо фирмы.

Здесь следует отметить: если Густав изо всех сил старался подражать старому Альфреду, первому королю пушек, то его сыну и не надо было прикладывать для этого никаких особых усилий. По роковому стечению обстоятельств Густав всегда считался ненастоящим Круппом, он получил право носить это славное имя лишь на основе брачного контракта. В свои тридцать лет Альфред II не только внешне напоминал семейного идола, но еще и говорил и думал, как он. Будущий король, подобно своему знаменитому прадеду, рассуждал о слабости акционерных обществ и об ответственности по отношению к собственным рабочим, от которых хозяин был в полном праве ожидать почти рабской преданности. Перед надвигающейся мировой катастрофой Альфред, как и его прадед, весьма категорично высказывался относительно исторической роли немецкой нации, и слова эти звучали буквально так: «Единственная возможность остановить нас, немцев, — убить нас до последнего человека».

Основываясь на знаниях, полученных в области инженерного дела, металлургии и финансов, Альфред как менеджер довольно

ФОТОБАНК

Харольд, Берта и Альфред Круппы

быстро оставил в тени собственного отца, который так и не смог перешагнуть за рамки своего исключительно дипломатического образования. Он даже перенес свой офис в самое задымленное место Рура. На все вопросы Альфред отвечал весьма лаконично: «Я сделал так потому, что именно здесь когда-то находился кабинет моего прадеда».

Звезда молодого Круппа начала довольно быстро восходить на небосклоне мирового бизнеса и политики. Этому восхождению способствовало и резко ухудшающееся здоровье отца. Было ясно, что управление целой империей уже не могло находиться в слабевяжущих старческих руках.

К сожалению, в архивах не осталось никаких следов, способных восстановить историю болезни дряхлеющего с каждым годом Густава. Его личный врач уже давно умер, а в результате бомбардировок английской авиации в Эссене было уничтожено все, что могло бы пролить свет на это дело. Однако по редким свидетельствам родных мы можем предположить, что уже накануне второй мировой войны в поведении Густава стали отмечаться заметные отклонения от нормы. Он все больше и больше начинал напоминать маленького ребенка.

В 1940 году один из старых знакомых Густава, который не видел его долгое время, так описывает внешний вид семидесятилетнего магната, в мозгу которого начали происходить необратимые процессы: «Это был седой, как лунь, человек, который старался держаться настолько прямо, что казалось, будто у него началось окостенение позвоночника. Черты лица его больше походили на маску, чем на живой облик. Жесты были механическими, неестественными».

В некогда негибавшем Густаве словно сломалась какая-то пружина, и живой человек превратился в куклу.

Однако первый настоящий удар, по диагнозу похожий на классический инсульт, произошел с отцом Альфреда в 1941 году. Об этом знали только Берта, ее дочь Волдрот и семейный доктор Герхард. Альфреда в это время в стране не оказалось. Он решал дела фирмы, активно используя ресурсы оккупированных территорий. Сыновья были призваны в армию. Оставалось самим справляться с бедой. Инсульт ускорил общий процесс старческого атеросклероза. Густав начал все чаще и чаще заговариваться, а иногда терял и сознание. Берта с трудом уговорила мужа пройти серьезное медицинское обследование в госпитале. Густав же продолжал упорствовать,

изо всех сел пытаюсь создать иллюзию здоровья. Так, по его приказу каждое утро перед завтраком два конюха подсаживали своего упрямого господина в седло, и тот пускал, как обычно, лошадь в галоп. В это время старый больной Густав чем-то напоминал шекспировского короля Лира, его седая шевелюра так же выразительно трепалась на ветру от быстрой скачки. Обеспокоенная супруга всегда приказывала оседлать для себя второго жеребца, чтобы незаметно следовать за своим мужем.

Однако в самом начале 1942 года Густав вынужден был сдаться. Он отказался от рискованных поездок верхом к несказанной радости всех близких. У старика к этому времени начало развиваться косоглазие. Теперь по вечерам он смиренно сидел в углу огромной залы на третьем этаже замка Хёгель со своей любимой Бертой, и золотой значок члена нацистской партии тускло поблескивал на лацкане его пиджака. В эти вечера Густав изо всех сил притворялся, будто внимательно читает биржевые новости, а Берта делала вид, будто не замечает, что верный ее супруг какой вечер подряд держит газету, перевернутую сверху вниз. Они сидели так часами, а по радио в это время звучали фашистские гимны.

В положенный час Густав с помощью супруги поднимался из кресла и направлялся в спальню.

В семейной хронике мы читаем следующие строки, которые наиболее полно передают царящую в то время в некогда шумном фамильном замке атмосферу мертвящего покоя: «Вилла Хёгель стала местом абсолютного затишья. Поток гостей постепенно сократился до редких посетителей... Постепенно в самом замке воцарилась та самая атмосфера отчуждения, которая была характерна для времени Альфреда Великого. Мир за стенами замка казался каким-то очень далеким. Даже война начала восприниматься как нечто абсолютно ирреальное. Густав жил в соответствии со строжайшим режимом и буквально по часам. Вся его активность отныне была сосредоточена лишь на том, чтобы жить, не замечая уходящих дней и недель, мгновенно превращающихся в безвозвратное прошлое... И когда пробивал нужный час, он вставал и уходил к себе в спальню».

Вплоть до второго удара Берта, лечащий врач и слуги тактично хранили обет молчания, когда редкие гости начинали интересоваться здоровьем Густава. Но после второго удара хранить тайну становилось все труднее и труднее. Личный секретарь была осведомлена о трудностях своего патрона. Фройлен Крён каждое утро должна была подниматься наверх, чтобы писать под диктовку, од-

нако эта самая диктовка после двух трех небрежно брошенных фраз плавно переходила в пространные описания важных встреч с Его Величеством кайзером Вильгельмом II, а также дней, проведенных в Пекине, или ярких приключений молодости, когда Густав имел честь служить во Втором Баденском драгунском полку, что квартировался в Бурхсале. Временами речь патрона становилась столь невнятной, что лишь верной жене Берте удавалось хоть что-то уловить из сказанного. Однако постепенно секретарша научилась даже на основе нескольких мимолетом брошенных фраз понимать общий ход мыслей шефа, чей мозг блуждал теперь по запутанным лабиринтам памяти. На основе этих отрывков, этих проблесков здравого смысла умная секретарша сама дописывала текст письма или составляла важное распоряжение.

Редкие посетители виллы Хёгель отныне довольно часто могли наблюдать весьма печальную картину, как некогда могущественный правитель Эссена бродил по парку, подбирая стальные осколки от вражеской шрапнели и аккуратно складывая их в корзину. Густав объяснял свое занятие тем, что собирается пополнить правительственную коллекцию редких металлов. Недостатка в материале он не испытывал, так как с 7 января 1943 года союзная авиация осуществила свою первую массированную бомбардировку промышленных районов Рура.

Между тем состояние здоровья Густава продолжало ухудшаться с катастрофической скоростью. Человек, который в былые годы был необычайно щепетилен по отношению ко всему, что касалось его внешнего вида, к 1943 году стал страдать недержанием и при этом начал довольно часто забывать сменить мокрые и издающие неприятный запах брюки на сухие.

Наконец наступил день окончательного и официального отречения от власти старого пушечного короля Густава в пользу своего сына Альфреда. Это произошло 15 ноября 1943 года в замке Хёгель. Церемония была назначена на день, и точно к назначенному часу по извилистым дорожкам, ведущим к самой вершине холма, потянулась зловещая вереница черных лимузинов. Нацистские гауляйтеры, люди из гестапо, высшие чиновники СС, генералы, адмиралы и многочисленные адвокаты фирмы в этот день составили компанию Густаву, Берте и Альфреду, которые ждали высоких гостей в огромном зале. Трон старого короля в виде удобного кресла находился всего в нескольких шагах от ближайшего туалета. По обе стороны от старого короля, ожидавшего своего отречения, стояли слуги, гото-

вые в любую минуту подхватить своего господина и отнести его в ватерклозет, дабы избежать конфуза. В юридическом смысле присутствие Густава было простой формальностью, так как из-за своего некрупповского происхождения он не имел права распоряжаться имуществом. Роль оказалась сыгранной до конца, и старому актеру предлагалось уйти на заслуженный отдых.

Самыми важными людьми здесь были Берта и ее сын Альфред. В свои 57 лет жена Густава, несмотря на болезнь любимого мужа и смерть одного из сыновей, сохранила свою величественную осанку. Адвокаты начали зачитывать важные документы, а затем ждали, когда после короткой паузы властная женщина произнесет слова формального отречения: «Я передаю все имущество, принадлежащее нашей семье, моему сыну Альфреду, который на основании положений декрета нашего фюрера становится единственным и полномочным владельцем фирмы «Фридрих Крупп».

Ровно три дня спустя, 20 ноября, был обнародован знаменитый «Закон Круппа» (Lex Krupp). По этому закону, подписанному самим Гитлером, все имущество фирмы передавалось в одни руки, то есть в руки Альфреда. Три недели спустя после этой публикации совет директоров ратифицировал изданный закон. Так Альфред реально стал полномочным властителем государства в государстве. Весь этот процесс передачи власти мог быть оспорен лишь Бертой, но она 15 ноября 1943 года сама произнесла слова отречения и тем самым лишила других своих детей, Бертольда, Гаральда, Экберта, Ирмагард и Волдрот, какого-либо имущества. Тогда, 15 ноября, после короткой паузы Берта продолжила: «В соответствии с декретом фюрера, мой сын отныне будет именоваться Альфред Крупп фон Болен унд Гальбах». Затем Берта кивнула в сторону своего старшего сына и села на место.

Настала очередь Альфреда. Он поднялся и тихо произнес: «Я полностью согласен с тем, что произнесла сейчас моя матушка, и я беру на себя тяжелое бремя правления». Затем в огромное зале, где было столько важных людей, воцарилось долгое и гнетущее молчание. Альфред медленно обвел взглядом всех свидетелей. Однако торжественная минута передачи власти была вконец испорчена неожиданной выходкой больного отца. Когда взгляд молодого короля достиг наконец жалкой фигуры Густава, то руки старика стали трястись. Тут же двое рослых слуг подхватили низложенного короля и молниеносно отнесли его в ближайший клозет. Звуки рычащего сливного бочка безжалостно уничтожили весь пафос.

Задолго до официального вступления во владение фирмой Альфред уже *de facto* считался полновластным королем, и свои владения он смог расширить далеко за пределы Германии. Известно, что Гитлер в самом начале своей деятельности в качестве главы государства решил присоединить Австрию. Но и у фирмы «Фридрих Крупп» в этой стране были свои жизненные интересы.

Все началось с того, что Густав, увлеченный историей семьи своей супруги, как-то перелистывал многочисленные записки легендарного Альфреда, исписанные огромными готическими буквами, и вдруг неожиданно открыл для себя, что металлургическая фабрика Берндорфер, которая ныне считалась австрийским центром металлургической промышленности, была основана родным братом патриарха рода, Германом, в 1843 году. Единственный сын Германа, Артур, оказался бездетным. В 1920 году он составил завещание в пользу второго сына Берты, Клауса, но уже в 1927 году контрольный пакет акций на этом предприятии перешел в руки неких анонимных австрийских держателей, и Круппы, вроде бы, остались ни с чем. Предприятие это развивалось и шло в гору, и вот настало время предъявить свои права на собственность, которую хотя бы косвенно можно было считать семейной. Концерн мигом воспользовался случаем, и гитлеровский Anschluss помог присоединить к фирме то, что могло показаться потерянным.

С этого момента интересы концерна и интересы фашистской Германии сплелись в один крепкий узел, как сплетаются между собой гадюки в брачный период. Например, совместные празднования дней рождений стали для семьи и для Гитлера после

удачного присоединения Австрии к Германии чем-то обязательным. Так, ко дню рождения Густава Гитлер преподнес очень важный подарок, наградив главу фирмы золотым значком члена фашистской партии. Густав был первым штатским человеком, удостоенным такой почетной и редкой награды.

В благодарность Круппы решили подарить нечто особенное. И к пятидесятилетию фюрера, день и ночь обдумывая возможные варианты, отец и сын решили изготовить на своих заводах огромный письменный стол, который не знал мировых аналогов. Плодом невероятных усилий стал совершенно уникальный громоздкий предмет мебели, воплощавший тот самый сатанинский гигантизм, которым были отмечены и способ мышления, и архитектура, и так называемое искусство Третьего Рейха. Этот стол разделил участь самой эпохи и был уничтожен во время одной из массированных атак английской авиации. Однако сохранились редкие фотографии и детальное описание монстра, при виде которого, говорят, Гитлер испытал такой неожиданный восторг, что даже пустился в пляс, выделявая неожиданные конвульсивные коленца, отдаленно напоминавшие матросскую джигу.

Стол был сделан из черного дуба, инкрустированного свастики и рыцарскими крестами, выполненными из крупповской стали КА-2, которая шла на изготовление пушек. Сама же поверхность стола была украшена цитатами из «Майн Кампф». Здесь же находилась и легкая дощечка. Она отодвигалась при нажатии на одну из двух маленьких стальных фигурок, сделанных в виде льва. Внутри на металлической поверхности, отполированной до ослепительного блеска, красовалось изображение окрестностей города Браунау и дома, где сын Алоиза Гитлера-Шикльгрубера впервые увидел мир как раз в тот год, когда Фриц Крупп, единственный сын и наследник легендарного Альфреда, был официально представлен кайзеру Германии Вильгельму II. Известно, что Гитлер ненавидел, когда ему хотя бы отдаленно напоминали о его детстве или ранних годах жизни, но этот стол произвел на фюрера какое-то завораживающее действие. Потанцевав немного, и, словно опомнившись, Гитлер неожиданно принял свою обычную официальную позу и, подбоченившись левой рукой, а правой величественно оперевшись на новый стол, решил обязательно сфотографироваться на память с Круппами. Густава редко когда видели улыбающимся даже самые близкие люди, но в этот момент он не выдержал и громко заигикал. На человеческий смех эти звуки никак не походили. Фотогра-

фия очень выразительно передала этот незабываемый момент. На снимке Альфред выглядит как полная противоположность отцу. Затянутый в черную форму эсэсовского офицера, он, явно только что шелкнув каблуками, почтительно наклонился вперед, и никаких чувств, никаких эмоций не запечатлел объектив.

Как писал Уильям Бердов, официальный семейный историк, «присоединение Австрии к Германии в марте 1938 года имело самые благоприятные последствия для Круппов, ибо с этого момента металлургический завод, когда-то основанный членом их семьи, окончательно присоединился ко всей эссенской промышленности».

Но ровно через два года после Anschluss'a семья должна была заплатить за союз с дьявольскими силами жизнью одного из своих членов. Второй по старшинству сын Берты, Клаус, который по странному стечению обстоятельств и должен был унаследовать металлургический завод в Австрии, погиб 10 января 1940 года во время испытательного полета, когда на большой высоте испробовал на себе действие кислородной маски. Безжалостный Молох забрал первую жертву, и пока Круппы богатели на войне, другим членам большой семьи оставалось лишь ждать своей очереди.

Концерн к этому времени уже контролировал интересы 110 других фирм, включая и чехословацкую «Шкоду». Напрямую встал вопрос о так называемом «мюнхенском сговоре», когда из-за попустительства западных стран Германии должна была отойти часть Чехословакии. Фирма «Фридрих Крупп» начинала все больше и больше напоминать государство в государстве. 142 немецких корпорации уже зависели от ее влияния. Гитлер издал два очень важных в этом смысле закона, призванных защитить интересы крупных концернов и, прежде всего, крупповских предприятий.

Заводы в Бельгии и Болгарии, в Норвегии и Италии стали постепенно работать на гигантскую корпорацию. По всему миру насчитывалось несколько тысяч шахт и карьеров, где добывали уголь и железную руду для заводов Круппа. Некоторые шахты были глубиной в километр и более. Создавалось впечатление, что знаменитая семья готова добратся даже до самого ада ради своего процветания.

Помимо этого «фройлен Крупп» владела целой сетью фешенебельных отелей, многими банками, цементными заводами. Если бы промышленная революция вдруг резко приостановила свой бег, а часы истории повернули бы стрелки вспять, то и тогда бы имущество, которым владела в это время семья, с лихвой хватило бы для того, чтобы как минимум три последних поколения про-

должали бы жить, утопая в роскоши. Как-то Густав уверил свою супругу, критически относящуюся ко всей этой затее с Гитлером, что даже в случае гибели Третьего Рейха их семья способна пережить любую катастрофу, настолько Круппы в финансовом отношении были независимы от любой государственной власти.

Действительно, глава концерна в чем-то напоминал самого президента Соединенных Штатов Америки. Так, в его распоряжении была своя конституция, которая существовала в виде «Генеральных предписаний», составленных еще отцом-основателем. У него был целый штат специальных помощников (Aufsichtsrat), свой кабинет министров (Verstand), штат подчиненных ему чиновников (Prokura) и, наконец, Конгресс, воплощенный, правда, в единственном лице Берты Крупп.

Именно Круппы в этот период могли сделать из человека любого уровня либо счастливец, обласканного удачей, либо всеми забытого неудачника. Получить приглашение в замок Хёгель считалось большим везением. Оно означало быстрое продвижение по службе.

Когда в 1943 году Гитлером был издан Закон Круппа, то этот юридический акт означал больше, чем получение простых льгот при налогообложении. Отныне фирма переставала быть подотчетной таким министерствам, как министерство юстиции, экономики и финансов.

Перед тем как начать наступление на Польшу, Гитлер созвал всех промышленных магнатов Германии и попросил их составить список потерянной по мирному договору 1918 года собственности. Густав сразу же потребовал реституцию своих владений в Лотарингии. Веймарская республика, впрочем, уже выплатила промышленнику полную компенсацию, но выдвинутые требования нужны были лишь затем, чтобы придать хоть какой-то вид законности прямому грабежу иностранной собственности, который осуществлялся войсками вермахта в пользу фирмы «Фридрих Крупп» на территории всей Западной и Восточной Европы.

Нужно сказать, что и могущественный концерн необычайно помог Гитлеру в его войнах на севере Европы. Так, инженеры Круппа, работавшие в той или иной скандинавской стране по приглашению, занимались откровенным шпионажем. В Норвегии специалисты фирмы, используя особый код, передали в штаб немецких войск подробное описание форта Оскарборг. Однако по иронии судьбы крупповский шпион в спешке забыл предупредить немецкий флот о том, что норвежская крепость оснащена старыми

орудиями, не утратившими своей огневой мощи. В результате этого досадного промаха норвежцы нанесли серьезные повреждения двум немецким крейсерам. Досада была еще больше, когда впоследствии выяснилось, что норвежские пушки были сделаны в свое время в Эссене и проданы в эту европейскую страну еще при жизни Фрица Круппа. Концерну попеняли за такую оплошность, поэтому в случае с Бельгией, Люксембургом и Голландией подобного инцидента уже не повторилось. Шпионы сообщали обо всем, а о наличии старых орудий фирмы сообщалось особо, чтобы немецкая сталь не могла уже причинить никаких хлопот самим немцам.

Такая же картина триумфа повторилась и на Балканах. В Югославии и Греции инженеры-шпионы передавали нужную информацию с подробным описанием всех старых крупповских орудий, которые продавал в этот вечно беспокойный регион еще сам легендарный Альфред.

Югославия для концерна представляла особый интерес из-за залежей хромовой руды. Именно хром был основной составляющей в производстве самой твердой, самой лучшей легированной стали. Завоз же импортного хрома в Европу прекратился еще осенью 1939 года, и поэтому предусмотрительный Альфред именно в Югославии видел самый надежный источник в получении редкого и необходимого для вооружения вермахта материала. Круппы всегда незримо стояли за спиной Гитлера, диктуя ему, куда в следующий раз следует направить очередной сокрушительный удар, и всегда вслед за солдатами на оккупированной территории появлялись инженеры концерна, словно мародеры, они жадно выискивали, чем бы поживиться, узнавали, что еще можно выкачать из той или иной поверженной страны.

В оккупированном Париже немецкие офицеры любили позировать перед объективами фотоаппаратов на фоне Триумфальной арки, а также на авеню Клебер или авеню Фош, где находилась штаб-квартира гестапо. Альфред приказал освободить под свой офис прекрасный особняк, находившийся по адресу бульвар Осман, 141. Крупп не любил огласки, поэтому со свойственным ему сарказмом он приказал на конфискованном здании вывесить табличку «Общество французских анонимов». Именно этот дом и можно считать своеобразным знаком, вполне материальным объектом, свидетельствующим о фатальном столкновении интересов разросшейся до невероятных размеров фирмы «Фридрих Крупп» и невидимого для простого смертного мирового масонства.

Альфред довольно редко удостаивал Париж своим посещениям. Он беспрерывно путешествовал по всем захваченным Рейхом территориям, выискивая из кабины специально выделенного для него самолета важные промышленные объекты, способные укрепить и без того могущественное положение гигантского концерна. С начала второй мировой войны он чувствовал себя полноправным хозяином Европы. Фирма и Рейх в его сознании давно уже превратились в нечто целое.

За шесть лет до официального отречения, в 1937 году, чувствуя, что он уже не справляется с делами фирмы, Густав решил передать свои полномочия некому триумvirату. Подтолкнуло его на этот шаг не только осознание собственной слабости, но и появление в Эссене талантливого менеджера Лёзера. Идея конституционной монархии показалась весьма приемлемой. Она была осуществлена сразу после оккупации Франции. Все технические вопросы отныне должен был решать Гёренс, коммерческие и административные решения ложились на плечи Лёзера, а все, что касается сырья, шахт, вопросов вооружения, переходило в сферу ответственности Альфреда. Иностранная экспансия также считалась прерогативой прямого наследника. Без устали путешествуя по нижним землям Германии, по Франции, Югославии и другим странам в поисках новых заводов, необходимого оборудования и редкого сырья, Альфред неизбежно должен был столкнуться с проблемами, которые напрямую выводили его на конфронтацию с мировым бизнесом и мировой финансовой системой, где влияние масонов было очень сильным.

Одной из таких проблем и стал барон Ротшильд. Об этом печально знаменитом роде банкиров следует сказать особо. Во все времена короли и диктаторы пользовались печальной известностью в силу того, что они тратили больше, чем могли собрать со своего народа в виде налогов. Нации и правительства занимали вследствие этого деньги у банков. Однако как же банкам получить обратно свои деньги, если некое правительство не может или не хочет вернуть долги? Ответ один: война!

Невозможно просто предоставить в долг средства целой стране, нужно сделать точно то же с врагами этой страны. Кредитор должен был быть уверен в том, что оба государства будут приблизительно равны по силе, чтобы в случае конфликта именно деньги могли стать тем самым решающим фактором. Если какая-то страна не платит, то кредитор наказывает ее войной с другой страной, в случае же, когда

страна все еще не может расплатиться с долгами, кредитор конфискует ее с помощью другой страны в виде военных репараций.

Вот уже примерно в течение 160 лет дом Ротшильдов работал в соответствии с этими принципами.

Ротшильды положили начало этой игре в Европе еще в первые годы XIX столетия, после успехов в ходе наполеоновских походов. К тому времени в Европе развилось нечто, что потом станет известно как «Равновесие сил». Для того чтобы упрочить свое положение как «невидимых господ» Европы, дому Ротшильдов необходимо было построить две могущественные группы, обладающие равной силой, и сделать это «равновесие сил» реальностью. Ротшильдам следовало также быть уверенными, что все короли А и все короли Б могли угрожать друг другу. Конечно, надо было финансировать при этом обе стороны. Однако нужна была еще и третья сила, которая служила бы полицией безопасности на случай, если одна из стран вдруг отказалась бы играть по установленным для нее правилам. Такой страной была Англия, обладавшая в Европе на определенном этапе развития европейской истории верховной властью.

Исход войны всегда можно было предсказать, проследив, на чьей стороне находилась Англия. В конце концов она всегда оказывалась на стороне победителей. Англия, или, если говорить точнее, Корона, уже вследствие этого представляла собой своего рода эффективную «конфискационную службу», и с ее помощью дом Ротшильдов достиг такого могущества, что к концу XIX века он контролировал половину достояния всего мира.

Если бы знаменитый банкир и масон прислушался к голосу разума и подписал нужные бумаги, касающиеся капитуляции перед фирмой Круппа, то он бы имел все шансы выжить в начавшемся мировом катаклизме. Но барон относился к разряду людей необычайно упрямых от природы, к тому же Ротшильд был уверен в том, что Круппы занимают место гораздо ниже в мировой таблице о рангах и поэтому не посмеют отобрать и малой толики из его добычи, и здесь, как говорится, нашла коса на камень. Накануне войны Ротшильду удалось купить 91% всех акций некой фабрики. Банкир заплатил за сделку 4 миллиона франков и считал ее очень удачной. В течение июня 1940 года Ротшильду следовало срочно эвакуировать приобретенную собственность. По совету французской администрации, барону надо было как можно быстрее оставить свой дом № 42, на улице Виктора Гюго. Оставалось всего шесть дней до вторжения гитлеровцев. Беглец прислушался к го-

лосу разума и отправился в Лион. Вскоре в Монтуаре было подписано знаменитое соглашение между Гитлером и марионеточным правительством Виши. Ротшильд это воспринял как добрый знак, как утверждение знаменитого «равновесия сил», над которым трудился его дом испокон веков, и решил вернуться на север. Во Франции его бизнес был связан с производством тракторов. Однако, к немалому удивлению Ротшильда, Лионская коммерческая палата начала активно отговаривать его от запланированной поездки. Путешествие на север, с точки зрения официальных лиц, представлялось крайне неразумным шагом. Но Ротшильд упрямо продолжал настаивать на своем, выказывая искреннее недоумение. По его мнению, ему ничего не угрожало, так как у него даже не было французского гражданства. Формально промышленник считался гражданином Югославии, которая к моменту описываемых событий продолжала сохранять нейтралитет. Официальные лица пытались внушить строптивому финансисту, привыкшему находится на вершине пирамиды, что его принадлежность другой стране ничего не значит в глазах немцев, для которых все евреи, богатые и бедные, значительные и не очень, умные и глупые, мало что значили.

Альфред Крупп, как известно, считался членом СС, а из одного из выступлений рейхсфюрера СС Гиммлера мы узнаем, что «лишь один принцип должен, безусловно, существовать для члена гестапо: честным, порядочным, верным он должен быть лишь по отношению к представителям собственной расы и ни к кому другому». «Живут ли народы в довольстве или они подымают с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны нам как рабы для нашей культуры, — утверждал Гиммлер, — в ином смысле это меня не интересует... Все остальное нам безразлично».

Лионские банкиры из последних сил пытались убедить упрямого барона, что для него, мосье Ротшильда, климат будет намного благоприятнее, а жизнь намного безопаснее здесь, на берегах Роны, тем более, что отсюда недалеко и до границы.

Постепенно начали проясняться и пути к разрешению тупиковой ситуации. Жена Ротшильда, Вера, имела родного брата Милоша Келапа, энергичного югослава, которому недавно исполнился 31 год. Келап к тому же неплохо разбирался в бизнесе. Осенью было решено отправить Милоша в Лианкур, чтобы выяснить состояние дел на фабрике. Она оказалась оккупированной немецкими солдатами. Лейтенант Броклер объявил, что о возвра-

щении захваченной собственности банкиру-еврею не может быть и речи. Он также добавил, что самому Ротшильду не безопасно оставаться на территории Франции. Однако Броклер дал также понять, что если промышленник передаст права собственности какому-нибудь представителю арийской расы, то инцидент будет исчерпан.

В Лионе полученные известия вконец раздосадовали Ротшильда, но некоторое время спустя он решил все-таки подчиниться обстоятельствам и подписал нужные бумаги, которые отныне делали владельцем фабрики Милоша Келапа. В Лианкуре возражений не последовало, и войска оставили фабрику, а рабочие вернулись к своим станкам.

Но таким положением вещей были крайне недовольны в Эссене. Альфред будто чувствовал, что дело здесь не в фабрике, а в вызове, который он собирался бросить мировой закулисе. Ему казалось, что мощь фирмы достигла такого уровня, что теперь оставалось только и масонам показать, кто истинный хозяин положения. Повод нашелся сам собой. Вермахту помимо танков и пушек все больше и больше для различных перевозок нужны были тяжелые грузовики. В самом разгаре была подготовка для русской кампании. Десять недель спустя после того, как Милош Келап формально вступил в права владения, у ворот злополучной фабрики появился так называемый «исполнительный администратор» правительства Виши и уверил нового владельца, что передача Ротшильдом прав владения данной собственностью в пользу брата собственной жены считается незаконной, так как, согласно постановлению от 23 мая 1940 года, всякие сделки с евреями следует рассматривать как противоправные действия.

Все вернулось к прежнему нулевому варианту, но Ротшильд не собирался сдаваться. Это был вызов, брошенный всему братству. Однако, несмотря на силовой захват чужой собственности, юридически фабрика продолжала принадлежать известному масону. С таким положением вещей никак нельзя было смириться. Ни та ни другая сторона в самом начале конфликта не хотела больших жертв. Альфред пытался через своих посредников склонить упрямого банкира к подписанию необходимых юридических бумаг. К этому времени и Югославия перестала быть нейтральной страной. Барон Ротшильд оказался человеком вне закона.

Действуя через маршала Петена, Альфред пытался избавиться от банкира, опираясь на печально известный декрет фюрера «Об

окончательном решении еврейского вопроса». Маршал колебался. Ему не хотелось быть крайним во всей этой истории. Сам Ротшильд решил больше не испытывать судьбу и в сентябре 1942 года намеревался через Испанию перебраться в спокойную Португалию, древнее убежище рыцарей ордена Тамплиеров, от которых и пошло братство вольных каменщиков. Банкиру почти удалось пересечь испанскую границу, когда его неожиданно схватила французская полиция. Барон Ротшильд оказался в концентрационном лагере Санта Прива. Верному Милошу Келапу с помощью огромной взятки удалось заставить местного префекта освободить своего влиятельного родственника. Ротшильда благополучно перевезли на виллу, расположенную в Клеон д'Адран. Маленькая вилла находилась в итальянской зоне, итальянские же фашисты отличались абсолютной независимостью от Гитлера и своей необычайной терпимостью по отношению к евреям. Известно, что влияние масонских лож в этой стране, начиная еще с эпохи рыцарских орденов, этого средневекового прообраза будущей тайной власти, всегда было очень сильным. Именно в Италии, в городе Сьене, появился первый в мире банк, созданный стараниями монаха Бандини, а флорентийские ростовщики еще в XIV веке могли финансировать знаменитую столетнюю войну. Именно из флорентийских ростовщиков и вышла знаменитая семья Медичи, оказавшая огромное влияние на всю мировую историю.

Казалось, что барон Ротшильд наконец-то обрел спокойное пристанище. Но дело зашло слишком далеко, и ни Гитлер, ни Альфред не собирались сдаваться. Из юридического дело перешло в совершенно другой разряд. Уже никого не волновало, подпишет Ротшильд бумаги или нет. Фашистам в 1944 году, накануне их краха, захотелось от осознания собственного бессилия совершить так называемое ритуальное убийство. Именно с этой целью 21 февраля 1944 года представители народной антиеврейской французской партии совершили бандитский налет на маленькую виллу и похитили известного банкира. Затем его быстро перевезли в тюрьму в Лионе. Именно отсюда Ротшильд смог переправить с помощью адвоката свою последнюю в жизни записку, адресованную Милошу Келапу:

«Мне очень жаль, что я стал причиной стольких беспокойств. Спасибо за все, и примите уверения в моей самой искренней дружбе.

Роберт Ротшильд».

В конце апреля банкира отправили в концентрационный лагерь в Дранси. Оттуда по специальному распоряжению Эйхмана в смешанных поездах, где ехали в одном вагоне для скота как взрослые, так и дети, Роберта Ротшильда переправили в Аушвиц. Известно, что семьдесят два часа некогда могущественный человек провел в обществе еврейских детей, большинство из которых уже успели стать сиротами. По преданию, он делал все, чтобы утешить их, может быть, в какой-то степени повторяя подвиг Януша Корчака. Осознавал ли этот человек, что он сам отчасти виноват в происшедшем как лично с ним, так и с этими нечастными детьми? На этот вопрос невозможно дать однозначного ответа. В Аушвице обрываются следы некогда могущественнейшего масона, который вместе с другими полагал, что Гитлера можно было приручить и использовать в интересах мировой закулисы.

В топках крематория сгорели остатки этих наивных представлений. Мировыми политиками не было учтено то обстоятельство, что немцы лишь по внешнем виду напоминали европейцев. На самом деле этот народ по-прежнему продолжал поклоняться языческим богам, и Гитлер лишь позволил выйти наружу тому, что извечно жило в глубинах германской души.

Подобно древним германским воинам, которые еще до прихода христианства на европейский континент пили кровь своих врагов и делали из их черепов чаши, немцы в период с 1939 по 1945 год были также упоены своим жестоким триумфом. По мере того, как война набирала обороты, стремление Альфреда Круппа к абсолютной, ничем не ограниченной власти становилось все более явным и приобретало откровенно уродливые формы. Все, в конечном счете, закончилось тем, что промышленник середины XX века создал огромную рабовладельческую империю, отличающуюся такой жестокой эксплуатацией, что ей могли бы позавидовать даже в древнем Риме.

«Между собой мы будем говорить совершенно откровенно, — заявил как-то на совещании высокопоставленных эсэсовцев Гиммлер, — но публично никогда не будем об этом упоминать... Большинство из нас знает, что такое 100 трупов, лежащих рядом, или 500, или 1000. Выдержать это до конца и при этом, за исключением отдельных случаев проявления слабости, остаться порядочным человеком — вот что закалило нас. Это славная страница нашей истории, которая никогда не будет написана в официальных учебниках».

Альфред Крупп был один из тех, кто выдержал подобные испытания и кто был повинен в смерти даже не 1000, а намного большего числа людей, работавших на него во время войны.

СС рассматривала узников концентрационных лагерей как свое личное имущество, которое можно было использовать для собственной экономической выгоды. С немецкой пунктуальностью эсэсовцы рассматривали каждого заключенного как важный

источник дохода, начиная даже с изможденного тела. Так, в лагерях смерти они тщательно сбрасывали волосы и затем отправляли их на соответствующую переработку, кости шли на варку мыла, а пепел – на удобрение.

Государственный золотой фонд увеличился, например, за счет золота, принадлежавшего «умершим». Об этом свидетельствует служебная записка начальника санслужбы гарнизона войск СС лагеря Бухенвальд. Эта записка датирована 25 мая 1944 года. Она гласит: «Согласно приказу рейхсвера СС от 23.9.40 секретно, № 941/42 от 25.12.42. Д.1 1 А2 14С (9) в течение мая 1944 года у умерших в 30 случаях было изъято 241,5 г благородного металла (золота). Это количество было сдано под расписку здешнему руководителю управления. Сделана необходимая отметка в соответствующих делах заключенных».

После того, как у заключенных отбирали их собственное тело, выбивали золотые коронки, составляли соответствующую опись, дело доходило до учета тряпок, в которые были укутаны эти несчастные тела. Ни один рваный башмак, ни одно детское платьице не исчезали бесследно. Выглядело это так:

СПИСОК

поношенных изделий из текстиля, вывезенных по распоряжению главного административно-хозяйственного управления СС из лагеря Аушвиц и Люблин

Имперское Министерство Хозяйства

Старая мужская одежда, не считая белья...	97 000 комплектов	
Старая женская одежда...	76 000	
Женское шелковое белье...	89 000	
<i>Всего</i>	34 вагона	
Тряпье	400 вагонов	2 700 000 кг
Перины и подушки	130 вагонов	270 000
Женские волосы	1 вагон	3 000
Поношенные ткани	5 вагонов	19 000
<i>Всего</i>		2 992 000 кг
<i>Всего</i>	536 вагонов	
<hr/>		
Итого	570 вагонов	

Во время отбора заключенных после прибытия эшелонов, чтобы разрядить атмосферу, оркестр из молодых, красивых девушек-заключенных, одетых в белые блузки и темно-синие юбки, играл веселые арии из романтических оперетт и баркаролу из «Сказок Гофмана». Прибывшим говорили, что это обычный трудовой лагерь. Люди успокаивались и верили, так как поначалу не видели ничего, кроме небольшой, окруженной зеленью, платформы, на которой стоял оркестр.

Тех, кто был отобран для отравления газом, то есть старики, дети и матери, направлялись в здание из красного кирпича с надписью «Bad», то есть «баня». Там людей вначале заставляли раздеться и, прежде чем направить в так называемую душевую, выдавали полотенце. После того, как люди раздевались, их заставляли пройти в помещение, которое действительно напоминало душевую. Через люк в потолке туда кидали капсулу с газом, и один из эсэсовцев наблюдал через глазок за тем, какое действие оказывает газ на обреченных.

Спустя пять-шесть минут эсэсовец подавал знак для того, чтобы открыли двери, и люди в газовых масках (это были заключенные) проникали вовнутрь и вытаскивали тела. Несчастные перед смертью испытывали страшные муки, и поэтому некоторые трупы было просто невозможно разъединить.

Крематории были построены гораздо позднее, и сначала приходилось рыть рвы для массовых захоронений. Это продолжалось вплоть до осени 1942 года. К этому времени процесс умерщвления газом был ускорен. Недостаток времени не позволял продолжать придерживаться практики братских могил. Лежавшие рядами трупы, прикрытые лишь тонким слоем земли, были разбросаны по всей окружающей местности, так что почва стала почти болотистой. Запах, шедший с этих полей смерти, был невыносимым. Только тогда и было принято решение строить крематории. Все останки пришлось вырыть, собрать кости и сжечь.

Уже после того, как тела были превращены в пепел, его еще раз просеивали в поисках золота и лишь затем отдавали фермерам в качестве удобрений.

«Но однажды ночью, — вспоминал заключенный, — этот отлаженный конвейер дал сбой, и нас разбудил страшный крик. На следующее утро мы узнали, что накануне газа не хватило и поэтому еще живых детей бросали в топки крематория».

Девяносто тысяч из ста тысяч непосредственных убийц, несомненно, были хорошими мужьями, братьями, сыновьями и нежными отцами. Так, в Заксенхаузене был раппортфюрер, которого

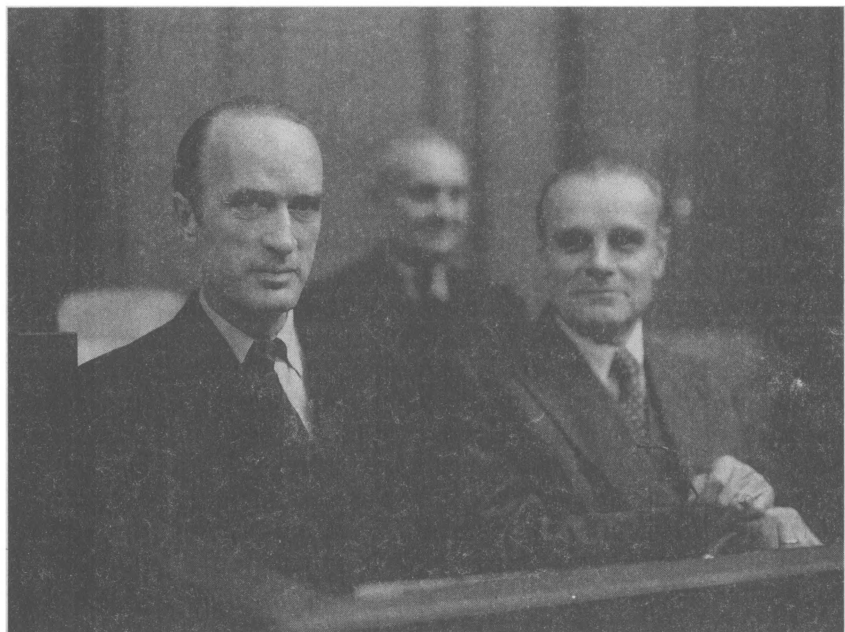
называли «железный Густав». Это был кровожадный волк в чело-
вечьем обличе. Но каждый раз, когда заболел его единственный
сын, заключенные могли видеть «железного Густава» плачущим
перед лагерным врачом. Цирайс, комендант Маутхаузена, изобре-
татель первой душегубки, подарил сыну ко дню его 14-летия не-
сколько заключенных в качестве мишеней для стрельбы. Чтобы
разнообразить порядком наскучившее массовое убийство, он соб-
ственноручно раскалывал людям головы топором, а затем давал их
рвать на куски своим собакам. В частной жизни Цирайс считался
примерным семьянином и страстным садоводом-любителем.

В своей практической деятельности эсэсовцы, отвечавшие не-
посредственно за конкретные злодеяния в подотчетных им лаге-
рях, ухитрились перейти ту грань зверства, которая показалась
предосудительной даже их непосредственным начальникам. Так,
пришлось наказать коменданта лагеря Бухенвальд Эльзу Кох за то,
что она начала коллекционировать «человеческую кожу» и препа-
рировать головы заключенных, делая из них сувениры по образцу
африканских племен, занимающихся канибализмом.

Проблема с человеческими ресурсами в Третьем Рейхе росла
по мере того, как рос и сам Рейх. С расширением и ужесточением
военных действий нужда в рабочих стала просто критической, и
запросы о новых человеческих ресурсах буквально завалили стол
рейхсфюрера экономики Альберта Шпеера. Люди нужны были
как воздух. Даже не надо было, чтобы новая рабочая сила облада-
ла высокой квалификацией. Все решало число. Подобная пробле-
ма стояла и перед всеми другими воюющими странами. Но не-
хватку рабочих компенсировали там за счет женщин и за счет из-
моженных вконец подростков, старающихся задушить табаком
непроходящее тошнотворное чувство голода.

Фашистская Германия не могла пойти по такому же пути. Ей
мешал все тот же немецкий идеализм, основывающийся на опре-
деленном сентиментализме среднего класса. В соответствии с эти-
ми представлениями, мир немецкой женщины — это церковь, до-
машний очаг и дети. Немецкая женщина могла принадлежать
только семье, а не государству. Ее основная задача — давать полно-
ценное потомство и тем самым увеличивать количество представи-
телей полноценной арийской расы.

Офицеры СС считали своим личным оскорблением, когда ви-
дели, как редкая немецкая работница на производстве вынуждена
была давать какие-нибудь инструкции рабам-евреям или славя-
нам. Озверение целой нации, можно сказать, основывалось на

ФОТОБАНК

Альфред Крупп на Нюрнбергском процессе

особом и вроде бы благородном отношении немцев к своим матерям и сестрам. Свойственные женской природе сострадание и жалость сменились восхищением перед романтическим обликом мужчины-завоевателя.

В Европе рабство начало сдавать свои позиции еще в X веке и окончательно исчезло с падением феодализма. Германия избавилась от последних признаков крепостничества еще в 1781 году. В России от крепостного права отказались в 1861 году, в США рабство чернокожего населения отменили в 1866 году. В Западной Европе последней страной в общем процессе освобождения стала Бразилия, которая лишь в 1888 году перестала относиться к человеку как к собственности. Берлинская конференция 1885 года, брюссельский акт от 1890 года помогли многим странам в Африке и Азии пойти по пути общего развития.

Само понятие рабства стало настолько одиозным в мире, что все образованные люди, казалось, не могли успокоиться, пока этот пережиток прошлого окончательно не исчез с лица земли.

После первой мировой войны пять международных конференций должны были поставить последнюю точку в этом вопросе. Одна из них, проходившая под патронажем Лиги Наций, определила любое трудовое принуждение как «строжайше запрещенное».

Однако, несмотря на все эти достижения международного права, Альфред Крупп, выпускник трех университетов, был самым настоящим рабовладельцем, в распоряжении которого находились тысячи невольников, и происходило это 61 год спустя после того, как император Иосиф II отпустил на волю своего последнего лакея, принадлежавшего семейству Габсбургов.

Немецкий фашизм в силу своей идеологии, устремленной в основном в прошлое, словно оказался затерянным в историческом пространстве. Фашистские лидеры попытались создать некий социальный симбиоз, напоминающий и эпоху раннего германского средневековья, и эпоху египетских фараонов с абсолютной властью жрецов-эзэсовцев и всякого рода оккультизма. В результате вся страна, казалось, впала в странное состояние анабиоза. Как отмечал Е. Девидсон, многие немцы после войны «разговаривали так, будто они проснулись после какого-то фантастического сна, в котором поневоле им приходилось участвовать». После падения германской военной машины «они неожиданно очутились в довольно прозаичном, лишенном всякой сатанинской романтики мире, где уже не было места нацистам и где страны победительницы предъявили им счет за всех невинно убиенных». Известно, что генерал Эй-

зенхауэр, после того как освободил один из концлагерей, заставил именно этих неожиданно пробудившихся сомнамбул, словно сошедших с экрана из пророческого фильма «Кабинет доктора Калигари», собственноручно убирать бесчисленные гниющие трупы заключенных. Это была своеобразная шокотерапия, которая, может быть, и позволила хотя бы некоторым вернуться в нормальное психическое состояние и вновь оказаться не в искусственном историческом прошлом, а в разрушенном войной настоящем.

Кстати сказать, именно состояние анабиоза и заставляет некоторые виды жизни зарываться глубоко под землю. Этим, пожалуй, объясняется и какая-то патологическая страсть определенных политических лидеров, чьи режимы так или иначе выпали из общего временного потока, ко всевозможным бункерам, вырытым глубоко под землей. Известны бункеры Сталина, государственный режим которого также опирался на труд миллионов заключенных, бункеры Гитлера. Не отставал от этих правителей и Альфред Крупп.

Строительство его личного бункера началось почти сразу после торжественного вступления в должность в качестве неограниченного главы фирмы. Подземелье начали рыть непосредственно под основанием старого замка Хёгель. Вход в бункер начинался через потайную дверь, спрятанную в фамильной библиотеке. Спустившись немного вниз, следовало миновать чайную комнату, украшенную в красно-черных тонах и служащую сентиментальным напоминанием о древнем путешествии Густава в Пекин. Затем начинался лабиринт, напоминающий катакомбы с низкими, давящими потолками, выходящими к подземному бассейну, украшенному скульптурными фигурами в вагнеровском стиле, затем шел еще один коридор, выложенный белым кафелем, и, наконец, массивная металлическая дверь преграждала путь. За дверью начинался спуск в 120 ступеней. Это логово дракона обычно освещалось свечами или электрическим фонариком. Свидетели утверждают, что Альфред любил находиться здесь один. Он мог сидеть часами, сохраняя при этом полное молчание. О его присутствии говорил лишь еле уловимый звук, когда Альфред затягивался очередной сигаретой Camel.

Фирма «Фридрих Крупп» начала использовать труд заключенных концлагеря Аушвиц в июне 1943 года. В сентябре это число увеличилось до 270, а к концу года его намеривались повысить до 600—650 человек.

На совещании с представителями СС, которое состоялось на заводе «Бертаверк», были обсуждены планы, целью которых было как

можно скорее соорудить лагерь-филиал для заключенных в Фюнфтейхене так, чтобы можно было разместить 800 человек до 10 октября 1943 года, 2300 до 15 октября и 4000 — до 1 декабря 1943 года.

В конце октября в качестве рабочей силы на производстве было занято уже 600 заключенных. В ноябре их число возросло до 685, а в декабре — до 890. В письменном ходатайстве о строительстве сталелитейного завода в Маркштедте, направленном 2 февраля 1944 года правительственному учреждению, фирма «Фридрих Крупп» приводит в качестве одного из оснований для разрешения нового строительства следующее: «Главным является то, что имеется концентрационный лагерь, который мог бы принять 4000— 5000 заключенных. В настоящее время в нем только 1200 человек».

В апреле 1944 года, когда Альфред контролировал все фазы производства, на «Бертаверке» было занято 1668 заключенных концлагерей. В июле того же года их численность возросла до 2610, и в октябре того же года половину всех 12 000 рабочих составили заключенные концлагерей.

Освобожденный от своих утомительных обязанностей главы фирмы, Густав фон Болен вместе с женой решил перебраться в тихую и спокойную Австрию, в поместье Блюнбах. Перед отъездом супруги решили дать прощальный обет, на котором должен был присутствовать только их старший сын. Рядом с Густавом, который в любую минуту мог преподнести какой-нибудь сюрприз, постоянно находился целый штат слуг. Последнее время больной начал удивлять своих близких неожиданными видениями. К старику все чаще и чаще начали являться призраки. И в этот прощальный вечер не обошлось без сюрпризов. Сорвав салфетку, предусмотрительно повязанную у подбородка, он резко вскочил на ноги и стал указывать трясущимся пальцем на дальний угол огромного зала, где лежала густая тень. «Кто это? Кто эти люди? Кто?» — беспрерывно повторял больной.

Берта начала уверять своего возбужденного супруга, что ему ничего не грозит и что в углу никого нет. Но сумасшедшая выходка больного старца оказалась очень близка к истине. Эссен к этому времени действительно наводнили толпы людей, лица которых казались смытыми невероятными страданиями, а общий изможденный вид делал эти бесчисленные толпы похожими на вереницу оживших скелетов.

Эти люди были рабами. Любая этническая, расовая и национальная группа заключенных занимала свое четко определенное ей место в нацистской схеме.

Евреи носили на голове что-то вроде желтого колпака, а волосы евреек специально выстригались самым причудливым способом. Рабы из России носили нашивку SR, у поляков на том же месте красовалась буква P. Другие же рабы из Восточной Европы имели буквы OST, которые лишь в 1944 году по непонятному распоряжению Гимmlера были заменены желтой заплаткой, напоминающей распустившийся подсолнух.

Состояние здоровья заключенных было ужасным. Обычно бараки, где они жили, были разделены с каждой стороны четырьмя рядами досок, поддерживаемых опорными балками. В каждой из образованных таким образом «комнат», примерно 1 м 80 см длиной, 1 м 20 см шириной и 60 см высотой, должны были спать 5–6 человек. Даже при их изможденном состоянии места хватало лишь для того, чтобы лежать на одном боку. В качестве постельного белья служили тряпки, где-либо подобранные.

Одеждой им служил рваный пиджак, жилет или хлопчатобумажный жакет, из-под которого выглядывали голые бедра толщиной с обычное запястье руки. Полуголый скелет, с трудом передвигающийся, как на ходулях, должен был пройти немалое расстояние в деревянных башмаках, превращающихся на его ногах в каторжные колодки, чтобы потом в течение 12 часов простоять у станка.

Некоторые из этих так называемых рабочих просто не могли передвигаться без посторонней помощи. Заключенным требовалось 50 минут, чтобы дойти из лагеря к месту работы.

Эти люди работали без завтрака и получали в течение своего 12-часового рабочего дня только тарелку супа (бункер-суп), который раздавался в полдень. Еды было так мало, что люди вынуждены были искать объедки и выпрашивать крошки.

На допросе во время Нюрнбергского процесса всплыло имя одного русского заключенного, расстрелянного как раз за то, что он своровал кусок хлеба. Кто был этот несчастный? Какая судьба скрывается за обычным русским именем? Как, вообще, попал он в Германию на заводы Круппа?

Но об эту готовность к молчаливому страданию, об это нечеловеческое терпение, способное даже самого серого мужика, самую забитую бабу подняться над житейскими проблемами и обратиться их сердца к Богу, и суждено было споткнуться могущественному Круппу, как и все немцы, приносящему кровавые жертвы германским языческим идолам.

Почему же все-таки Крупп и Германия проиграли войну? Известно, например, что фирмой до самого последнего момента, да же после провозглашения Альфреда королем, продолжал управлять триумвират, состоящий из Гёренца, Лёзера и самого Круппа. Гёренц считался талантливейшим техническим директором, но известно, что он потерял боевой пыл после того, как погиб на войне его единственный сын. Не перенеся горе, отец покончил жизнь самоубийством, оставив фирму без технического директора в самый ответственный момент.

Лёзер, второе лицо в могущественном триумвирате, прекрасно сводил все балансы и держал счета фирмы в полном порядке. Но дело все в том, что именно Лёзер являлся самым слабым звеном в этом, вроде бы, совершенном управленческом аппарате. Этот человек напрямую был связан с шефом американской разведки, выполняющим поручения мировой закулисы, Аленом Далесом. Именно через Лёзера масоны пытались обуздать Альфреда Круппа, это он подготовил, по крайней мере, шесть неудачных покушений на жизнь Гитлера.

Так, известно, что в 1937 году, сразу после своего вступления в фирму, Лёзер стал членом так называемого Маленького кружка, или группы избранных, состоящей из семи влиятельных людей Рура. Они встречались каждый месяц, рассматривая возможные способы физического устранения Гитлера. В это же время бывший непосредственный начальник Лёзера по его работе в Лейпциге, некто Карл Гёрдлер, предпринял турне по США, где он лично встретился с Корделлом Хуллом, Самнером Веллесом, Генри Уоллесом, Генри Моргантау-младшим и сенатором Робертом А. Тафтом, пы-

таясь убедить их, что когда-то поддержанный ими Гитлер в данный момент намерен уничтожить всю мировую закулису. Сразу после этой встречи Гёрдлер вылетел в Лондон и пытался предупредить Чемберлена, Черчилля и лорда Халифакса о том, что вермахт собирается напасть на Польшу уже в августе 1939 года. Лёзер, будучи членом триумвирата могущественнейшей фирмы и рискуя собственной головой, продолжал поддерживать связь с Гёрдлером, передавая ему секретную информацию. А в ноябре 1942 года заговорщики из Маленького Кружка установили непосредственный радиокontakt с самим Аленом Далесом. Предполагалось, что в случае удачного государственного переворота именно Лёзер займет в будущем правительстве Германии пост министра финансов.

Получалось, что вся ответственность за деятельность концерна-гиганта, хотя теоретически и ложилась на плечи трех человек, в реальности буквально погребла под собой лишь Альфреда Круппа. Он даже физически при всей своей необычайной энергии не мог уследить за всем, что творилось в этом огромном королевстве, в этом государстве в государстве. Хорошо налаженная машина была обречена на то, чтобы рано ли поздно начать давать сбои. Даже огромные и казавшиеся неисчерпаемыми ресурсы оккупированной Украины через очень короткое время превратились не в источник наращивания мощностей, а в обузу. После разграбления богатого края, где из-за непрерывной партизанской войны довольно скоро прекратилась хоть какая-то добыча угля и других полезных ископаемых, Альфред Крупп для поддержания жизнедеятельности собственных заводов, расположенных на вражеской территории, вынужден был вывозить уголь из родного Рура и Силезии.

В разработке же новых видов оружия Крупп, равно как и вся фашистская Германия, оказался заложником собственных устаревших представлений, ориентированных, в основном, на прошлое и на национальные обиды. Так, вместо того чтобы серьезно разрабатывать новые виды танков, Крупп сосредоточил свои лучшие конструкторские силы на воплощении в жизнь гигантского проекта, связанного с созданием так называемой суперпушки. Желая превзойти триумф франко-прусской войны, который увенчался сокрушительной победой немецкой артиллерии под Седаном и Льежем, немецкие конструкторы, вдохновленные к тому же действиями французских инженеров, создавших абсолютно бессмысленную в военном отношении линию Мажино, пустились в разработку какого-то фантастического гиганта, носящего имя «Большая

шой Густав». Этот монстр сожрал, казалось, все лучшие интеллектуальные силы немецких военных инженеров, а на практике представлял из себя некое железное динозавра, напоминающего неуклюжие творения скульпторов-модернистов.

Пушку соорудили к 1939 году, но маневр, предпринятый Гитлером, сделал сам по себе всю линию Мажино совершенно бессмысленной затеей. В результате «Большой Густав» так и не выстрелил. Пушка-гигант могла стрелять на расстоянии около 50 км, весила она 1,465 тонн и передвигалась только по двойной железнодорожной колее, специально проложенной для этих целей. Основание орудия оказалось слишком широким, чтобы его можно было поместить на обычную платформу.

Однако «Большого Густава», которого сами артиллеристы упорно называли женским именем Дора, удалось все-таки испытать в боях во время русской кампании. Из этой пушки стреляли по русским морякам, отчаянно оборонявшим Севастополь. Но, как показали данные экспертов, несмотря на колоссальные разрушения, точность стрельбы оставляла желать лучшего, и осажденный город немцы взяли без помощи уродливого колосса. Все сделала многочисленная пехота врага, которая в последние атаки против русских моряков, отчаянно сражавшихся за каждую улицу родного города, шла, надев противогазы: так силен был удушающий смрад, исходящий от огромного количества разлагающихся трупов.

Крупп вложил по семь миллионов марок в производство каждой гигантской пушки. Альфред вместе с конструктором Мюллером лично после падения Севастополя изучал результаты действий своих орудий. Анализ оказался неутешительным: лишь каждый пятый снаряд смог достичь русских позиций, а самый большой урон обороне противника нанесли летчик Люфтваффе, а не пушки Круппа. В течение шести дней пилоты сбросили 50 000 бомб, которые и разрушили, в конечном счете, город.

Крупп стал жертвой своих собственных химер. Как истинный национал-социалист он свято верил в абсолютное превосходство арийской расы над славянами и поэтому полагал, что арийский немецкий технический гений не сможет быть превзойден какими-то русскими.

21 января 1939 года во время торжественного заседания в Большом театре, посвященного очередной годовщине смерти В.И. Ленина, А.А. Щербаков сделал очень важный доклад, касающийся военной мощи СССР. В частности, в нем говорилось: «Советский Со-

юз, который еще совсем недавно был слабым в военном отношении и не готовым к защите собственных рубежей, сейчас может устоять перед любой опасностью. Наше государство, как сказал товарищ Сталин, производит самое современное оружие в массовом масштабе и готово вооружить им нашу доблестную Красную Армию при малейшей угрозе со стороны капиталистических государств».

Эти слова, которые должны были бы стать грозным предупреждением для Круппа и его ведущих конструкторов, так и не нашли должного отклика у тех, кто был буквально упоен своими победами и находился во власти иллюзии, будто германский военный гений не имеет себе равных. Легкая победа над Францией, захват почти половины Европы, блокада и почти непрерывная бомбардировка Англии, а также уроки польской кампании — все это способствовало коварному усыплению бдительности тех, от чьих усилий во многом и зависела победа в войне, которую совершенно справедливо окрестили «войной машин».

Немецкие танковые клинья очень хорошо показали себя во всех вышеперечисленных кампаниях. В Польше же им противостояла лишь кавалерия, в отчаянии бросающаяся на бронированные машины. В первые месяцы войны с Советским Союзом, казалось, опыт Польши лишь повторяется еще раз. Одним из командиров Красной Армии был легендарный маршал, герой Гражданской войны, Семен Михайлович Буденный. Он, как и весь польский генералитет, свято верил в то, что кавалерия может оказать решающие действия в современной войне. Бесспорный фаворит Кремля, уцелевший после всех партийных чисток, в результате которых были расстреляны или отправлены в лагерь самые лучшие и талантливые военкомандующие, Буденный получил приказ остановить немцев любой ценой. Для этого ему выделили армию в миллион человек. Но и 10 миллионов для этого бравого кавалериста было бы недостаточно, так как он продолжал руководствоваться в своих действиях устаревшими принципами окопной войны и кавалерийских рейдов по тылам противника. Буденный ничего не смог противопоставить невиданной по тем временам мобильности немецких войск. Танки Круппа, как и в Польше, в первые месяцы войны столкнулись лишь с русскими конными отрядами, с растерянными солдатами, вооруженными в лучшем случае противотанковой винтовкой или знаменитым коктейлем Молотова — бутылками с зажигательной смесью, да связками гранат, которыми обматывались смертники, и это был, пожалуй, самый эффективный

заградительный барьер, затормозивший победоносное движение германской военной машины, заставив ее завязнуть во взорванных внутренностях, в молотом и перемолотом солдатском мясе. Россия расплачивалась за глупость своих руководителей жизнями своих граждан, своими огромными человеческими ресурсами. Тела, именно тела, одетые в солдатские х/б, в тельняшки, бушлаты, ватники ополченцев-очкариков, молодые и старые, сильные и не очень, тела бесчисленного количества русских людей, чьи кости до сих пор продолжают гнить в болотах под Юхновом, где полегло людей не меньше, чем под Курской дугой, и где танки останавливали буквально костями, именно эти тела, которые стали сродни святым мощам в нашей памяти, и были нашим единственным и самым эффективным оружием в первые месяцы войны против мощных стальных гусениц танков Круппа.

И здесь, нужно сказать, столкнулись две совершенно противоположные стихии. Армия Гитлера, которая пришла на Восток, чтобы вести войну, забыв о всяких принципах воинской рыцарской чести, забыв о каких бы то ни было нравственных ценностях, в своем слепом сатанизме, вдохновленном во многом так называемым романтизмом немецкой души («Мир ужаснется тому, что мы сделаем на Востоке», — любил повторять Гитлер), буквально надорвалась, сломала хребет свой, ибо надуманные немецкие бредни и схоластические построения, которые могли произвести впечатление на изнеженную и рациональную Европу, давно живущую по законам логоса, столкнулись в России с самым настоящим, чистым, без какой бы то ни было примеси рационализма, национальным духом, а дух, как хорошо было известно и самим немецким романтикам, всегда сильнее разума. Где, в какой еще стране Западной Европы фашисты могли встретить столь яростное сопротивление простых граждан? Какая еще страна смогла бы всем населением своим буквально броситься под танки Круппа?

Война фашистской Германии с Россией была войной немецкого рационального мистицизма с настоящим, неведомым Западной Европе, восставшим из глубин таинственной души Чистым и Светлым Духом. «Что русскому хорошо, то немцу — смерть», — гласит пословица, и в этих словах в очень простой и понятной форме выражена сама суть того извечного антагонизма, который и погубил, в конечном счете, все германское нашествие.

Гитлеровские стратеги по-немецки достаточно рационально подошли к осуществлению возможной русской кампании. Они

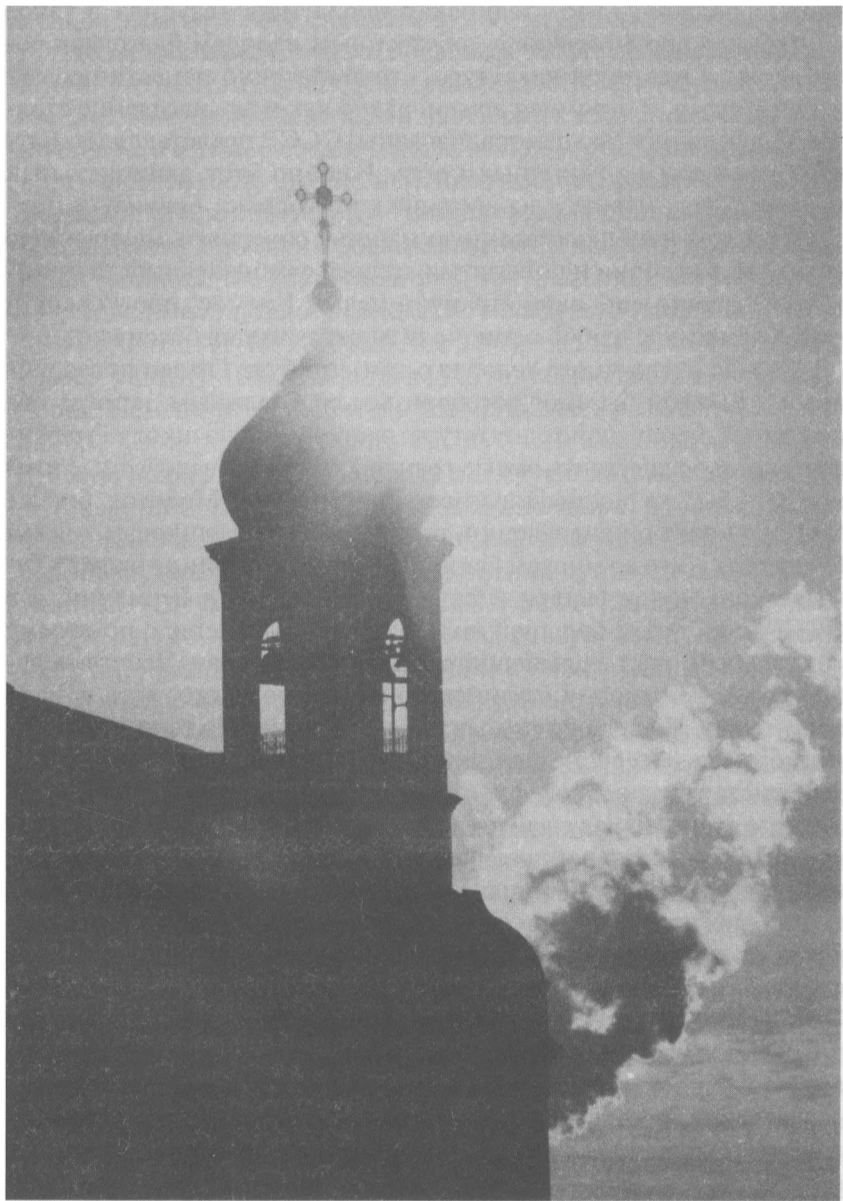

ФОТО - М. АЗЮБА

наивно полагали, что сталинская пропаганда вступила в такое внутреннее противоречие с собственным народом благодаря репрессиям и жестокой диктатуре, что достаточно нанести первый мощный удар, и огромная армия, равно как и все население страны, будут полностью деморализованы. СССР представлялся Гитлеру колоссом на глиняных ногах. Именно этот рациональный подход к делу медиума из австрийского городка Браунау и подтолкнул всю немецкую военную машину совершить невиданную авантюру в истории и попытаться в своей самонадеянности захватить не просто еще одну страну, а целый Космос, ибо Россия и есть Космос, где любой рационализм оказывается бессильным.

Сейчас очень много говорят о том, что будь Гитлер прозорливее и умнее, он бы смог договориться со Сталиным, и тогда оба диктатора, прошедшие одну и ту же эзотерическую школу Гурджиева, могли осуществить самые грандиозные и бесчеловечные планы. Ведь был же подписан договор Риббентроп — Молотов, был же заключен пакт о ненападении, ведь знаменитые танковые клинья Гудериана — это во многом влияние военной доктрины нашего Тухачевского, а концлагеря впервые возникли не в Германии, а в СССР, и гестапо с большой пользой для себя переняло по-своему уникальный опыт большевистского правительства. Действительно, у двух режимов, у сталинского и гитлеровского, есть немало общих черт. Но дело-то все заключается в том, что если Гитлер во многом вел за собой немецкий народ наподобие знаменитого флейтиста с волшебной флейтой в руках, то Сталин, как это ни странно, этому народу все-таки подчинился. Именно поэтому в самые отчаянные дни войны он вдруг прекратил гонения на церковь, вернул священникам Троице-Сергиеву лавру, выселив оттуда женское общежитие, вспомнил церковнославянскую лексику, и, оправившись после испуга, в своем запоздалом обращении к народу произнес всем понятное и давно ожидаемое: «Братья и сестры». После этого больше ничего ему и говорить не надо было. Войну в противоположность всей атеистической идеологии окрестили священной — и повалились, повалились неисчислимы тела, тела людей русских, останавливая многотонные танковые армады, сделанные на лучших заводах Круппа и выплавленные из лучшей в мире стали.

Пожалуй, можно сделать следующий вывод: гибель фашистской Германии и во многом Круппа в войне с Россией была predeterminedена узостью и даже провинциальной самонадеянностью всей не-

мецкой культуры. Уж слишком эта культура была сосредоточена только на себе самой, упорно признавая только свои немецкие ценности. Это и есть одна из характерных особенностей интеллектуального провинциализма, который проявился в конечном счете в ограниченности и технического мышления конструкторов Круппа.

Нельзя сказать, что все немецкое вооружение по своим параметрам уступало советскому. Например, немецкие самолеты были великолепны и по своим боевым качествам намного превосходили наши машины. На Восточном фронте германские истребители до 1943 года имели полное господство в воздухе. Русский биплан И-15 и моноплан И-16, которых еще в боях над Испанией превзошел «Мессершмитт-109», выявили в 1941 году свою техническую отсталость. Немецкий истребитель был способен развивать скорость 480 км/час и подниматься на высоту 9 150 метров. Удачную воздушную поддержку обеспечивали пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87 – Штука». Этот самолет действовал в тесной связке с бронетанковыми подразделениями как воздушная артиллерия и был оборудован сиреной для устрашения сухопутных войск противника. «Штука» имела двигатель в 640 л. с. и могла поднимать в воздух одного летчика и 500-килограммовую бомбу. Бомбометание с пикирования позволяло летчику приблизиться к мишени носовой частью и прицелиться с необычайной точностью. Эмблемой этой боевой машины была свинья, немецкий символ удачи. Эту свинью еще ласково называли «Иолантой». Однако русские имели богатые традиции самолетостроения, и к середине 1943 года они ввели в строй самолеты, мало чем уступавшие немецким истребителям. Як-3 и МиГ-3. Эти машины выпускались в таких количествах, что русским к концу войны удалось добиться впечатляющего численного превосходства над Люфтваффе.

Русским удалось разработать и эффективный штурмовик воздушной поддержки – Ил-2 Ильюшина. Вооруженный ракетами, бомбами и пушкой, Ил-2 совершал налеты на столь низкой высоте, что зачастую мог поразить цель в горизонтальной плоскости. Не зря немцы прозвали его «Черной смертью».

Немцы смогли выпустить и реактивный самолет «Мессершмитт-163 – Комета», способный развить скорость почти 600 миль в час. Однако ему хватало топлива лишь на 90 секунд такого полета, после чего он начинал действовать просто как высокоскоростной планер, и в этом качестве его использовали в последние месяцы войны для перехвата бомбардировщиков союзников в небе Германии.

Фашистские танки по своей оснащенности, по комфорту также оставляли далеко позади любую советскую боевую машину. Известно, что командиры танковых подразделений любили разъезжать не на отечественных Т-34, а на трофейных PZKW III или IV, на которых писали лозунги «Смерть Гитлеру» и в срочном порядке окрашивали рыцарские кресты. И это не удивительно, ведь над созданием танков на заводах Круппа в это время трудились такие инженеры и гениальные дизайнеры, как Мюллер и доктор Фридрих Порше, а также тридцатичетырехлетний сын последнего, Ферри Порше, изобретший уникальную форму жучка-фольксвагена, а после войны знаменитый спортивный автомобиль, навечно прославивший имя своего создателя. Отец и сын Порше изобрели знаменитые «Пантеры» весом в 42 тонны, а также «Леопарды», «Тигры». В дальнейшем конструкторы приступили к разработке 180-тонного танка, который так никогда и не увидел ни одного сражения.

Однако уже первые месяцы войны эти красавцы оказались мало приспособленными для ведения активных боевых действий в условиях российского бездорожья. Сами танкисты этот период войны окрестили как период Большой грязи. Наши же танки Т-34 в полной мере соответствовали условиям вечного российского бездорожья. Дело дошло даже до того, что военные эксперты предложили Альфреду на основе захваченных чертежей создать полную копию русского танка. Это предложение лишь разозлило Мюллера. Его профессиональная гордость была задета. Альфреду же было не до того: он один должен был управлять делами огромной промышленной империи, да к тому же Крупп никак не мог отказаться от своих догм относительно безусловного превосходства арийской расы над славянами.

По личному требованию генерала Гудериана Круппу пришлось вносить некоторые изменения в базовые конструкции и создавать новые модели уже в ходе боевых действий. Именно так появились первые самоходки и штурмовые орудия. Русские, в отличие от немцев, не впадали в провинциальное чванство и поначалу использовали трофейные самоходки для уничтожения тех же «Тигров», «Леопардов» и «Пантер», а затем приступили к массовому производству собственных машин.

Немецкие самоходки были довольно удачным нововведением, они оказались вооружены 50-миллиметровыми пушками, которые довольно легко пробивали броню тридцатьчетверок. Затем

пушку калибром 75 мм водрузили на базе «Шкоды». Но в этой своеобразной гонке вооружений, развернувшейся в самый разгар грандиозной битвы двух противоположных цивилизаций, немцев подвела их вечная гигантомания. Вместо того, чтобы трудиться над дальнейшим усовершенствованием уже опробованных и удачных образцов, конструкторы Круппа решили пойти по пути создания машин-гигантов наподобие знаменитой пушки «Большой Густав».

В результате титанических усилий на фронтах России появился монстр, вооруженный 100-миллиметровым орудием и с очень ограниченным полем обстрела. Это изобретение окрестили «der Elefant» (Слон). Гигант оказался настолько дорог в эксплуатации, что к кличке Слон ему вполне можно было прибавить и эпитет золотой.

Как показала дальнейшая история развития танковой стратегии, не тяжелые, а именно средние танки, обладающие наибольшей маневренностью, имели больший шанс выжить в общевойсковом бою.

Настоящей дуэлью между русской танковой мощью и крупповской сталью, бесспорно, явилось знаменитое сражение под Прохоровкой.

Русским сыграло на руку нежелание Гитлера начинать наступление в районе Курской дуги до массового развертывания в войсках нового вооружения. Гитлер очень надеялся на новинки Круппа: самоходную артиллерийскую установку – штурмовое орудие «Фердинанд», танки «Пантера» и «Тигр». Особенно впечатляюще выглядел тяжелый «Тигр» с его 100-миллиметровой броней и 88-миллиметровой пушкой. Впервые эта машина была с успехом опробована в Тунисе.

На рассвете 5 июля после массированного обстрела немцы начали наступление на Курской дуге. В течение недели германские войска отчаянно пытались прорвать мощную оборону. 12 июля две танковые армии русских нанесли контрудар по наступающей ударной группировке немцев. В результате произошло крупнейшее встречное танковое сражение второй мировой войны – с каждой стороны в нем приняло участие до 1200 бронированных машин. И эта дуэль закончилась не в пользу Круппа.

К началу апреля 1945 года гитлеровская Германия оказалась в крайне тяжелом положении. На востоке русские прочно закрепились на берегах Одера и готовились к штурму Берлина. Кроме того, русские стучались в ворота Вены. В Северной Италии западные союзники также готовились к наступлению. Англо-американская авиация продолжала беспощадные бомбежки, превращая города в руины и буквально парализуя всю немецкую транспортную систему.

Немцы испытывали недостаток в людских ресурсах, особенно вследствие чудовищных потерь, понесенных на Восточном фронте. В октябре 1944 года Гитлер издал распоряжение о создании фолькштурма. Все мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет были призваны под ружье для защиты своих жилых кварталов. Многие из них были вооружены фаустпатронами — ручными противотанковыми гранатометами. Нехватка людей была такой, что союзники захватывали в плен тринадцатилетних мальчиков и семидесятилетних стариков.

Перед лицом весьма мрачных перспектив немцам было бы логичнее капитулировать во избежание дальнейших бессмысленных человеческих жертв и полного разрушения страны. Но они продолжали сражаться — и на то было немало причин. Хотя Гитлер, как могло показаться, вконец утратил чувство реальности и безвылазно сидел в «фюрербункере», выстроенном в подвале рейхсканцелярии в центре Берлина, он по-прежнему оказывал на немцев магнетическое воздействие.

Впрочем, его настроения часто менялись. Иногда он считал, что поражение неминуемо и что лучше пусть весь немецкий народ погибнет, нежели признает себя побежденным. В другие дни он был убежден,

что в последний момент свершится чудо, которое вновь вернет Германию удачу. И правда, весь последний год Гитлер и его соратники обещали продемонстрировать «чудо-оружие», которое должно было решительным образом изменить соотношение сил в пользу Третьего Рейха. К этому «чудо-оружию» относились и «самолеты-снаряды» ФАУ-1 и ФАУ-2, а также немецкие реактивные самолеты, сверхтяжелый танк и новая подлодка «Вальтер», которая могла находиться в боевом плавании без всплытия значительно дольше прочих субмарин. Но, как и другие виды «чудо-оружия», эти новые подводные лодки, которые делали на заводах Круппа, появились лишь после того, как войска союзников благополучно высадились на побережье Северной Франции. А к тому моменту время чудес уже прошло.

1 апреля 1945 года американские Девятая и Первая армии соединились в Липпштадте. Это означало, что Рурский индустриальный район взят в кольцо и группа армий «Б» под командованием Вальтера Моделя оказалась в ловушке. Потребовалось две с половиной недели, чтобы уничтожить этот гигантский «котел». В итоге не менее 350 000 немецких солдат и офицеров было взято в плен, а их командующий покончил жизнь самоубийством.

Рурский «котел» создал огромную брешь в оборонительных линиях немцев, и союзники поспешили этим воспользоваться. Канадцы начали операцию освобождения Северной Голландии, в то время как англичане устремились к двум главным портовым городам на севере — Бремену и Гамбургу. Многие германские части быстро сдавались, однако иные продолжали сражаться, и в ходе этого наступления произошло немало кровопролитных боев. Особенно жестокой оказалась битва за Бремен. Чтобы овладеть портом, союзникам пришлось вести бои в течение девяти дней.

Даже накануне Дня Победы в Европе в море продолжали курсировать немецкие подлодки, сделанные в Киле на заводах Круппа. Это был самый непримиримый вид гитлеровских войск. Несмотря на полное поражение Германии, они продолжали топить корабли. Командование сил союзников распорядилось, чтобы Дениц отдал приказ подлодкам войти в ближайшие порты союзников и сдать. Однако несколько лодок так и не всплыли, а ушли в сторону нейтральных гаваней. Так, две из них уплыли в Аргентину, а еще пять устремились к берегам Японии. Эти территории Третьего Рейха так и остались непобежденными.

Входя в разбитые бомбежкой города и поселки, западные союзники встречали лишь полуобезумевших жителей, буквально потерявших дар речи от всех пережитых кошмаров.

Только теперь победители с Запада, как это уже было суждено русским, смогли осознать истинные масштабы происходившего в концентрационных лагерях. Англичане были повергнуты в ужас тем, что они обнаружили в Бельзене, а американцев потряс освобожденный ими Дахау. Передовые американские части, вошедшие в лагерь, были настолько разгневаны, что расстреляли на месте около шестнадцати эсэсовских охранников.

Накануне своего ареста поздно вечером Альфред Крупп пригласил в замок Хёгель самых близких людей, которые помогали ему в управлении концерном. Все собрались в кабинете, расположенном на четвертом этаже, где над камином, выложенном из черного мрамора, висел огромный портрет Гитлера. После ужина гостям было предложено поиграть в скат. Ставки были необычайно высокими. Игра началась сразу после бренди. Несмотря на надвигающуюся катастрофу, Альфреду в это вечер необычайно везло. Он испытывал самый настоящий азарт, и к концу его выигрыш сделался настолько велик, что мог бы сделать целое состояние для человека среднего достатка. Довольный собой, Альфред попрощался с гостями и отправился к себе. Говорят, что накануне ареста магнат впервые смог по-настоящему выспаться, словно ему удалось, наконец, сбросить с себя непосильное бремя забот.

И пока Альфред спал, рано утром в саду замка Хёгель появились американские пехотинцы. Это были разведчики. Они случайно вышли на замок и не сразу догадались, что это и есть легендарное логово могущественнейшего в мире клана.

Честь арестовать самого Альфреда Круппа выпала на долю подполковника Кларенса Сагмеона. Вместе с капитаном Вестервельдом, корреспондентом Азриелем и отделением автоматчиков на двух джипах, вооруженных пулеметами, американский подполковник оказался у самых ворот знаменитого замка. Такая предосторожность казалась не лишней, так как имя Круппа было одним из первых в списке военных преступников. К тому же было хорошо известно, что Альфред был членом СС.

Высочив на ходу из джипа и выхватив из кобуры свой армейский «кольт» 45 калибра, подполковник Сагмеон решительно направился к центральному входу. Там его встретил дворецкий Дорманн, которому доводилось встречать таких гостей, как кайзер, Гитлер и Муссолини. Сейчас же приходилось унижаться до какого-то подполковника, который со своим большим пистолетом был очень похож на героя гангстерского фильма.

Но оказалось, американец весьма сносно говорит по-немецки.

— Кто здесь живет? — спросил офицер.

Мой господин, Альфред Крупп фон Болен унд Гальбах, — последовал учтивый ответ.

— Где он?

— У себя наверху.

— Приведите его сюда немедленно.

— Джентльмены, мой господин ждет вас. Могу я просить вас войти в дом?

Тогда подполковник в сопровождении капитана и корреспондента прошли в холл и принялись рассматривать картины, различные модели пушек, дорогие канделябры и кожаные корешки книг, стоящих на полках. Библиотека насчитывала несколько тысяч томов, и все они были посвящены одной теме — политике. В томительном ожидании прошло минут десять. Подполковник с нетерпением начал поглядывать на лестницу с перилами из резного дуба, ведущую наверх. С непрошеными гостями в холле находился и дворецкий. Подобно стражнику, он стоял у самого основания лестницы, словно охраняя заветный вход. Офицер вновь поинтересовался, когда может спуститься к ним Альфред Крупп? Ему ответили, что это произойдет с минуты на минуту. Прошло еще какое-то время, а на дубовой лестнице так никто и не появился. Прошло еще десять минут, затем пятнадцать, затем двадцать. Подполковник начал терять терпение. «Я сам пойду и посмотрю, что случилось, — произнес он и, потеснив дворецкого в сторону, взлетел по лестнице, минуя сразу по две ступени. Согласно свидетельству корреспондента Азриеля, он последовал примеру полковника. Оказавшись наверху, Сагмеон, не теряя времени даром, успел заглянуть в несколько комнат, но все они оказались пусты. И лишь какое-то время спустя в проеме очередной распахнутой настежь двери корреспонденту удалось увидеть высокую худощавую фигуру человека, одетого в строгий костюм. Мужчина, не торопясь, поправлял перед зеркалом узел галстука. На Альфреде в это время был необычайно элегантный костюм в полоску, а на туалетном столике лежала черная фетровая шляпа.

После того как с узлом было покончено, Крупп кивнул в сторону подполковника и спросил:

— Я владелец этой собственности. Что вам угодно?

— Вы Крупп? — решил уточнить подполковник.

— Да, я Крупп фон Болен, — последовал невозмутимый ответ. — С этого момента вы находитесь под арестом.

Что произошло потом, не совсем ясно. По крайней мере, существует несколько версий. Так, согласно Азриелю, подполковник приказал Альфреду следовать за ним. Плечом к плечу они спустились по лестнице, пройдя мимо удивленного дворецкого. Затем Крупп сел на заднее сидение одного из джипов. Сам корреспондент сел рядом, а офицер — впереди. Вспоминая впоследствии свой арест, слегка улыбаясь, Альфред сказал как-то: «Это было по-своему удивительное время».

Согласно версии Дорманна, все происходило намного драматичнее. Ему показалось, что перед появлением хозяина весь замок заполнили бесчисленные толпы американских солдат. Они то и дело открывали и закрывали различные двери комнат, везде совали свой нос, а сам арест Альфреда был осуществлен в недопустимо грубой форме.

Скорее всего, отчет Дорманна передает не правду факта, а общее настроение ужаса и удивления, которое охватило всех слуг, действительно в беспорядке высыпавших на лужайку рядом с замком. Для них арест Альфреда был равносильен грому среди ясного неба. Они тут же почувствовали себя осиротелыми. Один из слуг сломя голову бросился на кухню и начал быстро готовить сэндвичи для арестованного. Но бедолага опоздал. Когда повар выбежал со свертком, джипы уже выезжали из ворот. И тогда слуги закричали в отчаянии: «Крупп! Крупп! Крупп!» И этот крик был похож на знаменитое: «Sieg Heil!».

Догадавшись, что рядом с ним находится гражданский человек, Крупп неожиданно перешел на великолепный английский. По дороге в Дюссельдорф Альфред принялся рассказывать о том, что не имеет никакого отношения к войне, что он всего лишь промышленник, которому отдавали приказы, и он вынужден был беспрекословно подчиняться. По словам, Альфреда, военные заказы даже не приносили ему никакой особой прибыли, так как все цены были строго фиксированными.

Сагмеон был очень горд тем, что ему удалось схватить крупную дичь. Вместе с Альфредом он отправился на 313 командный пункт. Как только удалось добраться до места назначения, Сагмеон вбежал в штаб с криком: «Я схватил Круппа! Я схватил Круппа!». Непосредственный начальник Сагмеона Ван Биббер, небритый и усталый после нескольких бессонных ночей человек, лишь сплюнул в ответ и произнес: «Я не желаю видеть этого сукина сына. Запихните его каталажку».

Первый допрос состоялся лишь в полдень. Он происходил на кухне какой-то разоренной городской квартиры. Крупп согласился давать показания на английском языке. И первый вопрос был следующим:

— Почему вы не бежали из Рура?

— На что Альфред недоуменно пожал плечами и ответил:

— Я хотел остаться со своей фабрикой и со своими людьми. Я принадлежу только этому месту и никакому другому.

— Вы нацист?

— Я немец.

— Вы член нацистской партии?

— Ну да, конечно. Как и большинство немцев.

— Какое ваше жалование на сегодня?

Этот вопрос явно удивил Альфреда, поэтому он переспросил своего следователя с некоторым недоумением:

— Мне обязательно отвечать на этот вопрос?

— Да, — подтвердил офицер.

Достав из серебряного портсигара Camel и постучав сигаретой по крышке, Альфред задумался на мгновение и закурил, затем произнес:

— Положим, 400 000 марок в год.

В пересчете на доллары по довоенному курсу это равнялось 160 000. Но в данном случае Крупп мог назвать любое число. Вопрос был продиктован абсолютным невежеством следователя. Скорее всего, Альфред затруднился с ответом потому, что он никогда не работал за жалование. В качестве единственного владельца фирмы Крупп мог распоряжаться всей своей огромной империей. 11 апреля 1945 года, когда и состоялся этот допрос, Альфред и понятия не имел, в какую сумму можно было оценить его состояние на тот момент. Выяснив про жалование, следователь решил задать совершенно странный в той ситуации вопрос:

— Вы по-прежнему считаете, что Германия обязательно победит в этой войне?

Глядя с легким прищуром сквозь густой табачный дым на своего собеседника, Крупп ответил достаточно неопределенно:

— Не знаю. Политика — это не мой бизнес. Мой бизнес — сталь.

— Чем вы собираетесь заняться после войны?

— Восстановлю фабрики и налажу прежнее производство, — последовал неожиданный ответ.

Когда охранники поинтересовались, как им следует обращаться к своему заключенному: герр Альфред, или герр фон Бо-

лен, или герр Крупп фон Болен унд Гальбах, сам магнат коротко ответил: «Зовите меня просто Крупп. Я здесь только благодаря своему имени. Эта камера — лишь часть великого наследства, которое отныне принадлежит только мне».

Однако в Германии оставалось еще немало фанатичных сторонников нацизма, рассматривавших эту финальную фазу войны как Армагеддон, за который их враги должны были дорого заплатить, ибо, в конце концов, плодом победы союзников стала бы лишь безжизненная пустыня праха и тлена. К тому же 12 апреля 1945 года союзников постиг тяжелый удар — скончался Франклин Рузвельт. Гитлер воспринял смерть американского президента как знамение последнего чуда, которое должно было спасти Третий Рейх.

Накануне генерального наступления русских на Берлин Гитлер, чья любовница Ева Браун незадолго до того вернулась в столицу и спустилась к своему возлюбленному в бункер, издал особый «приказ дня». Фюрер предупреждал войска, что еврейские большевики жаждут стереть с лица земли немецкую нацию и что всякий, нарушивший свой патриотический долг, будет расстрелян на месте.

22 апреля 1945 года, на следующий день после того, как профессор Тео Морелль покинул Гитлера, тот продолжал медитировать в бункере о возможном самоубийстве, которое он рассматривал как акт, способный помочь свершиться чуду и уничтожить все русское нашествие.

За два дня до этого, 20 апреля, в день своего рождения, Гитлер в последний раз появился на публике, вручив награды за мужество мальчикам из гитлерюгенда. Он также разрешил эвакуировать из столицы ряд правительственных учреждений. С ними выехали Герман Геринг, Генрих Гиммлер и другие члены нацистской иерархии. Через три дня, то есть 23 апреля, Гитлер объявил, что останется в Берлине до самого конца и лично берет на себя командование. 29 апреля русские дошли до центра германской столицы, а защитники города продолжали вести бои за каждую улицу.

На другой день, 30 апреля, накануне Вальпургиевой ночи, когда, по преданию, собирается вся нечисть, Гитлер и Ева Браун, с которой фюрер официально зарегистрировал свой брак прямо в бункере, покончили жизнь самоубийством. Их трупы облили бензином и сожгли. В завещании Гитлер назначил своим преемником Деница. Под непрестанную канонаду русских министр пропаганды Йозеф Геббельс с семьей последовал примеру своего фюрера.

Только 2 мая сложили оружие последние окруженные защитники Берлина, и советский флаг взвился над куполом рейхстага.

Более 300 000 русских погибли, получили ранение или пропали без вести во время штурма столицы Третьего Рейха.

«Смерть Гитлера была для нас окончанием состояния массового гипноза, — вспоминала секретарша фюрера Траудль Юнге. — Вдруг мы почувствовали неодолимое желание жить, стать самими собой, быть человеческими существами. Гитлер отныне не интересовал нас».

После окончательного поражения Германии, подобно карточному домику, начала рассыпаться вся промышленная империя Круппа. Так, завод в Бендорфере, находящийся на территории Австрии и присоединенный к фирме одним из первых еще в самом начале захватнической политики Гитлера, тут же перешел к другим владельцам, которые в свое время были грубо ущемлены в своих законных правах. Завод в Магдебурге оказался на территории, где распоряжались всем Советы. В СССР было перевезено все оборудование в качестве репарации. В знаменитом Киле, где располагались верфи, на которых собирались подводные лодки, англичане приказали уничтожить все производство. И точно так же союзники вели себя и в самом Эссене. Враги схватили Альфреда за горло. Казалось, что усилия союзников были направлены лишь на одно — на полное уничтожение некогда могущественнейшего концерна, который воплощал собой всю мощь германского милитаризма. Впрочем, Альфред еще совсем недавно вел себя точно так же на захваченных территориях.

На заводах Эссена появилось немало английских, американских и французских инженеров. С мелом в руке они методично обходили один цех за другим, оставляя после себя необходимые пометки. Эти пометки указывали на то, в какой последовательности и каким способом следует демонтировать то или иное оборудование. Отныне крупповские рабочие получали жалование за уничтожение собственных рабочих мест, которые долгое время кормили их семьи. Демонтаж огромной империи длился без малого пять лет. В самом начале 1948 года в «Business Week» появились весьма характерные фотографии, на которых видно было, как огромный котел после демонтажа отправляют на Украину. На этих фото мелькали также массивные стальные слитки. Эти слитки отправляли в Англию. Трофейные французские морские орудия ползли к себе домой, а огромные чудовищные агрегаты, годные только для производства знаменитых крупповских пушек, демонстративно взрывались. Горны перевозились в Грецию. 15 000-тонный пресс, уникальный в своем роде, оказался в Югосла-

вии. Сами югославы, правда, не знали, что с ним делать, и прес так и остался ржаветь где-то на заброшенном берегу Адриатики, поражая воображение случайных пастухов своими размерами не меньше, чем знаменитые руины некогда могущественной египетской цивилизации. Многие промышленные здания, принадлежавшие концерну, разбирали буквально по кирпичику. Затем эти кирпичи тщательно упаковывались и отправлялись зачем-то в Голландию.

От империи Круппов в буквальном смысле не осталось и следа.

Согласно закону 27 Союзной Высокой комиссии, Альфреду строго-настрога запрещалось отныне принимать хоть какое-то участие в экономической жизни страны. В целях «децентрализации германской экономики», а также во избежание «опасной концентрации экономической мощи в одних руках», что неизбежно вновь привело бы к воссозданию военного потенциала Германии, этот закон запрещал участвовать в экономической жизни страны не только Альфреду, но и любому другому промышленнику, который имел хоть какое-то отношение к нацистской партии.

За этими мерами стояли Уолл-Стрит и мировые масоны. Их целью была не столько сама немецкая промышленность, сколько Альфред Крупп. Ему мстили за смерть одного из Ротшильдов.

Печальная судьба постигла не только могущественного промышленника, но и всех его родных и близких. Так, Тило, муж Барбары, родной сестры Берты Крупп, в течение 24 часов был выдворен из своего фамильного замка командованием Советской Армии. Предполагалось, что сам замок отдадут под детдом, а поля отойдут колхозу.

Сама Берта и семидесятилетний Густав, оказавшись в Австрии, жили в весьма стесненных условиях. Американская администрация попросила двух стариков немедленно оставить свой замок. Они вынуждены были переехать в гостиницу, расположенную у самой дороги. Отныне больной Густав лежал в постели в дешевом номере и мог слышать шум и гам толпы: в этом месте постоянно останавливались автобусы.

За больным ухаживали сама Берта и профессиональная сиделка, причем у дверей спальни всегда находился часовой. Союзники хотели привлечь к суду и разбитого старика.

Из всей семьи лишь брату Бертольду было разрешено свободное перемещение по стране, но и за ним постоянно следили агенты.

Неумолимо приближался день суда, день Нюрнбергского процесса. Долгое время международный трибунал не знал, как им сле-

дует поступить с Густавом Круппом, чья деятельность по перевооружению немецкой армии стала началом дальнейших захватнических войн Третьего Рейха. Решено было провести серьезное медицинское обследование старшего Круппа. Шесть профессоров медицины 6 ноября 1945 года появились в маленькой придорожной гостинице. Берта с сиделкой провели врачей к постели больного. Пациент приветствовал гостей широкой улыбкой идиота и со словами «Guten Tag» тут же впал в кому.

На следующий день судья Лоуренс зачитал перед адвокатами, представляющими интересы союзников, следующее медицинское заключение: «После тщательного обследования подсудимого мы пришли к выводу, что Густав Крупп страдает разжижением мозга... и состояние его здоровья таково, что он физически не может предстать перед международным трибуналом. Обследуемый не понял бы ни единого слова и не смог бы оказать никакой помощи в предполагаемом судебном разбирательстве. Состояние больного таково, что даже транспортировка последнего в Нюрнберг связана с риском для жизни». Судьям, к их немалому разочарованию, пришлось довольствоваться лишь тем, что на скамье подсудимых оказался лишь Альфред.

На самом процессе Альфреду инкриминировалось не только использование рабского труда заключенных, но и участие в подготовке ареста и последующего уничтожения барона Ротшильда. Последнее обвинение явно перевешивало первое по своей значимости в глазах Международного Трибунала. Мировая закулиса таким образом мстила тому, кто еще совсем недавно представлял для нее серьезную угрозу.

Обвинение было зачитано 31 июля 1948 года. Этот документ заключал в себе 60 000 слов. В частности, в нем указывалось, что «огромный спрут, фирма «Фридрих Крупп», расположенная в основном в Эссене, быстро распростерла свои щупальцы, которые давали знать о себе в каждом агрессивном действии вермахта. Фирма буквально присосалась к телу Германии... Эта организация смогла разрастись до необычайных размеров лишь благодаря личным связям владельцев концерна с самим Гитлером. Отношения, которые были установлены между Круппом, с одной стороны, и правительством рейха — с другой, создали чудовищный альянс. Деятельность фирмы в военное время была основана на разграблении экономики оккупированных стран и бесчеловечной эксплуатации огромного количества невольников, состоявших из иностранных рабочих и заключенных концлагерей».

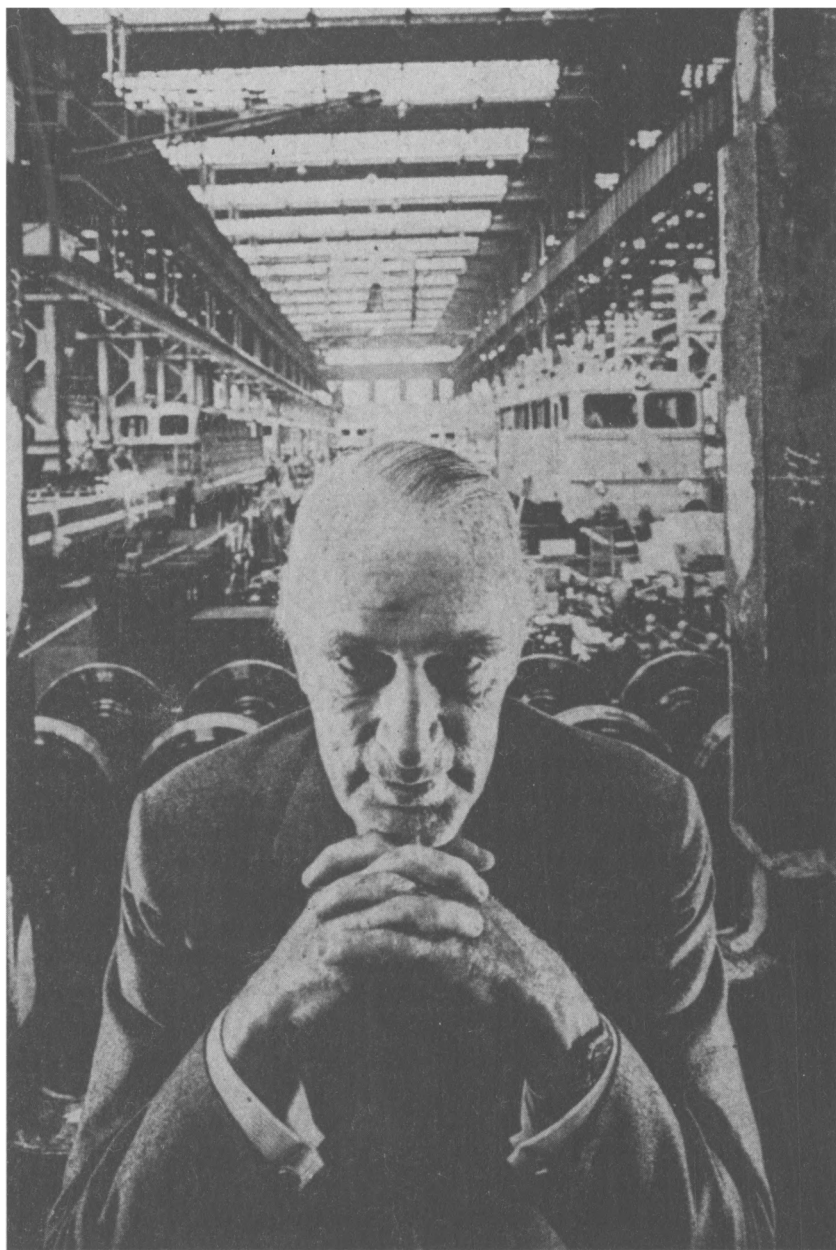
После того как обвинение было зачитано, судья Андерсон заявил, что трибунал готов вынести окончательный приговор. Тогда настала очередь судьи Дали, который scomандовал: «Подсудимый Альфред Феликс Алвин Крупп фон Болен унд Гальбах, встаньте!». Альфред поднялся. Наступила тяжелая пауза. Затем Дали прочитал: «На основании обвинительного акта трибунал приговаривает Вас к тюремному заключению сроком на двенадцать лет с лишением Вас всего, принадлежавшего некогда Вам имущества, включающего как недвижимость, так и личное имущество». В указанный срок заключения было включено и время, проведенное Альфредом в тюрьме, начиная с 11 апреля 1945 года. Свой приговор судья закончил словами: «Заклученный, сядьте».

Альфред с трудом подчинился последнему указанию. Очевидцы рассказывали, что сам приговор и даже двенадцатилетний срок тюремного заключения Крупп воспринял не моргнув глазом. Никакого иного исхода он и не ожидал. Создавалось впечатление, будто все это шоу никак его не касалось. Но потеря состояния была совсем другим делом. Очевидец утверждал, что как только были произнесены слова, касающиеся собственности, обвиняемый сделался белее снега. Казалось, что Альфред вот-вот упадет в обморок. Даже официальные прокуроры были поражены окончательной редакцией приговора. Они не настаивали на полном лишении собственности. Могущественнейший магнат в один миг превратился в самого обыкновенного человека, лишенного каких бы то ни было средств к существованию.

Однако Альфред довольно скоро оправился от удара. На одной из тюремных фотографий мы видим его уже не в элегантном костюме в полоску, а в тюремной робе. Вместе с двумя другими своими сокамерниками, подчиненными Альфреда, которые также получили свой срок, бывший магнат с азартом играет в скат, только на этот раз объектив зафиксировал в качестве выигрыша не толстые пачки банкнот, а кучки спичек, в тюрьме вещь не менее важную, чем деньги.

В первую неделю августа 1948 года Круппа перевезли в тюрьму Ландсберг, в которой до этого отбывал заключение сам Гитлер. Судьба еще раз свела эти две исторические личности в одном месте. Дух фюрера, казалось, не хотел расставаться с Круппами и после смерти.

Впрочем, свое пребывание в Ландсберге Альфред называл в последствии каникулами. Еда оказалось сносной и даже временами роскошной по меркам послевоенной разрухи. Библиотека на-

Альфред Крупп перед смертью

считывала не один десяток тысяч томов, не было отказа в бумаге и чернилах, к тому же любимые американские сигареты поставлялись сюда в избытке.

Неожиданно для себя самого Альфред впал в странную сентиментальность. Ему, как и всякому заключенному, захотелось вдруг женского общества. Но его письма, адресованные старой любви Аннелиз, матери единственного сына Арндта, хотя и отличались вежливостью, но оказались неожиданно холодны и бесцветны. Когда же Аннелиз сама появилась в Ландсберге, то Крупп встретил свою бывшую возлюбленную очень вежливо, но при этом дал понять, что более близкие отношения между ними вряд ли когда-нибудь будут возможны. Переписка Альфреда с ближайшей подругой Аннелиз отличалась большей теплотой и нежностью. Эта женщина была из разряда самых обыкновенных куриц, мир которой ограничивался кухней и пошлым бытом. Агрессивная мещанка Вера Хоссенфелд по непонятным причинам сделалась избранницей утонченного узника. Они буквально засыпали друг друга письмами. Но перспектива двенадцатилетнего заключения вряд ли могла способствовать длительному существованию этой эпистолярной страсти. Однако уже в 1950 году Круппу было позволено выйти из тюрьмы по весьма плачевному поводу, а еще через год его неожиданно выпустили совсем, забыв все прежние обиды.

Дело в том, что 16 января 1950 года скончался Густав. Именно в этот день Крупп-старший сделал свое последнее слабое движение головой. Берта взяла супруга за руку, чтобы пощупать пульс. Но слабое движение оказалось простой конвульсией. Рука начала заметно холодеть, и пульса уже никакого не было.

Похороны вызвали немало проблем, одна из которых заключалась в том, что родственники не знали, где можно было бы осуществить захоронение. Теперь Круппам не принадлежало ни одного клочка земли на территории Германии. В полном смысле этого слова они стали изгоями. Берта за пять лет непрерывного ухода за больным мужем чувствовала себя настолько подавленной, что оказалась абсолютно бессильной в этой отчаянной ситуации. Все заботы взял на себя Бертольд. Он и предложил осуществить кремацию непосредственно в Зальцбурге. Это казалось единственно возможным выходом из создавшегося положения.

Одному из фотографов журнала «Лайф» удалось сделать очень выразительный снимок, который в течение недели облетел весь мир. На этом снимке мы видим саму Берту. У нее в руках находится

урна с прахом мужа. Рядом стоит Бертольд. Старший, Альфред, мог получить разрешение покинуть тюрьму лишь в том случае, когда будет окончательно определено место похорон. Лишь в последний момент Бертольд вспомнил, что у них осталось ничтожно малое поместье в Бадене. Его еще не успели конфисковать союзники. Уже давно никто из представителей клана не жил на этой богом забытой земле. Там Густаву и суждено было обрести наконец вечный покой.

Всем казалось, что некогда могущественные Круппы уже никогда не смогут обрести прежние позиции. Но чудо все-таки свершилось, и ровно через год Альфреда не только отпустили, но и восстановили во всех правах собственности, по сути дела вернувшись к закону Гитлера.

Внезапно начавшаяся корейская война кардинально изменила все прежние планы союзников относительно Круппа и его концерна. В конце второй мировой войны союзники по антигитлеровской коалиции пришли к соглашению, что русские разоружают японские войска в северной части страны, а американцы — в южной. Организация Объединенных Наций имела намерение предоставить Корею полную независимость. С этой целью в конце 1947 года в страну была направлена комиссия ООН для организации общенациональных выборов. К этому моменту, впрочем, «холодная война» уже была в полном разгаре, и русские отказались признать полномочия комиссии в своей зоне оккупации.

Тем не менее в южной части Кореи под наблюдением комиссии ООН состоялись выборы, и в августе 1948 года было создано государство Южная Корея во главе с президентом Ли Сын Маном. В ответ русские устроили в Северной Корее собственные выборы, и в сентябре 1948 года к власти пришел Ким Ир Сен, который оставался лидером страны вплоть до своей кончины в июле 1994 года. После этого Россия вывела свои войска, а в июле 1949 года то же самое сделали и американцы. Русские, однако, оставили северокорейскую армию гораздо лучше вооруженной, чем ее южный сосед. Было также ясно, что между обеими странами ожидать большой любви не придется.

Менее чем через год, 25 июля 1950 года, северокорейские войска предприняли неожиданную атаку и пересекли 38-ю параллель, по которой проходила государственная граница между двумя вновь образованными странами. Северяне решили объединить Корею под властью Ким Ир Сена.

Плохо вооруженные и слабо обученные южнокорейские войска не сумели дать отпор агрессии с севера. Через три дня столица

страны сдалась на милость северокорейских войск, которые продолжали наступать на юг широким фронтом. Южная Корея обратилась за помощью к ООН. Так получилось, что Советский Союз с января 1950 года отказался участвовать в работе ООН из-за присутствия представителя националистического режима Чан Кайши в качестве постоянного члена Совета Безопасности. Поэтому русские не смогли воспользоваться своим правом вето. После того как ультиматум ООН о выводе войск был проигнорирован Северной Кореей, Совет Безопасности призвал государства — члены Совета оказать военную и иную помощь Южной Корее.

Американские военно-морские и военно-воздушные силы незамедлительно начали развертывание, а 1 июля 1950 года первые контингенты сухопутных войск США под флагом НАТО, переброшенные по воздуху из Японии, прибыли в Пусан, порт на крайней юго-восточной оконечности Корейского полуострова. Дополнительные контингенты в течение следующих нескольких дней прибыли морем и двинулись на север с целью остановить наступление Северной Кореи. Однако они были слишком слабы и вскоре вместе с южнокорейскими войсками обратились в бегство. К концу июля вся Южная Корея, за исключением юго-восточных районов вокруг порта Пусан, была захвачена северокорейскими войсками.

В это время генерал Дуглас Макартур, возглавлявший кампанию союзников против японцев в юго-западном районе Тихого океана, был назначен Верховным главнокомандующим войсками ООН. Он организовал массивную оборону Пусанского периметра и к концу августа добился двойного численного превосходства над северокорейскими войсками. Настало время решительно го контрнаступления.

Макартур выработал дерзкий план. Воспользовавшись своим опытом военных действий на тихоокеанском театре, он приказал осуществить высадку морского десанта в Инчхоне на крайнем северо-западе Корейского полуострова. Эта высадка имела своей целью отвлечь внимание северокорейцев от юго-восточного региона и в случае успеха должна была обеспечить прорыв Пусанского периметра.

Инчхонская десантная операция началась 15 сентября. В выбросе десанта участвовали американские и южнокорейские морские пехотинцы, которые застigli северокорейцев врасплох, и на следующий день Инчхон был взят. Затем в район боев была переброшена американская пехотная дивизия. Американцы развернули наступление вглубь южнокорейской территории и 28 сентября освободили Сеул.

Тем временем 19 сентября начался прорыв Пусанского периметра. Это наступление окончательно внесло сумятицу в ряды северо-корейцев, и 1 октября их войска обратились в беспорядочное бегство через 38-ю параллель. Но силы ООН, исполненные решимости нанести Северной Корее сокрушительный удар, не остановились на границе, а устремились в глубь враждебной территории. Вскоре они вошли в Пхеньян. А еще через девять дней силы ООН вышли к реке Ялуцзян, на границу с Китаем.

Столь стремительное изменение обстановки обеспокоило коммунистическое правительство Мао Цзэдуна. Китай предупредил ООН о посылке в Северную Корею своих вооруженных сил, и в течение октября 180 000 китайских солдат скрытно и быстро были переброшены через границу. Настала холодная зима. 27 ноября китайцы осуществили внезапное нападение на силы ООН, быстро обратив их в беспорядочное бегство. К концу декабря китайские войска вновь вышли к 38-й параллели. Здесь их пытались удержать американцы, но под сильным давлением вынуждены были отойти еще дальше к югу.

Сеул вновь пал. Через какое-то время китайские войска все-таки удалось отодвинуть за всю ту же пресловутую 38-ю параллель.

К концу апреля 1951 года китайцы предприняли очередное наступление. Им удалось проникнуть в Южную Корею, несмотря на тяжелые потери. И вновь силы ООН контратаковали и оттеснили китайцев к рубежам в двадцати-тридцати милях севернее 38-й параллели.

На этой стадии войны в стане ООН наступил раскол. Генерал Макартур, которого считали лучшим солдатом за всю историю Америки, хотел нанести удар, как он выражался, по китайскому «святылищу» — району к северу от реки Ялуцзян, служившему своеобразным трамплином для китайских наступательных операций. Он был готов даже применить ядерное оружие. Президент Трумэн ужаснулся такой перспективе, опасаясь, что это спровоцирует Советский Союз нанести ядерный удар по Западной Европе и начать Третью мировую войну. Поэтому президент вынужден был отозвать Макатура, а воевать оставалось лишь обычными средствами, и эти средства в американской армии оказались не столь эффективными.

В результате обе стороны перешли к позиционной войне, которая во многих отношениях напоминала положение на Западном фронте в 1915—1917 годах. Оборонительные рубежи с обеих сторон

представляли собой заграждения из колючей проволоки, траншеи с брустверами из мешков с песком, глубокие блиндажи. Во время корейской войны американцы на себе испытали, что такое бронированная мощь русских танков. Пришло время вспомнить, что именно Круппу удалось создать на своих заводах «Тигры» и «Пантеры», которые не без успеха противостояли русской бронированной громаде.

И тогда естественно встал вопрос о скором освобождении бывшего нацистского преступника, тем более что такие прецеденты уже случались с американским правительством. Так, например, знаменитый создатель ракет ФАУ-1 и ФАУ-2 Вернер фон Браун позднее стал отцом американских космических исследований. Судя по всему, Альфреду Круппу отводилась та же роль. Он должен был помочь вооружить американцев новыми моделями танков.

К этому времени ответственным за военных преступников в американской зоне влияния стал вместо непримиримого генерала Клея Джон Маккалой. Маленького роста, очень подвижный и напористый, этот нью-йоркский банкир быстро понял, что без Круппа и его стали трудно будет сдержать бронированную мощь русских. Он также понял, что Корея в этом противостоянии может быть лишь началом. Дж. Маккалой был весьма уважаемым человеком в публичных кругах Америки и известным масоном. Его напор и энергии мало кто мог противостоять. Решив во что бы то ни стало выпустить Альфреда Круппа на свободу и восстановить магната во всех правах собственности, нью-йоркский банкир буквально шел на пролом.

Корейская война и военные успехи так называемого азиатского коммунизма вызвали в западном мире настоящую панику. Все вдруг вспомнили про промышленную рейнскую зону, которая, подобно китайской стене, надежно охраняла западный мир от так называемого славянского нашествия. Борьба за пресловутую 38-ю параллель в Корее могла стать сценарием борьбы за окончательный передел ослабленной послевоенной Западной Европы.

Уже в 1950 году НАТО начинает всерьез обсуждать план вооружения самой Германии. Поначалу Англия и Франция выразили по этому поводу серьезный протест, но Америка продолжала настаивать на своем, так как огромное количество американских солдат продолжало гибнуть в Корее. Эта война обошлась обеим сторонам почти в два с половиной миллиона убитых и раненых.

Круппа не только досрочно выпустили из тюрьмы, но американцы, по сути дела, восстановили действие знаменитого закона Гитлера, в соответствии с которым только Альфред мог быть полновластным хозяином на сталелитейных заводах в Эссене.

Холодным февральским утром 1951 года Крупп вышел за ворота тюрьмы, накинув на плечи шерстяное пальто, любезно подаренное комендантом, и отправился в магазин, торгующий дорогими спортивными автомобилями. В новеньком белоснежном «порше», сделанном конструктором, который еще совсем недавно трудился в КБ Альфреда над чертежами немецких танков, Крупп прикатил на пресс-конференцию.

Как некогда и его отец Густав после первой мировой войны, Альфред стал производить сверла, точильные станки и зубные протезы (последние охотно покупала Советская Россия). Оставалось только догадываться, из какого материала были сделаны эти вставные зубы. Улыбка волка, спрятавшегося под овечьей шкурой, продолжала витать над Европой наподобие знаменитой улыбки Чеширского Кота.

Помимо скрытых военных заказов для нужд НАТО вновь восстановленный концерн начал производить и оборудование для атомных станций. Фирма занялась и разработкой разнообразных ноу-хау.

Через год Альфред решил жениться, но не на Аннелиз, матери его единственного сына Арндта, а на ее ограниченной пошлой подруге, с которой во время заключения продолжал обмениваться нежными письмами. Чтобы репортеры об этом не разузнали и не проникли в церковь, молодожены приехали на бракосочетание в фургончике с надписью «Хлеб». Альфред подарил супруге «кадиллак» и букет пионов, но вместе они прожили всего четыре года: в суде жена заявила, что ее муж отказывался выполнять супружеские обязанности. В ответ адвокаты Альфреда обнародовали тот факт, что экс-супруга крутила роман с главным менеджером компании. В результате нахальная подруга Аннелиз, которая решила занять место единственной истинной любви Альфреда, не получила ни гроша.

Поняв, что тихая семейная жизнь не для него, Альфред купил себе «ягуар», к спортивным машинам он всегда испытывал особую нежность, и отправился на ралли по Западной Африке.

29 марта 1956 года Берта Крупп отпраздновала свое семидесятилетие, и самым лучшим для нее подарком было возвращение из

сибирского плена одного из ее сыновей, Гаральда, которого давно уже считали погибшим. Гаральд словно восстал из мертвых в отличие от двух других своих братьев, Клауса и Экберта. Этим детям не пожалела Большая война, во многом подготовленная Густавом, их отцом. Смерть младшего Экберта в Италии в самом конце войны была для матери, может быть, самой большой потерей. Очевидцы рассказывали, будто младший Крупп отбилсЯ от основных частей и вынужден был в одиночку пробираться к своим через враждебные поселения. Убили Экберта в карликовом государстве Сан-Марино, на самой вершине горы Титан. Создавалось впечатление, будто неведомые силы решили принести эту жертву Молоху на одной из самых высоких точек во всей Италии и в одном из красивейших мест мира.

По традиции Берта всегда считалась некоронованной королевой. Как к королеве к ней относились не только в Руре, но и по всей Германии. В ее честь называли самые страшные и мощные орудия, а также пикирующие бомбардировщики, наводящие панический ужас на врага. Но этот навязанный Берте образ древней германской воительницы, видно, сделался необычайно обременительным для семидесятилетней женщины, потерявшей двух сыновей и мужа. В несокрушимой некогда Берте все чаще и чаще начинала проявляться обыкновенная старческая слабость и вполне понятная усталость от жизни, устроенной по раз и навсегда заведенным правилам.

Через год, в 1957-м, эта вконец уставшая от мужских забот женщина тихо скончалась. Ее смерть стала знаменем общего заката фирмы, которая внешне находилась на самом пике процветания. Вообще, уже в начале 60-х Альфред был чуть ли не самым богатым и влиятельным промышленником на Общем рынке. Его могло забить лишь одно обстоятельство — собственный сын Арнд, который считался единственным наследником. Кажется, юный Крупп и не собирался посвящать свою жизнь заботам фирмы, предпочитая сорить деньгами и вести жизнь международного playboy'a.

В этой критической ситуации Альфреду ничего не оставалось, как только учредить благотворительный фонд имени Фридриха Круппа, который и по сей день распоряжается делами фирмы. Но именно в этот момент сам Крупп как бы представляет мощь всей Европы. Являсь до учреждения благотворительного фонда единственным владельцем корпорации, Альфред концентрирует в своих руках производство почти всех стратегических товаров в Европе. Его заводы находятся на третьем месте в мире по производству ста-

ли после США и СССР. В его личном владении имеется атомный флот из трех ледоколов. Ассортимент выпускаемых товаров включает почти 4000 наименований. Крупп — один из четырех производителей обогащенного урана 235, которым начинают ядерные реакторы электростанций и бомбы. Благодаря этому ему под силу сделать ядерное оружие. На его заводе изобретен новый металл — титан, сверхпрочность и легкость которого совершает революцию в авиастроении. В секретных КБ Круппа идут испытания космических аппаратов. В наиболее смелых прогнозах того времени концерну Круппа отводили третье, а то и второе место в череде сверхдержав США и СССР.

Столь бурный рост, естественно, вызвал ревность конкурентов и, в частности, мировой закулисы, стараниями которой Альфред не только был раньше срока выпущен на свободу, но и восстановлен в правах собственности. Масоны вдруг меняют свое отношение к Круппу и начинают ему припоминать сотрудничество с фашистами. Они разоблачают и арестовывают начальника службы безопасности, который оказался не кем иным, как самим Отто Skorцени (крупнейшим спецназовцем СС).

Альфред начинает терять присутствие духа и делает одну ошибку за другой. Он продолжает брать кредиты. Банки, особенно германские, охотно выделяют ему средства, но уверенность в кредитоспособности Круппа уже поколеблена.

Умер Альфред в 10 часов вечера в воскресенье 30 июля 1967 года при весьма загадочных обстоятельствах. Одни свидетели утверждали, что видели его «порше» у коттеджа в парке Хёгель, другие говорили, что не видели никакой машины. С момента скандальной смерти Фрица Круппа в прессе, пожалуй, не появлялось еще столько противоречивых слухов о причинах внезапной кончины могущественнейшего человека Германии. По одним данным, медики утверждали, что Альфред еще за несколько месяцев до своей кончины был абсолютно здоров, по другим — он страдал неизлечимой болезнью, раком легких, которую приобрел благодаря своей патологической страсти к американским сигаретам. Поговаривали также о возможном самоубийстве и даже отравлении. Мол, предвидя финансовый крах, предусмотрительный Альфред обсудил с сыном Арндом проблему и с помощью юристов составил завещание так, что после его смерти гигантские долги концерна аннулировались.

По последнему распоряжению Круппа, все заводы были проданы, а вырученные деньги обращены в пожизненную ренту в 500 000

долларов ежегодно для его наследника. Отцовские чувства все-таки взяли верх. Кредиторам же на вполне законных основаниях не доставалось ничего. Жить уже было незачем, и печальный исход, таким образом, был предreshен.

Но как бы там ни было, а похороны магната в соответствии с незыблемыми семейными традициями были осуществлены по всем правилам не столько христианского, сколько языческого обряда, унаследованного из темных времен древних германцев.

Открытый гроб поставили в центре самого большого зала в родовом замке Хёгель. У изголовья зажгли огромную свечу. По бокам гроба встали групповские рабочие, одетые, как воины, в соответствующую униформу, на голове у них оказались пышные головные уборы, украшенные огромными черными перьями. Когда после прочтения официальных телеграмм гроб взяли четверо рабочих и вынесли под дождь на улицу, то его пронесли сквозь огромный строй шахтеров, рабочих-сталелитейщиков, которые демонстративно держали в руках орудия труда наподобие мечей древних воинов. И при этом никаких богослужений, никаких молитв и церквей. Так завершил свой жизненный путь Альфред Крупп, и так его предали земле на семейном кладбище.

ЭПИЛОГ

В сердце Рура, в Эссене, особо почетным гостям мэр до сих пор показывает главную достопримечательность города: регистрационную книгу предпринимателей. В ней под 1587 годом стоит собственноручная запись Арндта Первого об открытии дела Круппа, а под 1967 годом запись Арндта Тринадцатого о его закрытии. Но благотворительный фонд имени «Фридриха Круппа» существует и по сей день, и под этим именем в Германии успешно развивается уже немало промышленных предприятий. Сюда следует добавить, что относительно недавно Германия вновь объединилась. Имя же, как известно, и есть миф. Имя Круппа для любого немца — это воплощение даже не одного, а очень многих воинственных тевтонских мифов. Раз имя сохранилось, то в любой момент оно может вновь вызвать из небытия немало темных сил, чтобы помочь немцам совершить еще одну попытку установить в Европе так называемый День Германии.

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ Наковальня Рейха, или Лед и Огонь	15
ГЛАВА ВТОРАЯ Тайна тигельной стали	40
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Пришествие Короля	63
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Запах пороха	96
ГЛАВА ПЯТАЯ Королевская свадьба	107
ГЛАВА ШЕСТАЯ Предвестие большой войны	116
ГЛАВА СЕДЬМАЯ Война и замок	127
ГЛАВА ВОСЬМАЯ «Люди не должны знать, кто я»	144
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Пир накануне Чумы (1912 год)	154
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Несколько жизней Фрица Круппа	164
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Восстание масс	192
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Шествие Вельзевула	206
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ Туман войны	221
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Подсчитанная смерть	236
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ Медвежья услуга подводных лодок Круппа	251
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ Круппы платят сполна	261

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ Первые уроки ораторского мастерства	272
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ «Они ничего не знали об этом»	282
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ Гитлер и немецкий романтизм	294
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ Немецкое недоумование	304
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ Как опасно не давать детям играть в их любимые игры	314
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ Мы наняли Гитлера	324
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ «Ночь длинных ножей»	343
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Король умер. Да здравствует король!	351
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ Ритуальное убийство	362
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ «Кто эти люди?»	373
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ Немецкая сталь и порядок против русского пространства	382
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ «Восстановлю фабрики и налажу прежнее производство»	392
ЭПИЛОГ	412

*Научное издание
Учебное пособие*

ЖАРИНОВ Евгений Викторович

**НАЦИЯ И СТАЛЬ.
ИСТОРИЯ СЕМЬИ КРУППОВ**

**Монография
Учебное пособие по курсу
«Культурология»**

*Дизайн обложки А. Луков
Редактор В. Луков
Компьютерная верстка Н. Матякина*

ЛР №02183 от 30.06.00.

Подписано в печать 17.05.01 г.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Печ. л.26.

Тираж 5000 экз. Заказ 333.

Издательский центр Гуманитарного института
телевидения и радиовещания

им. М.А. Литовчина (ГИТР)

109180 Москва, Бродников пер., д. 3

Отпечатано в ООО «Типография ИПО
профсоюзов Профиздат»

109044 Москва, Крутицкий вал, д. 18.

ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ им. М. А. ЛИТОВЧИНА

109180, Москва, Бродников пер., д. 3

(м. «Полянка»)

Internet: www.gitr.ru

238 5549

238 1975

Государственная лицензия № 16-733

Государственная аккредитация № 25-О884

Институт готовит специалистов
для теле- и радиокompаний на факультетах:

ТЕЛЕРАДИОЖУРНАЛИСТИКИ

Журналист ТВ и РВ

РЕЖИССУРЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И МУЛЬТИМЕДИА

Режиссер ТВ, мультимедиа, рекламы, анимации

ЗВУКОРЕЖИССЕРСКОМ

Звукорежиссер ТВ и РВ

КИНОТЕЛЕОПЕРАТОРСКОМ

Оператор ТВ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОСТАНОВОЧНОМ

Художник-постановщик ТВ,

художник компьютерной графики,

телевизионный и компьютерный дизайн

МЕНЕДЖМЕНТА

И ПРОДЮСЕРСКОГО МАСТЕРСТВА

Менеджер ТВ и РВ

Вступительные экзамены (июль–август) —

собеседование, творческий конкурс;

сочинение или диктант.

Обучение платное.

Формы обучения — очная, заочная;

Высшие творческие курсы,

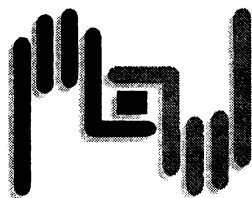
подготовительное отделение.

Практика на ТВМ, ОРТ, РТР, ТВЦ, ТВ-6, Радио-1, Маяк...

Участие в крупных телевизионных событиях:

TRBE, ТЭФИ, Аниграф, Cable & Satellite Russia...

Техническое содействие — Philips broadcast, I. S. P. A.

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ Наковальня Рейха, или Лед и Огонь	15
ГЛАВА ВТОРАЯ Тайна тигельной стали	40
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Пришествие Короля	63
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Запах пороха	96
ГЛАВА ПЯТАЯ Королевская свадьба	107
ГЛАВА ШЕСТАЯ Предвестие большой войны	116
ГЛАВА СЕДЬМАЯ Война и замок	127
ГЛАВА ВОСЬМАЯ «Люди не должны знать, кто я»	144
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Пир накануне Чумы (1912 год)	154
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Несколько жизней Фрица Круппа	164
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Восстание масс	192
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Шествие Вельзевула	206
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ Туман войны	221
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ Подсчитанная смерть	236
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ Медвежья услуга подводных лодок Круппа	251
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ Круппы платят сполна	261

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ Первые уроки ораторского мастерства	272
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ «Они ничего не знали об этом»	282
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ Гитлер и немецкий романтизм	294
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ Немецкое недомогание	304
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ Как опасно не давать детям играть в их любимые игры	314
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ Мы наняли Гитлера	324
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ «Ночь длинных ножей»	343
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Король умер. Да здравствует король!	351
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ Ритуальное убийство	362
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ «Кто эти люди?»	373
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ Немецкая сталь и порядок против русского пространства	382
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ «Восстановлю фабрики и налажу прежнее производство»	392
ЭПИЛОГ	412

Евгений Викторович ЖАРИНОВ — доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы МПГУ и профессор ГИТРа, автор книг по проблемам массовой культуры, взаимосвязи русской и зарубежной литератур, а также по проблеме тайных обществ — в своей новой работе изучает **ИСТОРИЮ СЕМЬИ КРУППОВ**, анализирует особенности национального менталитета немцев. Для героев книги именно **СТАЛЬ** сделалась воплощением мечты о так называемом Дне Германии, который утвердит власть этой **НАЦИИ** над всей Европой.

ISBN 5-94237-003-6

9 785942 370039 >

НАЦИЯ И СТАЛЬ

ИСТОРИЯ СЕМЬИ КРУППОВ

Е. ЖАРИНОВ ■

ГИТР